

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№11 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №11 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 218.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Т.А. Алпатова</i> ПАСТОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М.КАРАМЗИНА	9
<i>Т.А. Алпатова</i> ПАСТОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ЭТЮДАХ Н.М.КАРАМЗИНА	12
<i>О.В. Афанасьева</i> «АНГЛИЙСКИЕ» РЕЦЕПЦИИ В ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА «ДЕКОРАТОР»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕРТЕКСТА И ПОДТЕКСТА	15
<i>В.Н. Бараков</i> ФИКТИВНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ (АННА РАЗУВАЛОВА О «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ» И ВАСИЛИИ БЕЛОВЕ)	18
<i>А.Д. Батталова, Ф.Х. Завгарова</i> СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДА ПЕРВОГО ВЫГОНА СКОТА У ТАТАР	21
<i>В.В. Борисова, Ю.А. Шишканова</i> ДИАЛОГЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСЛАМА	24
<i>И.А. Еникеев, Р.Р. Валиуллина, Э.Д. Рафикова</i> РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ГОРОДА КАЗАНИ В КОНТЕКСТЕ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ	28
<i>Инь Цзецзе</i> ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В.Г. РАСПУТИНА В КИТАЕ	31
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Г.М. Сахаутдинова, Л.Ш. Хафизова, Р.С. Суфияров, В.Ф. Усманов, У.Ф. Сулейманов, Э.Ф. Якуп, В.Д. Чистонов</i> ПРИНЦИПЫ НАПИСАНИЯ СТАТЕЙ ПО ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ, ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ	36
<i>А.У. Киньябулатов, Г.М. Сахаутдинова, Р.С. Суфияров, С.Г. Аксенов, Л.Ш. Хафизова, В.Ф. Усманов, У.Ф. Сулейманов, В.Д. Чистонов, Э.Ф. Якуп</i> СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СЛОВАРЕЙ И РАЗГОВОРНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	39
<i>О.С. Кудимова</i> К ИСТОРИИ БЛОГА КАК ТИПА МАСС-МЕДИА: ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ В РОССИИ	42
<i>И.Г. Кульсарина, Н.Г. Кульсарин, Ф.Г. Фаткуллина</i> БАШКИРСКО-РУССКИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА)	45
<i>Д.В. Макаров</i> «В ЧЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ» – ИДЕЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»	48
<i>А.Г. Сильчева</i> МАГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»: ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КОД	51
<i>О.Ю. Юрьева, Ван Ланьцзюй</i> ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	54

10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Е.А. Айсакова, Ю.В. Никишина</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-СОЦИОЛЕКТА ЛЮБИТЕЛЕЙ КОШЕК	58
<i>А.О. Артемьева</i> МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	62
<i>Р.К. Ахметгареева</i> РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПОДГОТОВКЕ ЛИНЕЙНЫХ ИНЖЕНЕРОВ С ТВОРЧЕСКИМ СТИЛЕМ МЫШЛЕНИЯ	65
<i>Н.М. Борисова</i> ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ ЯКУТОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ	68
<i>Т.В. Бутенко, М.А. Кузина</i> ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН И СЛОВ-РЕАЛИЙ В РОМАНАХ ДЖЕФФРИ АРЧЕРА И АРТУРА ХЕЙЛИ	71

Р.С. Бытотова, У.А. Даржа К СООТНОШЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ И ТУВИНСКИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ЧАСТЬ 1. РУССКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ	74
А.Х. Вафина, А.Р. Каюмова Г.В. Садыкова ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ: ВЗГЛЯД ПЕДАГОГОВ	78
А.Н. Гарипова, С.Г. Каримова ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	82
А.Р. Гатиатуллин, Д.Ш. Сулейманов О РАЗРАБОТКЕ ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА TATVERVBANK	85
Ф.Ф. Гилемшин РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «КАЛИЛА И ДИМНА», «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ», «ТУТЫНАМЕ» И «РАССКАЗ О СОРОКА ВИЗИРЯХ»)	90
Ф.Ф. Гилемшин ЛЕКСИКА ДИКОЙ ПРИРОДЫ В ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «КАЛИЛА И ДИМНА», «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ», «ТУТЫНАМЕ» И «РАССКАЗ О СОРОКА ВИЗИРЯХ»)	94
А.А. Гимадеева, М.Р. Гараева ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТАРАТЕЛЬНОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ)	98
Н.Е. Горская, В.Е. Глызина, А.В. Федорюк РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ-ТЕРМИНОВ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ “TIME” В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ	101
Д.Л. Гуревич АБСОЛЮТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ БРАЗИЛИИ	104
Э.В. Гусева ПОВТОР В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ)	107
Ю.А. Дубовский, Т.Б. Заграевская ПРОСОДИЯ НА ВОЗРАСТНОМ ПУТИ: ОБРАЩЕНИЕ РЕБЕНКА К ВЗРОСЛОМУ	110
Л.И. Жолудева ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО КУРСА	113
Инь Сюй ГРАММАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.	116
М.С. Исаева ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА	123
А.В. Канеева, Л.А. Бережнова ОСНОВНЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ	127
Е.О. Кондратьева, П.П. Дашинимаева МЕТОД ЛОГОГРАММ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФОРМАЛЬНО-ЛИНЕЙНОГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ	130
Е.Г. Котова, Е.А. Линева, О.Н. Поддубская ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ	135
Е.К. Кузьмина СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ АДМИРАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	138
Е.В. Максименко, Е.В. Сивакова, И.П. Назарова ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА ЕГО ВОСПРИЯТИЕ	141
С.В. Маслечкина НОВЫЙ ДИАЛЕКТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА - KIEZDEUTSCH	144
А.В. Матвеев ИСТОЧНИКИ И ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ ДЕПУТАТОВ-НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ В.М. ПУРИШКЕВИЧА И Н.Е. МАРКОВА)	147

<i>Р.Ф. Мингазетдинова, З.В. Тодосиенко, О.О. Сподарец</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ-ПОЛИСЕМАНТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	151
<i>О.Н. Морозова, С.В. Андросова</i> МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	154
<i>А.П. Мутасова</i> МЕДИАДИСКУРС КНР: СПЕЦИФИКА ОФИЦИАЛЬНОГО И НЕОФИЦИАЛЬНОГО ФОРМАТОВ	161
<i>Джебреил Наджафи, Е.Ф. Киров</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМАМИ О ВАЖНОСТИ РАБОТЫ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ	165
<i>С.Е. Писаренкова, А.А. Писаренков</i> ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА	167
<i>Е.В. Плисов, А.М. Хамидулин</i> ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АРХАИЗАЦИИ НЕМЕЦКОЙ ЛЕКСИКИ	171
<i>Л.С. Полякова, Е.В. Суворова</i> ПРИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	174
<i>О.В. Праченко, Е.С. Хованская, Л.Н. Юзмухаметова</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ ИНОСТРАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)	177
<i>А.В. Проскурина</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ ЛЕКСЕМ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЕГО НОСИТЕЛЕЙ	180
<i>П.Е. Топорков</i> ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	184
<i>П.Е. Топорков</i> ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ В НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ПОДЪЯЗЫКАХ	187
<i>А.В. Уразметова</i> ФИТОТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США	190
<i>Б.Э. Хакимов</i> ОПЫТ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТАТАРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	193
<i>Н.И. Хомутская, В.А. Будкина</i> ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА	198
<i>Н.К. Шангаева, Д.В. Эрдынеева, Д.Д. Эрдынеева</i> ПЕРЕДАЧА ФОРМУЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ БУРЯТСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК	201
АННОТАЦИИ	204

THE RELEASE MAINTENANCE**10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM**

<i>T.A. Alpatova</i> PASTURAL MOTIVES IN THE ARTISTIC STRUCTURE "LETTERS OF THE RUSSIAN TRAVELER" <i>N.M. KARAMZIN</i>	9
<i>T.A. Alpatova</i> PASTURAL MOTIVES IN PROSAIC ETUDES BY <i>N.M. KARAMZIN</i>	12
<i>O.V. Afanasyeva</i> THE "ENGLISH" RECEPTIONS IN THE <i>AKUNIN'S</i> STORY "DECORATOR": THE INTERACTION OF INTERTEXT AND SUBTEXT	15
<i>V.N. Barakov</i> FICTITIOUS OBJECTIVITY (<i>ANNA RAZUVALOVA</i> ABOUT "RURAL PROSE" AND <i>VASILY BELOVO</i>)	18
<i>A.D. Battalova, F.H. Zavgarova</i> STRUCTURAL FEATURES OF THE TATAR RITE FOR THE FIRST GRAZING	21
<i>V.V. Borisova, Yu.A. Shishkanova</i> ON DIALOGUE OF THE RUSSIAN LITERATURE WITH ISLAM	24
<i>I.A. Enikeev, R.R. Valiullina, E.D. Rafikova</i> RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF THE CITY OF KAZAN IN THE CONTEXT OF TATAR LITERARY CRITICISM	28
<i>Yin Jiejie</i> THE STUDY OF WORKS BY VALENTIN G. RASPUTIN IN CHINA	31
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, G.M. Sakhautdinova, L.Sh. Khafizova, R.S. Sufiyarov, V.F. Usmanov, U.F. Suleymanov, E.F. Yakup, V.D. Chistonov</i> PRINCIPLES OF WRITING ARTICLES ON HEALTHY LIFESTYLE, PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN BASHKIR ENCYCLOPEDIA	36
<i>A.U. Kinyabulatov, G.M. Sakhautdinova, R.S. Sufiyarov, S.G. Aksenov, L.Sh. Khafizova, V.F. Usmanov, U.F. Suleimanov, V.D. Chistonov, E.F. Yakup</i> CREATION OF NATIONAL MEDICAL DICTIONARIES AND CONVERSATIONS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN	39
<i>O.S. Kudimova</i> TO THE HISTORY OF BLOG AS A MASS MEDIA: THE APPEARANCE OF POLITICAL BLOGS IN RUSSIA	42
<i>I.G. Kulsarina, N.G. Kulsarin, F.G. Fatkullina</i> BASHKIR-RUSSIAN ETHNIC LINKS IN FOLKLORE AND LITERATURE (ON THE MATERIAL OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)	45
<i>D.V. Makarov</i> "IN WHAT THERE IS ORTHODOXY" - THE IDEA OF NOVEL <i>FYODOR DOSTOYEVSKY</i> "CRIME AND PUNISHMENT"	48
<i>A.G. Silcheva</i> THE MAGIC REALITIES IN THE NOVEL "POCHERK LEONARDO" BY <i>DINA RUBINA</i> : THE GOSPEL CODE"	51
<i>O.Yu. Yureva, Van Lasnzuj</i> THE FEMALE CHARACTERS IN THE NOVEL <i>L. N. TOLSTOY</i> "WAR AND PEACE" IN LIGHT OF THE IDEAS OF CHINESE PHILOSOPHY	54

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

<i>E.A. Aysakova, J.V. Nikishina</i> THE LANGUAGE FEATURES OF THE INTERNET LANGUAGE OF CAT LOVERS	58
<i>A.O. Artemjeva</i> RESEARCH SOLUTIONS SELF-DIFFUSION OF ELECTROLYTES IN NONAQUEOUS NANOCARBON DISPERSION MATRICES	62
<i>R.K. Akhmetgareyeva</i> THE ROLE AND IMPORTANCE OF FOREIGN LANGUAGES IN THE TRAINING OF LINEAR ENGINEERS WITH CREATIVE STYLE OF THINKING	65
<i>N.M. Borisova</i> PHONETIC CHANGES OF VOWEL SOUNDS IN BORROWED VOCABULARY OF YAKUT-SPEAKING NEWSPAPERS	68
<i>T.V. Butenko, M.A. Kuzina</i> ALLUSIONS AND CULTURE-BOUND WORDS IN THE NOVELS BY <i>JEFFREY ARCHER</i> AND <i>ARTHUR HAILEY</i>	71

<i>R.S. Butotova, U.A. Darzha</i> TO THE RELATION OF THE LANGUAGE MEANINGS OF THE RUSSIAN AND TUVIN DEFINITIONS OF PRONOUNS PART 1. RUSSIAN RELATIVE AND SELECTIVE PROSPECTS AND THEIR POSSIBLE CONFORMITY IN THE TUVIAN LANGUAGE	74
<i>A.H. Vafina, A.R. Kayumova, G.V. Sadykova</i> THE AFFORDANCES OF MULTIMODAL ONLINE RESOURCES FOR VERY YOUNG LEARNERS OF RUSSIAN: EDUCATORS' VIEWS	78
<i>A.N. Garipova, S.G. Karimova</i> LINGUISTIC AND CULTURAL CODES AND THEIR ACTUALIZATION IN THE LANGUAGE OF MEDIA	82
<i>A.R. Gatiatullin, D.Sh. Suleymanov</i> ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE ELECTRONIC RESOURCE TATVERBBANK	85
<i>F.F. Gilemshin</i> RELIGIOUS VOCABULARY IN TRANSFER PRODUCTS OF THE END OF THE XIX - BEG. XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS "KALILA AND DIMNA", "THOUSAND AND ONE NIGHT", "TUTYNAM" AND "STORY ABOUT FORTY VISIES")	90
<i>F.F. Gilemshin</i> THE LEXIS OF THE WILD NATURE IN THE TRANSLATED WORKS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE FAIRY TALES "ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS», "KALILA AND DIMNA", "TUTI- NAMA" AND "THE STORY OF THE FORTY VIZIERS")	94
<i>A.A. Gimadeeva, M.R. Garaeva</i> LEXICAL – SEMANTIC ASPECT OF THE CONCEPT "DILIGENCE" (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND TATAR PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-ZOONIM)	98
<i>N.E. Gorskaya, V.E. Glyzina, A.V. Fedoryuk</i> THE ROLE OF ENGLISH DEVERBATIVE TERMS WITH THE SEMANTIC COMPONENT "TIME" IN INDUSTRIAL COMMUNICATION	101
<i>D.L. Gurevich</i> ABSOLUTE CONSTRUCTIONS IN BRAZILIAN PORTUGUESE	104
<i>E.V. Guseva</i> REPETITION IN STRUCTURE OF THE FOLKLORE TEXT (ON THE MATERIAL OF MARI INCANTATIONS)	107
<i>U.A. Dubovsky, T.B. Zagrayevskaya</i> PROSODY IN MAN'S LIFE PROGRESS: A CHILD ADDRESSING AN ADULT	110
<i>L.I. Zholudeva</i> HISTORY OF ITALIAN: APPROACHES TO STRUCTURING THE MATERIAL OF A UNIVERSITY COURSE	113
<i>Yin Xu</i> GRAMMATICAL DICTIONARIES OF CHURCH SLAVONIC OF THE LATE XVI – EARLY XVII CENTURIES	116
<i>M.S. Isayeva</i> LINGUO-RHETORIC CHARACTERISTICS OF BUSINESS DISCOURSE	123
<i>A.V. Kaneeva, L.A. Beezhnova</i> MAIN TRANSLATIONAL TRANSFORMATIONS FOR LINGUCULTURAL REINTERPRETATION FOR FILMS TITLES TRANSLATION	127
<i>E.O. Kondrateva, P.P. Dashinimaeva</i> AVOIDING FORMAL-LINEAR REFRACTION USING LOGOGRAMS IN TRANSLATION PROCESS	130
<i>E.G. Kotova, E.A. Lineva, O.N. Poddubskaya</i> LINGO-CULTURAL METAPHOR TRANSLATION STRATEGIES	135
<i>E.K. Kuzmina</i> THE MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF ADMIRATION IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	138
<i>E.V. Maksimenk, E.V. Sivakova, I.P. Nazarova</i> THE INFLUENCE OF CHARACTERISTICS OF THE ADVERTISING TEXT ON ITS PERCEPTION	141
<i>S.V. Maslechkina</i> NEW DIALECT OF GERMAN LANGUAGE - KIEZDEUTSCH	144
<i>A.V. Matveev</i> SOURCES AND FUNCTIONS OF PRECEDENT IN THE RHETORIC OF DEPUTIES-NATIONALISTS OF THE EARLY XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF PURISHKEVICH AND MARKOV)	147
<i>R.F. Mingazetdinova, O.O. Spodarets, Z.V. Todosienko</i> MEANING RELATIONS IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF POLYSEMANTIC SUBSTANTIVES DENOTING «PHYSICAL PROCESS» IN THE ENGLISH LANGUAGE	151

<i>O.N. Morozova, S.V. Androsova</i> SOFT CONSONANTS IN THE EVENKI LANGUAGE	154
<i>A.P. Mutasova</i> CHINESE MEDIA DISCOURSE: FEATURES OF OFFICIAL AND UNOFFICIAL FORMATS	161
<i>Jebreil Najafi, E.F. Kirov</i> PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE LINGUOCULTUREMES ABOUT THE IMPORTANCE OF WORK IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES	165
<i>S.E. Pisarenkova, A.A. Pisarenkov</i> POWER AND SOCIETY: DISCURSIVE PRACTICES IN THE INTERPRETATION OF HISTORICAL NARRATIVE	167
<i>E.V. Plisov, A.M. Khamidulin</i> DYNAMIC ASPECT OF ARCHAIZATION IN GERMAN VOCABULARY	171
<i>L.S. Polyakova, E.V. Suvorova</i> THE TACTICS OF LANGUAGE GAME IN POLITICAL COMMUNICATION	174
<i>O.V. Pratchenko, E.S. Khovanskaya, L.N. Uzmuhametova</i> PHRASEOLOGICAL UNITS IN FOREIGNER'S SHEECH (IN TV SERIES "NCIS")	177
<i>A.V. Proskurina</i> FUNCTIONING OF THE STEM WORDS IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF THE LINGUISTIC WORLD IMAGE OF HIS NATIVE SPEAKERS	180
<i>P.E. Toporkov</i> VERB-DERIVED PREDICATIVES IN MODERN RUSSIAN	184
<i>P.E. Toporkov</i> CONNOTATION IN NON-LITERARY LANGUAGE VARIETIES	187
<i>A.V. Urazmetova</i> PHYTONYMS AS ELEMENTS OF THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE USA	190
<i>B.E. Khakimov</i> EXPERIENCE OF THESAURUS MODELING OF TATAR IT TERMINOLOGY	193
<i>N.I. Khomutskaya, W.A. Budkina</i> LINGUISTIC CULTURAL INCLUSIONS IN THE TEXTS OF THE STORIES OF VLADIMIR KAMINER	198
<i>N.K. Shangaeva, D.V. Erdyneeva, D.D. Erdyneeva</i> TRANSLATION OF FORMULAR CONSTRUCTIONS OF BURYAT FOLK FAIRTALES INTO FRENCH LANGUAGE	201
ABSTRACTS	204

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.00

Т.А. Алпатова д-р филол. наук

Московский государственный областной университет,
Факультет русской филологии,
кафедра русской классической литературы,
Москва, alpatova@mgou.ru

**ПАСТОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ
«ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М.КАРАМЗИНА**

В статье рассматриваются пасторальные мотивы в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина, которые формируют особый нравственно-философский «сюжет» книги. Его итог – возможность выразить особый аспект карамзинской концепции мира и человека. В ее основе братское единение людей, гармония человека и природы, однако эта гармония недостижима в реальном мире, поэтому пасторальные мотивы в книге предстают как в прямом, так и в ироническом осмыслении, что отражает сложность карамзинской концепции мира, раскрываемой в «Письмах...».

Ключевые слова: *Н.М.Карамзин, пасторальные мотивы, поэтика, концепция мира, сентиментализм.*

Среди многочисленных дополнительных сюжетных линий, образующих сложную систему динамического, «становящегося» повествования в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина, своеобразному «пасторальному сюжету» принадлежит значительное место. Его реализация в книге – это прежде всего обобщение художественного опыта западноевропейских писателей, обращавшихся к «пасторали» в самых ее разных художественно-философских модификациях, – прежде всего Дж. Томсона, А.Поупа и Ж.-Ж.Руссо. В этом ряду стоит и выстраивание в книге собственных дорожных «впечатлений» рассказчика в духе пасторальных мотивов, и попытки иронической «игры» с пасторальной традицией. Итогом пасторального «сюжета» в книге Карамзина становится философское осмысление «пасторальности» как особого модуса бытия, связанного с такими важными для художественно-философской системы писателя ценностями, как удаление от «света», социума (который в сложившихся исторических условиях нередко становится вместилищем зла и несправедливости, искаженного, несправедливого существования), возвращение к миру естественной природы, открытие тех возможностей, которые она дает человеку и для познания глубин собственной души, и для открытия благости Творца, явившего человеку в природе свою бесконечную мудрость и благость. При этом пасторальное в «Письмах...» раскрывается и как идиллическое (особый мирообраз, построенный на узнаваемых «знаках» идеально прекрасно, гармоничной природы, «замкнутый» внутри себя и потому самодостаточный), и как собственно пасторальное, связанное с осмыслением привычных для литературы XVIII столетия пастушеских сцен, с их мифопоэтическим контекстом, неоднократно отмечавшимся исследователями [5, с. 405-418], [6, с. 48-52].

На «германских» страницах, открывающих путешествие карамзинского героя-рассказчика, пасторальное начало раскрывается прежде всего в аспекте гармонии человека, трудящегося на земле, и природы, которая преображается благодаря этим животворным усилиям. Не столько пастушеская, сколько «земледельческая» добродетель идеальных поселян позволяет стать всей этой земле цветущим садом, и путешественник с радостью восклицает: «Земля везде наилучшим образом обработана. Виноградные сады, которые сперва видны были в отдалении, подходят ближе к Эльбе...» [3, с. 58].

Уже в «Письмах...» появилась закономерность, впоследствии реализовавшаяся в произведениях Карамзина, посвященных крестьянскому миру – «Бедная Лиза», «Сельский праздник и свадьба» и др.: не углубляясь в подробности изображения повседневного быта, труда крестьян эмоционально приближать к ним своего читателя, по-своему реализуя просветительскую идею внесловной ценности человека. Карамзинский поселянин ничем не отличается от мудреца-философа, это тоже – одна из форм «человечности», причем именно пасторальное начало, на первый взгляд отдаляющее изображаемой от объективной реальности, приближает его тем самым к подлинности замысла о человеке, что был воплощен Творцом в аспекте сотворения. Являющиеся карамзинскому путешественнику картины счастливого детства, цветущей юности благообразной старости вместе дают истинное представление о том, что есть человек; «среди сельских красот сердце наше живет чувствует все то, что принадлежит к составу истинного счастья, влиянного благотельным Существом в сосуд жизни человеческой» [3, с. 86].

Наиболее развернуто пасторальные мотивы раскрываются на швейцарских страницах «Писем...», что соответствовало литературно-культурному ассоциативному ореолу, окружавшему Швейцарию в сознании и Карамзина, и его читателей [1, с. 296-302], [4]. При этом реальность историко-культурной ситуации (швейцарские дорожные впечатления, изобилующие картинами пастушеского труда) дополняется в карамзинской книге разнообразными авторскими «смыслами»; таким образом житейские впечатления концептуализируются, позволяя путешественнику выразить собственный взгляд на мир и человека.

Идеальное братство людей подобно изначальной гармонии, царящей в простом пастушеском быту. Путешественник осознает это в долине Гасли (см. письмо <67>), получив от альпийского пастуха кружку воды, становящуюся символом изначального родства всех людей. Он готов обнять пастуха «с таким чувством, с каким обнимает брат брата» [3, с. 137]. Вода здесь становится воплощением истинного источника жизненных ценностей, которые в полной мере познаваемы лишь в мире этой «Аркадии». Тем не менее, возвратиться сюда нельзя, и уходя от пастуха, оборачиваясь назад и читая в его взгляде благословение «Поди и будь счастлив» [3, с. 138], путешественник с горечью понимает, что достигнутое пастухом невозможно для человека цивилизации. Примечательно, что путешественник у Карамзина, как правило, именно прощается с миром «Аркадии», где бы ни встречал пасторальные мотивы, напоминающие об изначальном счастье. Таков смех пастушек, становящийся единственным ответом восторженному путешественнику («Две молодые веселые пастушки, смотря на меня, беспрестанно смеялись. Я говорил им, что простая и беспечная жизнь их мне весьма нравится, и что я хочу остаться у них, и вместе с ними доить коров. Они отвечали мне одним смехом...» [3, с. 134]); таковы слова, обращенные к прекрасному сельскому домику («Прости <...> Мир, тишина и покой да будут всегда наследственным добром твоих обитателей!..» [3, с. 86]). Трагический аспект гибели аркадской идиллии раскрывается в сцене наводнения, которое путешественник наблюдает в Мангейме: «Здесь несласть часть домика, где обитали перед тем покой и довольствие – тут бурная волна мчала запас осторожного поселянина – там плыла бедная блеющая овца...» [3, с. 92].

Лишь в воображении раскрываются для путешественника сама безусловность пасторального счастья – любясь молодой крестьянкой «с посошком» и представляя ее «аркадскую пастушкой» [3, с. 57], путешественник осознает, что картины счастливой любви видятся лишь его мысленному взору («потом видел я их (разумеется, мысленно) сидящих друг подле друга...» [3, с. 57]). Таким образом, пасторальная утопия естественной жизни оказывается в «Письмах...» словно на переходе от реальности к иллюзии, от изначального братства пасторальной Аркадии к законам современного социума, не столь привлекательным, но все же неотменяемым для современника [2, 111-119]. Возврата к пасторали нет, «тысячи забот, тысячи беспокойств, которых не знал человек в прежнем своем состоянии, терзают ныне внутренность нашу» [3, с. 138].

Таким образом, пасторальные мотивы в «Письмах русского путешественника», связанные с осмыслением привычных для литературы XVIII столетия пастушеских сцен, с их мифопоэтическим контекстом, предстают и как собственно жизненные наблюдения карамзинского героя, сочувствующего радости жизни альпийских пастухов, и как своеобразный рокайльный «маскарад», становящийся частью авторской «игры» со своим читателем, и как часть меланхолических размышлений современного человека цивилизации о недостижимости изначальной гармонии и счастья. Так в пасторальных мотивах карамзинской книги формируется достаточно многослойная художественная философия, связанная в конечном итоге с общей концепцией мира и человека, воплощенной в «Письмах...».

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».

Список литературы

1. *Иванов М.В.* Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина // XVIII век. Вып. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова. Л.: Наука, 1975. С. 296-302.
2. *Иваницкий А.И.* Триада «чувство – природа – поэзия» в лирике Н.М.Карамзина // *Mikolaj Karamzin I jego czasy*. Сер. “*Studia Rossica*”. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2017. С. 111-119.
3. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987.
4. *Кара-Мурза А.* Швейцария Карамзина // Вестник Европы [Электронный ресурс]. <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/switzerland-karamzin.html> (дата обращения: 21.07.2018).
5. *Саськова Т.В.* Пастораль и ее восприятие в России: вчера, сегодня, завтра // Тридцать три этюда о музыке: Liber Amicorum: сборник статей. Екатеринбург, 2017. С. 405-418.
6. *Пахсарьян Н.Т.* Пасторальное и рыцарское в «Астрее» д’Юрфе // Пастораль: взаимодействие искусств, жанров, стилей: сборник научных трудов. М., 2016. С. 48-52.

10.01.00

Т.А. Алпатова д-р филол. наук

Московский государственный областной университет,
Факультет русской филологии,
кафедра русской классической литературы,
Москва, alpatova@mgou.ru

ПАСТОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ЭТЮДАХ Н.М.КАРАМЗИНА

В статье рассматриваются ранние произведения Н.М.Карамзина – «Деревня», «Ночь» и «Прогулка» – в аспекте их значения для оформления повествовательных форм карамзинской прозы. Пасторальные мотивы в этих произведениях сталкиваются как возможность объединить реальные картины, впечатления героя-повествователя с глубинными духовно-философскими смыслами, унаследованными от мифологических корней пасторальной традиции, что способствовало их актуализации в русской литературе конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: *Н.М.Карамзин, пасторальные мотивы, поэтика, концепция мира, сентиментализм.*

Предметом статьи будут прозаические бессюжетные эмоционально-медитативные зарисовки Н.М.Карамзина, публиковавшиеся в 1789-1791 гг. в журнале «Детское чтение для сердца и разума» и «Московском журнале» – «Деревня», «Ночь» и «Прогулка». Анализ этих карамзинских текстов интересен и в силу их сравнительно малой изученности на общем фоне творческого наследия писателя [1, с. 99-106], но еще более – по причине того, что, хронологически предшествуя написанию (и публикации) «Бедной Лизы», они, наряду с другими произведениями писателя, созданными в этот период, – «Евгений и Юлия», «Фрол Силин, благодетельный человек», «Нежность дружбы в низком состоянии», а также некоторыми переводами, выполненными для «Детского чтения...», составляли ту основу литературной репутации Карамзина-сентименталиста, завершением которой и становится «Бедная Лиза». И если в «сюжетных» сочинениях писателя осваивались новые принципы сентименталистской характерологии и психологизма, то бессюжетные прозаические этюды, как представляется, стали для Карамзина своеобразной «школой» авторского самовыражения, самоопределения, необходимого для построения особого типа повествования от первого лица, в котором совместились бы трогательно-эмоциональный рассказ о персонажах и выражение внутреннего мира рассказчика, не равного персонажам, пребывающего «на границе» мира собственного повествования, наблюдающего за героями как бы «со стороны» и вместе с тем готового сочувствовать, сопереживать им, заражая энергией подобного сопереживания и своего читателя.

Именно этот тип повествования от первого лица открывался русской литературой на рубеже 1780-1790-х гг. в различных жанровых образованиях – «путешествия», «дневника», «повести». Это был принципиально иной тип перволичного повествования в сравнении с более знакомым русской литературе и сравнительно традиционным повествовательным «я» во вставных монологах героев авантюрно-приключенческих романов, повествовавших таким образом о своих приключениях практически без подробностей внутренней душевной жизни. По-видимому, отличается этот тип выражения повествовательной «точки зрения» и от «психологического» сентиментального романа в письмах, многообразные «я» в сложном эпистолярном дискурсе которого оставались все же персонажами – хотя их голоса и точки зрения синтезировались в единство более высокого порядка, не выраженное в тексте непосредственно авторской интенцией.

Прозаические этюды Карамзина представляются нацеленными именно на осознание некоего авторского «я» как тонко чувствующего, эмоционального, живо впитывающего все впечатления бытия; и вместе с тем это «я» осознает себя и мир вокруг, вписывается в гармоничную картину мироздания как идеальный «созерцатель» (что заставляет вспомнить обращение к переводу «Созерцателя природы» Ш.Бонне, описанное в «Письмах русского путешественника»). Подобный герой – своеобразный «венец творения», не столько конкретный человек, с его психологическими или социальными характеристиками («чувствительный юноша», «дворянин-философ» и т.п.), сколько именно все-человек, некое «самоощущающее я» как своеобразный фокусный центр в мире живых существ, во вселенной, сотворенной любящей и ласковой рукою Творца.

И в «Деревне», и в «Ночи», и в «Прогулке» «ситуация самосознания» героя-повествователя разворачивается на лоне прекрасной, идеальной природы, составной частью описания которой становятся в том числе и пасторальные мотивы: «Рощи мои будут целы – пусть зарастают они высокою травою! Пастушка пойдет искать заблудившейся овцы своей, и проложит мне тропинку...» («Деревня») [3, с. 241].

В прозаических этюдах Карамзина синтезируются основные смыслы, которые в силу литературной традиции заложены в пасторальных мотивах: пастушеская «простота», гармония труда, который еще не до конца отделился от изначальной полноты творения, не отягощает и не преобразует природу, позволяя человеку сливаться с нею. Отсутствие социальных противоречий, «идилличность» пасторального мира – следствие особой художественной философии, концепции мира и человека, в основании которой архаический синкретизм мифологического восприятия мира как космоса в изначальном смысле этого слова [4, с. 404-418]. И хотя литература Нового времени, литература XVIII столетия в значительной степени стилизовала эти философско-космологические смыслы, их отголоски все же сохранялись в текстах, оформляя своеобразный «подтекст», расширяя тем самым возможность философского толкования и изображаемого пейзажа, и человека, оказывающегося центром этого мира.

В прозаических этюдах Карамзина пасторальные «знаки» способствуют именно воссозданию гармонического единства воспеваемого мира. Полнота бытия в «Деревне» подчеркивается деталями – «уже стада рассыпаются вокруг холмов» [3, с. 242], «Я слышу свирель пастуха – стадо возвращается в деревню, и каждая овечка находит двор свой» [3, с. 244] – утро и вечер, обрамленные пасторальными «знаками», окончательно обретают значение границ космических. Так предельно субъективная идиллия частного существования переплетается с полнотой бытия гораздо большего масштаба.

Пасторальное как источник некоего изначального представления об «истине», позволяет этому началу стать источником своеобразного нравственного «суда» в карамзинской «Ночи»: несчастная Филлида прожила без любви, «...и пастух, бросая цветок на ее могилу, сказал: на что цвела она?» [3, с. 246]. Этот «суд» лишен однозначной уничтожающей строгости, пастух – носитель высшей, изначальной истины, сущность которой – гармония бытия, основанная на любовном чувстве, разлитом во всем мире; и потому не осуждение, но именно сожаление приходит с этим пасторальным мотивом: «Засверкали слезы в глазах его, он вздохнул, и тихими шагами пошел от сего места, преклоня голову к стесненной груди своей» [3, с. 246].

Герой-повествователь в «Деревне», «Ночи» и «Прогулке» – предельно субъективная и вместе обобщенная фигура, это чувствительный человек, открытость сердца которого являет ему не только красоту внешних впечатлений, но их глубинный смысл, определяемый, среди прочих историко-культурных коннотаций, и особой духовно-философской традицией пасторальности. Анализ этих фрагментов позволяет обогатить представления о разнообразии смыслов раннего творчества Н.М.Карамзина, оказавшегося основой последующего развития писателя.

Список литературы

1. *Алпатова Т.А.* Генезис и жанровая специфика отрывков в прозе Н.М.Карамзина (1789-1792 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 99-106.
2. *Иваницкий А.И.* Триада «чувство – природа – поэзия» в лирике Н.М.Карамзина // *Mikolaj Karamzin I jego czasy*. Сер. “*Studia Rossica*”. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2017. С. 111-119.
3. *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. / Под ред. А.Ф.Смирнова. М.: Терра – Книжный клуб, 2005. Т 14. 445 с.
4. *Саськова Т.В.* Пастораль и ее восприятие в России: вчера, сегодня, завтра // Тридцать три этюда о музыке: *Liber Amicorum*: сборник статей. Екатеринбург, 2017. С. 405-418.
5. *Паикуров А.Н.* Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2010. 126 с.

10.01.01

О.В. Афанасьева

МИТУ-МАСИ (Автономная Некоммерческая Организация Высшего Образования
Московского Информационно-Технологического Университета - Московского
Архитектурно - Строительного Института),
кафедра иностранных языков,
oxana4u2014@yandex.ru

**«АНГЛИЙСКИЕ» РЕЦЕПЦИИ В ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА «ДЕКОРАТОР»:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕРТЕКСТА И ПОДТЕКСТА**

Статья посвящена анализу вопроса межтекстового диалога повести Б. Акунина «Декоратор» и рассказа А. Конан Дойла «Убийство в Эбби-Грейндж». Автор выявляет точки соприкосновения двух текстов и показывает их глубокие интертекстуальные связи, попутно объясняя смысл предпринятого Акуниным обращения к тексту Конан Дойла.

Ключевые слова: *интертекст, подтекст, рецепции, Акунин, Конан Дойл.*

Повесть Б. Акунина «Декоратор» посвящена приключениям Джека Потрошителя в России: Эраст Фандорин вычисляет и самостоятельно казнит жестокого убийцу, перебравшегося из Лондона в Москву и продолжающего свои бесчинства. Когда Эрасту Фандорину удастся поймать и изобличить убийцу, в повести разыграна сцена суда, являющаяся скрытой аллюзией к рассказу Артура Конан Дойла «Убийство в Эбби-Грейндж». У Акунина читаем:

«Все было готово к началу суда.

Подсудимый в женском платье, но без шляпки, обмякнув, сидел в кресле. На лбу у него наливалась пурпуром впечатляющая шишка.

Рядом, скрестив на груди руки, стоял судебный пристав — Маса.

Судьей Эраст Петрович определил быть Ангелине, роль прокурора взялся исполнять сам» [1].

У Конан Дойла «суд» организован таким образом: подсудимым является убийца сэра Брэкенстолла капитан Кроуер, роль суда присяжных играет доктор Уотсон, сам Холмс берет на себя роль судьи:

«Знаете, что мы сейчас сделаем? Мы будем судить вас, как того требует закон. Вы, капитан Кроуер, - подсудимый. Вы, Уотсон, - английский суд присяжных, - я не знаю человека, который был бы более достоин этой роли. Я судья» [3]

Сцена импровизированного «суда» в обоих случаях имеет сходные черты, которые, несомненно, свидетельствуют о сознательном выстраивании Б. Акуниным интертекстуальной связи с рассказом А. Конан Дойла. При этом точки соприкосновения двух произведений прослеживаются и в других моментах.

Прежде всего, сыщик (Шерлок Холмс и Фандорин соответственно) ведет расследование параллельно с официальной полицией, при этом и полицейские, и главный герой рассказа обладают одной и той же информацией. У Конан Дойла Холмсу и его «двойнику» - молодому полицейскому инспектору Стэнли Хопкинсу – доступны абсолютно одинаковые улики и сведения, однако Холмс делает правильные выводы и в итоге устанавливает истинного убийцу, а Хопкинс подозревает в убийстве лорда банду Рэнделлов – известных преступников. К слову, эту же ошибку совершает и московская, и лондонская полиция в повести «Декоратор», первоначально предполагая, что зверские убийства проституток с расчленением – дело рук какого-либо сутенера или бродяги.

Затем, в обоих произведениях присутствует описание совершенного преступления (преступлений) как благого дела, которое приводит только к положительным последствиям. Герой «Декоратора» – философ, считающий, что его действия помогают внешне безобразным людям открыть их внутреннюю красоту: «Я желаю вам добра. У меня хватит любви на всех. Я вижу Красоту под вшивыми одежками, под коростой немытого тела, под чесоткой и сыпью» [1]. В рассказе Конан Дойла идея о благом исходе убийства исходит от самих героев: горничная Тереза и леди Брэкенстолл говорят о неимоверной жестокости убитого сэра Юстеса. О том же говорит и убийца, капитан Кроукер: «Этот дикий зверь безжалостно мучил и терзал женщину, которую я любил больше жизни» [3].

Сходные мотивы выявляются и в ходе расследования преступления: ключевым моментом для выявления обвиняемого становятся черты убийства, свидетельствующие о его профессии. Шерлок Холмс исследует улики: узлы, которыми была связана леди, срезанный шнур над каминной доской, анализирует недюжинную ловкость, которую должен был проявить преступник, и, сопоставив все эти факты, в итоге приходит к мысли, что убийцей является моряк. Далее поиск через точки соприкосновения леди Брэкенстолл и моряка выявляют кандидатуру возможного убийцы. При этом обыгрывается момент, связанный с его происхождением: девушка из благородной семьи вряд ли полюбила бы какого-то простого моряка – следовательно, речь однозначно идет об офицере.

Ход мыслей Фандорина при поиске убийцы-потрошителя включает в себя те же самые основные моменты. Во-первых, способ совершения убийства однозначно указывает на профессию убийцы – медик. Во-вторых, действия Егора Виллемовича Захарова, патологоанатома, который покрывал и выгораживал убийцу, упоминая о корпоративной и студенческой чести, наводят Фандорина на мысль о благородном происхождении преступника. Как и Шерлок Холмс в своем расследовании, Фандорин исследует даты прибытия предполагаемого убийцы в Москву по морю, что позволяет сузить круг поиска.

Ключевой сценой во взаимодействии двух произведений является сцена импровизированного суда. Из корпуса рассказов Конан Дойла о Шерлоке Холмсе явствует, что великий сыщик крайне редко вершит самосуд: по большей части он помогает полиции, выявляя истинного преступника, при этом все лавры, связанные с раскрытием преступления, достаются полицейским. В подавляющем большинстве рассказов и повестей Конан Дойла преступника настигает справедливое возмездие. В рассказе «Убийство в Эбби-Грейндж», используя форму остросюжетного детектива, автор ставит перед читателем серьезную нравственную проблему: всегда ли убийство является подлежащим осуждения, всегда ли подсудимый достоин наказания в соответствии с законом.

Акунин в «Декораторе» вводит сцену самосуда, также ставя нравственную проблему, но иного толка – насколько подлежит или не подлежит обычному судопроизводству человек, явно обладающий нездоровой психикой и не контролирующий свои действия? «Кому нужен т-такой скандальный процесс? Соцкого охотно признают невменяемым, посадят в сумасшедший дом, и он непременно оттуда сбежит» [1].

Вопрос о психической нормальности героя не имеет однозначного ответа. В каждой главе «Декоратора» в конце представлены монологи от лица самого Потрошителя, в которых он раскрывает свою «идею», говорит о совершаемых им преступлениях [см. 4]. Эти вставки изобилуют физиологическими подробностями и отталкивающими сравнениями, призванными подтолкнуть читателя к выводу об извращенном, ненормальном уме Декоратора.

При этом Фандорин, выступающий в роли прокурора в финальной сцене суда, в своей речи подчеркивает, что Потрошитель-Декоратор – вменяемый, отвечающий за свои поступки: «Нет, он не безумный... он хитер, расчетлив, обладает железной волей и завидной предприимчивостью. Перед тобой не сумасшедший, а урод. ... В старину сказали бы, что он – слуга Дьявола. Я скажу проще: нелюдь. Он ни в чем не раскаивается. И обычными средствами его не остановить. На эшафот он не попадет, а стенам сумасшедшего дома его не удержать. Всё начнется сызнова» [1].

Этот монолог Фандорина показывает, что сыщик принял решение о собственноручном убийстве Соцкого до начала процедуры «суда»: все его действия направлены на то, чтобы убедить судью-Ангелину в справедливости этого решения. В каком-то смысле этот монолог он произносит и ради убеждения самого себя – во всем «фандоринском цикле» подчеркивается факт глубокой нравственности Эраста Петровича, его принципов и уважения к закону.

При ряде сходных мотивов у двух сопоставляемых произведений противоположные концовки: капитан Кроукер оправдан импровизированным судом:

«...Итак, джентльмены, вы слышали показания? Признаете ли вы подсудимого виновным?

- Невиновен, господин судья! – сказал я.

- Vox populi – vox dei. Вы оправданы, капитан Кроукер. И пока правосудие не найдет другого виновника, вы свободны. Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора» [3].

Эраст Петрович Фандорин же настаивает на смертной казни, игнорируя как аргументы Ангелины, апеллирующие к религии, так и слова Масы, который отсылает к самурайскому кодексу:

«- Ты не веришь Богу, — поникнув, грустно молвила она. – Бог знает, как и когда положить конец злодейству.

...

- Господин, вы никогда еще не убивали безоружного, - встревоженно ответил слуга на том же языке. – Вам потом будет плохо. И госпожа рассердится. Я сделаю это сам» [1].

В результате принятого решения Фандорин расстается с Ангелиной Крашенинниковой, которая уходит в монастырь и много позже, как читатель узнает из повести «Парус одинокий», умирает от рук жестокого убийцы. Уходя от Эраста Петровича, Ангелина говорит: «Издали буду за вами смотреть. И Бога за вас молить. Делайте, как вам душа подсказывает, а коли что не так – ничего, я отмолю» [1]. Принятое ею решение обусловлено именно той казнью, которую над Джеком-Потрошителем собственноручно совершил Фандорин.

Таким образом, в повести «Декоратор» присутствует двойное взаимодействие интертекста с подтекстом [3]: помимо аллюзии к образу Шерлока Холмса как таковому (центральный персонаж – сыщик недюжинного ума, со странными привычками, глубочайшими познаниями и своеобразным мировоззрением) присутствует отсылка к конкретному произведению из цикла рассказов о Шерлоке Холмсе – рассказу «Убийство в Эбби-Грейндж». Система последовательных отсылок, реализованных в тексте, завершается кульминационной сценой импровизированного суда, который оканчивается принципиально противоположным образом, чем соответствующая сцена у Конан Дойла. Это позволяет автору углубить образ Эраста Петровича и поставить перед читателем вопрос о нравственности действий героя.

Список литературы

1. Акунин Б. Декоратор // [Электронный ресурс] URL: <http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/erast/dekurator/> (дата обращения 20.11.2018)
2. Кихней Л.Г. Функции шекспировских и дантовских мотивов в поэзии Анны Ахматовой // Русская литература. 2014. № 2. С.156-176.
3. Конан Дойл А. Убийство в Эбби-Грейндж. – пер. Л. Борового. // [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/AKONANDOJL/sh_ebbig.txt (дата обращения 20.11.2018)
4. Пономарева Ю.В. Жанровое своеобразие произведений Б. Акунина. – Дисс. ... к.ф.н. – Тверь, 2018.

10.01.00

В.Н. Бараков д-р филол. наук

Вологодский государственный университет,
институт культуры и туризма,
кафедра социально-культурного сервиса и туризма,
Вологда, alisa-loo@yandex.ru

**ФИКТИВНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ
(АННА РАЗУВАЛОВА О «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ» И ВАСИЛИИ БЕЛОВЕ)**

В работе представлены результаты анализа издания Анны Разуваловой «Писатели - «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов». Значительная часть книги посвящена наследию выдающегося русского писателя Василия Белова (1932 – 2012). Актуальность творчества классика объясняется не только социальной проблематикой, но и метафизической природой его прозы.

Ключевые слова: *В. И. Белов, Анна Разувалова, «деревенская проза».*

В научных работах последних 15 лет творчество В.И. Белова исследуется достаточно активно [6]. Особое место уделяется изучению категории соборности в его прозе (7), художественному постижению истории (2), в том числе в контексте русской литературы [8], художественной картины мира в его произведениях [5] и т.д.

Но не эти достойные научные исследования находятся в центре полемики. К сожалению, работы скандальные, провокационные [3] вызывают и соответствующие отклики. Например, Дмитрий Быков в своей книге 2013 года «Советская литература. Краткий курс» [1] «оценивает» деревенскую прозу следующим образом: «В русской литературе 70-х годов XX века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданническому лицемерию. Это направление, окопавшееся в журнале «Наш современник»... получило название «деревенщичество»... [9, с. 393].

На этом фоне выделяется вышедшая в 2015 году работа Анны Разуваловой «Писатели - «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов» [4], претендующая на научную объективность.

На первый взгляд, так оно и есть: книга А. Разуваловой производит впечатление, - она основательная, логически и композиционно выверенная, автор переработал огромный пласт научной и художественной литературы, демонстрирует прекрасное знание прозаических и публицистических текстов, великолепную научную эрудицию. Многочисленные примечания настолько хороши, что составляют самостоятельную часть исследования.

Постоянные отсылки к зарубежным авторам, и не только филологам, но и социологам, философам и т.п. вызывают уважение, но мало что дают существенного с литературоведческой точки зрения.

Несмотря на заявления о «провинциализме» и «ничтожности» «деревенской прозы», само обращение к этой теме говорит о том, что на самом деле она таковой не является, и приходится, сжав зубы, заниматься исследованиями прозы «деревенщиков».

Правда, от постмодернистских привычек отказаться исследовательнице сложно, - она постоянно сбивается на так называемый «птичий язык»: «И все же упомянуть об "эмоциональных сообществах" необходимо, поскольку, во-первых, этот термин отчасти совпадает с бурдзенианским представлением о "габитусе"» [4, здесь и далее цитируется этот источник. – В.Б.]. Термины, разбросанные по всему тексту: «дискурс», «габитус», «утопический нарратив», «антимодернизационный пафос» и т.п. прекрасно известны профессиональным филологам и ничего особенного не представляют, но несведущему

читателю приходится делать «перевод». В качестве примера можно привести отрывок из книги: «Необходимая для поддержания статус-кво советской системы консервативность предполагала расширение "площади опоры", что выразилось в использовании более разнообразного набора символических ресурсов и культурных языков, к которым власть обращалась в целях самолегитимации, даже если эти языки и ресурсы ранее были табуированы или существовали на культурной периферии». Ту же мысль уже на русском языке высказывает Владимир Максимов: «...У этого явления был целый ряд других причин. Деревенская литература сумела заявить о себе благодаря еще и тому, что сейчас правящий класс в нашей стране примерно на девяносто процентов – это выходцы из крестьянства. И у них есть подсознательная ностальгия по прошлому – прошли там и голод, и коллективизацию. И они решают, что допускать, что нет» (цит. по книге А. Разуваловой. – В.Б.).

Для автора работы наша национальная классика – миф: «Утверждение некоторых "деревенщиков" в роли современных классиков и параллельное оформление соответствующих мифов простимулировало ряд "монографических" проектов, реализуемых по преимуществу филологами региональных научных школ». «Лад», например, она обвиняет в мифологизации, не имея представления о крестьянской жизни: «Мифологизацией изображаемого (в данном случае неважно, идет ли речь о введении готовых мифологических форм в повествование, как в "Комиссии" С. Залыгина, о сюжетостроении, ориентированном на модель "утраченного рая", как в первой редакции "Последнего поклона" В. Астафьева, или об упорядочивании исторической реальности в соответствии с мифомоделью космоса, как в "Ладе" В. Белова)». Размышления о «мысли семейной» в целомудренных очерках В. Белова о народной эстетике («Лад») она подкрепляет собственным рассуждением об адюльтере как о «праве женщины на романтическое чувство, самостоятельный выбор его объекта».

Либерально-филологическая терминология иногда требует комментирования, настолько она необычна для русского уха: патриотизм автор работы называет национализмом (приписывая ему значения шовинизма), сохранение духовности – антимодернизмом (к чему привела страну «модернизация», мы сейчас ощущаем в полной мере); православие считает «мифом», «утопией» (это в лучшем случае), в худшем – «религиозным антисемитизмом».

Иногда А. Разувалова проговаривается, незаметно для себя, в «противоположном направлении»: «Необходимость прилагать недюжинные усилия, чтобы утвердиться в сферах, которые они сами же считали малодоступными для людей своей среды, стимулировала у "деревенщиков" повышенный интерес к фигуре символического противника – горожанина, обладающего правом доступа к культурным благам и заграждающего "простонародью" путь к ним».

Однажды она, сама того не ведая, даже делает замечательный комплимент известному русскому литературоведу и критику Ю. Павлову, называя его «продолжателем дела Ю. Селезнева».

Правда, и тут автор не сумела удержаться от штампованных обвинений классика в пресловутом «противопоставлении города деревне»: «Если в "Ладе" Белов обосновывал спасительную для современного человека силу крестьянской традиции, очищал ее от привносимых историко-социальной практикой "шероховатостей", то во "Все впереди" он переносит действие в "неуправляемые городские пространства"... Все зло порочной цивилизации, по Белову, концентрируется в городе – ее главном порождении».

А вот и верная мысль: «Особенностью антимодернизма Белова является то, что он замешан не только на "борьбе за природу" или неприятии технических и культурных новаций... У автора "Все впереди", в отличие от Ф. Абрамова и В. Шукшина, он имеет религиозно-метафизическую природу». Впрочем, дальше констатации этого факта исследовательница не идет.

Вызывает удивление обращение А. Разуваловой к «экологической» тематике, не являющейся у «деревенщиков» главной, пространственные размышления о роли костюма

(применительно к В. Шукшину) и личностный интерес автора к областничеству, также находящийся на периферии «деревенской прозы».

А вот заключение книги оказалось провальным. Вместо ожидаемых обобщений А. Разувалова рассуждает о творчестве... А. Проханова, З. Прилепина (?) и о «случае» Михаила Тарковского.

Но это еще можно как-то объяснить идеологическими (автор работы достаточно часто применяет вульгарный социологизм как метод исследования) и ассоциативными схождениями, но главный изъян связан с «объективностью», которая с самого начала работы оказывается фиктивной, кажущейся.

«Деревенскую прозу» А. Разувалова «препарирует» как в морге, вроде бы отстраненно, «объективно», но не может скрыть своего отвращения к ней. То, что мы считаем родным и святым, для нее не свято, более того, оно *чужое* (противопоставление «свой – чужой» – одно из наиболее повторяемых в книге). Для работ (и авторов) подобного типа все русское – чужое, и относятся они к нему с плохо скрываемыми брезгливостью и ненавистью.

Список литературы

1. *Быков Д.* Советская литература: краткий курс. М.: ПрозаиК, 2013. – 416 с.
2. *Дворянова Н.В.* Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960-1970-х годов: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2008.
3. *Партэ К.* Русская деревенская проза: светлое прошлое. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004; *Быков Д.* Телегия: русское почвенничество как антикультурный проект // Быков Д. Советская литература: краткий курс. М., 2013; *Разувалова А.* Писатели- «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015.
4. *Разувалова А.* Писатели- «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов.— М.: Новое литературное обозрение, 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/96148/anna-razuvalova-pisateli-derevenschiki-literatura-i-konservativnaya-ideologiya-1970-kh.php>.
5. *Сальникова Я.В.* Художественная картина мира в прозе В. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Воронеж, 2011.
6. *Чеботарева И.В.* Идея соборности в прозе В.И. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2002; *Широкова Л.В.* Проза В.И. Белова в контексте русской литературы 80-х – 90-х годов XX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Вологда, 2004; *Крижановский Н.И.* Художественная реализация категории соборности в «малой» прозе В.И. Белова 60-90-х годов XX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Краснодар, 2004; *Аркатова Т.Е.* Национальный образ мира в прозе В.И. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Владивосток, 2008; *Дворянова Н.В.* Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960-1970-х годов: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2008; *Сальникова Я.В.* Художественная картина мира в прозе В. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Воронеж, 2011 и др.
7. *Чеботарева И.В.* Идея соборности в прозе В.И. Белова: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – М., 2002; *Крижановский Н.И.* Художественная реализация категории соборности в «малой» прозе В.И. Белова 60-90-х годов XX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Краснодар, 2004
8. *Широкова Л.В.* Проза В.И. Белова в контексте русской литературы 80-х – 90-х годов XX века: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Вологда, 2004.

10.01.00

А.Д. Батталова, Ф.Х. Завгарова

Республиканский центр развития традиционной культуры,
Казань, als7701@yandex.ru; zavgarova@inbox.ru

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДА ПЕРВОГО ВЫГОНА СКОТА У ТАТАР

В данной статье, на основе материалов, записанных в ходе экспедиций, авторы доказывают, что татарский обряд первого выгона скота состоит из нескольких этапов и его структура состоит из различных поверий, запретов и основанных на них ритуалов, а также выражают мысль, что все они направлены на выполнение одной задачи – обеспечение сохранности поголовья скота и благополучное завершение пастбищного периода.

Ключевые слова: *Татары, обряд, структура, скот, первый выгон.*

Обряд первого выгона скота у татар совершается в целях обеспечения благополучного выпаса, сохранности поголовья скота в течение всего пастбищного периода текущего года. В то же время ряд ритуальных действий направлены на защиту животных от всяких напастей и сглаза. Структура обряда состоит из нескольких составных пластов и включает в себя поверья-обычаи, запреты, теләкләр (дословно: желание различных животных, например лошади, гуся и т.д. Под этим словом понимается ритуал, совершаемый для обеспечения плодovitости, здоровья домашних животных и птиц).

Татары и сегодня уделяют большое внимание этому обряду и искренне верят, что четкое выполнение всех, регламентированных традициями действий обрядового комплекса, обязательно обеспечит благополучный ход пребывания скота в стаде на выпасе. Известная исследовательница данного обрядового комплекса у русских К.А. Федосеева считает, что обряд первого выгона скота вообрал в себя особенности календарных и окказиональных обрядов [Федосеева, 2007: 3], так как он с одной стороны, связан с традицией содержания скота татарского народа, а с другой стороны зависит от природного календаря. Обряд выполняется только в теплое время года, и только тогда когда трава для питания скотины немного подрастает.

Известная фольклористка, исследовательница мифологических представлений татар Л.Х. Давлетшина в контексте нашей проблематики в своих статьях не раз поднимала вопрос “Были ли определенный день у этого обряда?” и предполагает, что означающий начало весны праздник тюркских народностей Хыдрылез связан с известным среди татар Хызыром (Хозер, дедушка Хозер и т.д.). Здесь ученая говорит не о мифологическом персонаже, присущей татарской культурной традиции Хызыр Ильясе, а об известном во многих тюркских народностях Хызыре и останавливается на до сих пор отмечаемом турками как первый день весны празднике – 23 апреля. Турки данный праздник проводят в течении трех дней. В первый день разжигают костер в поле, во второй кормят хлебом быка, который по их мнению наделяет его особой силой, а на третий посыпают ворота мукой и ждут следов появления Хызыра. А у азербайджан на празднике Хыдрыллез наряду с посевными работами также совершается обряд первого выгона скота [Давлетшина, 2010: 53-54]. В своих исследования Л. Х. Давлетшина обращает внимание на несколько этапов, из которых состоит структура обряда первого выгона скота: 1) совершение во дворе ритуальных движений вокруг скотины перед самым выгоном. 2) ритуальное кормление скотины 3) пропускание скота через палку/веревку, проложенную поперек ворот. 4) проводы скотины до места выпаса. 5) кормление пастухов ритуальной пищей. [Давлетшина, 2010: 51]. А мы в ходе исследований, проводимых во время экспедиций, которые были организованы в татарские деревни Республики Татарстан встретили множество обрядов-обычаев, связанных со

структурой, предложенной выше упомянутой ученой, а также наряду с ними обнаружили до сих пор не зафиксированные ритуалы-действия. Один из таких особенных ритуалов исследуемого обряда, совершаемый пастухами в первый день выпаса - “цирут циртү” (щелкать очередь). Ареал распространения ритуала – татарские деревни Дрожжановского района. “Цирут циртү” имеет следующую структуру. В вечернее время до заката солнца пастухи, начиная с домов хозяев, у которых “легкая рука” заходят в каждый двор и считают поголовье скота, которая должна будет пастись, а хозяйка дает им по два, а иногда и по числу скотины, яйца. Это выполняется с пожеланиями “пусть мой скот, так же как эти яйца катится, пускай все поголовье без потерь достанется нам самим”. *“Это перед днем выгона скотины с вечера ходили собирали, кто пасти стадо будет. Цирут циртэбез, говорили. Каждому по два яйца даем уж. Во время этого желаем здоровья скотине”* (Туктарова А.К. Дрожжановский район, село Нижняя Каракита; Алеева Ф.Р. Дрожжановский район, село Старые Какерли).

Во время этой экспедиции мы наткнулись на связанные с этим обрядом запреты. Самые характерные из них связаны с проводами скотины на выпас. Например, каждый хозяин после проводов скотины на выпас, после того как скотина уже привыкла к стаду, то есть начала щипать траву, перестала толкаться, оставляет ее там и идет обратно домой. По обычаю палку, которой гоняли скот, нельзя никуда выбрасывать, надо принести ее домой и засунуть в щель в хлеву. Если полностью не выполнить этот запрет, скотина может разбежаться и не вернется со стада. *“На выгон идешь с палкой же уж. Эту палку домой надо принести. Если выкинуть, говорили, что скот не вернется, разбежится. Мы палкой гоняем, приносим домой кладем под дверь, на следующий день этой же палкой гоняем”* (Алимова А.А. Дрожжановский район, село Мунчали); *“У отца была палка для погона скота. Он никуда ее не девал. Скотину выгонит, а палку приносит и в угол ставит. Это палка должна сохраниться. Если потерять, скотина не вернется домой. Во время всего пастбищного периода должна храниться. Из твердой породы дерева была палка. Много лет хранился. У отца она гладкой стала”* (Туктарова А.К. Дрожжановский район, село Нижняя Каракита). *“Палку для выгона нельзя выбрасывать, дома должны были прислонить куда-нибудь, задевать нельзя”* (Насыров Г.Н. Апастовский район, село Малые Кокузы).

Еще один запрет, связанный с обрядом первого выгона скота – на обратном пути нельзя заговаривать с кем либо, заходить к кому-то, оборачиваться. Это было связано с тем, что верили, если остановишься, то скотина домой не придет.

«После первого выгона, нельзя заходить к людям. Если прямо домой не пойдешь, животное домой не вернется» (Хасанзянова К.В., Алькеевский район, село Каргали). *“Первый раз корову как на стадо поведешь, разговаривать и оборачиваться нельзя, а то она сбежит”* (Алиева Ф.Р., Дрожжановский район, село Старые Какерли). *“В день первого выгона скота на обратном пути нельзя с людьми разговаривать. Стадо отведешь и прямо домой идешь, особо щебетать не надо”* (Хузина Сания, Алькеевский район, село Нижнее Алькеево).

Во время исследования мы обнаружили еще один обычай, относящийся к комплексу обряда. Это - совершение ритуала “көтү сәдакасы” (дословно: милостыня на стадо). Его обязательно старались исполнять в первый день выпаса. Совершение этого обычая понимается жителями исследуемых деревень, как обеспечение успеха выполненных ранее обрядов. Ритуал выполняют хозяйки скотины. В день первого выгона они с пожеланиями здоровья, благополучия дают сәдака знающим молитвы ислама “грамотным” дедушкам-бабушкам или относят в мечеть. Обычно, как сәдака дают деньги или еду. *“Дают сәдака на выгон скотины на выпас”* (Насриев Г.Н. Апастовский район, село Малые Кокузы). *“На день первого выгона дают сәдака бабушке, читающей молитвы, на здоровье скотины”* (Шигапов С.Н. Алькеевский район, село Чиялебаш).

Для татар тех районов, в которых мы вели исследования, важным моментом этого дня является запрет, связанный со встречей скотины – не искать не пришедшую домой вовремя скотину, дать ей возможность самой найти обратную дорогу. *“В день первого выпаса скотину велели не искать, а то, говорили, всегда искать придется. Во время отгона скотини с кем нельзя общаться, погонишь и идешь прямо домой, нельзя лясы точить”* (Хузина С.С. Алькеевский район, село Нижнее Алькеево).

В рамках этой статьи мы, анализируя материалы, записанные в ходе экспедиции, пришли к следующему выводу. Оказывается, обряд первого выгона скота у татар состоит из нескольких этапов. Первый этап определяется обычаями (ритуалами) перед выгоном, второй состоит из обычаев обряда, которые совершаются во время выпаса скотины. Третий этап представляет собой ритуалы обряда, которые выполняются поствыгонный период. В эти ритуалы входят обычаи, запреты, основанные на поверьях. Структурные особенности этих этапов определены поверьями, запретами и основанными на них ритуалами. Все ритуалы этого обряда направлены на решение одной главной задачи – обеспечение сохранности поголовья скота, его благополучное прибывание во всем пастбищном периоде. В роли основных действующих лиц, во время совершения обрядовых ритуалов выступают хозяйки дворов и пожилые женщины, умеющие по канонам исламской религии читать молитвы, а в некоторых случаях муллы.

Список литературы

1. Давлетишина Л.Х. “Свои/чужие” концепты в обряде первого выгона татар/Татарское народное творчество: Научные исследования и примеры фольклора. Сборник материалов научных конференций. Книга пятая. – Казань: Алма-Лит, 2010.-50-55 с.
2. Федосова К.А. Заговоры в обряде первого выгона скота: принципы варьирования и стратегии текстопорождения в устной и письменной традиции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2007. – 26 с.

10.01.10

В.В. Борисова д-р филол. наук, Ю.А. Шишканова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра русской литературы,
Уфа, kafedralit@gmail.com

О ДИАЛОГЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСЛАМА

Статья представляет собой аналитическую рецензию на книгу Исмагила Шангареева и Нурали Латыпова «Ислам и мир: Восток глазами классиков», в которой в форме диалогов обоих авторов раскрывается в свою очередь диалог русских и европейских писателей с культурой Ислама, подтверждается большой интерес деятелей христианской культуры к идеям и образам Корана. Несмотря на ряд упущений биографического и историко-литературного характера, книга репрезентативно отражает представления современного общества о роли Ислама в российской и европейской культуре и литературе.

Ключевые слова: *Исмагил Шангареев, Нурали Латыпов, «Ислам и мир: Восток глазами классиков», русская литература, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Коран.*

Цель книги И. Шангареева и Н. Латыпова «Ислам и мир: Восток глазами классиков» – не просвещение в области основ ислама. Таких работ сегодня много. Здесь задача другая – показать через диалоги об исламе диалог культур. На рубеже XIX-XX веков ее поставил Исмаил бей Гаспринский, подчеркивая, что «мусульманским народам русская культура близка» [5, с. 199].

С другой стороны эту задачу в свое время блестяще решили А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, В. Хлебников, И.А. Бунин и другие русские и европейские писатели. К их поучительному опыту осмысления духовных ценностей Ислама и обращаются Исмагил Шангареев и Нурали Латыпов. Их книга достаточно большими тиражами вышла на русском, арабском и татарском языках.

Первый диалог татарских авторов-мусульман посвящен «Подражаниям Корану» А.С. Пушкина. Рассуждая об этом поэтическом цикле, они в целом демонстрируют знакомство с трудами пушкинистов, правда, большей частью, дореволюционных. Характеризуя духовные искания Пушкина, И. Шангареев опирается, например, на мнения П. Анненкова, Н. Черняева, Д. Овсяннико-Куликовского. К сожалению, достижения современной науки в представленной книге не учтены, даже не упоминается вышедшая в 2000 году в Иерусалиме коллективная монография «Коран и Библия в творчестве Пушкина», а также фундаментальные работы академика Е.П. Челышева [9].

И. Шангареев акцентирует внимание на том, что Пушкин «первым в русской среде, в православном мире, со всей мощью своего гения обратился к духовным смыслам Корана» [7, с. 19]. Это не совсем так. Интерес к Востоку проявляли еще предшественники и современники Пушкина: В. Кюхельбекер, А. Бестужев-Марлинский, А. Полежаев, А. Грибоедов, П. Вяземский, В. Бенедиктов, С. Глинка, И. Козлов. П.Я. Чаадаев одним из первых поставил проблему Ислама как историософскую, имеющую непосредственное отношение к судьбе России [1, с. 68-71].

Вообще, биографический и историко-литературный контекст обращения Пушкина к Корану в данной книге недостаточен. Многие интересные факты из жизни поэта авторами не привлечены. Хотя выдающийся русский философ Семён Франк еще в 1933 году предупреждал, что для уяснения религиозности поэта следует принимать в расчёт как его биографию, так и все произведения [8, с. 390].

С биографической точки зрения Исмагил Шангареев и Нурали Латыпов объясняют интерес великого русского поэта прежде всего его любовью к татарке Анне Гирей, правнучке хана Шагин-Гирея, с которой Пушкин познакомился во время путешествия по Кавказу и Крыму с семейством генерала Николая Раевского. Ей он посвятил стихотворение «Талисман» и поэму «Бахчисарайский фонтан».

Тем не менее, авторы отмечают и непосредственное влияние самого Корана на Пушкина, который он прочитал в переводе Мих. Веревкина с французского языка, и подчеркивают, что поэту удалось передать дух традиционного Ислама в своих «Подражаниях», однако при этом не отмечают, что Пушкин был знаком и с французским переводом Корана, сделанным М. Савари. Кроме того, поэт познакомился в Михайловской ссылке с подробным жизнеописанием Мухаммеда, шутливо сравнив свой переезд из Одессы в Михайловское с бегством пророка из Мекки в Медину.

Зато, комментируя сами пушкинские «Подражания Корану», И. Шангареев и Н. Латыпов делают немало важных наблюдений, например, о парадоксе времени в 9-ом стихотворении, когда становится возможным «таинственное совпадение прошлого и будущего» начала и конца: «минувшее в новой красе оживилось». Здесь II сура Корана, переложенная Пушкиным, перекликается, по мысли Н. Латыпова, с современной фундаментальной физикой: «путник, который роптал на Бога, оказался вовлеченным в игру ускорения времени, а затем его мгновенного обратного течения» [7, с. 28].

В финале первого диалога авторы книги делают точный и глубокий вывод: «Подражания Корану, как все великие произведения – вне времени и на все времена...к нам сегодня обращены пушкинские строки о мудрости и милосердии Всевышнего: «Он милосерд: он Магомету Окрыл сияющий Коран./ Да притечем и мы ко свету./ И да падет с очей туман» [7, с. 30].

Второй диалог посвящен М.Ю. Лермонтову. Здесь также подчеркиваются татарские корни в родословной поэта, который по материнской линии действительно имел прямое отношение к династии Шан-Гиреев, а также к роду Арслан-мурзы Челебея, который в 1389 году перешел на службу к Дмитрию Донскому. Кстати, он был и предком Достоевских. Сын Арслана носил прозвище Широкий Рот, поэтому его потомки, русские бояре, носили фамилию Иртищевы (по-татарски Эре теш), потом – Ртищевы и спокойно жили и служили под этими фамилиями до момента, когда боярин Даниил Ртищев получил от князя Федора Ярославича, княжившего на белорусских землях, жалованную грамоту на имение Достоево и стал называться Достоевским.

Знал Лермонтов и татарский язык, который считал для российской Азии столь же необходимым, как французский в Европе. На Кавказе поэт принимал участие в празднике Ураза-Байрам и познакомился с народным певцом Султаном Керим-Гиреем, непосредственным образом соприкоснувшись с мусульманской культурой, которая отразилась в ряде его произведений, например, в поэмах «Измаил-Бей» и «Демон». В них И. Шангареев и Н. Латыпов находят кораническое устремление к Богу и делают вывод о том, что Лермонтов «был отчасти мусульманином».

Аналогично «добрым магометанином» они представляют Л. Толстого, подробно раскрывая казанский след в жизни и творчестве писателя, который учился на востоковеда в Казанском университете, знал арабский, турецкий и татарский языки (по ним он сдавал экзамены), переписывался с Гайтаном Ваксовым, руководителем тогдашнего мусульманского движения, называя его «братом», живо интересовался вопросами ислама и в своих религиозных исканиях пришел к мысли о том, что «магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия» [7, с. 58].

Вообще, Л. Толстой, по мысли авторов данной книги, считал Ислам самой простой и понятной религией. Причем, они правильно замечают, что обращение русского писателя к духовным смыслам Ислама не означает его принятия как веры. Хотя многие видные мусульмане того времени называли Толстого «великим учителем нравственности» [7, с. 62].

Существенным дополнением в книге является антология, в которую включены избранные произведения писателей и поэтов, написанные на тему Ислама. У Л. Толстого это «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран», рассказ «Ильяс», «Письмо об исламе и христианстве». К сожалению, совсем не упоминается в данном случае великая повесть русского писателя «Хаджи-Мурат».

Еще большее сожаление вызывает отсутствие в книге И. Шангареева и Н. Латыпова раздела, посвященного Ф.М. Достоевскому. На наш взгляд, это самый богатый материал в рамках темы «Ислам и русская классическая литература» [См. об этом: 2, 3, 4]. В творчество Достоевского Ислам вошел, прежде всего, мощной фигурой Мухаммеда, «пророка на коне», воспринятого русским писателем через призму традиции Пушкина, который в первом «Подражании Корану» писал:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

Этот образ «дрожащей твари» у Достоевского стал одним из главных. Вот цитата из романа «Преступление и наказание»: «О, как я понимаю «пророка», с саблей, на коне. Велик Аллах, и повинуйся, «дрожащая тварь»! Прав, прав «пророк», когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-ошую батарею и дует в правого и виноватого, не устаивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и – *не желай*, потому – не твое это дело!...». Это слова Раскольникова. Для самого Достоевского «дрожащая тварь» – это прежде всего дитя человеческое. В произведениях писателя всегда «дрожат» напуганные и страдающие дети, по отношению к которым проверяются все герои-идеологи, претендующие на роль «установителей и законодателей человечества», подобно Магомету.

На каторге Достоевский лично убедился, что Ислам открыт обаянию Христа, а Мухаммед, согласно Корану, его последователь и пророк. Вот почему образ юного мусульманина Алея в «Записках из Мертвого дома» – это первый «положительно прекрасный человек» у Достоевского, а князь Мышкин как наиболее полное воплощение его идеала напрямую соотнесен с образом Мухаммеда.

Коранические грани в образе главного героя романа «Идиот» несомненны. Во-первых, он сам ссылается на удивительно красивую легенду о Мухаммеде, успевшем за одну секунду «обозреть все жилища Аллаховы» [6, с. 189]. Во-вторых, конкретная фабульная ситуация любви Мышкина к двум женщинам – Настасье Филипповне и Аглае Епанчиной – непосредственно перекликается с жизнью исламского пророка и его разрешением мусульманину иметь нескольких жен. Европеизированный Радомский с удивлением и недоумением спрашивает: «– Как же? Стало быть, обеих хотите любить? – О, да, да! – Помилуйте, князь, что вы говорите, опомнитесь! <...> И как это любить двух? Двумя разными любовью какими-нибудь? Это интересно... бедный идиот!» [6, с. 484-485].

Позиция Мышкина в определенной степени согласуется с заповедями и Мухаммеда, и Христа. С мусульманской точки зрения она выглядит истинно благочестивой, идеальной потому, что лишена эгоизма и предполагает его отсутствие в женщинах, способных относиться друг к другу без чувства жестокого соперничества, в отличие от Аглаи и Настасьи Филипповны.

С христианской точки зрения искреннее и простодушное признание Мышкина вполне соответствует по духу и сути судьбоносной записи Ф.М. Достоевского от 16 апреля 1864 года: «Возлюбить человека, *как самого себя* по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на Земле связывает <...>. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек».

Из многих героев писателя полное преодоление «закона я» демонстрирует именно Мышкин как «князь Христос». В этом контексте желание Мышкина распространить свою любовь на «обеих» является «идиотизмом» только с точки зрения ограниченного светской моралью Радомского, мусульманину же чувства Мышкина должны быть понятны и близки.

Есть у Достоевского и свое «подражание Корану». Это «фантастический рассказ» «Сон смешного человека», в котором, с оглядкой на Мухаммеда писатель создает образ пророка. Сюжетным ядром этого произведения является «ночь вознесения» и преображения пророка, которое происходит по мифологической модели мусульманской легенды о «небесном путешествии» Мухаммеда

Какой вывод напрашивается после знакомства с книгой И. Шангареева и Н. Латыпова? Несмотря на отмеченные издержки, она показательна для нашего времени, поскольку отражает представления современного общества о роли Ислама в российской и европейской культуре и литературе. Такой взгляд «изнутри», несомненно, очень полезен и важен, помогая наводить мосты между культурами Запада и Востока, христианства и Ислама.

Список литературы

1. *Алексеев П.В.* Ислам в русской литературе: рождение гипертекста // Мир науки, культуры, образования. 2007. – № 2 (5). – С. 68-71.
2. *Борисова В.В.* Антропологический эксперимент Достоевского // Ф.М. Достоевский. Найти в человеке человека. – Екатеринбург, 1996. – С. 3-18.
3. *Борисова В.В.* Коран и русская классическая литература // Вестник Башкирского государственного педагогического университета. Серия гуманитарных наук. 2005. № 1 (6). – С. 51-69.
4. *Борисова В.В.* Русская классическая литература и Коран. – Уфа: ПЕЧАТНЫЙ ДОМЪ, 2017.
5. *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение // Дружба народов. 1991. № 12. – С. 199-207.
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 8. – Л.: Наука. 1973.
7. *Латыпов Н.Н., Шангареев И.* Ислам и мир: Восток глазами классиков. – М.: АСТ, 2017. – с. 304
8. *Франк С.* Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – С. 380-396.
9. *Чельшев Е.П.* Пушкин и мир Востока // Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 75-81.

10.01.00

И.А. Еникеев канд. филол. наук, Р.Р. Валиуллина, Э.Д. Рафикова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел литературоведения,
Казань, eniki07@mail.ru

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ГОРОДА КАЗАНИ В КОНТЕКСТЕ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

В работе русскоязычная литература города Казани рассматривается как составная часть татарского литературного процесса. Впервые, представлены две позиции татарской литературной критики относительно этого феномена советской многонациональной литературы.

Ключевые слова: *русскоязычная литература, советская многонациональная литература, татарская литературная критика, городская проза, Казань, Диас Валеев, Равиль Бухараев, Фарваз Миннуллин.*

Русскоязычная литература как системное явление, ставшее направлением национальной культуры, это феномен или особенность советского этапа национальной литературы. Существуют две противоположные точки зрения на это явление и, соответственно, два отношения к татарам, создающим свои литературные произведения на русском языке. Первая отвергает их причастность к татарскому литературному процессу и относит их к русской литературе. Вторая позиция опирается на тезис, что указанные писатели являются носителями татарского менталитета и посредством русского языка доводят до огромной русскоязычной аудитории всего мира духовные и национально-культурные ценности татарского народа. Средоточием этих межъязыковых и межнациональных противоречий стали крупные города. Как позднее вспоминал казанский писатель Р. Бухараев «в 1959 году татарский язык исключили из школьной программы, взамен дали английский и немецкий. Эти языки я знаю хорошо. Изучал бы татарский - знал бы и его лучше.» [1: 4]. Также в Казани под руководством обкома ВЛКСМ в рамках программы работы с творческой молодежью было организовано и десятки лет работало ЛИТО при Союзе писателей республики и редакции газеты «Комсомолец Татари», через которое прошли все начинающие писатели большого города. Именно в этом формате литературного объединения зародилась и окрепла русскоязычная литература Татарстана, потому что самыми активными участниками ЛИТО были татары Р. Кутуй, В. Мустафин, Б. Галеев, Р. Суфеев (позднее Роман Солнцев), Д. Валеев; а также Н. Беляев, М. Аввакумова, В. Аксенов. Разумеется все их первые публикации в «Комсомольце Татари» и университетской газете «Ленинец» были на русском языке.

Самой острой проблемой для русскоязычных писателей стал вопрос о национальной идентификации и взаимоотношений с национальным литературным процессом, развивающимся на татарском языке. Этот внутренний конфликт прорывался в плоскости межличностных отношений отдельных писателей и критиков. Татарская литературная критика пыталась скоординировать эти процессы, найти компромиссные точки соприкосновения вокруг таких персон, как Р.Кутуй, Д.Валеев и Р.Бухараев. Но главным вопросом, отделявшим писателей от единства, стал вопрос о языке. И здесь обозначились две позиции. С одной стороны однозначная позиция Т.Миннуллина, что национальный писатель должен творить только на родном языке, и, с другой, более компромиссные трактовки Г.Ахунова, М.Магдеева, Ф.Миннуллина. Например, Фарваз Миннуллин в статье «Накануне большого смотра», посвященной открытию 10 съезда писателей Татари, особое внимание уделил интернациональной составляющей татарской литературы: « За 5 лет в местных и

центральных издательствах было издано 800 книг национальных авторов. Заметно возросло и число произведений татарских писателей, переведенных на русский язык – со 160 до 240. Это означает, что в среднем на русском языке печатается теперь ежегодно почти 50 книг татарских авторов – бесспорное свидетельство роста художественного уровня нашей литературы, все более уверенно выходящей на всесоюзную арену. Окрепили и интернациональные связи татарской литературы: в братских республиках нашей страны было издано между съездами 40 книг наших авторов, девять были переведены на иностранные языки.» [6: 3]. И это не случайное высказывание критика, в своей более ранней статье программного характера «Яшъләр тәнкыйте» от 1981 года он писал: «Несомненно, в наше время ни одна национальная литература не может жить и развиваться в собственной скорлупе. Если современная критика связывает татарскую литературу с литературным процессом всей страны и оценивает наши произведения с позиций достижений всей советской многонациональной и мировой литературы, то это следует только приветствовать. Но с условием, что сам критик прежде всего должен знать свою литературу, особенности ее развития и достижения» [7: 3].

Позднее Ф.Миннуллин обращается к фигуре писателя Диаса Валеева и вводит его в разряд татарских драматургов, представляющих национальную литературу на всесоюзном уровне: «Новых успехов добились татарские драматурги – Т.Миннуллин, удостоенный Государственной премии РСФСР имени К.Станиславского, и не раз публиковавшийся в центральных изданиях Д.Валеев, чьи пьесы идут на сценах 40 театров страны» [6: 3]. Если русскоязычного писателя Р.Кутуя татарская литературная среда воспринимала как своего в силу его кровного родства с Аделем Кутуем и по причине его тесного общения с татарскими писателями, то Диас Валеев был конфликтной фигурой. Тем не менее известный писатель Гариф Ахунов пытался дать объективную оценку его творчества: «Это интересная особенность нашего времени. В национальных республиках создание произведений на русском языке во второй половине двадцатого столетия стало нормой и утвердилось как одно из ответвлений национальных литератур. Среди татарских писателей, пишущих на русском – и Диас Валеев. Поле его произведений – вся страна. Но при всем при этом Д.Валеев именно татарский драматург. Последнее обстоятельство я особо подчеркиваю. Место действия его пьес почти всегда – наш родной Татарстан» [2: 228]. И далее Г.Ахунов подводит теоретическую базу под свои выводы: «Тревожащие его общечеловеческие универсальные проблемы волнуют и всех нас. В то же время нужно говорить о драматургии, отображающей свой народ на стадии образования некой новой исторической общности, создаваемой двадцатым столетием» [2: 228]. Другой критик, известный писатель М.Магдеев подошел к творчеству Д.Валеева с позиций анализа конкретных произведений в плане сопоставления их с процессами в татарской драматургии: «Я никогда не писал о драматургии, я слишком далек от этого жанра, но читал эту пьесу с трепетом. Драма написана по всей вероятности для русской и интернациональной сцены. Татарская сцена любит «пистолеты», крутые виражи и пируэты – в этой драме их нет. Татарская сцена не любит монологов, режиссура вычеркивает тексты, если слов персонажей более четверти страницы. В пьесе Валеева монологи – на целые страницы! Что-то здесь есть от русской драматургии 18 и 19 веков, что-то напоминает горьковские пьесы с философствованием героев на сцене. Валеев любит писать крупными мощными мазками» [4: 218]. Затем после анализа ряда произведений о Мусе Джалиле, он делает показательный вывод: «Ведь в самом деле в нашей литературе много написано о борьбе поэта против нацизма, но меньше – о единстве его поэзии с личной судьбой. Валеев подошел к подвигу Джалиля именно с этой стороны. Джалиля родил татарский народ, поэтом сделала его страна, героем же он стал общечеловеческим. Он стал сыном Земли, как Прометей» [4: 219].

Тем самым М.Магдеев внес свою лепту в решение проблемы национального и интернационального на примере отдельных произведений национальной литературы. Идея о том, что Джалиль это истинный сын татарского народа, воплотивший его лучшие черты, нашла свое воплощение в пьесе Т.Миннуллина «Моңлы бер жыр». Правда у Т.Миннуллина,

в отличие от других критиков, был свой взгляд на вопрос о национальной идентификации русскоязычных писателей. Главным для него был вопрос родного языка. В 1984 году в статье “Дел впереди много” он писал: “Едва ли не общая наша болезнь – казенный среднелитературный язык, а это в свою очередь ведет к нивелировке характеров и слабости конфликта. Деревенский мужик в пьесе А.Гаффара почему-то начинает философствовать, изъясняясь чуть ли не на языке Платона. Есть и тематические проблемы: в нашей драматургии много и неплохо пишем о селе, а о рабочем человеке и горожанине пьес явно маловато. Не хватает пьес о молодежи” [5: 3]. Кстати, именно об этих проблемах и писали русскоязычные литераторы. Важное значение ЛИТО для литературного процесса Татарстана состояло в том, что в них на десятки лет законсервировались как в обособленной культурной среде бескомпромиссные традиции литературы «оттепели», продолжились традиции городской прозы и поэзии. Проводились эксперименты и поиски в области художественных форм. Как ни странно, установки метода социалистического реализма никак не влияли на их творчество и никто их к этому особо не принуждал. Русскоязычные писатели Казани продолжили традиции городской прозы, которые мы видим в произведениях А. Абсалямова и А. Еники. Действующие лица этих произведений – жители города на работе и дома и их сложные взаимоотношения. Причем в них на равных живут люди разных национальностей и культурных традиций. Кстати, именно это и отличает «казанскую» литературу от русской и не позволяет их идентифицировать. Подобный круг проблем, уровень и глубина их осмысления, прочувствования межнациональных связей не были характерны для русской советской литературы того периода. Здесь, конечно, следует отметить творчество Р. Кутуя, его прозу, а также пьесы Д. Валеева и художественно-философские произведения Р. Бухараева, отличающиеся изысканностью стиля и глубиной и парадоксальностью обобщений.

Татарская литературная критика, оценивая городскую литературу русскоязычных писателей Казани, обозначила круг проблем, родившихся на линии взаимовлияния многонациональных культур и мировых тенденций развития художественной литературы, столкнувшихся с проблемой взаимодействия татарского и русского языков. Расширение национального кругозора и сохранение национальной самобытности воспринимались критиками как важные факторы конкурентоспособности татарского народа. Выявленные критикой во второй половине 20-го века проблемы, решались по ходу развития татарского литературного процесса в 90-е и нулевые годы: отказ от соцреализма, поиски новых форм, постмодернизм [3: 5-12].

Список литературы

1. *Арямова В.* Наследие, которое сближает // Республика Татарстан. 2007. 3 апреля. – С.4.
2. *Ахунов Г.* Максималисты // Либертус или Люцифер: к анализу творчества Диаса Валеева. – Казань: Заман, 2011. – 575 с. – С. 221-228.
3. *Загидуллина Д.Ф.* Современная татарская проза. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. – 246 с. – С. 5-12.
4. *Магдеев М.* Высвечивая человеческие души // Либертус или Люцифер: к анализу творчества Диаса Валеева. – Казань: Заман, 2011. – 575 с. – С. 218-219.
5. *Миннуллин Т.* Дел впереди много // Вечерняя Казань. 1984. 22 мая. – С.3.
6. *Миннуллин Ф.* Накануне большого смотра // Вечерняя Казань. 1984. 19 мая. – С.3.
7. *Миннуллин Ф.* Яшьләр тэнкыйте // Социалистик Татарстан. 1981. 17 мая. – С.3.

10.01.10

Инь Цзеце

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
кафедра русской литературы,
Пермь, natan.yin@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В.Г. РАСПУТИНА В КИТАЕ

В статье рассматривается история изучения творчества советского и российского прозаика В.Г. Распутина (1937-2015) в Китае: обобщаются результаты исследований китайских литературоведов и критиков. Анализируются интерпретации творчества русского писателя, созданные китайскими учеными в разные периоды. В статье исследуются наиболее репрезентативные переводы произведений Распутина в Китае, монографии и научные статьи, приводится оценка его произведений китайскими литературоведами и критиками, выясняются причины популярности писателя в Китае.

Ключевые слова: В.Г. Распутин, Китай, нравственность, экология, религиозное сознание, китайская литература.

Русская литература стала широко известной в Китае в начале XX века; в дальнейшем она сыграла огромную роль для развития новой китайской литературы. Классик китайской литературы писатель Лу Синь однажды сказал: «Русская литература – наш наставник и друг, потому что оттуда мы увидели добрые души угнетенных, их горе и борьбу, мы также сожгли надежду вместе с русскими произведениями 40-х годов, и мы грустим вместе с русскими произведениями 60-х годов»¹ [8, с. 460].

С момента основания в 1949 году Нового Китая распространение русской литературы прошло три этапа: «золотой» период, начавшийся в конце 1940-х годов и завершившийся в конце 1950-х годов; период отчуждения в 1960 – 1970-е годы и период нового усиления интереса к русской литературе, начавшийся в 1980-е годы и продолжающийся до настоящего времени. Именно в третий период началось знакомство китайских читателей с творчеством В. Распутина.

Реформы, начавшиеся в Китае в конце 1970-х годов, во многом способствовали формированию открытости страны и привели к улучшению в 1980-е годы советско-китайских отношений, в результате чего стал постепенно расширяться литературный обмен между двумя странами. В Китае возобновился масштабный перевод произведений русской советской литературы и изучение ее. В начале 1980-х годов в Китае стала активно публиковаться русская деревенская проза. Первым русским «деревенским» прозаиком, представленным в Китае, стал В. Распутин. Перевод произведений Распутина способствовал усилению интереса в Китае к русской деревенской прозе. Вскоре были опубликованы переводы романа «Братья и сестры» Ф. Абрамова, повестей «Матрёнин двор» А. Солженицына и «Привычное дело» В. Белова.

Усилению интереса в Китае к русской деревенской прозе способствовали определённые политические факторы: общность социалистических идеалов, большое значение, которое имело для обеих стран развитие деревень и сельского хозяйства. Деревня и в Китае, и в России была хранительницей национальных культурных традиций, традиционного мировидения.

В статье исследуется период с начала 80-х годов прошлого столетия до 2018 года.

На протяжении 1980-х годов на китайский язык последовательно были переведены основные произведения В. Распутина. Рассказ «Уроки французского» был опубликован в

¹ Все переводы с китайского языка (названия работ, цитаты из произведений китайских критиков и литературоведов) выполнены автором этой статьи.

журнале «Зарубежное образование» в 1980 году. В 1982 году китайское издательство «Иностранная литература» опубликовало книгу «Избранные произведения Распутина» (переводчик Ван Найчжоу), в которую были включены три повести: «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Деньги для Марии». В 1986 году на китайский язык была переведена и опубликована в 4-ом номере журнала «Лотос» повесть «Пожар» (переводчик Сюй Чжэнья). В августе 1987 года эта же повесть была напечатана в журнале «Иностранная литература и искусство» в переводе Ся Чжуньи.

Проблемы нравственности, занимавшие в творчестве Распутина важное место, не могли остаться незамеченными в китайских научных кругах. В статье «Эмоциональное образование и художественный стиль в творчестве Распутина» Лин Минху отмечает: «Тенденция нравственного поиска в его работах очень заметна: когда он наблюдает сложную реальную жизнь, его внимание всегда сосредоточено на духовных и нравственных аспектах человека и событий. Его творчество всегда стремится выразить ценность нравственной эстетики посредством изображения обычной повседневной жизни» [6, с. 115]. Юань Чжэньву в статье «Призыв к возвращению человеческих добродетелей: оценка четырёх повестей В. Распутина» подтверждает важность «моральной критики» для произведений писателя и отмечает, что «для Распутина ... особенно важным оказывается моральный аспект» [17, с. 119].

Одно из направлений исследований, реализовывавшееся китайскими литературоведами и критиками в 1980-е годы, – изучение художественных особенностей языка произведений Распутина. В 1985 году Суй Чанцзюнь в статье «Художественные функции языка персонажей: язык персонажей в повести В. Распутина “Деньги для Марии”» отмечал, что «именно язык автора позволяет раскрыть психологию персонажей, особенности и эволюцию их характеров» [9, с. 63].

В 1990-е годы в Китае появились новые качественные переводы произведений Распутина, в частности некоторых его очерков и рассказов. В 1990 году в журнале «Советская литература» была опубликована статья Чжан Гэн «Новое произведение Распутина – очерк “Байкал, Байкал...”». В 1995 году в журнале «Современная зарубежная литература» был напечатан рассказ «Сеня едет» (1994), переведенный Дуань Лицзюнем, а в 1997 году в журнале «Русская литература и искусство» был опубликован перевод эссе Распутина «Где моя деревня?», осуществлённый Ли Лина. В том же году в издательством «Лицзян» была напечатана книга В. Распутина «Живи и помни», переведенная Ван Найчжо, Ян Дайцинем и У Цзюньчжунем. В 1999 году издательство «Зарубежная литература» опубликовало повесть «Прощание с Матёрой», переведенную Дэн Ливу, Ван Найчжо, Шэнь Чжи и Ши Гуосюнем.

Важнейшей проблемой исследований творчества В. Распутина в китайских научных кругах в изучаемый период стала проблема нравственности в контексте судьбы народа. Этой проблеме посвящены, например, статьи Чжоу Чжэньмэй «Нравственный поиск Распутина» [16], Лу Жэньхао «Призыв к спасению душ людей: оценка трёх советских повестей» [7] и Цзинь Тефэн «Искусный мастер нравственной нормы» [12], а также исследования других критиков. Используя труды предшественников, китайские литературоведы хорошо изучили нравственную проблематику творчества Распутина.

Некоторые китайские ученые подходили к изучению творчества Распутина целостно, воспринимая его как результат взаимодействия различных тенденций. Например, в статье «Творчество В. Распутина» Ван Пэйцин предлагает обобщающий взгляд на произведения Распутина 1980–1990- годов. Он отмечает: «Короче говоря, творчество Распутина, развивающее традиции русской реалистической литературы, органично входит в новую литературу, которая во многом превосходит «зрелый» («классический») реализм, максимально углубляя его, и при этом заимствует художественный опыт западной модернистской литературы с целью создания нового мира искусства. Этот новый мир искусства не только не искажает реальную жизнь, но и объясняет природу жизни вдохновляющим образом» [2, с. 64].

В 1990-е годы китайские ученые стали обращать особое внимание на экологическую проблематику, содержащуюся в творчестве Распутина. Чжан Юйэ и Чжао Сяоминь в статье «Экологическая этика Распутина» отмечают, что «Распутин больше рассматривает

диалектические отношения между человеком и природой. Критики утверждают, что, по мысли Распутина, уничтожение окружающей среды разрушает и самого человека, и это относится ко всем живым существам в природе. Эта идея расширяет пределы гуманизма и обогащает его» [14, с. 18].

Китайские ученые также обратили внимание на особенности образной системы творчества Распутина. В статье «Образ женщины в творчестве Распутина» Сунь Юйхуа, анализируя образы женщин в повестях «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Деньги для Марии», указывает на то, что женщины в произведениях Распутина демонстрируют богатство чувств и имеют чистые сердца. Они не только могут терпеть собственные страдания, но и разделяют страдания других. Они оптимистичны по своей природе, у них есть собственные убеждения, они обладают глубоким умом и яркой индивидуальностью. Обращаясь к образам благородных женщин, Распутин осуждает царящую в обществе атмосферу, критикует разрушение людьми природы и напоминает людям нравственные нормы справедливости и добра [11].

Изменения в советском обществе, происшедшие во второй половине 1980-х и начале 1990-х годов, особенно распад Советского Союза, потрясли Распутина, оказали огромное влияние на его творчество. Начиная со второй половины 1980-х годов Распутин перестал заниматься собственно художественным творчеством и начал печатать публицистические статьи. В конце 1990-х годов одно за другим стали выходить его новые произведения: рассказы «В ту же землю» (1995), «Нежданно-негаданно» (1997) и «Изба» (1999), повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) и другие.

В 2000 году во втором номере журнала «Русская литература и искусство» была опубликована информация о вручении Валентину Распутину премии Солженицына. Это событие не только привлекло внимание российского литературного мира, но и способствовало существенному возрастанию интереса китайских ученых к исследованию его творчества. В 2003 году повесть «Дочь Ивана, Мать Ивана» получила награду как лучшее зарубежное произведение XXI века в конкурсе, проводившемся издательством Народной литературы и Китайским научным обществом иностранной литературы. В 2004 и 2005 году издательство «Народная литература» опубликовало две книги – «Новые произведения В.Г. Распутина» и «Дочь Ивана, мать Ивана», переведенные Жэнь Гуансюанем и Лю Вэньфэем.

Появление в XXI веке нового произведения Распутина значительно обогатило исследовательские ресурсы китайских академических кругов. Ученые стали обращать внимание на творчество Распутина второй половины 1990-х годов. Конечно, творчество Распутина 1980-х годов по-прежнему остается важным объектом исследования китайских ученых, но в данной статье нам важно обратить внимание и на состояние изучения творчества Распутина после 1990-х годов. Жэнь Гуансюань в журнале «Русская литература и искусство» опубликовал статью под названием «Появился новый Распутин: обзор нового творчества Распутина в последние годы, в которой анализируются такие произведения, как «Похороны», «В больнице», «Нежданно-негаданно», «Новая профессия», «Изба» и т.д. В статье указывается, что Распутин полностью отрицает современное российское общество, он недоволен и трагической судьбой интеллектуалов, однако продолжает углублять тему человека и природы, уделяя внимание описанию жизненной среды и сельской реальности простых крестьян, оказавшихся на переломном этапе России. В работе также отмечается, что творчество Распутина, начиная со второй половины 1990-х годов, приблизилось к религии. Жэнь Гуансюань пишет: «...Творчество Распутина во второй половине 1990-х годов – это не только наследие предыдущей реалистической литературной традиции, но и инновация, которая имеет некоторые новые особенности». Именно поэтому – считает критик – «...его творчество данного периода достойно изучения» [4, с. 45].

Следует отметить, что в это время китайские ученые начали фокусировать свое внимание на религиозном сознании, содержащемся в произведениях Распутина. В статье «Религиозное сознание в творчестве В.Г. Распутина» Ван Пэйин сначала в целом анализирует особенности религиозного сознания, характерные для русской литературы, а в дальнейшем указывает на

факт существования в произведениях Распутина особого «православного комплекса», и наконец, указывает на причины обращения Распутина к религиозным представлениям: бурные социальные события, обусловленные распадом Советского Союза, заставляли людей (в том числе представителей русской интеллигенции) искать духовную поддержку в религии; чувство нравственной долга, характерное для русской интеллигенции, в этот период стало воплощаться в идею спасения мира через обращение к религии [1].

С ростом экологического кризиса в конце прошлого века в мире возросло экологическое идейное течение, поэтому в XXI веке экологическая мысль в произведениях Распутина стала важной темой исследований китайских ученых. Следует отметить, что в исследованиях китайских ученых часто объединяются религиозное сознание и экологическую мысль в творчестве Распутина. Например, Ван Сюе, Цюань Цяньфа в «Религиозном искупительном сознании в экологической литературе Распутина» отмечают: «Распутин считает, что возникновение экологического кризиса является воплощением духовного кризиса людей. Он ищет возможности спасти духовный дом человека от религии» [3, с. 98].

В XXI веке китайские ученые также начали анализировать творчество Распутина и китайских деревенских прозаиков с точки зрения сравнительной литературы. В диссертации «Лу Яо и проблема “деревни и города” в русской советской литературе» Ли Циньюй сравнивает сложные эмоции Распутина и китайского писателя Лу Яо по отношению к земле. Он отмечает, что Распутин обеспокоен неустойчивым положением русской сельской культуры под воздействием современной цивилизации и решительно защищает статус национальной традиционной культуры. Лу Яо согласен с Распутиным, он также стремится как можно скорее интегрировать китайскую сельскую местность в процесс модернизации, тем самым выступив с критикой отсталого традиционной культуры [5].

В Китае были написаны две монографии, посвященные творчеству Распутина: «Исследование творчества В.Г. Распутина», авторы книги Сунь Юйхуа, Ван Лидань, Лю Хун. «Чувство родной земли и национальное сознание в произведениях В.Г. Распутина», автор Чжао Ян. В книге «Исследование творчества В.Г. Распутина» творчество Распутина всесторонне обобщается из четырех аспектов, такие как морального идеализма, культурного консерватизма, культурного национализма и традиционного реализма. «Как деревенский прозаик, Распутин оказывает большое влияние на китайских писателей, особенно на китайских писателей-«деревенщиков», таких как Лу Яо, Мо Янь, Цзя Пинва, Чжан Вэй и Чжан Сяньлян. Благодаря их сходных тем, образов и творческих приемов, они могут учиться друг у друга» [10, с. 225]. Чжао Ян в своей монографии исследует взаимосвязь между деревенскими сознаниями и националистическими мыслями в творчестве Распутина. «С ростом культурного национализма в современных российских литературных и художественных кругах «деревенское сознание» постепенно слилось с нынешним культурным национализмом. С одной стороны, националистическая тенденция мысли часто воплощается в творчестве писателей в форме деревенского сознания. Многие деревенские писатели в разной степени выражали яркие националистические концепции; с другой стороны, существует четкое различие между деревенским сознанием и национализмом» [15, с. 3].

Таким образом, творчество Распутина широко распространено и изучается в Китае, китайские читатели воспринимают его как классика русской литературы. Творчество российских писателей, помогает китайцам лучше понимать различные аспекты российской культуры и жизни общества. Более того, проблемы нравственности, экологии и религии, содержащиеся в творчестве этого автора, имеют важное значение как для китайской литературы, так и для развития Китая. Я считаю, что исследование творчества В. Распутина китайскими литературоведами будет продолжаться и они смогут раскрыть в произведениях русского писателя новые идеи, важные для будущего развития общества.

Список литературы

1. Ван Пэйин. Религиозное сознание в творчестве В.Г. Распутина // Северный форум. 2006. № 2. С. 55-59. [王培英. 论拉斯普京创作中的宗教意识 // 北方论丛. 2006. № 2. Р. 55-59].
2. Ван Пэйцин. Творчество В.Г. Распутина // Вестник Северо-Западного педагогического университета: Серия философии и социальных наук. 1993. № 1. С. 59-64. [王培青. 试论瓦·拉斯普京的创作 // 西北师大学报(社会科学版). 1993. № 1. Р. 59-64].
3. Ван Сюе, Цюань Цяньфа. Религиозное искупительное сознание в экологической литературе Распутина // Вестник Танышанского института. 2009. № 1. С. 98-99. [王学, 权千发. 拉斯普京生态文学创作中的宗教救赎意识 // 唐山学院学报. 2009. № 1. Р. 98-99].
4. Жэнь Гуансюань. «Появился новый Распутин: обзор нового творчества Распутина в последние годы // Русская литература и искусство. 2000. № 1. С. 24-28. [任光宣. "一个新的拉斯普京出现了": 拉斯普京近年小说创作述评 // 俄罗斯文艺. 2000. № 1. Р. 24-28].
5. Ли Цинъюй. Лу Яо и проблема "деревни и города" в русской советской литературе. // Восточно-китайский педагогический университет. 2016. [李勤余. 路遥与俄苏文学中的“乡村—城市”问题 // 华东师范大学. 2016].
6. Лин Минху. Эмоциональное образование и художественный стиль в творчестве Распутина // Линия фронта общественных наук. 1985. № 4. С. 115-121. [林明虎. 拉斯普京创作中的情感教育和艺术风格 // 社会科学战线. 1985. № 4. Р. 115-121].
7. Лу Жэньхао. Призыв к спасению душ людей: оценка трёх советских повестей // Вестник Сучжоуского ун-та: Серия философии и социальных наук. 1991. № 2. С. 97-101. [陆人豪. 救救人的灵魂的呼吁——评三部苏联小说 // 苏州大学学报(哲学社会科学版). 1991. № 2. Р. 97-101].
8. Лу Синь. Полное собрание сочинений. Т. 4. Пекин: Народная литература, 1982. 460 с. [鲁迅. 鲁迅全集: 第4卷. 北京: 人民文学出版社. 1982. 460 p.].
9. Суй Чанцзюнь. Художественные функции языка персонажей: язык персонажей в повести В. Распутина «Деньги для Марии» // Иностранный язык и обучение иностранному языку. 1985. № 2. С. 62-67. [隋长军. 人物语言的艺术功能——В.拉斯普京小说《为玛丽娅借钱》的人物语言 // 外语与外语教学. 1985. № 2. Р. 62-67].
10. Сунь Юйхуа, Ван Лидань, Лю Хун. Исследование творчества В.Г. Распутина. Пекин: Народная литература, 2009. 227 с. [孙玉华, 王丽丹, 刘宏. 拉斯普京创作研究. 北京: 人民文学出版社. 2009. 227p].
11. Сунь Юйхуа. Образ женщины в творчестве Распутина // Иностранный язык и обучение иностранному языку. 1996. № 1. С. 49-51. [孙玉华. 拉斯普京小说中的妇女形象 // 外语与外语教学. 1996. № 1. Р. 49-51].
12. Цзинь Тэфэн. «Искусный мастер нравственной нормы. Вестник Ляонинского университета: Серия философии и социальных наук. 1998. № 3. С. 9-12. [金铁峰. 道德规范的艺术大师. // 辽宁大学学报(哲学社会科学版). 1998. № 3. Р. 9-12].
13. Ци Цзяньли. Тема судьбы в советской военной прозе // Вестник Пуяннского профессионального-технического колледжа. 1994. № 1. С. 4-7. [祁建立. 试论苏联卫国战争小说的命运主题 // 濮阳职业技术学院学报. № 1. Р. 4-7].
14. Чжан Юйэ, Чжао Сяоминь. Экологическая этика Распутина // Вестник Цицикарского университета: Серия философии и социальных наук. 1996. № 1. С. 18-21. [张玉娥, 赵校民. 拉斯普京的生态伦理观 // 齐齐哈尔大学学报:哲学社会科学版. 1996. № 1. Р. 18-21].
15. Чжао Ян. Чувство родной земли и национальное сознание в произведениях В.Г. Распутина. Нанкин: Изд-во Накинского университета, 2014. 221 с. [赵杨. 当代俄罗斯文学中的乡土意识和民族主义——以拉斯普京创作为例. 南京: 南京大学出版社. 2014. 221p].
16. Чжоу Чжэньмэй. Нравственный поиск Распутина // Литература, история и философия. 1991. № 4. С. 89-94. [周振美. 评拉斯普京的道德探索 // 文史哲. 1991. № 4. Р. 89-94].
17. Юань Чжэньву. Призыв к возвращению человеческих добродетелей: оценка четырёх повестей В. Распутина // Вестник Сучжоуского университета: Серия философии и социальных наук. 1987. № 3. С. 117-122. [袁振武. 呼唤人的美德的回归——评瓦·拉斯普京的四部中篇小说 // 苏州大学学报(哲学社会科学版). 1987. № 3. Р. 117-122].

10.01.00

**А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, С.Г. Аксенов д-р экон. наук,
Г.М. Сахаутдинова д-р мед. наук, Л.Ш. Хафизова, Р.С. Суфияров д-р мед. наук,
В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, У.Ф. Сулейманов, Э.Ф. Якуп, В.Д. Чистонов**

Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Бирский филиал Башкирского государственного университета,
Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, azatur3@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ НАПИСАНИЯ СТАТЕЙ ПО ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ, ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

После выхода в 1996 году первой в Российской Федерации первой региональной энциклопедии «Краткая энциклопедия Башкортостана» был проведен анализ редакционных ошибок, которые были учтены при работе над многотомным изданием Башкирской энциклопедии (2005—2011 гг.) по разделу медицины и спорта.

Ключевые слова: Башкирская энциклопедия, редакция медицины и спорта, принцип построения энциклопедической статьи.

В 1996 году в Российской Федерации в Уфе вышла первая региональная энциклопедия «Краткая энциклопедия Башкортостан», в 1997 году вышла её версия на башкирском языке. Статьи по разделу физическая культура и спорт были составлены известным журналистом Р.А. Аюповым, длительно работающий в редакции газеты «Вечерняя Уфа», но, к сожалению, не имеющего физкультурного педагогического образования.

В 1998 году было разработано методическое пособие «В помощь автору энциклопедических и справочных изданий», которое несколько систематизировало подачу основных достижений по видам спорта, спортивным обществам (клубам, командам), а также по биографиям спортсменов и тренеров [1; с.50]. Схема статей по видам спорта включала 13 пунктов, а по спортивному клубу (обществу) — 5 пунктов. В 1997 году вышло в свет методические указания «Большая Российская энциклопедия. Россия», где схема статей по видам спорта и по спортивным клубам (обществам) включала по 5 пунктов [2; с.43-44]. В качестве определяющего ориентира для написания статей были использованные Планы статей №77 (Вид спорта) и № 78 (Лечебная физкультура при различных заболеваниях) в методических указаниях «Типовые планы статей третьего издания Большой медицинской энциклопедии» [3; с.100-101], в которых было прописано соответственно 11 и 8 пунктов для раскрытия темы о видах спорта и лечебной физкультуре. Большую помощь в работе научного редактора по физической культуре и спорту оказали методическое пособие «Памятка автору статей третьего издания Большой медицинской энциклопедии» под редакцией профессора И.П. Лидова и профессора С.А. Русанова [4]. Построение чемпионских званий в биографических статьях претерпело множество обсуждений и критики, но в его основе была заложена «Единая всероссийская спортивная классификация», т.к. в XXI веке в мире, Европе, Азии, Америке, Африке стали проводиться множество международных соревнований (турнир, первенство, чемпионат), которые были организованы вновь созданными федерациями, ассоциациями, союзами, тем более, что они проводили состязания по разным версиям и категориям. В Научном издательстве «Башкирская энциклопедия» первоначально раздел «Физическая культура и спорт» входил в редакцию «Культура», что конечно осложняло прохождение статей через сито редакции контроля. В работе над многотомным изданием была взята организационная система Большой

Российской энциклопедии и Института Татарской энциклопедии, где раздел «Физическая культура и спорт» были в составе редакции «Медицины» (соответственно было и название редакция «Медицины и спорта»). Пример двух ведущих энциклопедий в гг. Москва, Казань оказал положительный пример для Научного издательства «Башкирская энциклопедия». После длительной подготовительной работы на протяжении почти 2 лет, т.к. раздел «Медицина» был в составе редакции «Биология, медицина и химия», которая разделилась на две редакции «Химия и медицина» и «Биология». В 2001 году назрела необходимость разделения редакции «Химия и медицина» на две отдельные редакции «Химия» и «Медицина». Присоединение к разделу «Медицина» соответственно «Физической культуры и спорта» прошло относительно спокойно, хотя резко увеличился объём редакторской и архивной работы. Вновь созданная редакция «Медицины и спорта» успешно справилось с поставленной задачей, т.к. почти 12 % статей от общего объёма многотомного издания Башкирская энциклопедия (7 томов) приходились именно на данное подразделение.

В печатных изданиях много информации уделяется физической культуре и спорту, особенно в год Олимпийских игр, поэтому наиболее актуальным становится пояснение терминологии по наиболее распространенным видам спорта, а также по теории и методике физической культуры, смежным научным и учебным дисциплинам (биомеханике, психологии, педагогике, гигиене, физиологии спорта, спортивной медицине и биохимии), широко используемых в специальной литературе [5; С.58].

В четких определениях спортивных терминов нуждается широкий круг спортсменов, тренеров, спортивных работников, студентов специальных учебных заведений, учащихся спортивных школ. Но спортивные термины выходят далеко за рамки понятий, относящихся только к данной отрасли научных и прикладных знаний. Они занимают все большее место в системе современных знаний о человеке и связаны с понятием «здоровый образ жизни». Спортивные передачи и обзоры — значительная часть телевизионных и радиопередач, газетной, журнальной и т.д. Т.к. спортивные термины часто встречаются в художественной литературе, публицистике, используются в политических статьях и выступлениях, знание их необходимо любому образованному человеку [5; С.58].

Статья Физическая культура и спорт освещают условия становления, этапы развития и формы организации физического воспитания и спорта в республике (объём статьи около 20000 знаков). В первую очередь представлены статьи о наиболее популярных в Республике Башкортостан видах спорта (футбол, хоккей с шайбой, мотогонки на льду, легкая атлетика, штанга, плавание, фехтование и др.) или для которых характерен высокий (мировой) уровень достижений (Шашки), а также об исконно национальных видах спорта (куреш, скачки на лошадях, стрельба из лука и др.). В этих статьях раскрываются особенности развития данного вида спорта в Башкортостане. Объёмы статей от 3000 до 10000 знаков. Обзорная статья о спортивных клубах и обществах не предусмотрена: эта информация войдёт в статью Физическая культура и спорт. Критерии для включения статьи о конкретном клубе (обществе) является наличие богатой истории и крупных общероссийских и международных достижений (например, «Буревестник», «Динамо»). Объём статей 3000-5000 знаков.

В статье Стадионы и спортивные комплексы даётся информация о спортивных сооружениях с богатой историей и международной значимостью (Уфа-арена, Дворец спорта и т.д.). Объём статей 2000-3000 знаков.

Биографические статьи в Башкирскую энциклопедию включались по критерию «Мастер спорта СССР (России) международного класса» вне зависимости от места присуждения, рождения — основной критерий высокое спортивное достижение (личное, командное), например, чемпион или призёр чемпионата России, Европы и мира, например, хоккеист стал чемпионом России в составе хоккейного клуба «Салават Юлаев» или футбольного клуба «Уфа». Заслуженные мастера спорта СССР (России) и заслуженные тренеры СССР (России) до 1200 знаков, мастера спорта СССР (России) международного класса и заслуженные тренеры России до 900 знаков.

Президиумом Ассоциацией истории медицины в 2011 году были разработаны именные медали, одна из которых имени доктора педагогических наук, профессора Геннадия Ивановича Мокеева (за вклад в развитие истории и энциклопедии физической культуры и спорта Республики Башкортостан). В общей сложности ей было награждено всего 5 человек в период 2011—2018 гг.

Выводы: 1) Принципы написания статей по здоровому образу жизни, физической культуре и спорту в Башкирской энциклопедии соответствует принципам построения статей в Большой медицинской и Большой Российской энциклопедии, но имеют свой региональный компонент.

Список литературы

1. В помощь автору энциклопедических и справочных изданий: Методическое пособие — Уфа: НИ «Башкирская энциклопедия», 1998. — 56 с.
2. Большая Российская энциклопедия. Россия: Методические указания — М., Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. — 122 с.
3. Типовые планы статей третьего издания Большой медицинской энциклопедии. М., Издательство «Советская энциклопедия», 1977. — 128 с.
4. Памятка автору статей третьего издания Большой медицинской энциклопедии / Под редакцией профессора И.П. Лидова и профессора С.А. Русанова. М., Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. — 122 с.
5. *Киньябулатов А.У.* Принципы и методические основы составления энциклопедического словаря терминов по физической культуре и спорту / Вопросы энциклопедистики: [сб. ст.] / под общ. ред. У.Г.Сайтова. — Уфа: Башк. энцикл., 2010. — 72 с.

10.01.00

**А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, Г.М. Сахаутдинова д-р мед. наук,
Р.С. Суфияров д-р мед. наук, С.Г. Аксенов д-р экон. наук, Л.Ш. Хафизова,
В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, У.Ф. Сулейманов, В.Д. Чистонов, Э.Ф. Якуп**

Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии, кафедра общественного
здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Бирский филиал Башкирского государственного университета,
Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, azatur3@yandex.ru

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СЛОВАРЕЙ И РАЗГОВОРНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Подготовка и издание национальных медицинских словарей и разговорников требует достаточного большого промежутка времени и хорошей редакторской работы, а также авторов статей, имеющих опыт написания научных статей для энциклопедических изданий. Издание региональных национальных медицинских словарей и разговорников необходимо в настоящее время, т.к. в Республике Башкортостан в сельской местности проживает почти 40% населения.

Ключевые слова: *медицинский словарь, медицинский разговорник, редактирование.*

В 2019 году Республика Башкортостан будет отмечать 100-летие своего образования, как первая автономная республика в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Председатель Башкирского правительства, врач, филолог Мстислав Александрович (Мухаметхан Сахипкиреевич) Кулаев, поставил свою подпись в основополагающем документе «Соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии» от 20 марта 1919 года. Первый Председатель Башкирского правительства М.А.Кулаев (1873—1958 гг.) внёс большой вклад в развитие башкирского и татарского языка [1]. В научном архиве Башкирского филиала АН СССР хранится итог многолетних трудов М.А.Кулаева в области медицины — рукопись под названием «Очерки по диагностике туберкулёза лёгких (Результаты 50-летних наблюдений)», датированная автором 1953 годом. В советское время М.А. Кулаев вёл научную, научно-организационную и учебно-воспитательную работу — был членом комиссии при Наркомпросе Татарской АССР по разработке терминологии на татарском языке по анатомии, физиологии и гистологии человека, участвовал в составлении, редактировании и обсуждении рукописей русско-татарских медицинских словарей, составлял пособия для русских врачей, работающих в татарских деревнях, писал и читал лекции на татарском языке для слушателей курсов сестёр милосердия, которыми заведовал [2; с.30]. М.А. Кулаев известен и как один из основоположников башкирского языкознания. Начало научной деятельности Мстислава Александровича по башкирскому языку, которую он продолжал всю жизнь, относится к 1905—1906 гг. Результатом этой работы явилось создание ряда научных трудов по языкознанию и башкирского алфавита на основе русской графики. К числу их относятся «Основы звукопроизношения и азбука для башкир» (Казань, 1912 г.), «Элепей («Букварь», Казань, 1919 г.), «О звуках башкирского языка» (Казань, 1928 г.). Большим вкладом в развитие башкирского языкознания является его труд «О глаголах башкирского языка» (Казань, 1930 г.). В нём учёному удалось выявить и описать почти все грамматические категории глагола. Многие из них были конкретизированы и введены сейчас в учебники башкирского языка. Из неопубликованных работ М.А. Кулаева наибольший интерес представляет рукописи «Грамматика усергенских башкир» и трехтомного «Башкирского-

русского словаря». «Башкирско-русский словарь» М.А. Кулаева высоко оценен специалистами. Он полностью перенесён на карточки и слит с общей картотекой Толкового словаря башкирского языка, составляемого лингвистами Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. Доктор М.А. Кулаев создал новый, оригинальный алфавит башкирского языка, в корне отличающий его от существовавших в то время арабского и миссионерских, которые были не в состоянии полностью передать фонетические и грамматические особенности башкирского языка [2; с.32]. Его алфавит основан на русской графике с использованием отдельных элементов греческого и латинского алфавитов. По оценке башкирских лингвистов алфавит М.А. Кулаева «в основе отражает звуковой строй башкирского языка», «он вполне отвечает всем требованиям алфавита, при помощи его знаков можно вести вполне правильное орфографическое письмо». Дважды — в 1923 и в 1928 гг. — поднимал вопрос о башкирской письменности на основе русской графики перед Башнаркомпросом в связи с созданием алфавита и письменности на основе арабской графики и с заменой последней латинской. Обе попытки не увенчались успехом прежде всего в силу объективных причин: отсутствия общественно-политических и психологических факторов, необходимых для такой реформы. Новый алфавит на основе русской графики был разработан и введен в Башкирии в 1940 г. Врач М.А. Кулаев к его разработке не был привлечён [2; с.35]. Высоко ценил М.А. Кулаева как ученого-лингвиста, создателя первого в истории башкирского языка национального алфавита профессор Дж. Киекбаев [2; с.37].

Один из организаторов Башкирского государственного медицинского института, доктор медицинских наук, профессор Гениатулла Нигматуллович Тергулов (1891 — 1984 гг.), имея педагогическое и медицинское образование, он в 1925—1932 гг. составил пять учебников для татарских школ, которые косвенно имели отношение к медицине (вкратце представлены основные санитарно-гигиенические термины для учащихся).

Дерматовенеролог, историк медицины, кандидат медицинских наук, доцент В.З. Гумаров издал два толковых словаря: «Русско-башкирский словарь по анатомии и физиологии человека» и «Русско-башкирский словарь медико-гигиенических терминов» [3, 4].

Академик Академии наук Республики Башкортостан, доктор медицинских наук, профессор, директор (1980—2006 гг.) и главный научный сотрудник (с 2006 г.) Уфимского научно-исследовательского института глазных болезней Марат Талгатович Азнабаев в 2004 году издал «Русско-башкирский толковый словарь офтальмологических терминов». В 2007 году учеными (М.Т. Азнабаев, В.З. Гумаров и др.) Уфимского научно-исследовательского института глазных болезней и Института истории, языка и литературы Башкортостана был издан «Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов», который носил энциклопедический характер и охватывал все области современной медицины, он был рассчитан для широкого круга читателей. В данном издании дано подробное толкование каждому термину, поэтому он доступен и полезен как медицинским работникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся медициной.

В 2003 году в Уфе были изданы «Русско-татарский медицинский разговорник» (соавторы А.У. Киньябулатов, К.З. Киньябулатова, З.Р. Киньябулатова) и «Русско-башкирский медицинский разговорник» (соавторы А.У. Киньябулатов, У.К. Киньябулатов, А.А. Киньябулатова) [5, 6]. В данных брошюрах юмористические рисунки оформила художник Л.И. Нигаметзянова, что придало изданиям привлекательный и доходчивый вид, который пользовался повышенным спросом, особенно у начинающих врачей — выпускников Башкирского государственного медицинского университета, которые выезжали на постоянную работу после окончания образовательного учреждения в отдаленные районы с преимущественным проживанием коренного населения республики.

Из приведенного обзора следует, что в Республике Башкортостан за вековой период крайне недостаточно издавалось национальных медицинских словарей и разговорников для медицинских работников.

В 2019 году кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО Башкирского государственного медицинского университета совместно с Министерством здравоохранения Республики Башкортостан готовит к переизданию «Русско-татарский медицинский разговорник» и «Русско-башкирский медицинский разговорник», в котором планируется включить более 500 дополнительных терминов, связанных с организацией здравоохранения, общественным здоровьем, биоэтикой, хирургией, урологией, нефрологией и др.

Выводы: 1) Создание национальных медицинских словарей и разговорников в Республике Башкортостан является важной задачей на современном этапе, т.к. сельское население республики составляет 39,9%.

2) Издание электронных версий медицинских словарей и разговорников в Республике Башкортостан должно стать приоритетным в ближайшее десятилетие.

Список литературы

1. Зыятдинов К.Ш., Киньябулатов А.У., Загидуллин Ш.З., Шарафутдинова Н.Х., Аминов Т.З. М.С. Кулаев организатор здравоохранения Татарской и Башкирской АССР / Казанский медицинский журнал, 2012, том. 93, №3. - С.554-555.
2. Киньябулатов А.У. Кулаев Мстислав Александрович (Мухаметхан Сахипкиреевич) (1873—1958 гг.) — Председатель Башкирского правительства (1919 г.), общественный деятель, врач, филолог. Уфа, 2016. - 56 с.
3. Краткий русско-башкирский словарь медико-гигиенических терминов / В. З. Гумаров. - Уфа : Башкирское книжное издательство, 1990. - 272 с.
4. Русско-башкирский словарь по анатомии и физиологии человека / В. З. Гумаров ; отв. ред. Р. З. Шакуров. - Уфа : Башкирское книжное издательство, 1981. - 131 с.
5. Киньябулатов А.У., Киньябулатова К.З., Киньябулатова З.Р. Русско-татарский медицинский разговорник. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2003 - 32с.
6. Киньябулатов А.У., Киньябулатов У.К., Киньябулатова А.А. Русско-башкирский медицинский разговорник. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2003 - 32 с.

10.01.10

О.С. Кудимова

Институт Международного Права и Экономики имени А.С. Грибоедова,
факультет журналистики,
кафедра теории и практики периодической печати,
kudimova.o@mail.ru

К ИСТОРИИ БЛОГА КАК ТИПА МАСС-МЕДИА: ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ В РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению истории возникновения блогов политических деятелей как средства массовой информации, зарождению этого вида масс-медиа, его развитию и фиксации его состояния на момент его возникновения, а также специфике блогов с точки зрения как журналистских жанров, так и интернет-публицистики.

Ключевые слова. *Блог, интернет, политика, масс-медиа, журналистика.*

Термин «блог» – это сокращение от web-log, то есть «дневник в сети». Политические блоги стали достаточно серьезной силой – сначала на Западе, а затем и в России. С помощью онлайн-дневника можно быстро сообщить нужную информацию, получить ответ на вопрос, пристроить в добрые руки животное, найти ту или иную вещь и пр. Еще лет десять назад обладание собственным блогом было редкостью: блогосфера была достаточно закрытым сообществом со своими кумирами, а подавляющее большинство интернет-пользователей не имело собственного блога.

Все изменилось с появлением блога президента Д.А. Медведева на платформе kremlin.ru, а затем и в livejournal. Президент обязал чиновников общаться в интернете с избирателями, сам первым подавая пример. Вскоре наличие собственного блога стало обязательным для различных организаций.

Актуальность темы исследования блогов как социального феномена определяется не только перечисленными выше инновациями в жизни учреждений и чиновников, но и рядом других факторов:

(1) появление рекламных блогов, в которых определенная фирма выкладывает информацию о своем товаре, о новинках, промо-акциях и пр.;

(2) использование блогов как инструмента давления на людей: «вброс» информации по той или иной теме, приводящий к массовой реакции среди людей, не являющихся интернет-пользователями.

Структура блога как масс-медиа неоднородна. Как правило, читающие блог видят главную страницу (в случае, если ссылка с того или иного сайта вела на данный блог как таковой) либо страницу с каким-либо интересным содержанием, ссылки на которую выводятся поисковой системой, когда пользователь ищет информацию по конкретной теме. Структура блога определяет его возможности: влияние блога может распространяться либо за счет интересных постов в нем, либо за счет популярности самой личности, ведущей блог [4, с. 309]. Интересные публикации могут быть скандальными, эпатажными, либо касающимися какой-то чрезвычайно актуальной темы. Эта тема может быть связана и с политикой.

Влияние блогов можно описать как эффект «расходящихся кругов»: сначала интересный пост задевает читателей данного блога, они начинают давать на него ссылки или полностью его копировать в свои блоги, затем заинтересованная тема просачивается в другие типы СМИ (например, благодаря упоминанию о ней каким-либо активным пользователем интернета на радио или по телевидению) и воздействие «информационной волны» становится все более широким. Это эффект так называемого «коммуникативного резонанса»: «Понятие «многоступенчатый потто коммуникации», введенное У. Шраммом, послужило

толчком к изучению введения в действие послекоммуникативных процессов, эффекта «коммуникативного резонанса». Вторичные (послекоммуникативные) процессы связаны с обсуждением и распространением информации, полученной по первичному процессу, они составляют гарантию успешности последнего. Таким образом, смысл вторичных процессов состоит именно в формировании общественного мнения как механизма обратной связи в системе властных взаимоотношений. Его роль может меняться от ничтожной до определяющей» [2, с. 93].

Блоги политиков – сравнительно новое явление в современной культуре. Интернет только недавно появился и широко распространился в жизни людей, и освоение его возможностей для политиков стало одновременно и способом привлечь молодого, образованного избирателя, и новой сферой, в которой были неизбежны ошибки. Например, в интернете широко обсуждался случай с Виктором Алкснисом, который достаточно серьезно подошел к ведению собственного блога [1].

До освоения блогов политиками, до широкого распространения этой технологии и прямого приказа президента об ее использовании, блоги мыслились как «территория свободы», куда нет хода официальным лицам, где можно было высказать любые мысли. Хотя в соглашении, которое принимает пользователь, решивший обзавестись блогем, написано, что администрация ресурса может по своему усмотрению приостановить действие того или иного аккаунта, тем не менее, пользователи ощущали возможность общаться «не под колпаком». Исследователи политической ситуации в России сравнивают блоги пятишестилетней давности с «кухней», на которой во времена Советского Союза велись диалоги о политике.

«В результате целой серии административных мер и «споров хозяйствующих субъектов» в России резко сократилось число СМИ, которые позволяли бы себе открыто придерживаться позиций, не совпадающих с официальной. Сократилась и вся сфера публичной политики – отменены всенародные выборы губернаторов, запрещена критика оппонентов во время выборов, отменен порог явки избирателей, не допущены к выборам некоторые оппозиционные политические партии и т. д. Ключевые политические вопросы решаются теперь преимущественно кулуарно, по линии бюрократической «вертикали». Все это способствовало «выдавливанию» критически мыслящих людей, имеющих активную гражданскую позицию, в сферы, пока еще не столь жестко контролируемые властью – в частности, в сферу интернет-блогов. Блоги стали той «виртуальной кухней», на которой люди еще могут обсуждать то, что хотят, и говорить то, что думают» [3].

Использование блогов как инструмента в политической борьбе имеет как свои преимущества, так и свои недостатки. К первым можно отнести мобильность блога, возможность быстро прореагировать на какую-либо информацию. Также блог предполагает сравнительно малые затраты: создать и поддерживать в рабочем состоянии сайт не так дорого, как провести масштабную кампанию. При этом общение с избирателем или жителем страны, которой управляет данный политик, становится чрезвычайно простым: в отличие от телевидения или газеты, ответ пользователя можно увидеть в режиме онлайн.

Возникновение интернета не только изменяет сложившуюся структуру СМИ, но и меняет устоявшиеся формы политического дискурса. В частности, возможности политической пропаганды с появлением интернета ограничиваются, а ресурсы политической рекламистики и политического PR, наоборот, расширяются. Использование информационных технологий дает возможность говорить о новом типе общественного строя, который условно называют «кибердемократией». Помимо использования «электронного правительства», облегчающего взаимодействие граждан с государством, а также различных организаций между собой, «кибердемократия» характеризуется появлением новых факторов формирования воззрений в социуме. Средствами воздействия на общественное мнение становятся сайты политических партий, движений и организаций, а также отдельных политиков, и различные форматы интернет-диалога, - от чрезвычайно лаконичного Твиттера до блогов, позволяющих размещать более развернутые сообщения.

Блоги политиков, широко распространившиеся в России, уже оказывают реальное влияние на жизнь общества. Однако пока их успех может проявляться только в условиях «двухступенчатой» модели коммуникации: блоги поддерживаются традиционными СМИ. Эта поддержка двунаправлена: с одной стороны, «информационные волны» блогов, распространяющиеся через кросспостинг, проникают в СМИ, с другой стороны, сообщения телевидения, газет и радио обсуждаются и критикуются в блогах.

Россия пока делает первые шаги в освоении блогов как инструмента политической борьбы, и на этом пути неизбежны ошибки. Так, пока не до конца ясен статус блогов среди СМИ (в частности, можно ли к помещенной в них информации применять законы о СМИ). Более того, исследователи блогосферы в США и других странах, где политическая борьба в интернете началась на несколько лет раньше, отмечают, что мнение блоггеров и той прослойки общества, которая активно использует интернет, не всегда совпадает с мнением всей страны. Например, в США выигравший голосование в интернете Джон Керри на реальных выборах получил намного меньше голосов, чем его соперник Джордж Буш-младший [2].

Безусловно, распространение интернета не остановить, и с каждым годом влияние сетевых ресурсов на жизнь общества будет возрастать. Сегодня возникновение политических блогов в России пока является данью моде и ответом на государственный заказ. В течение ближайшего десятилетия интернет и политика еще ближе шагнут навстречу друг другу: блог станет реальным инструментом взаимодействия, а граждане научатся вести диалог с властью с помощью интернета. В связи с этим перспективным представляется исследование динамики развития сетевых технологий и их влияния на государство и общество. Важно, чтобы политики и пользователи Сети учитывали совершенные ошибки и продолжали совместно осваивать сетевое пространство.

Список литературы

1. *Кашин О.* Политические возможности блогосферы – феномен XX века // Независимая газета, 26 апреля 2007 г. // [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2007-04-26/6_internet.html (Дата обращения: 20.11.2018)
2. *Раскладкина М.К.* Интернет как средство организации информационно-политического пространства России. Дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2003. – 198 с.
3. *Чернышов Ю.Г.* Использование интернет-блогов в политической борьбе // [Электронный ресурс] URL: <http://ashpi.livejournal.com/28380.html> (Дата обращения: 20.11.2018)
4. *Шуйская Ю.В.* Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней // Культура и цивилизация, № 1-А, 2017. – С. 301 – 310.

10.01.00

**И.Г. Кульсарина канд. филол. наук, Н.Г. Кульсарин канд. филол. наук,
Ф.Г. Фаткуллина д-р филол. наук**

Башкирский государственный университет,
Факультет башкирской филологии и журналистики,
кафедра русской и сопоставительной филологии,
Уфа, kulsarina-bgu@yandex.ru, kulsarina-nur@yandex.ru, fluzarus@rambler.ru

**БАШКИРСКО-РУССКИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ФОЛЬКЛОРЕ И
ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА)**

В статье рассматриваются межэтнические связи на материале современных фольклорных и литературных произведений. Особое внимание уделено башкирско-русским взаимоотношениям, отраженным в фольклоре и литературе о Крестьянском восстании под предводительством Е. Пугачева. Отмечается наличие интеркаляции на лексическом уровне в языке современных частушек и прозе.

Ключевые слова: *башкирско-русские межэтнические связи, современная проза, башкирский фольклор, интеркаляция, этнокультура.*

Исследование межэтнических связей в фольклорных и литературных произведениях остается актуальным и перспективным направлением отечественной филологии. Исследователями выявлено присутствие общих тем и мотивов в фольклоре и литературе [1, 6], изучено плодотворное влияние башкирского фольклора на русскую литературу [5, 6], показан процесс сотворческого диалога разнонациональных культур в условиях полиэтнического региона [10]. Как в фольклорных, так и в литературных произведениях ярко раскрываются башкирско-русские взаимоотношения в период Крестьянского восстания под предводительством Е.Пугачева. Так, в записанных нами в Еремеевском районе от Р.А.Райманова (1957 г.рожд.) в предании об озере Атамкуль повествуется о том, как вблизи него на несколько дней останавливались войска Емельяна Пугачева. Уезжая из этих мест, они поблагодарили озеро за приют, сказав, что оно заботилось о воинах, как родной отец. С тех пор озеро так и называется «Атам-куль», что означает «Озеро отца», а позже и деревню. В памяти старожилов Белокатайского района сохранились предания о том, как Пугачев и Салават «останавливались на привал и ночлег у подножия трех гор, называемых одним и тем же именем Мунчуг (Муйынсык), что в переводе с башкирского значит Ожерелье» [7, с.76]. Многогранно воссозданы образы вождей Крестьянского восстания и в творчестве русских писателей XX века – В. Шишкова («Емельян Пугачев»), С. Злобина («Салават Юлаев»), а в начале ХХІ века колоритный портрет башкирского героя был представлен в романе Я.Хамматова «Салават». Уникальность романа башкирского автора состоит в том, что в нем картины башкирской действительности передаются читателю через восприятие русских персонажей. Стержнем повествования служит поездка академиков Лепехина и Рычкова в башкирский край, посещение ими владений старшины Юлая, где они заинтересованно изучают историю и этнографию, этническую культуру башкир. В романе рельефно показаны башкирско-русские связи в лице Салавата и Андрея, сына Рычкова. Сын Юлая знакомит своего русского знакомого с природой башкирского края и народными обычаями. Они вместе наблюдают за охотой ловчих птиц, конными скачками. Если удалство и смелость башкирских парней показаны в эпизодах стрельбы из лука, то в изображении образов ученых-путешественников соблюдены русские национальные традиции. Например, когда Салават приехал в Оренбург, Петр Иванович по русскому обычаю хотел его обнять, однако башкирский юноша отстранился от него и подал правую руку для приветствия, как это

принято у мусульман. Часто встречаются в башкироязычном тексте русские выражения и обращения «Ваше превосходительство», «Ваше Величество!», «Честь имею!», «царь-государь», что придает роману своеобразный исторический колорит. В третьей главе романа «Салават», посвященной Екатерине II, ретроспективно воспроизводятся детские годы императрицы, дни принятия ею царского престола. Автор подробно описывает церемонию получения Екатериной Алексеевной символов власти от архиепископа, а также церковные ритуалы, совершаемые при ее короновании. При этом в подстрочнике даются пояснения таких слов, как «скипетр», «Иоанн», малопонятных современному башкироязычному читателю [9, с.103].

О совместной борьбе башкир и русских против заводовладельцев в XVIII веке повествует и Х.Сулейманов в своем романе «БашгизХан», используя фольклорные материалы о межэтнических связях в прошлом, в частности, народные рассказы о Салавате и Пугачеве.

Не теряет своей популярности в фольклоре и литературе тема интернациональных браков и описание сокровенных чувств влюбленных, принадлежащих к разным культурам. В сборнике «Частушки (устаи русских)», составленном И.Е. Карпухиным, имеется раздел «Любовь к нерусским», где представлены любовные истории русских девушек к башкирским парням («...за башкиров выйдем замуж») [10, с. 486]. О полиэтнической действительности Башкортостана ярко свидетельствуют и записанные нами от современных информантов двуязычные такмаки-частушки: «Башкортса «кайза бараһың», // Русса «куда пойдешь». // Һөйгән йәрең ятка калһа, // Пожалуй, с ума сойдешь». Это связано с активным билингвизмом среди башкироязычного населения края. Данное явление (интеркаляция) характерно и для современной башкирской литературы, где нередко наблюдается внедрение русского материала на языке оригинала в художественный текст. Так, в романе Ф.Галимова «Новый башкир» герой, оказавшись в народном празднике гармонии, слышит, как Михалыч поет частушки. Автор включил в башкирский текст его выступление без перевода: «Эх, жить будем! // Поживать будем! // А смерть придет, // Умирать будем!» [2, с.131]. Встречаются образцы русских песен и поговорок также в романе Г.Якуповой «Женщины». Так, героиня романа Нурия поет русский романс «Хасбулат удалой...», а в речи приезжего из города Чингиза нередко встречаются русские выражения. Умело включает автор в сюжет романа предания о башкирско-русских взаимоотношениях в прошлом. Так, тракторист Насих рассказывает Нурие давнюю историю, произошедшую с башкиром-кузнецом, которому пришел русский богач из соседней Николаевки с просьбой сделать ему плуг с двумя лемехами. Мастер долго не соглашался в виду того, что сам еще не имел такого плуга, но все-таки русский уговорил, пообещав ему в награду своего коня. Весной кузнец собрался вспахать землю, но вот беда: конь его не слушается. Послал башкир своего сына к русскому знакомому, тот пришел и крикнул коню только одно слово по-русски: «Бразда!», и появились первые борозды на поле [11, с. 512-513]. Осталась эта история в народной памяти, и часто оживает она в языке трактористов деревни. В романе Г.Якуповой рельефно воссоздана башкирская история с помощью народных преданий и легенд. Причем многие из них внедряются в сюжетную ткань в передаче Нурии, учительницы географии. Вот она рассказывает своим ученикам историю народной песни «Тафтиляу», отражающей народное осуждение деяний русского полковника А.И.Тевкелева, принимавшего участие в подавлении башкирского восстания 1735-1736 годов [11, с. 479], или же слушает Загиру, рассказывающую предание о бунте башкир против начальника горно-изыскательной партии Брагина, бесчинства которого были до такой степени жестокими и чудовищными, что один парень по имени Амин отомстил ему за причиненное местному народу унижения и застрелил его во время охоты. Заслушавшись этого рассказа, Нурия невольно в образе народного мстителя представляет своих верных друзей – Кабира, Чингиза, Фатиха [11, с.401].

Творческое переосмысление получил местный фольклор в сказках и рассказах Е.С. Ефимова, посвященных истории г. Уфы. В сказке «Месть горного хозяина» описывается необычайная история, произошедшая в XVII веке на столичном базаре неподалеку от моста через речку Сутолоку, куда приезжали торговать со всей округи. Конфликт произведения

построен на истории башкирского старика, продававшего здесь кумыс, и богатого русского торговца Шемяки Степанова. Захотел русский купить у старика его дочь Ташгуль в услужение, на что старик наотрезь отказался. Велел Шемяка стражникам схватить кумысоторговца вместе с дочерью, но те таинственно исчезли, а между тем башкиры говорили про какого-то Горного хозяина и его дочь. Сурово отомстил Горный хозяин своему обидчику: на следующее утро все лавки базара сгорели, а Шемяка заболел от горя и умер [4, с.70].

В современной литературе часто встречается коллизия, построенная на истории влюбленной пары, принадлежащих к разным этнокультурам. Так, в повести Л. Якшибаевой «Ласточки Варазикуля» повествуется о любви башкира Фахразия к русской девушке Наде, счастье которых было разрушено завистью и сплетнями окружающих. Встретившись спустя двадцать лет в санатории, Фахразий и Надя поняли, что все эти годы любили только друг друга, не имея полного счастья и гармонии в семейной жизни. Мудрая женщина, не захотевшая разрушить семью возлюбленного, уехала в Екатеринбург, а Фахразий всю оставшуюся жизнь питал искренние чувства к русской женщине, которые выразились не только в букете белых роз, оставленных им на могиле Нади, но и в желании соединить свою дальнейшую судьбу с похожей на неё женщиной.

В современных условиях интеграция разных этнокультур приводит к стиранию межконфессиональных граней, что ярко отразилось в творчестве русских поэтов республики. В стихотворении «Табынская икона» А.П. Филиппов обращается своей любимой словами: «Я христианин, ты – магометанка, // Под Богом мы – единая семья» [5, с. 181]. А в стихотворении В. Денисова «Наш Палыч» народный поэт А.П. Филиппов назван «башкирорусской Душой разноязыкого народа» [3, с.102].

Таким образом, изучение башкирско-русских связей в фольклоре и литературе может способствовать выявлению важных подходов к пониманию актуальных в современном полиэтническом обществе феноменов межнациональной толерантности и межкультурных связей.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта №18-412-020021 р_а.

Список литературы

1. Ахметшин Б. Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. Монография. – Уфа: Китап, 2001. – 288 с.
2. Галимов Ф. М. Новый башкир. Роман, повесть, рассказы. – Уфа, 2008. – С. 131 (на башк.яз.).
3. Денисов В. В. Времена непохожие: стихи и поэма. – Уфа, 2013. – 176 с.
4. Ефимова Е. С. История города Уфы в сказках и рассказах. – Уфа, 2010. – 148 с.
5. Кульсарина И. Г. Мотивы и образы башкирского фольклора в русской литературе XX века. Монография. – Уфа, 2017. – 136 с.
6. Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы. К проблеме русско-башкирских литературно-фольклорных связей. – Уфа, 1972. – 256 с.
7. Современное состояние преданий, частушек и быличек северо-восточной Башкирии: сборник фольклорных текстов. Сост.: Б.Г.Ахметшин, И.Г.Кульсарина, Н.Г.Кульсарин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 212 с.
8. Филиппов А. П. Избранное в трех томах. Т. 2. – Уфа, 2007. – 440 с.
9. Хамматов Я. Х. Салават. Сырдарья. Исторические романы. – Уфа, 2000. – 528 с. (на башкирском языке).
10. Частушки (устаи русских). Сбор материала, составление, вступительная статья И.Е.Карпухина. – Уфа, 2006. – 776 с.
11. Якупова Г. М. Женщины: трилогия. – Уфа, 2015. – 728 с. (на башк.яз.).

10.01.00

Д.В. Макаров д-р культурологии

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова»,
кафедра философии и культурологии,
Ульяновск, denis.makarov@mail.ru

**«В ЧЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ» – ИДЕЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

В статье рассматриваются творческий замысел романа Ф.М. Достоевского в контексте православной культурной традиции. Предпринимается попытка объяснения духовного возрождения героя на основе традиционной христианской нравственности.

Ключевые слова: *Православие, роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», покаяние.*

Творческий замысел романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» был неотделим от желания автора показать, что есть подлинное православие. В черновой записи, сделанной к третьей (окончательной) редакции романа от 2 января 1866 г. Читаем: «Православное воззрение, в чем есть Православие» [2].

Прежде всего, следует обратить внимание на заглавие. Являясь эквивалентом текста, название заявляет его основные темы и указывает на их художественное решение. Заглавие «Преступление и наказание» в христианском контексте (если речь идет об отдельном преступлении частного человека) воспринимается как «грех и его последствия». А если ставится вопрос о причине или природе общечеловеческой греховности, то преступление начинает соотноситься с грехопадением.

И как грехопадение первого человека приносит в мир смерть, также, по мироощущению Достоевского, преступление обрекает совершившего его преступника на смерть – духовную смерть, прежде всего. И это отражено в тексте романа. Например, уже решившийся на преступление Родион «вошел к себе, как приговоренный к смерти» [2, с. 65].

По общехристианскому учению грех неминуемо несет вслед за собой наказание: отлучение от Бога, нарушение духовно-душевно-телесного равновесия, проклятие, болезнь и смерть. Но это не кармический закон, и последствий греха можно избежать покаянием. Но вот в чем состоит истинное покаяние? В понимании этого общехристианское учение разделяется на православное и католическое. И это тем более важно, что покаяние – сущность христианской жизни. Вся жизнь христианина есть покаяние, понимаемое как преображение ветхого человека в нового, «созданного по Богу, в праведности и святости истины» [7]. Интересно и особо примечательно, что оптинский старец преподобный Амвросий (Гренков) после встречи с Федором Михайловичем определил его словом «кающийся». Значит, провидел святой, что Достоевский сам жил покаянием, следовательно, и знал психологическую и духовную глубину покаяния.

Различие в понимании покаяния в православии и католичестве именно психологическое. На этом настаивает архиепископ Иларион Троицкий в своей работе «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» [1]. Анализируя тысячелетнюю церковную психологию покаяния, он приходит к выводу, что в православии покаяние понимается как врачество (именно такую цель ставит назначаемая за грех епитимья), как исцеление, как устремленность к обновлению и преображению: «Это – психология человека и жаждущего обновления своего ветхого человека и понимающего, что обновление это создается лишь тернистым путем борьбы и подвига. Церковная психология покаяния не ищет пути, который лежал бы мимо подвига, но именно путем подвига ищет преображения в «новую тварь»» [1, с. 178]. А

католический взгляд на покаяние архиепископ Иларион называет «юридическим» и «дисциплинарным». В православной же церкви «покаяние – врачевница, из которой люди выходят со светлым, озаренным надеждой, лицом» [1, с. 209].

Достоевский, несомненно, понимал, чувствовал эту разницу, и его стремление показать «в чем есть Православие» проявилось именно в изображении специфики покаяния Раскольникова. И финал романа – воскрешение героя. Он, как прежде евангельский Лазарь, выходит из гроба духовной смерти и одиночества, и его душа оживает, радость и любовь озаряют его сердце. Воскрешение души без покаяния совершенно невозможно. Значит, покаяние было, но изображено оно Достоевским по-другому, не так, как мы привыкли его воспринимать: «извините, был не прав», произнесенное еще в соответствующей самоуничижительной позе. Нет, Достоевский просто не мог дать своему герою такое шаблонное, повседневное и привычное (для многих христиан) покаяние. И то, что Раскольников не исповедует свое покаяние словами, тоже о многом говорит. Если бы он стал каяться на словах, это означало бы, что он находится на том же рациональном уровне бытия, на котором мы застали его в начале романа. Но на каторге у Раскольникова начинают оживать сердце, душа, и он стремится уйти от той системы координат (логики, умозаключений, словесных формулировок и т.п.), в которой он жил раньше. Он даже Евангелие не читает, отказываясь от рационального способа постижения. Но держит его под подушкой, близко от себя (ибо это ему приятно), и эта близость Евангелия, в котором есть притча о Лазаре, согревает сердце. Следовательно, и покаяние его происходит совершенно на другом уровне, на глубине, недоступной рациональному постижению, на самом дне человеческого бытия (ведь заключенные считают его хуже всех, даже самых закоренелые преступников), в абсолютной мертвенности души, в аду его нечеловеческого мучения. И это покаяние становится началом его преображения.

В евангельском подлиннике на греческом языке грех обозначается словом «ἀμαρτία» (амартиа), что буквально означает «непопадание в цель, промах», а для обозначения покаяния употребляется греческое слово «μετάνοια» (метания). Оно обозначает глубокую перемену сердца, преображение ума и всего душевного склада, перестройку всего созвучия чувствований, полное духовное обновление. И это не количественный, а качественный процесс. И именно это и происходит с Раскольниковым: «он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим» [2, с. 527].

Его покаяние – именно и есть такое преображение–«μετάνοια», а не раскаяние вследствие наказания. Достоевский ломает традиционную схему «преступление – наказание» и создает новую: «преступление – преображение-покаяние».

Противоречие содержания романа и его названия не случайно, оно призвано еще раз утвердить, что жизнь шире любой теории.

Но тут возникает другой – не менее важный – вопрос. А не отходит ли Достоевский от Православия? И каким образом возможно это преображение-покаяние Раскольникова, если он так и не принес собственно раскаяния в содеянном преступлении? Тут еще одна загадка. Действительно: Раскольников не раскаялся в преступлении. А то, что он совершил признание вины и пошел на каторгу, это не от раскаяния, а от духовного мучения, которое он переживал с момента совершения преступления.

Это вполне соответствует первоначальному замыслу романа, который задумывался автором, как «психологический отчет одного преступления». Об этом замысле можно узнать из письма (сер. сентября 1865 г.) Ф. Достоевского к редактору «Русского вестника» М. Каткову [4], с которым он заранее вел переговоры об издании. Но на каторге Раскольникову не стало легче. Его внутренние мучения продолжились, это очень хорошо видно из текста романа. Он остается пустым, холодным и внутренне одиноким. Каторжане даже однажды решаются убить его, так как он, по их пониманию, хуже всех.

Самое важное, что преображение героя совершается – после причащения: «На второй неделе великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой. Он ходил в церковь молиться вместе с другими». Как проходило говение, например, подробно описано в

романе И.С. Шмелева «Лето Господне». В дореволюционной практике начиналось говение в понедельник, длилось до субботы или воскресенья (а каторжан для этого даже на неделю освобождали от работ) и обязательно завершалось исповедью и причастием. Значит, исповедь у Раскольникова была. Но было ли раскаяние? Об этом автор не говорит. Ну и не будем додумывать лишнего. Если не говорит, то значит, его и не было. Что же тогда? Исповедь без раскаяния – формальная, не даёт прощения грехов.

Надо обратиться к учению о причащении одного из величайших апостолов Христовых – апостола Павла. Он пишет в Первом послании к Коринфянам: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» [5]. Значит, по апостолу Павлу, формально исповедавшийся Родион причащается «недостойно» и не «судит сам себя», поэтому и становится «судим, наказываем от Господа». Текст романа подтверждает это. После говения (читай – причастия) Раскольников сильно заболел и «пролежал в больнице весь конец поста и Святую». Он еле выжил, в самые тяжелые дни бредил и видел страшные пророческие сны-кошмары. Но Родион не умер, так как, по словам апостола Павла, «наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром». То есть, как говорит священномученик митрополит Иларион (Троицкий) в православной церкви «покаяние – лечебница, из которой люди выходят со светлым, озаренным надеждой, лицом».

Это значит, что Достоевский находит решение вопроса о преображении-покаянии в русле канонической православной традиции, которая утверждает, что совершителем покаяния, воскресения и преображения человека является только Сам Господь Иисус Христос.

И только Христос и есть та Красота, которая «мир спасет», как сказано в другом романе писателя «Идиот» (Роман «Идиот», 4.4, гл. VI). В письме (январь – февраль 1854 г.) к Н.Д. Фонвизиной, жене ссыльного декабриста, он пишет: «ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа» [3].

Ф.М. Достоевскому в романе «Преступление и наказание удалось выразить благую весть – никогда не надо приходить в отчаяние, как бы велики не были грехи. В любой, даже самой «безвыходной» ситуации всегда есть выход – обратиться ко Христу, который с нами есть «во все дни до скончания века» [5].

Список литературы

1. *Архиепископ Иларион (Троицкий)*. Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве // *Архиепископ Иларион (Троицкий)*. Без Церкви нет спасения. – М.–СПб., 1998.
2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.] – Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990. Т. VII. – С. 154-155.
3. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.] – Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990. Т. XXVIII. Кн.1. – С. 176.
4. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.] – Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990. Т. XVIII. Кн.2. – С. 137.
5. Евангелие от Матфея. Глава 28. Стих 20.
6. Первое послание к коринфянам. Глава 11. Стихи 23–32.
7. Послание к Ефесеям. Глава 4. Стих 24.

10.01.01

А.Г. Сильчева

Институт Международного Права и Экономики имени А.С. Грибоедова,
факультет журналистики,
кафедра истории журналистики и литературы,
alinka-krasulka@mail.ru

МАГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»: ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КОД

Статья посвящена анализу «кода Христа» в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо»: автор показывает точки соприкосновения жизни главной героини с жизнью Иисуса Христа, отмечая сходство романа с Евангелием – обоснованное сопоставление, обусловленное не только подробностями сюжета, но и резюме самой Дины Рубиной.

Ключевые слова: *магический реализм, роман, Дина Рубина, интертекст, межтекстовый диалог.*

Роман Дины Рубиной «Почерк Леонардо» посвящен женщине, наделенной необыкновенными способностями, отвергающей свой дар и не воспользовавшейся им. Д.Д. Зиятдинова видит в этом проявление «иаковского кода» - образа Иакова, борющегося с невидимым противником [1, с. 180], что эксплицитно отражено в романе: Сеня в своем последнем письме сравнивает жизнь Анны с борьбой Иакова с невидимым противником, и это первое письмо, в котором слово «ты», обращаемое к Анне, пишется с большой буквы: «Я непрестанно думаю о Тебе, о Твоей жизни, в которой Ты была одна, всегда одна – ибо выбрала быть одной, бороться одной до восхода зари, - и никто не мог в этой яростной схватке с Невидимым встать рядом с Тобой!» [5, с. 446]. В этом письме Сеня описывает свои впечатления от картины Рембрандта, изображающей борьбу Иакова с ангелом.

Нам представляется, что помимо подробно описанного Д.Д. Зиятдиновой «иаковского кода» в романе присутствует «код Христа» [3, с. 27]. Образ Анны Нестеренко, ее описанная в романе биография и подробности ее жизни имеют массу совпадений с библейским изложением истории Иисуса Христа. При этом нет ничего удивительного в том, что Анна – женщина, а не мужчина. Прежде всего, автор многократно подчеркивает, что Анна как бы и не совсем женщина: она почти бестелесна, в ее внешнем облике никак не выделяются любовно описываемые Диной Рубиной в других произведениях (например, «Воскресная месса в Толедо», «Цыганка» и др.) явные признаки женского тела: массивные груди, крупный зад. Для удобства выступления в цирке Анна стрижется под мальчика: Владимир в разговоре со следователем упоминает, что «перед всей этой мотоциклетной эпопеей обскубал ее волшебные волосья» [5, с. 89] Попугай Женеьевы Говард по непонятной и так и не раскрытой в тексте романа причине обращается к обожаемой им Анне «Анна – мальчик» [5, с. 309], как бы презревая ее истинную сущность.

Вторым важным моментом является тот факт, что в представлении Дины Рубиной Мессией может быть и женщина. Первым ее крупным прозаическим произведением, написанным в Израиле, является роман «Вот идет Мессия!», среди героев которого практически каждый считает себя Мессией. Одним из «кандидатов» в Мессию становится библиотекарь Ангел-Рая («ангел Рая», «ангел из Рая»), которая, в отличие от других героев, отнюдь не настаивает на своем мессианстве – вывод об ее сущности делают другие, наблюдая за ней. Ангел-Рая обладает мистической способностью влиять на людей, она может одновременно пребывать в нескольких местах, и она пережила смерть и воскрешение [4]. Соответственно, в художественном мире Дины Рубиной не исключается явление женщины-Мессии.

В «Почерке Леонардо» в начале текста нет прямой констатации факта Мессиянской природы Анны, однако есть ряд знаковых моментов. Пункты соприкосновения с житием Христа проявляются в описании детства героини: Анна растет в семье положительных, во всех отношениях «благочестивых» родителей, при этом ее мать зовут Мария (Машута). Мария является не родной, а приемной матерью, и весть о девочке ей приносит дальняя родственница, которая, впоследствии называет Анну «крестом» и говорит напуганной необыкновенными способностями девочки Машуте: «Теперь, значит, тебе энтот крест нести!» [5, с. 20], апеллируя не только к образу Христа, но и к страданиям Богородицы, с самого начала знавшей о том, какая трудная судьба ожидает ее дитя. При первой встрече исхудавшая Анна производит на Машуту впечатление «святившегося» существа, неземного [5, с. 13], и далее на протяжении всего детства девочки ее уникальные способности поражают мать и пугают ее (в отличие от реакции отца, который относится к способности предвидеть и узнавать информацию о людях менее эмоционально).

Далее, в юности Анна осознает свои необыкновенные способности. Постепенно она свыкается со своим даром и учится им управлять, не демонстрируя уникальные (но в то же время и пугающие) навыки первому встречному. У Анны есть свой Иоанн Предтеча, он же Лазарь-Элиэзер – тот, кто первым по достоинству оценил и открыл ее уникальные способности. Обсуждая Анну после ее смерти, Элиэзер абсолютно серьезно говорит об ее ангелической сущности [5, с. 407], при том, что с самого первого дня их знакомства его нисколько не удивляет способность Анны к предвидению [5, с. 218]. Само имя Элиэзер, в соответствии с толкованием имен, упоминаемых в Библии, означает «Бог моя помощь» [2], что соответствует смыслу взаимоотношений Анны и Элиэзера: хотя он и является ее учителем, Анна гораздо больше помогает ему, чем он – ей.

Функционально Элиэзер соответствует не только Иоанну Крестителю, но и своему прямому тезке – Лазарю. До встречи с Анной он пребывает в «мертвенном» состоянии: его кружок по изготовлению зеркал никому не интересен, сам он находится под влиянием строгого и не наделенного «зеркальным» талантом брата-близнеца Абрама. Появление Анны возрождает Элиэзера к жизни: несмотря на упоминаемые в тексте романа его болезни, он переживает своего брата, да и саму Анну.

В романе упоминается также о способности Анны лечить одним своим присутствием: об этом рассказывает Владимир, описывая историю своего ожога: «Был я как головешка обугленная... Вот тогда Анна мгновенно прилетела в Выборг и сидела со мной несколько дней. Не знаю, что делала. Я ж ни черта не видел! Но первая страшная боль унялась уже к концу второго дня...» [5, с. 362].

Еще одним знаковым моментом в «Почерке Леонардо» является наличие у Анны своих «евангелистов» - Владимира и Сени, рассказывающих о ней. В романе переплетаются три точки зрения: изложение «от третьего лица», устами самого автора, и голоса двух любивших Анну мужчин. Каждый из них рассказывает о различных событиях, акцентируя внимание на необыкновенных способностях Анны, при этом оба они полностью изменили свою жизнь, подчиняясь стремлению быть рядом с Анной. Об ее сходстве с Иисусом прямо говорит еще один персонаж, голос которого мы слышим в самом конце романа: следователь Интерпола, который ведет дело об исчезновении Анны. Он пишет письмо своему дяде, описывая необыкновенный случай, который ему довелось расследовать, и пишет, в частности: «Вот я и крутился на допросах в кругу этих чудес, время от времени допрашивая сам себя: я-то нормальный? Или нет? Не может же быть, чтобы все эти люди, которые бог знает что мне о пропавшей рассказывали, были чокнутыми? С другой стороны, положив руку на сердце: а четыре евангелиста – они не чокнутые? Но мы же читаем, как Он шел по воде, аки посуху, и за давностью тысячелетий отлично все это кушаем... Вот и будем считать, что рождается такой современный миф... Да, но где же мальчик?! То есть девочка?!» [5, с. 440]. Далее следователь Роберт прямо говорит, что Анна «вознеслась» [5, с. 441], мечтает о ней написать роман, при этом оставляя лазейку и для иного, не мифологического, а мистического толкования: «он на полном серьезе уверял меня, что «Нюта» ... перенеслась в другую,

«зеркальную вселенную». ... зеркальным коридором, образованным зеркальной материей» [5, с. 442], и в нескольких абзацах излагается теория Элизера о сущности Анны и возможности перенесения в иную вселенную.

Как и Иисус, Анна переживает смерть и воскрешение, причем даже дважды. Первый раз она «умирает» в комнате Женеьевы, когда скульпторша пытается ее убить за точное предсказание смерти ее возлюбленной: «Перед нею, чуть привалясь к спинке, сидела абсолютно мертвая прямая Анна» [5, с. 426]. Впрочем, Анна в данном случае, скорее всего, задействует навыки, приобретенные в цирковой юности: «А труп изобразить – это чепуха... Чепуха, балаган! Я тоже умею» [5, с. 390]. Этот трюк показывал и дед Анны, Вольф Мессинг, что также упоминается в романе: «... он, хотя и производил потрясающее впечатление, был мало кому знаком. Трупом работал... В цирке. ... Умирал на публике, совершенно коченел, каждый сам мог потрогать. Я тоже вышел, потрогал... Потом он оживал... Это был легендарный Вольф Мессинг, который предсказал конец Гитлера и потому вынужден был бежать в Советский Союз, где погиб» [5, с. 351]. В этом высказывании профессора Мятлицкого содержится намек на еще одну «смерть» Анны – говоря о том, что Мессинг «погиб», он имеет в виду его выступления на публику: «Человек, который видел будущее, свободно читал мысли собеседника и... и бог знает на что еще был способен... он – выс-ту-пал? Вот я и говорю: погиб!» [5, с. 351]. Эти слова, описывающие жизнь Мессинга, относятся и к самой Анне: ее дар мог бы открыть перед ней блестящие перспективы, от которых она полностью отказалась. Если Вольф Мессинг хотя бы показывал публике «чудеса», связанные именно с его уникальным даром, то Анна не пользуется им вовсе, предпочитая эксплуатировать свою физическую цирковую подготовку и свой интерес к зеркалам.

После этой «псевдо-смерти» от рук своей подруги Анна встает, выходит из дома Женеьевы, уезжает и посещает кафе, и затем уже переживает свою вторую, еще более загадочную смерть, также напоминающую о библейском тексте: как и в описании смерти Иисуса, ключевым моментом становится отсутствие тела, означающее воскресение: Владимира поражает тот факт, что ни тела Анны, ни ее мотоцикла не обнаружили на дне залива. Как и Иисус, Анна является после смерти тем, кто знал об ее уникальных способностях: Сеня видит ее на заднем сидении своей машины. Владимир также разыскивает ее после смерти, однако лишь слышит суждения о том, что она только что была где-либо [5, с. 449].

Следует также отметить, что «библейская» составляющая усиливается к концу романа: словно бы от замысла описания жизни необыкновенной, «зеркальной» девушки автор перешел к более грандиозному замыслу – описанию жизни сверхъестественного существа, которое разные люди, столкнувшиеся с Анной, называют то ангелом, то демоном, то ведьмой.

Список литературы

1. Зиятдинова Д.Д. «Иаковский код» в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 180 – 189.
2. Значение имен, употребляющихся в Библии // [Электронный ресурс] URL: http://preo.cca.by/adds/bible_names/7/ (Дата обращения 20.11.2018)
3. Кихней Л.Г. Мифологическая семантика умирания и воскрешения в стихах Ахматовой 1930-х-50-х годов // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века / Сб. тр. междунар. конференции. Тверь: ТвГУ, 2004. С. 27 – 39.
4. Рубина Д. Вот идет Мессия! – М.: Эксмо, 2008. – 216 с.
5. Рубина Д. Почерк Леонардо. – М.: Эксмо, 2008. – 464 с.

10.01.01

О.Ю. Юрьева д-р филол. наук, Ван Ланьцзюй канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, yuolyu@yandex.ru,
Китай, Пекин, 2391197883@qq.com

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»
В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
Статья 2**

В китайской литературе существует женский образ, аналогичный образу Наташи Ростовой в романе Цао Сюэ-Цзиня «Хунлоумэн» («Сон в красном тереме»). В повзрослевшей Наташе, которая стала «плодовитой самкой», просматриваются черты традиционного китайского образа матери, но при этом в Наташе нет той сдержанности, этикетности, ритуальности, которые свойственны поведению китайской матери в семье. С другой стороны, образ юной Наташи с ее естественностью, близостью к природе и народу, вполне соответствует традиционной конфуцианской и даосистской концепции. Соответствует Наташа и женскому идеалу Конфуция. Как и идеал Толстого, идеал китайской женщины вбирает в себя такие понятия, как женственность, материнство, преданность, любовь и самопожертвование.

Ключевые слова: *Лев Толстой, «Война и мир», Конфуций, Лао-Цзы, женские образы, Наташа Ростова.*

В русской литературе мы вряд ли найдем типологических предшественниц Наташи Ростовой. Но вот в китайской литературе такая героиня есть. Китайские литературоведы сравнивают Наташу Ростову с героинями известного романа Цао Сюэ-Цзиня «Хунлоумэн» («Сон в красном тереме»). Роман был написан в XVIII веке. Как пишет Ван Юнцзы, сравнивая эти образы по всем линиям идейно-творческих сближений и расхождений, нужно учитывать, что Наташа Ростова с ее импульсивностью, резвостью, является настоящей русской девушкой, очень далекой от феодального этикета Китая [4. 89]. В повзрослевшей Наташе, которая стала «плодовитой самкой», просматриваются черты традиционного китайского образа матери, но при этом в Наташе нет той сдержанности, этикетности, ритуальности, которые свойственны поведению китайской матери в семье. С другой стороны, образ юной Наташи с ее естественностью, близостью к природе и народу, вполне соответствует традиционной конфуцианской и даосистской концепции.

Соответствует Наташа и женскому идеалу Конфуция, который состоял в натуральности, естественности и искренности женщины. Последователь Лао-Цзы Чжан Чжу писал, что истинной могут быть только естественные и искренние чувства, так только они могут растрогать до глубины души, оказать свое благотворное воздействие на более черствую и рациональную душу мужчины.

Именно такой показывает Наташу Ростову Толстой. Известно, что взгляд Толстого на предназначение женщины был весьма консервативен. Китайские литературоведы отмечают, что в первый раз Наташа предстает пред нами тринадцатилетней девочкой, наивной и естественной во всех своих проявлениях, чистой и обаятельной. В ней нет изнеженности и хрупкости, застенчивости и сдержанности, которые требуются по этикету от дворянских девушек. Сила жизни и естественность выражается в ее эмоциях.

В китайском литературоведении утвердилось мнение, что склонность Толстого к Востоку выразилась в портрете графини, женщины «с восточным типом худого лица», похожей на родную мать писателя. В этом выразилась и эстетическая концепция Толстого [3. 93].

Идеал женщины в традиционной эстетике Китая — женщина, которая рождает и воспитывает детей, ухаживает за мужем и родителями. Конфуцианство не приемлет участия женщины в общественной жизни. Женщина больше молчит и работает в доме, а мужчины занимаются внешними делами. Об этом говорят и китайские поговорки: «мужчины в поле работают, женщины шьют в доме», «муж запекает — жена подпекает». Эта традиция действовала не только в народе, но и среди китайской аристократии: женщины также сидели в доме, шили, играли на музыкальных инструментах, рисовали, но главное — рожали и воспитывали детей. Идеал китайской женщины вбирает в себя такие понятия, как женственность, материнство, преданность, любовь и самопожертвование. Именно эти черты выражены в облике вышедшей замуж за Пьера Наташе: «Наташа вышла замуж ранней весной 1813 года, и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она страстно желала и теперь сама кормила. <...> Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодovitая самка. Очень редко зажигался в ней теперь прежний огонь» [9. 265-266].

Всю свою жизнь Наташа посвятила мужу и детям: «В обществе молодую графиню Безухову видели мало, и те, которые видели, остались ею недовольны. Она не была ни мила, ни любезна. Наташа не то что любила уединение (она не знала, любила ли она или нет; ей даже казалось, что нет), но она, нося, рождая, кормя детей и принимая участие в каждой минуте жизни мужа, не могла удовлетворить этим потребностям иначе, как отказавшись от света» [9. 266]. Все это не соответствует сложившимся к тому времени представлениям о полноценной жизни и истинном счастье, которое современники Толстого видели в привлечении женщины к общественной жизни и боролись за права женщин, за эмансипацию. Не соответствовало это и далекому от демократического, но отнюдь не патриархальному идеалу русской аристократии. А Толстой показал, что истинное счастье женщины — в семье, в тихой уединенной жизни. Красота женщины не во внешней ухоженности и искусственно сделанной красоте. Истинная красота, по Толстому, — в Наташе, в ее полноте, плодovitости, доброте и самопожертвовании, то есть в том, что требовал от женщины Конфуций. Конфуцианская концепция выражается в рассуждениях Толстого о том, что мужчина и женщина имеют одну одинаковую обязанность — служение Богу. Однако средства служения у них разные, и изменить их нельзя. Самое важное для женщины — родить и воспитать ребенка, и именно это является священным долгом для женщины. Поэтому женщина обязана всей душой стремиться к этому. Женщина может выполнить все, что делает мужчина, но мужчина никогда не сможет делать то, что может женщина — деторождение и воспитание. Как полагает Ван Юнцзы, Наташа Ростова в эпилоге романа соответствует всем канонам китайского женского идеала — в ней есть женственность, преданность мужу и детям, любовь и самопожертвование. Общность проявляется в указанной Толстым связи Наташи с патриархальным деревенским укладом жизни [3. 94].

Образ Наташи в конце романа угадывается уже в главе, повествующей об остановке семьи Ростовых после охоты в деревне Михайловка у дядюшки. Толстой показывает, как счастье, которое царит в доме дядюшки, распространяется на всех: беспричинно смеются Наташа и Николай, улыбается дядюшка, чей-то смех слышится из-за перегородки. Почему так хорошо в доме дядюшки, становится понятным, когда в комнату вошла «толстая, румяная, красивая женщина лет 40, с двойным подбородком, и полными, румяными губами» [7. 264]. Счастье переполняло не только души людей, но и придавало особый вкус тем кушаньям, которые принесла Анисья: «Всё это было хозяйства, сбора и варенья Анисьи Федоровны. Всё это и пахло и отзывалось и имело вкус Анисьи Федоровны. Всё отзывалось сочностью, чистотой, белизной и приятной улыбкой» [7. 264-265]. Толстой показывает, что счастье в доме зависит

не от того, какое положение в обществе занимает женщина, не от того, крестьянка она или графиня, а от того, сколько в ней любви, какова мера служения и истинной женственности.

Поведение Наташи в деревне органично и естественно и дополняет ее облик новыми, очень важными качествами. Вот она восхищается игрой кучера Митьки на балалайке, а вот, не удержавшись от восторга перед игрой дядюшки, «сбросила с себя платок, который был накинут на ней, забежала вперед дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движение плечами и стала. Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой, этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, не изучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка» [7. 267-268]. Это народное начало и проявится в вышедшей замуж Наташе, которая примет не установившуюся в дворянском просвещенном обществе традицию семейной жизни, а патриархальные народные идеалы: будет рожать и сама кормить детей, забудет о своей внешности, всецело посвятит свою жизнь мужу. Не случайно в ее внешнем облике читаются черты простой крестьянской бабы Анисьи, а не утонченной дамы светского общества.

Ван Юнцзы полагает, что во внешней полноте Наташи отразилась полнота ее духовной жизни и приводит в пример изречение Мэн Цзи: «Женская полнота и есть красота». Да и в русской народной эстетике худоба ассоциировалась с голодом и болезнью, а полнота – с благополучием, силой и способностью женщины рожать и работать.

Заметим, что все любимые герои (Наташа, Пьер Безухов, Платон Каратаев, Кутузов) Толстого отличаются полнотой, «круглостью», в чем выражается особый смысл, связанный с мифопоэтикой круга как воплощением единства, гармонии, бесконфликтности, вечности, природы. Во всех мифологиях образ Космоса представлен в виде круга или шара, так же, как и образ Божества. Конфуций говорил, что сам закон природы называется «круглостью», так как круглый — это обозначение кольцевого движения.

Нетрудно заметить, что во внешнем облике героев, особенно близких писателю, выражающих какую-то важную авторскую идею, присутствует символика круга: «еще потолстел, обрюзг и оплыл жиром» [8. 168] Кутузов, — ведь полнота, округлость фигуры героя символизирует естественно-органическое начало в его характере, столь важное и дорогое для Толстого. Представляя Пьера Безухова, Толстой настойчиво подчеркивает его полноту и естественность всех его проявлений: «толстый молодой человек с стриженою головой» [6. 11]. На мир Пьер смотрит сквозь «круглые» очки, и его взгляд ищет гармонию в мироустройстве, «округляет» острые углы и сглаживает резкие повороты. Определение «круглый» сразу становится опорным в характеристике Платона Каратаева: «Когда на другой день, на рассвете, Пьер увидел своего соседа, первое впечатление чего-то круглого подтвердилось вполне: вся фигура Платона в его подпоясанной веревкою французской шинели, в фуражке и лаптях, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые» [9. 49].

Природа, ее естественные законы с особой силой проявляются в Наташе. Замужество изменило не только внутреннюю сущность Наташи, но и ее внешний вид: «Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу» [9. 265]. Округлость телесной формы героини подчеркивает идею гармонии и естества, воплощенную в образе Наташи Ростовой. Гармоничность Наташи воплощала для Толстого идеальный принцип бытия, воплощение универсума. Наташа выступает в романе как образ, имеющий общечеловеческое значение. Именно в этом качестве Платон Каратаев и Наташа оказываются равными величинами. Они — органическая часть идеального целого — народа [1].

Толстой первым из русских мыслителей обратил внимание на сходство учения Дао с христианскими истинами, утверждая, что «сущность учения Лао-Тзе есть та же, как и сущность учения христианского в проявлении того духовного божественного начала, которое составляет основу жизни человека» [13. 103-104]. Может поэтому созданный во

время интенсивных нравственных исканий писателя роман «Война и мир» воплотил в себе некую универсальную систему ценностных ориентиров, которые свойственны для всех мировых религиозно-философских систем. Поэтому так органично в образах романа отразились опорные идеи христианства и китайской философии.

Список литературы

1. Ван Ланьцзюй. Символика круга в китайской философии и в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Филологическая компетентность в контексте современной образовательной парадигмы: Содержание, формирование, пути оптимизации: Материалы международной научно-практической конференции XIX педагогических чтений, посвященных памяти профессора В.Д. Кудрявцева. 30 марта 2011 г. – Иркутск: ФГБОУ ВПО «ВСГАО», 2011. – С. 165-172.
2. Ван Юнцзы. Восточная составляющая в эстетике Л.Н. Толстого // Вестник Шаньсиньского педагогического университета. Выпуск 4. – Си-Ань, 2006.
3. Ван Юнцзы. Восточный тип толстовской концепции счастья // Вестник Шаньсиньского педагогического университета. № 4. – Си-Ань, 2006.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1937.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 10. – М.: Художественная литература, 1938.
6. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 11. – М.: Художественная литература, 1940.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 12. – М.: Художественная литература, 1940.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 52. – М.: Художественная литература, 1952.

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ**10.02.01**

¹Е.А. Айсакова канд. филол. наук, ²Ю.В. Никишина канд. педагог. наук

¹Институт филологии Московского педагогического государственного университета,
кафедра русского языка,

²Московский автомобильно-дорожный институт (Технический университет),
кафедра русского языка,
Москва, aysakova@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-СОЦИОЛЕКТА ЛЮБИТЕЛЕЙ КОШЕК

В статье рассматриваются языковые особенности интернет-языка любителей кошек. Анализируются случаи намеренного нарушения языковых норм, черты просторечия-1, речевые инновации, новые этикетные формулы.

Ключевые слова: *социолект, инновации, языковые нормы, просторечие, интернет-коммуникация, интернет-язык, жаргон.*

М. В. Панов, характеризуя состояние и тенденции развития современного русского языка, отметил, что функционирование языка в настоящее время отличаются усиление личностного начала в речи, стилистический динамизм, изменение отношения к языковой норме, которая больше не воспринимается как запрет, а как выбор наиболее удобного варианта [6, с. 47].

Из основных тенденций, определяющих особенности современной речевой коммуникации, можно указать:

- расширение сферы функционирования разговорной речи;
- возрастание роли индивидуального начала в речи, тенденция говорить и писать свободно;
- увеличение доли оценочной лексики, жаргонизация речи;
- широкое распространение языковой игры;
- усиливающееся влияние английского языка;
- усиление объема информационного потока и потребность в новых формах общения (общение при помощи новых средств связи).

Активные процессы в современной речевой коммуникации приводят к появлению новых жаргонизированных речевых образований, маркирующих существование определенной социальной группы. Часто одним из приемов создания специфического языка определенной социальной группы служит намеренное искажение языковых норм, создание новых лексических единиц. В полной мере данные особенности характеризуют язык некоторых социальных групп, сложившихся в сети Интернет на основании общности возрастных характеристик, интересов, увлечений.

Целью данной статьи является рассмотрение языковых особенностей интернет-коммуникации любителей кошек (в данном случае имеется в виду общение в соответствующих тематических группах в социальных сетях, на интернет-форумах, в блогах и т.п.).

Общение (обмен сообщениями через сеть Интернет) нельзя назвать устным, хотя ему присущи многие признаки устного общения. Несмотря на то, что коммуниканты не проговаривают, а пишут сообщения друг другу, высокая скорость передачи электронных писем и возможность быстрого получения ответа определяют разговорный, непринужденный характер данного вида коммуникации. По замечанию А. Е. Жичкиной, «анонимность общения в Интернете обогащает возможности самопрезентации человека,

предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет» [2, с. 60]. Спонтанность и быстрота передачи сообщений, характерные для живого устного общения, установка на языковую игру, и своеобразная тематика общения – причины, обусловившие своеобразие языка исследуемого интернет-жаргона.

Н. Б. Мечковская указывает, что «в чатах, конференциях и подобных жанрах отсутствует идентификация собеседника с реальным человеком, что придает виртуальному общению игровые и маскарадно-карнавальные черты. Поэтому приватное интернет-общение виртуально и в бытовом смысле неответственно, ненадежно и «несерьезно»; оно склонно к розыгрышам, ёрничеству и мистификациям» [5, с. 167].

Участники интернет-коммуникации моделируют речевой портрет домашнего животного, создавая за него своеобразный язык. Так, посетители страниц, посвященных кошкам, часто стилизуют свое общение под «речь» и «мысли» своих «необразованных питомцев», «детей», что приводит к намеренному нарушению языковых норм, появлению интересных неологизмов.

Намеренное нарушение правил русской орфографии участниками интернет-общения выполняет характерологическую функцию – передает предполагаемые особенности письма существ, не изучавших правил орфографии, см., например, намеренное игнорирование орфограмм, изучаемых в курсе русского языка для начальной школы: *щоки* («щеки»), *жыветное* («животное»), *чорный* («черный»), *жырный* («жирный»).

Была отмечена фонетическая запись многих слов: этикетных формул (приветствия, прощания, выражения благодарности), распространенных в бытовой коммуникации вопросов, приказов и запретов. Как отмечает Е. А. Бирюкова, фонетическая запись слов – отличительный признак интернет-коммуникации, когда «графическая форма некоторых слов приближена к звуковой и похожа на транскрипцию» [1, с. 89]. Так, например, *дратути* («здравствуйте»), *добрутро, добруто* («доброе утро»), *пасип, пасиба* («спасибо»), *прива, приффки* («привет»), *позязя* («пожалуйста»), *тётакое* («что такое»), *тё там* («что там»), *чево* («чего»), *низя* («нельзя»), *кабута* («как будто»), *чо уж* («что уж»), *штоп* («чтобы»), *фто ли* («что ли»), *памагитя* («помогите»), *штош* («что ж») воспроизводят, имитируют произношение соответствующих слов и фраз в устном общении.

Внимание к «звуковому» оформлению слов на письме приводит к появлению новых лексем-звукоподражаний. Так, в сфере неформального общения любителей кошек получили широкое распространение слова, воспроизводящие звуки, издаваемые животными или людьми при общении с их питомцами, см., например: *пырррр, паффффф, чмоки, чмоки-чмоки, чмафф, дрын-дын-дын, тыгыдым*.

Речь носителей исследуемого интернет-жаргона часто имитирует черты исчезающего в настоящее время просторечия-1, которое, по мнению Л.П. Крысина, не утратило связь с диалектной средой [3, с. 56]. Так, следующие написания воспроизводят фонетические особенности указанного просторечия:

- устранение зияния гласных путем вставки протетического согласного (*пуванты* – «пуанты», *ситуация* – «ситуация», *Пуваро* – «Пуаро», *видивы* – «видео» и т.п.);
- упрощение слоговой структуры слов (*витинар* – «ветеринар», *пожалста* – «пожалуйста», *струмент* – «инструмент», *кабаська* – «колбаса», *ликалепный* – «великалепный», *мандировка* – «командировка», *лисaped* – «велосипед»);
- ассимиляция и диссимиляция согласных по месту и способу образования (*рикальства* – «лекарства», *пашипорт* – «паспорт», *манинький* – «маленький», *вувотное* – «животное», *вувот* – «живот», *ффост* – «хвост»);
- уподобление гласных соседних слогов, особенно в заимствованных словах (*илигантный* – «элегантный», *манинький*);
- перестановка слогов (*рикальства* – «лекарства»).

В области морфологии также было отмечено копирование речевых особенностей носителей просторечия:

- выравнивание основ (*не фотографировай* – «не фотографируй», *не волнуйтесь* – «не волнуйтесь», *баловается* – «балует», *чесай* – «чеши»);
- изменение глагольной основы по просторечной модели (*голодовал* – «голодал»);
- флексия *-ов* в родительном падеже множественного числа (*делов, местов, собак, человек* и др.).

У некоторых слов наблюдается иная, по сравнению с литературным языком, словообразовательная структура слова: *лапсы* («лапы»).

Яркой лексической особенностью интернет-жаргона любителей кошек является также характерная для просторечия-1 персонификация свойств, когда «названия свойств, действий, процессов выступают как метонимические номинации» [4, с. 60], ср.: *щеки пришли, пузо разлеглось, лапсы устали, усы ищут дом, взять в дом хвоста*.

Л.П. Крысин отмечал, что носителями типа просторечия, обозначенного им как просторечие-1, являются «горожане старшего возраста, не имеющие образования» [4, с. 56]. Воспроизведение языковых черт просторечия-1 многофункционально: оно служит средством речевой характеристики домашних питомцев, является частью языковой игры, подчеркивает условность, фантазийность созданного «кошачьего» языка, помогает создать «речевой портрет» существа без начального образования.

Домашнее животное воспринимается часто как своеобразный младший член семьи, поэтому искаженное написание многих слов должно имитировать дефекты произношения, свойственные ребенку, например, нарушенное или затрудненное выговаривание одного или нескольких звуков: *тли* («три»), *холёсий* («хороший»), *лычанье* («рычанье»), *кулица* («курица»), *Сяся* («Саша»), *пласнуться* («проснуться»). Отмечено функционирование этикетных формул, пародирующих детский язык: *мамми, паппи* (обращение животного к хозяйке или хозяину), *дядя, тетя* (обращение животного к любому взрослому человеку), *баиньки* (пожелание спокойной ночи).

Кроме ряда языковых черт, имитирующих «детский» кошачий язык, можно отметить и другие приемы создания особого «животного» языка. Так, искаженное написание некоторых слов может имитировать звуки, издаваемые животным: *жжжжло* («зло»), *хыыыщник* («хищник»), *рррычанье* (рычанье), *страшишний* («страшный») и др.

Нарушение орфографических норм написания некоторых единиц часто ставит целью найти скрытые деривационные связи, актуализировать дополнительные значения слова, служит приемом «народной этимологии»: *голодильник* («холодильник»), *крадукты* («продукты»), *лизык* («язык»). Подобные языковые сближения помогают создать картину мира животного, отразить видение домашним питомцем связи слов и явлений окружающего мира. Часто неправильное написание слова связано с попыткой обнаружить словообразовательную связь со словом «кот» или «киса», см., например: *котриарх* («патриарх»), *кисадилья* («кесадилья» – блюдо мексиканской кухни), *кискалопы* («эскалопы»), *котовый* («готовый»), *котэдж* («коттедж»), *котограф* («автограф»), *котоварищи* («сотоварищи»), *котовствующие* («сочувствующие»), *укотовить* («усыновить»).

В жаргоне любителей кошек активизированы усечения, характерные для современной субстандартной речи. Так, были зафиксированы следующие усечения: *кошь* («кошка»), *индея* («индейка»), *привива* («прививка»), *пож* («пожалуйста»), *спок но, споки* («спокойной ночи»), *мне нра* («мне нравится»), *прив, прива* («привет»), *кусни* («вкусные»), *кусенькое* («вкусненькое»). По мнению О. В. Пыстиной, «номинативные единицы, созданные с помощью усечения, специфичны для разговорной речи, создаются в условиях речевой раскованности говорящих; их отличает краткость и установка на экспрессивность» [7, с. 156]. В исследуемом жаргоне среди усечений встречаются синонимичные образования (что вообще характерно для жаргонов и арг), наблюдаются фонетические и словообразовательные варианты (ср.: *пож, позязя* – «пожалуйста»; *прив, прива, прифф* –

«привет», *атпути, апути, пути* – «отпусти»). Усечению может подвергаться как конечная, так и начальная часть слова (*насиба, насип* – «спасибо», *ыжий* – «рыжий»).

Новообразования, используемые в интернет-жаргоне любителей кошек, неоднородны. В первую очередь, необходимо отметить активное образование составных глаголов, созданных по модели «глагол + глагольное междометие, либо «глагол + усеченное образование, имитирующее глагольное междометие», см., например: *делать кусь, делать лизь, делать лисапед, делать хобу*.

Влияние английского языка отразилось на синтаксисе данного социолекта. Формулы выражения положительной или отрицательной оценки часто строятся как двусоставное предложение (по аналогии с английским языком). Широко распространены следующие оценочные фразы: *Это плохо! Это фиаско! Это мозьно. Это низзя. Это кусни*. В жаргоне функционируют новообразования с англоязычным суффиксом *-ing* с процессуальным значением: *бесилинг, кусинг, лизинг*, характеризующие действия животного.

Зафиксировано появление новых аббревиатур: *РСЖ* (*розовое сюсюкающее желе* – «состояние умиления от созерцания животного»), *ФЦП* (*федеральная целевая программа* – «особенности поведения животного, объясняемые безусловными инстинктами»), *ХБ* (*хоба* – «определенная поза животного»). Для некоторых слов, функционирующих в литературном языке, характерен семантический сдвиг, см., например: *лишаться* – «сидеть с несчастным видом», *шпроты* – «определенный окрас животного».

Подводя итог наблюдениям за интернет-общением любителей кошек, необходимо отметить следующие черты данного формирующегося социолекта: намеренное нарушение языковых норм, элементы творческого отношения к языку, установка на языковую игру, уникальное соединение разных речевых пластов: детского языка, просторечия, сетевого жаргона, современной субстандартной речи.

Список литературы

1. Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75-98.
2. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. М.: Дашков и Ко, 2004. 117 с.
3. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.
4. Крысин Л. П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. Ч. 1. С. 33-95.
5. Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. - № 2 (12). - М., 2006. - С. 165-185.
6. Панов М. В. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Отв. ред. Ю.Д. Дешериев, Л.П. Крысин. М., 1988. С. 41-55.
7. Пыстина О. В. Активные словообразовательные процессы в системе интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 155-159.

10.02.01

А.О. Артемьева канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ,
институт экономики, управления и социальных технологий,
кафедра русского и татарского языков,
Казань, shisholina@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья содержит описание истории возникновения и рецепции в системе русского языка отдельных имен существительных иноязычного происхождения. Нами исследован путь языковых единиц, зафиксированных в лексикографических источниках с XVIII века.

Ключевые слова: *иноязычная лексика, грамматическая адаптация, категория рода.*

Лексика французского происхождения составляет значительный пласт в русском языке. Наиболее сильный поток галлицизмов отмечался, как известно, с начала 18 века, что обусловлено историей тесных французско-русских взаимоотношений, находящихся в неразрывной связи с политическими, экономическими, культурными контактами двух стран.

Проблема заимствований является одной из центральных в современной лингвистике. Большинство работ, посвященных галлицизмам, затрагивает различные аспекты функционирования лексем в современном русском языке: этимология, хронология вхождения, тематические группировки, семантическая адаптация, словообразование, особенности грамматической ассимиляции (А.В. Суперанская, Л.П. Крысин, В.И. Петренко, Н.В. Габдреева, Е.А. Михайлова, М.М. Калиневич).

В настоящей работе проведен анализ морфологической адаптации заимствований французского происхождения, исходя из материала, которым располагаем на основе сплошной выборки лексем из Словаря русского языка XVIII века, современных словарей иностранных слов, Национального корпуса русского языка.

Основную массу исследуемых заимствований составляют имена существительные, поэтому интересным представляется вопрос формирования категории рода у этих слов. Приобретение иноязычными существительными в процессе заимствования грамматической категории рода – явление регулярное. Заимствуемое существительное может остаться без внешнего, материального грамматического оформления, без противопоставления по числу, но не может употребляться в русской речи вне категории рода.

Процесс освоения заимствованных лексем считается очень длительным и неоднородным, ввиду того, что лексема проходит несколько этапов адаптации и преобразований. Процесс адаптации для каждой лексемы индивидуален.

Исследование морфологической адаптации ранних галлицизмов на материале Словаря русского языка XVIII века и современных источников привело к установлению следующих закономерностей.

Одушевленные имена существительные, в зависимости от половой принадлежности, относятся к мужскому роду (мсье, марабут, -а и марабу, кузен) или к женскому (мадам, мадемуазель).

Французские существительные, обозначающие названия явлений, предметов, абстрактных понятий, оформлялись в русском языке в соответствии с формальными показателями исконных существительных.

Известно, что окончание в русском языке имеет грамматическое значение. В зависимости от характера финали находится выбор родовой принадлежности.

марля, неизм., ж. фр. marli

меню, неизм., ср. фр. menu[10].

Несовпадение формальных показателей категории рода в русском и французском языках привело к равноправному существованию в языке-рецепторе морфологических вариантов. К этому виду вариантов относятся разнообразные формальные модификации слова при условиях сохранения тождества морфологической структуры, лексического и грамматического значения. [8, 20-22] По словам Л.А. Вербицкой, «вариантность является свойством развивающейся системы. Языковая система не может изменяться, минуя вариантность». [4, 27]

кризис, кризес, -а, м. и неизм., ж. лат. crisis, фр. crise.

альфреско, неизм., ж. и ср. ср. ит. fresco, фр. fresque [10].

На раннем периоде функционирования галлицизмов отмечаются параллельные графические формы. Процесс установления родовой принадлежности и унификации грамматической формы сопровождается в большинстве случаев появлением вариантов – сущ. м. р. и сущ. ж. р.:

менуэт, меновет, менуэ, неизм., м. фр. menuet непоср. и через пол. Menuet, Menwet.

меланхолия, мелянхолия, меланколи, неизм., ж. фр. melancolie куртаж, -а и -у, м. и куртажио, картажио, неизм. фр. courtage, ит. Curtagio

манго, неизм., манг, -а, м., манга, -и, ж. фр. mangue

метаморфозис, метаморфосис, -а, м. и неизм., ж., метаморфозь, неизм. фр. metamorphose [10].

Исследователи представляют причины такого варьирования по-разному.

Н.В. Габдреева отмечает: «Это колебание и неупорядоченность, параллельное или дистантное функционирование форм зависит от характера основы, ориентации на сохранение рода прототипа, а также может быть объяснено противоречием соотношения грамматических средств и принадлежностью к определенной парадигме склонения» [5, 109].

Н.И. Гайнуллина выделяет два типа морфологических вариантов, служивших постепенному закреплению слова в русском языке:

1) варианты слов, связанные с влиянием языка-источника;

2) варианты, вызванные аналогией с родовой принадлежностью русского эквивалента в языке-реципиенте [6, 99].

В современном русском языке процесс адаптации галлицизмов завершен, отсутствуют сосуществующие формы, наблюдается стабилизация в оформлении грамматической категории рода.

менуэт, -а, м.; манго, неизм., ср. [3].

Если манго не очень мягкое, удалите кожуру с помощью ножа для овощей и нарежьте мякоть такими же кубиками. (Имбирь+лайм+кориандр (2004) // «Homes and Gardens», 2004.04.16);

куртаж, -а, м.; меланхолия, -и, ж.; марабут, -а, м.; альфреско, нескл.; кризис, -а, м. [3].

Существуют галлицизмы, которые сохранили свои графические варианты. Однако в процессе адаптации каждый из них приобрел индивидуальное значение:

метаморфоз, -а, м. – биологический термин.

метаморфоза, -ы, ж. – превращение, полная, совершенная перемена [3].

Таким образом, ранние заимствования французского происхождения завершили процесс своей адаптации в современном русском языке, о чем свидетельствует стабилизация фонетико-орфографического облика слов, отсутствие колебаний категории рода.

Анализ освоения галлицизмов в системе русского языка дает возможность представить основные причины родového варьирования имен существительных: различные источники заимствования (кризис, альфреско), орфоэпические особенности (манго – манг – манга, марля, меню). Решающую роль при морфологической адаптации, как справедливо указывает Н.И. Гайнуллина, имеет особенность финали слова при окончательном включении в тот или иной лексико-грамматический класс, а также родовая принадлежность соответствующего лексического эквивалента в русском языке [6, С. 113].

Список литературы

1. Ageeva A.V., Gabdreeva N.V., Amirkhanova K.M. Gallicisms in the russian language: theory and practice of language contact study // A.V.Ageeva, N.V.Gabdreeva, K.M.Amirkhanova // Journal of the Social Sciences. – 2016. - Т. 11, С. 4085.
2. Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 212 с.
3. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 сл.- М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Русские словари», 2002. – 906 с.
4. Вербицкая Л.А. Вариативность как основная черта развивающейся системы / Л.А. Вербицкая // Славистический сборник. – СПб, 1998. – с. 36-44.
5. Габдреева Н.В., Шишolina А.О. Моделирование в контактологии / Н.В. Габдреева, А.О. Шишolina // Международный научно-исследовательский журнал, 2017, № 12-1 (66)-С.26-31.
6. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: Процессы адаптации / Н.И. Гайнуллина. – Алматы: Казак университеты, 2008. – 295 с.
7. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009 – 240 с.
8. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. -М., «Наука», 1968 –206 с.
9. Словарь русского языка XVIII века / Академия наук СССР; Институт русского языка. - Л.: Наука, 1984-2006. Вып. 1-16.
10. Шишolina А.О. Заимствование языковых элементов в русском языке /А.О. Шишolina // Научное обозрение: гуманитарные исследования.- 2016. № 5. - С. 109-114.
11. Шишolina А.О. Лексико-семантическое освоение прототипа в русском языке новейшего периода / А.О. Шишolina // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. - 2016. № 3 (91). - С. 74-79.

10.02.00.

Р.К. Ахметгареева канд. педагог. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, rozateacher@mail.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПОДГОТОВКЕ ЛИНЕЙНЫХ ИНЖЕНЕРОВ С ТВОРЧЕСКИМ СТИЛЕМ МЫШЛЕНИЯ

В работе представлены результаты образовательной деятельности, раскрывается, что одним из факторов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной деятельности будущего специалиста, является его способность получать, обрабатывать и передавать информацию на иностранном языке. Выделяется, что сегодня определяющая роль в процессе производства принадлежит сотрудникам, которых называют «линейный персонал».

Ключевые слова: *креативное мышление, творческая личность, профессионально значимые учебно-речевые ситуации.*

В КНИТУ 5 сентября 2018г. прошла международная конференция «Интегративная подготовка линейных инженеров для повышения производительности труда предприятий нефтегазохимической отрасли - Синергия-2018». Форум, на который собрались представители вузов и промышленных предприятий России и зарубежья, рассматривал вопросы подготовки линейных инженеров. На протяжении двух дней собравшиеся специалисты в области инженерной педагогики и представители предприятий рассматривали широкий спектр теоретических и практических проблем, связанных с подготовкой востребованных в отрасли специалистов, а также повышением производительности труда на предприятиях.

Проведенный форум подчеркнул, что в качестве глобальной цели профессионального образования выдвигается формирование общей образованности и профессиональной компетентности. В технических вузах разрабатываются новые подходы к анализу, оценке и управлению качеством в образовании, новые технологии, позволяющие подготовить компетентного специалиста, осознающего и владеющего своими личностными ресурсами, способного эффективно решать творческие задачи в условиях динамично меняющихся требований к осуществлению профессиональной деятельности. Увеличение информационных потоков, стремительное распространение новых технологий международного информационного обмена, расширение межкультурных профессиональных контактов обуславливают необходимость формирования на постоянной основе у студентов готовности к общению в иноязычной среде. Подготовка линейного инженера к общению с иностранными партнерами становится сегодня одним из важнейших показателей социально-профессионального статуса специалиста.

В обучении иностранному языку проблема формирования готовности будущего специалиста к общению связана с формированием языковых и речевых фонетических, грамматических и лексических навыков и творческих умений в различных видах речевой деятельности - чтении, говорении, аудировании и письме. Это предусматривает и использование таких терминов как «каналы коммуникации», «обучение коммуникативному общению» (на основе английского «communication» - общение, средство общения) как способности обмениваться различной информацией на иностранном языке. При этом обучая общению на иностранном языке, невозможно ограничиться лишь владением лингвистическим кодом, определенной суммой навыков и умений и тренировкой их в определенных ситуациях. Необходимо включать речевое общение в другие виды

деятельности, где оно служит средством их осуществления и возможностью не только обменяться с собеседником определенной информацией, но и понять его как личность, что ведет к успеху в совместном сотрудничестве.

Образовательный процесс, ориентированный на формирование готовности общения в иноязычной среде может быть эффективным при условии, что в качестве средства обучения также будет выступать общение. Современному преподавателю в процессе обучения приходится создавать определенную модель реального общения, организовать тренировку в речевом взаимодействии. Обучение общению на иностранном языке предполагает личностную ориентацию, понимание внутренних эмоций собеседника, сопереживание, проникновение в суть предложенной ситуации. В процессе моделирования общения приходится вникать в самую ее суть - понять, благодаря чему оно возникает, от чего зависит его содержание, формы, тональность, какие механизмы им управляют, какими средствами оно пользуется, как совокупность этих факторов влияет на получаемый речевой продукт.

Мы неоднократно подчеркивали, что эффективным средством обучения иностранному языку на коммуникативной основе являются учебно-речевые ситуации. Под речевой (коммуникативной) ситуацией понимается ситуация общения, определяемая как совокупность обстоятельств, вызывающая необходимость обращения к речи в целях воздействия одного человека на других людей в процессе деятельности[2]. Ситуативный подход рассматривается в современной методике как средство реализации коммуникативного принципа в обучении. В качестве способа моделирования актов общения в образовательном процессе рассматривается воспроизведение в трансформированном виде факторов, влияющих на речевое поведение в условиях будущей профессиональной деятельности. Когда будущие специалисты разговаривают, то, что они говорят, определяется совокупностью целого ряда условий, таких как мотив, лежащий в основе разговора, его цель, особенности собеседника, обстановка речи, той деятельности, в которую включены участники разговора. Воспроизводя эти условия в образовательном процессе, в различных видах производственной практики с помощью учебно-речевых ситуаций, можно получить от студентов высказывание с заданными параметрами. Такой способ получения высказывания гораздо совершеннее, чем широко распространенные пересказ, ответы на вопросы, изменение заданного готового текста и т. п., потому что он дает возможность будущему специалисту самостоятельно определять содержание своего высказывания, то есть действовать так, как действуют люди в реальном общении. В процессе использования на занятиях учебно-речевых ситуаций формируется языковая культура студентов, расширяется их лингвистический кругозор.

Точно так же и при слушании речи или при чтении на фоне предложенной студентом учебно-речевой ситуации происходит формирование установки, облегчающей понимание, тогда отбор и переработка смыслового содержания осуществляется более целенаправленно. Языковой материал, употребляемый в связи с определенной ситуацией, запоминается в совокупности с ней, и последующее предъявление аналогичной ситуации в реальном общении позволяет вызвать из памяти нужные языковые единицы. Последовательная реализация ситуативного подхода в обучении требует пересмотра, реорганизации всего процесса формирования речевых действий, его целенаправленного подчинения представлению о желаемом результате обучения с первых же шагов знакомства с новым материалом. Что должны знать и уметь преподаватели иностранного языка для того, чтобы учебно-речевые ситуации в их руках стали действенным средством эффективного управления процессом формирования профессионально значимыми речевыми умениями. Прежде всего, они должны хорошо знать особенности той деятельности, которой они хотят научить, представлять себе ее структуру, движущие механизмы, единицы, из которых она складывается, факторы, от которых зависит успешность ее протекания, трудности, которые могут встретиться на пути овладения этой деятельностью. Преподавателям необходимо овладеть закономерностями и приемами моделирования этой деятельности - способами естественного вовлечения студентов в деятельность общения, воспроизведения на учебных

занятиях фрагментов этой деятельности с учетом своих планов, интересов и желаний обучающихся, их индивидуальных особенностей.

Учебно-речевая ситуация, моделируя отрезок действительности, типичный для определенной сферы общения, определяет тем самым предметно-деятельностный аспект учебного общения. Поэтому в методической литературе довольно часто учебно-речевые ситуации рассматриваются в качестве основного ядра, вокруг которого организуется учебный и другой необходимый материал. Это предложение обосновывается следующим образом в работах Е.И. Пассова и его учеников: «Ситуация резко сужает выбор речевых единиц именно потому, что она - система отношений, которую человек в процессе решения оперативных задач структурирует соответственно цели, что и направляет его деятельность. Это упорядочивает отбор речевого материала для каждой ситуации...»[3]. К числу существенных функций УРС можно отнести также функцию контроля, которая, естественно, вытекает из использования УРС в качестве единицы планирования. Контроль осуществляется в учебном процессе путем создания соответствующих учебных и естественных ситуаций, в которых проверяется коммуникативная адекватность владения иностранным языком.

Многие исследователи в разных областях знаний говоря об образовании, всё чаще произносят хорошо известное физикам слово «синергетика», имея при этом в виду не столько соединение кажущихся несопоставимыми частей в полезное и действующее целое, сколько образование, стимулирующее собственные, скрытые линии развития, которые проявляются как расширение ресурсов развития личности и интеграция целей педагогической деятельности на междисциплинарном уровне, личностной ориентированности и индивидуализации образования[4]. Такой подход позволяет осознать, что образование осуществляется не столько при получении знаний на занятиях, сколько при овладении ими в действии.

Список литературы

1. *Ахметгареев Р.А., Хауринова О.Ю., Ахметгареева Р.К.* Факторы и барьеры развития творческого мышления будущих инженеров в условиях современного вуза. // Сборник научных статей. Вестник №17. – Казань, КГТУ, 2011 – 230-234.
2. *Вайсбурд М.Л.* Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. -М.: Титул, 2001.-128с.
3. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению.- М., 1989.
4. *Пригожин И.Р.* От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках М.: Наука, 1985. - 320 с.
5. *Ратнер Ф.Л.* Развитие межкультурной коммуникации в курсе обучения иностранным языкам в высшей школе // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной научной конференции 14-15 ноября 2003 г. Н.Новгород: НГЛУ им. НА Добролюбова, 2003. С.42-44.

10.02.00

Н.М. Борисова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра журналистики,
Якутск, borisovanm1963@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ ЯКУТОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ

В статье анализируются газеты «Кыым», «Саха сирэ», «Киин Куорат», «Ил Түмэн». Предметом исследования являются изменения гласных в заимствованной лексике якутоязычной газеты. Цель работы заключается в выявлении изменения гласных звуков в заимствованной лексике на страницах якутских газет. Теоретическая ценность исследования состоит в том, что материалы статьи могут внести вклад в разработку теории языковых контактов, теории заимствования.

Ключевые слова: заимствованные слова, фонетический принцип, дифтонг, закон гармонии гласных.

Актуальность работы обусловлена активизацией и возрастанием интереса к проблемам заимствования слов не только в научной среде, но и в обществе в целом. Особое внимание уделяется вопросам фонетического освоения заимствованных слов в якутском языке. В связи с этим необходимо описать фонетические особенности гласных звуков в заимствованной лексике якутоязычных газет. В данной ситуации особое значение приобретают изучение работ исследователей якутского языка, таких как Н.Д. Дьячковский, П.С. Афанасьев, Н.Е. Петров, П.А. Слепцов, Е.И. Оконешников и других.

Следует заметить, что еще в 20-х годах прошлого столетия зачинатель якутской литературы, много занимавшийся собиранием языкового, этнографического и фольклорного материала А.Е. Кулаковский, отметил, что можно переделать любое иностранное слово по определенным законам языка [2, с.317]. Такой же позиции придерживаются многие исследователи якутского языка.

Итак, в современной якутской периодической печати большое количество заимствованных слов орфографируется в фонетизированной форме. Это объясняется тем, что звуковой состав якутского языка имеет существенное отличие от фонетики русского языка. «В якутском языке имеется семь специфических монофтонгов, четыре дифтонга, восемь долгих гласных, отсутствующих в русском языке... Кроме того, в якутском языке весьма последовательно функционирует закон гармонии гласных...» [1, с.166].

При фонетическом освоении слова все гласные звуки прототипов заменяются соответствующими якутскими гласными и подводятся под строгие нормы их сочетаемости по требованиям якутского сингармонизма [3, с.73]. Так, ударные русские гласные заменяются долгими гласными и дифтонгами, а безударные русские гласные заменяются краткими гласными.

1. Замена русских ударных долгими гласными и дифтонгами. Например:

Частный – чааһынай, компания – хампаанньа, надо – наада, власть – былаас. Былааска кэлбит бастагы сылларыгар кини бэрт көхтөөх политиканы ыппыта (КК 28.04.2016, с.14). В этих примерах ударяемый русский *а* замещается долгим *aa*, если он стоит в первом слоге слова или встречаются гласные не переднего ряда в предударных слогах.

Демократ – дэмэкирээт, ветеран – бэтэрээн, печать – бэчээт. Кинигэни бэчээттээһингэ аттыларыгар олорор Казахстантан уонна Узбекистантан улаханлык хаалан иһэллэрин билинэллэр (ИлТ 08.04.2016, с.5). Здесь ударяемый русский *а* замещается долгим якутским *ээ* под влиянием субститутов *и, э*. Заметим, звук *а* выступает после мягкого согласного перед твердым или между двумя мягкими согласными.

Специалист – исписэлиис, причина – биричинэ, попечитель – бэпэчицэтл. Онон Дүрсүн улууһугар кулуба В.В. Никифоров бастакынан Бэпэчицэтлэр сэбиэттэрин, оскуола сэбиэтэ диэннэ тэрийэн үлэлэппит (К 17.03.2016, с.15). Гласный *и* через долгий *ии* замещается при неогубленном мягком варианте гармонии, осуществляющейся по ударяемому *и*. В этом случае долгий якутский *ии* наиболее близок к ударяемому *и*.

Больница – балыһа, правительство – бырабыыталыстыба, журналист – суруналыыс, квартира – кыбартыыра. Сууттанааччы кыбартыыратыгар үһүө буолан – кырдыабас ийэтин уонна бииргэ төрөөбүт убайын кытары – олоорбуттар (К 14.04.2016, с.27). Гласный *и* замещается долгим *ыы*, если предударных слогах встречаются гласные непереднего ряда.

Мыло – мыыла, выбор – быыбар, событие – сабыытыйа. Онон бырааһынньык бу сабыытыйалар чистэригэр ытыллыахтаах (КК 14.04.2016, с.2). Этот гласный в русском языке встречается после твердых согласных, он на слух весьма близок якутскому долговому *ыы*.

Сумма – суума, улус – улус, тур – туур. Бүтэһик туурга С.Сидоровы кырасыабайдык кыайан, үрүҥ көмүс мэтээллэннэ (К, 01.04.2016, с.22). Гласный *у* замещается долгим *уу*, если *у* в русских словах выступает в первом слоге или после твердых согласных.

Здоровье – доруобуйа, контроль – хонтуруол, орган – уорган, народ – норуот. ...толорор былаас уорганнарыгар бэйэлэригэр барыстаах бырайыактары анһа сатыыллар (СС, 05.04.2016, с.11). Ударяемый русский *о* в этих примерах замещается дифтонгом *уо*, если он стоит в первом слоге или при наличии других гласных непереднего ряда.

Положение – балаһыанһа, заявление – сайабылыанһа, проект – бырайыак, проезд – бырайыас, цель – сыал. Бастаангы сыалларыттан арабан кинилэр правительственной армияны буомбалаан барбыттара (КК, 14.04.2016, с.14). Субститут русского *е* замещается дифтонгом *ыа*, если ударяемый *е* выступает перед твердыми согласными *ж, ш, ц*. Гласный в этом случае также является сложным звуком, в какой-то мере напоминающим дифтонг *ыа*. Также ударяемый русский *е*, стоящий после мягкого согласного перед твердым или между мягкими согласными, передается через дифтонг *ыа*, если в предударном слоге встречается гласный непереднего ряда.

Экономика – экэниэмикэ, деятель – диэйэтэл, клиент – килийиэн. Килийиэннэри атыннык эттэххэ, “ыарыһах” дьону угуйар сыалтан дисконтнай каарталары, чэпчэтиилэри олохтууллар (СС, 12.04.2016, с.19). Ударяемый русский *е* замещается дифтонгом *иэ* под влиянием субститутов *и, э*, редко *а* перед мягким согласным. В этих позициях русский ударяемый *е* является сложным звуком, напоминающим якутский дифтонг *иэ*.

Ремонт – өрөмүөн, номер – нүөмэр, чемпион – чөмпүйүөн. Кээписиэнинэн чөмпүйүөннээтэ (К, 18.03.2016, с.6). Ударяемый русский *о* замещается дифтонгом *үө*, если русский *о* под ударением выступает после мягких согласных или между двумя мягкими согласными. В этом случае *о* имеет переднюю артикуляцию и напоминает на слух якутский дифтонг *үө*.

2. Русские безударные гласные заменяются краткими гласными.

Заказчик – сакаасчыт, культура – култуура. Баһылык манна даҕатан куораттаабы Култуура уонна сынньалан нааркатын уларыта тутуу күүтэрин билиһиннэрдэ (КК, 31.03.2016, с.5). Безударный русский *а* замещается якутским *а*: несмотря на то, что неударный *а* в русском языке подвергается сильной редукции, особенно в заударных слогах, перед твердыми согласными и в начале слова он сохраняет свое основное качество.

Время – бириэмэ, причина – биричинэ, наслег – нэһилиэк, бригада – биригээдэ, американец – эмэрикээнис. Эмэрикээнис суруналыыстар боппуруостарыгар сүгүн-сабын сатаан эппиэттээбэтэбэ (КК, 17.03.2016, с.4). Безударный гласный *а, я* замещается кратким якутским *э*, если *а* стоит после мягких или между двумя мягкими согласными. Гласный *а* в этом положении обычно подвергается действию других, особенно передних, гласных.

Закон – сокуон, автобус – олтуобус, народный – норуодунай. ... РСФСР үтүөлээх артыыһа Гаврил Гаврильевич Колесов төрөөбүтэ 85 сылыгар ананан ытыллара былааннаарын кыттааччылар үөрэ иһиттилэр (СС, 05.04.2016, с.11). Безударный русский

а замещается якутским кратким *о* под влиянием субститута последующего заднего ударяемого *о*.

Документ – *докумуон*, *прокурор* – *борокуруор*, *полномочный* – *боломуочунай*. *Көрсүһүүгэ федеральной боломуочунай* Дьокуускайга кэлбит сүрүн сыалынан-соруугунан “ныыгыллар” ыытар барыллаан куоластааһыннарын хаамытын кытта билси буоларын иһитиннэрдэ (СС, 12.04.2016, с.3). В некоторых словах, воспринятых от представителей сильно оказавших говоров, выступает безударный *о*, который при наличии ударяемого *о*, передается якутским кратким *о*, так как они очень близки по звучанию. Нужно заметить, что в огласовке слова, особенно в оглублении гласных, сильно влияют субституты ударенного *о*.

Председатель – *бэрэссэдээтэл*, *степень* – *истиэпэн*. В.И. Иванов – *Чиллэ бастагы истиэпэннээх лауреат үрдүк аатын ылыан ылла* (СС, 05.04.2016, с.16). Безударный русский *е* замещается кратким *э*, если им определяется огласовка всего слова или имеется субститут ударяемого *э*.

Директор – *дириэктэр*, *митинг* – *миитин*, *комитет* – *кэмтитиэт*. ...Александр ЖИРКОВ уонна парламент сис *кэмтитиэтин* бэрэссэдээтэлэ... (ИлТ, 08.04.2016, с.2). Безударный русский *и* очень часто замещается кратким якутским *и*, так как во многих случаях, особенно при наличии в слове гласных переднего ряда, оно определяет огласовку слова.

Китай – *Кытай*, *анализ* – *анаалыс*, *хозяин* – *хаһаайын*. *Паарка сиригэр балачча киэн сиргэ дьэндэйбит улахан база хаһаайынынан* Гамлет Петросян диэн киһи буолар (СС, 12.04.2016, с.12). Безударный *и* замещается кратким якутским *ы*, если в предударных слогах выступают гласные непереднего ряда.

Мудрый – *муударай*, *государственный* – *судаарыстыбаннай*. *Тэрээһин иитинэн СӨ Композитордарын сойууһун бэрэссэдээтэлинэн биллилээх композитор, СӨ судаарыстыбаннай гииминин ааптара Кирилл Герасимович талылынна* (ИлТ, 31.03.2016, с.17). В этих примерах гласный русский *ы* замещается кратким якутским *э* под влиянием предшествующих гласных переднего ряда, а кратким якутским *а* под влиянием предшествующих гласных непереднего ряда, если этот звук выступает в составе окончания прилагательных с твердой основой.

Таким образом, произношение всего слова приводится в соответствие с нормами якутской речи, тем самым обогащается словарный запас якутского языка. Сингармонизм в заимствованных словах проводится по четко слышимым сильным гласным с основной ориентацией на гласные первого слога. Следовательно, в заимствованных словах изменяются место и характер русского ударения, изменяется длительность и качество гласных, нарушаются границы русского слогораздела.

Однако на страницах якутских газет не все слова равноценны по своим стилистическим особенностям, от проникновения русских и интернациональных слов. Якутский язык отчасти претерпевает трудности, особенно тогда, когда корневой основой служит иноязычное слово. В последние годы многие интернациональные слова в периодической печати имеют преимущественно терминологическое значение, распространились настолько широко, что не отличаются от русских слов и употребляются главным образом в языке науки и техники.

В целом, заимствование – прогрессивный процесс, один из источников обогащения языка за счет словаря другого языка, так как сингармонизм в якутском языке выдерживается последовательно и не наблюдается нарушающих гармонию каких-либо исключений.

Список литературы

1. Васильева Н.М. К вопросу о правописании заимствованных слов в современном якутском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб., 2011. – №131. – С.166-169.
2. Кулаковский А.Е. Научные труды / Подготовили к печати: Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск: Кн.изд-во, 1979.
3. Слепцов П.А. Русские и лексические заимствования в якутском языке: (Дореволюционный период). – Якутск. Кн.изд-во, 1964.

10.02.00

Т.В. Бутенко, М.А. Кузина канд. филол. наук

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, enleks@mpgu.edu

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН И СЛОВ-РЕАЛИЙ В РОМАНАХ ДЖЕФФРИ АРЧЕРА И АРТУРА ХЕЙЛИ

Настоящая статья представляет собой попытку показать роль прецедентных имён и слов-реалий в выражении идейно-тематического содержания в произведениях Джеффри Арчера и Артура Хейли. На основе анализа примеров фонетических, морфологических, лексических и синтаксических стилистических средств, а также их взаимодействия с прецедентными именами, словами-реалиями и заимствованными единицами были сделаны выводы о важности всей совокупности приёмов для создания хронотопа и характеристики персонажей.

Ключевые слова: *производственный роман, политический роман, прецедентное имя, слово-реалия, экзотическая лексика.*

И Джеффри Арчера (р. 1940) – британского писателя и экс-парламентария, и Артура Хейли (1920-2004) – канадского романиста британского происхождения, справедливо назвать авторами бестселлеров и миллионерами. Их литературные произведения продаются сотнями миллионов экземпляров, они переведены на несколько десятков языков, многие из них экранизированы в самых разнообразных формах: как полнометражные фильмы, как основы для сериалов и компьютерных игр. Ни Джеффри Арчер, ни Артур Хейли не были удостоены ни одной литературной премии, хотя в литературных обзорах в британских и американских периодических изданиях их часто называют «consummate storytellers» и присуждают виртуальные литературные награды, в частности о последнем романе Дж. Арчера британская газета The Daily Telegraph написала: «If there was a Nobel prize for storytelling, Archer would win» [5]. В некрологе от 27.11.2004 в том же периодическом издании читаем о литературном наследии Артура Хейли, об одиннадцати производственных романах его авторства: «Hailey's fiction was not of the sort that inspired doctoral theses <...> But secure in the knowledge that his books would dominate the bestseller lists, Hailey was sanguine about their reception by critics» [6].

Однако детальное изучение текстов романа Джеффри Арчера «The Fourth Estate» (1996) и романа Артура Хейли «The Evening News» (1990) позволило выявить до 100 примеров стилистических приёмов на каждом из уровней языка и особенности употребления безэквивалентной лексики (в частности, по С. Влахову и С. Флорину, экзотизмов и слов-реалий) [1, с. 36].

До сих пор в отечественном языкознании произведения Дж. Арчера и А. Хейли исследовались в ракурсе производственного (профессионального) романа или политического романа (например, в статье Никитиной Т.Г. и Павловой А.Н. «Жанровая специфика профессионального романа в произведениях Артура Хейли» (2015)), с целью исследования функционирования терминов (например, в статье Кудасовой Э.И. «Стилистические функции технического термина в контексте производственного романа (на материале романа Артура Хейли «Wheels» (2017), для изучения диалогической речи (например, в работе Шахмировой С.В. и Ярахмедовой М.Х. «Лексико-грамматические приёмы передачи диалогической речи в романе Артура Хейли «Аэропорт» (2017)), а также для описания репрезентации того или иного концепта (например, в работе Головнёвой Ю.В. и Гайдуковой А.Ю. «Метафорическая репрезентация тревожности и страха в романе А. Хейли «Аэропорт» (2018). В работах

Шехтман Н.Г. содержатся некоторые предпосылки изучения текстов профессиональных романов с точки зрения их недооценённого стилистического потенциала [2]. Таким образом, изучение особенностей функционирования прецедентных имён, слов-реалий и заимствованных единиц в профессиональном романе представляется актуальным и обладающим определенной научной новизной.

К регулярно воспроизводимым прецедентным именам в романе Дж. Арчера «Четвёртое сословие», в центре внимания которого борьба Ричарда Армстронга и Кита Таунсенда – двух газетных баронов – за господство на рынке СМИ, можно отнести имена исторических личностей, в основном, политиков («**Montgomery, Margaret Thatcher, Jimmy Carter, Uncle Joe**»), писателей и художников («**William Shakespeare, Worcester, Caravaggio, Luini, Michelangelo, Patrick White**»), актёров и режиссёров («**Lana Turner, David Niven, Alan Dadd, O.J. Simpson**»), спортсменов («**Donald Bradman, Nuvolari**»), журналистов и владельцев медийных конгломератов («**C.P. Scott**»), а также литературных персонажей («**Faust**»).

В типичном случае прецедентное имя способствует более точному пониманию персонажа, то есть выполняет оценочно-характеризующую функцию, как, например, в следующем описании исключительно строгого обращения няни с юным Китом Таунсендом: сама няня сравнивается с бдительным, неподкупным ночным дозорным из старейшего шотландского полка «**Black Watch**»: «From the day she arrived, Miss Steadman organized the nursery in a fashion that would have impressed an officer in the **Black Watch**» [3, с.48]. Кит Таунсенд, отвечая в интервью на вопрос о поглощении многих других издательств, лаконично сравнивает свои действия с поведением английских корсаров Уолтера Рэли и Фрэнсиса Дрейка: «Yes. I assume he meant that I was acting in the great tradition of pirates. <...> **Walter Raleigh and Francis Drake**» [3, с.342]. Ричард Армстронг, чьё настоящее имя было Любжи, также получает негативную характеристику через сравнение с героем произведения И.В. Гёте: «Because, Lubji, like **Faust**, you have signed a contract with the devil» [3, с.15].

В романе Ар. Хейли «Вечерние новости», сюжет которого строится вокруг похищения террористической организацией семьи Кроуфорда Слоуна, телеведущего компании Си-би-Эй, частотны прецедентные имена, имеющие литературное произведение как прототекст («**Dante (Dante' Inferno), Catch-22**»), имена исторических личностей («**Emperor Augustus, Julius Caesar**»), имена политических деятелей («**Marx, Lenin, Mao Tse-tung, Castro**»).

Наиболее запоминающимся представляется контекст употребления литературного прецедентного имени «Dante»: «Partridge once heard the papal airplane described by a fellow correspondent as having different levels, ranging - as in **Dante's Inferno** – all the way from hell to heaven» [4, с.181].

В анализируемых романах слова-реалии прежде всего выполняют функцию создания хронотопа: если действие происходит в Индии, то уместно употребление имени Лорда Маунтбаттена, последнего вице-короля Индии, при котором она приобрела независимость; если действие происходит в Австралии, то целесообразно обратиться к именам прославленного австралийского игрока в крикет Дональда Бредмэна и известного австралийского писателя Патрика Уайта: «“Very fine suite,” said the porter as he carried their bags up the wide staircase. “slept by **Lord Mountbatten**,” he added with obvious pride, “and many **maharajahs**”»; «He glanced at Kate, who was already engrossed in the latest novel by **Patrick White**» [3, с.391; с.361]. Авторы также активно используют экзотическую лексику для поддержания хронотопа, в частности, описание пребывания персонажей в Индии будет сопровождаться экзотизмами со словами-прототипами в санскрите, хинди и урду: «**coolie, khaki, maharajah, sahib, turban**».

Ряд слов-реалий помогает точно определить хронологические рамки описываемых в романе событий: например, работая в послевоенном Берлине, Ричард Армстронг – герой романа «Четвёртое сословие» – всегда отправляется в командировки с «**Gladstone bag**», то есть с саквояжем (сумкой для путешествий из кожи с двумя короткими ручками и ремнём через плечо): «Armstrong stepped out of the jeep, carrying his Gladstone bag, and told his driver

to return to the British sector» [3, с.242]. Первый патент на подобную вместительную сумку запатентовал английский мастер Эдуард Коул в 1854 году, но в моду они вошли именно в 1940-50х годах в Европе и Америке. В романе «Вечерние новости» для мероприятия с участием французского президента героиня облачается в наряд от Оскара де ла Рента (1932-2014), американского модельера доминиканского происхождения, который одевал всех первых леди США от Жаклин Кеннеди до Хилари Клинтон: «Margot, still wearing a lavender chiffon **Oscar de la Renta** gown in which she had met the French President, answered: “We have it here”» [4, с.498]. Также текст романа изобилует словами-реалиями, связанных с возникновением террористических организаций и с борьбой на уровне государства с терроризмом: «**Hezbollah, Shiite (hijackers), Stockholm syndrome, Red Brigades, Islamic Jihad, FARL**». Все они связаны с конкретным историческим событием, например, о военизированной ливанской шиитской организации «Хезболла» заговорили впервые в 1982 году, а термин «**Стокгольмский синдром**» впервые был употреблён криминалистом Нильсом Бейртом в 1973 году.

Таким образом, проведённое исследование текстов профессиональных романов выявило разнообразие стилистических приёмов, прецедентных имён, слов-реалий и экзотизмов, что опровергает мнение литературного критика The Daily Telegraph Марты Гельхорн о литературном творчестве Ар. Хейли и Дж. Арчера: «It tells us everything at least three times. Solid-wood dialogue is tailor-made for the mechanical characters who, in turn, tell each other what they are doing at least three times» [5,6].

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непере译димое в переводе. Москва: Р. Валент, 2012. – 408с.
2. Шехтман Н.Г. Стилистический потенциал морфологических категорий (на материале рассказов Дж. Арчера «Cheap at Half the Price») // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2013. – №4. – С.143-146.
3. Archer, J. The Fourth Estate. New York: St. Martin's Press, 2013. 689p.
4. Hailey, A. The Evening News. London: Corgi Book, 2011. 647p.
5. Официальный сайт Джеффри Арчера [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.panmacmillan.com/authors/jeffrey-archer/heads-you-win/9781509851263>
6. The Daily Telegraph [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/1477599/Arthur-Hailey.html>].

10.02.00

Р.С. Бытотова канд. педагог. наук, У.А. Даржа канд. филол. наук

Тувинский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Кызыл, brs62@yandex.ru, urana-63@mail.ru

**К СООТНОШЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ И ТУВИНСКИХ
ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
ЧАСТЬ 1. РУССКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ
И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

В первой части работы обозначаются теоретико-методологические предпосылки изучения соотношения русских и тувинских определительных местоимений, описываются языковые значения русских определительно-выделительных местоимений и определяются их возможные соответствия в тувинском языке.

Ключевые слова: *русский язык, тувинский язык, функционально-семантический разряд, определительные местоимения, определительно-выделительные местоимения.*

Теоретические предпосылки исследования местоимений как особого лексико-грамматического класса слов прежде всего в системе частей речи русского языка заложены в трудах отечественных ученых Л.В.Щербы [14], В.В.Виноградова [2], В.Н.Мигирова [5], Н.Ю.Шведовой [13], Е.В. Падучевой [7], М.И.Откупщиковой [6] и др.

Постановка вопроса о тувинских местоимениях представлена в русле общих тенденций развития тюркских языков [3;9] в грамматике тувинского языка [4], в сопоставительной грамматике тувинского и русского языков [8], где в основном описываются формальные свойства местоимений.

Актуальность темы исследования определяется системообразующей ролью местоимений в общей структуризации языка. По словам Н.Ю. Шведовой: «...роль местоимений в языке выходит далеко за границы каких-либо грамматических классов. Местоимения ничего не называют (не именуют): они означают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы...» [13].

Актуальность темы исследования обусловлена также отсутствием специального рассмотрения возможного соотношения языковых значений определительных местоимений в русском и тувинском языках. Именно в этом аспекте заключается научная новизна работы.

Рассмотрение возможного соотношения языковых значений русских и тувинских определительных местоимений обусловило комплексное использование описательного и сопоставительного методов, которые обеспечивают как методологическую обоснованность теоретических предпосылок исследования, так и адекватность, и достоверность его результатов в целом.

Русские определительные местоимения – один из функционально-семантических разрядов, который указывает на обобщенное качество предмета. Его представляют в виде двух разрядов: определительно-выделительные местоимения (указывают на признак предмета, связанный с понятием тождества/не тождества): *сам, самый, иной, другой*; определительно-обобщительные местоимения (выражают значение полного охвата объектов/объекта) [10].

К определительным местоимениям тувинского языка относятся такие слова, как *бүгү, бүгүдө, бүрүн, дооза, дөгере, төдү, хамык, шупту, бүрү, бот* и некоторые другие [4; 11]. По своей семантике они разделяются на две основные группы: определительные коллективные

(определяют совокупность всех предметов или коллектив людей); определительные обособленные (определяют отдельные группы предметов и людей или отдельные предметы и индивидуумы) Следует отметить, что все определительные местоимения в тувинском языке оформляются аффиксами принадлежности, а также аффиксами падежа [4].

Основная цель первой части нашей работы – рассмотреть языковые значения русских определительно-выделительных местоимений и их возможные соответствия в тувинском языке через призму их лексикографической характеристики в словарях русского и тувинского языков [1; 12].

К русским определительно-выделительным местоимениям относятся местоимения *сам, самый, иной, другой*.

Местоимение *сам* в функционально–смысловом отношении характеризуется особым положением [1]. Языковые значения местоимения *сам* в тувинском языке выражает определительное обособленное местоимение *бот* [12]: «указание на лицо или предмет, лично (непосредственно) производящего действие без чьей-либо помощи»: Скажите об этом сами. ‘*Ол дугайында боттарыңар чугаалаңар*’. Всех угощал, а сам и не притронулся. ‘*Шуптуузун чемгерип тургааш боду дегбээн-даа*’; «вести себя сообразно своим убеждениям, индивидуальности, оставаться самим собой»: Сам себе голова, хозяин, господин. ‘*Боданганы ботка херек*’ (посл.); «именно он и никто другой, именно оно и ничто другое»: Внушите это ему самому, а не нам. ‘*Ону, биске эвес, а ооң бодунуң сагыжынга кишерер*’; «взятый безотносительно к кому-либо, чему-либо, как таковой»: Достаточен сам факт согласия. ‘*Чөпшээрэжилге фактызы боду чедер*’; «воплощенный, олицетворенный» (только в ед.ч.) – Хозяйка-то сама простота. ‘*Бажыңның хережээн ээзи боттуң бөдүүнү*’. Его слог – само изящество. ‘*Ооң дылы – боттуң шевергини*’; «самостоятельно, отдельно»: Ты сам по себе, я сама по себе. ‘*Сен бодуң мөрүндө, мен бодум мөрүмдө*’; «взятый в отдельности как таковой»: Земля сама по себе не имеет цены. ‘*Чер бодунуң мөрүндө өртеп чок*’. Значение «хозяин, глава дома, семьи, предприятия, учреждения» (разг.-сниж.) может быть передано в тувинском языке как определительным обособленным местоимением *бот*, так и личным местоимением *ол* [12]. Передача данного языкового значения в тувинском языке может иметь отвлеченный характер, требуя определенного контекста для уточнения «хозяин, глава дома, семьи, предприятия, учреждения» или любое другое лицо. Например: Подождем самого. ‘*Бодун манаалыңар*’. Скоро сам придет. ‘*Ол удавас чедип келир*’.

Местоимение *самый* [1] в русском языке обычно употребляется для «выделения и подчеркивания предмета (как правило, неодушевленного)» – в тувинском языке может быть передано определительным обособленным местоимением *бот*: Здесь изображено самое бегство. ‘*Мында бот дурганнаны дүрзүлөтүнгөн*’; «усиления значения указательных и личных местоимений (*этот, тот, такой, он*) «как раз, именно то, о чем идет речь, что имеется в виду»: в тувинском языке может быть передано указательными местоимениями *демги, шак бо, шак ол, ол-ла* в значении ‘тот самый’ [12]: Эта самая книга. ‘*Демги ном*’. ‘*Шак бо ном*’. ‘*Шак ол ном*’ (‘прямо’, ‘как раз’). В эту самую минуту. ‘*Ол-ла минутада*’. ‘*Шак бо минутада*’. ‘*Шак ол минутада*’; «уточнения места и времени (обычно с оттенком усиления или предельно высокой степени проявления свойства)» – в тувинском языке может быть передано наречием *мырыңай* [12]: У самого моря. ‘*Мырыңай далай кыдыында*’. ‘*Самое* время. ‘*Мырыңай үези*’; «указания на предел проявления признака, качества или количества» – в тувинском языке может быть передано частицами *кидин, эң-не* [12]. Например: Самое время сна. ‘*Кидин улуг уйгу үези*’. Самое меньшее. *Эң-не* (‘эң’) *эвээжи*.

Местоимение *иной* [1] употребляется в значениях: «другой, отличающийся от этого или прежнего» – в тувинском языке может быть передано прилагательным ‘*өске*’ (‘*бир өске*’) [12] и определительно-отрицательным местоимением *чуу-даа* [12]: Придать чему-либо иной вид. ‘*Бир-ле чүвеге өске хевир кишерер*’. Быть иного мнения. ‘*Өске саналдыг болур*’. Его поведение не что иное, как трусость. ‘*Ооң аажы-чаңы чуу-даа эвес, а кортуу дыр*’; «некоторый: какой-нибудь, кое-какой» – в тувинском языке может быть передано словом ‘*чамдык*’ [12] и неопределенным местоимением ‘*кайы-бир*’ [12]: В иных случаях приходится рисковать.

‘Чамдык таварылгаларда айыылдыг чүве кылып таварлажыр’. Тот или иной ответ. *‘Кайы-бир харыы’*. Словом *‘чамдык* может быть передано также значение «какой-либо из ряда перечисляемых или противопоставляемых предметов»: Снег в *иных* местах уже сошел, в других еще лежал. *‘Чамдык черлерде хар эрип калган, чамдызында ам-даа чыдар’*.

Местоимение *иной* употребляется также в значении существительного. В тувинском языке данное языковое значение может быть передано неопределенными местоимениями *кым-бир*, *кым-даа* [12]: Жить так, как *иному* и не снилось. *‘Кым-бир кижиниң /Кымның-даа дүжүнге кирбээн-даа кылдыр чуртаар’*.

Местоимение *другой* [1] употребляется в значении «не этот, не данный». В тувинском языке данное языковое значение выражают прилагательное *өске* и наречие *дараазында* [12]: *Другого* пути нет. *‘Өске орук чок’*. Поговорим в *другой* раз. *‘Дараазында чугаалажыр бис’*.

Прилагательное *өске* в значении определительного местоимения может выражать и ряд следующих языковых значений: «противоположный» (о береге, стороне чего-либо): *Другой* конец веревки. *‘Хендирниң өске ужу’*; «не такой, как этот (или прежний)»; *иной*: *Другими* словами (иначе говоря). *‘Өске сөстөр-биле чугааларга’*; «какой-либо, иной, некоторый» (разг.): *Другой* человек не так понятлив. *‘Өске кижиги шоолуг өөрениичел эвес’*; «остальные, прочие среди однородных»: Первый среди *других* студентов. *‘Өске студентилер аразында бир дугаар’ / ‘Студентилер аразында бир дугаар’*.

Языковые значения местоимения *другой* могут передаваться в тувинском языке и другими словами. Например, значение «второй, следующий» выражается наречием *эртенинде* [12]: О победе наших футболистов узнали на *другой* день. *‘Бистиң футболистеривистиң тишелгезиниң дугайында чүгле эртенинде билип каан бис’*. При перечислении, противопоставлении и т.п. в тувинском языке наряду с неопределенным местоимением *чамдыктары (өскелери)* [12] может быть употреблено наречие *соң-соңдан* [12]: Одни поезда шли в город, *другие* из города. *‘Чамдык поездилер хоорайже, чамдыктары (өскелери) хоорайдан чоруп турган’*. Волны накатывают одна за *другой*. *‘Чалгыглар соң-соңдан чуулдуруп турганнар’*. Языковое значение этого же слова может соотноситься с языковым значением «примерное, приблизительное количество чего-либо»: Выкурить сигарету – *другую*. *‘Таапкыны соң-соңнап тыртыптар’*. Значение местоимения *другой* «оба, каждый из двоих» в тувинском языке может передаваться определительно-отрицательным местоимением *кайызы-даа* [12]: И тот, и *другой* об этом мечтали. *‘Кайызы-даа ооң дугайында бодап турганнар’*.

В сочетании с некоторыми существительными местоимение *другой* может выражать наречное значение. Например, «иногда»: *Другой раз* и настрой есть, а инструмента под рукой нет. В тувинском языке подобное языковое значение может выражаться местоименным наречием *чамдыкта*. Например: *‘Чамдыкта хөөн-даа бар, а хөгжүм херексели холл чанында чок’*.

Рассмотренный нами иллюстративный материал свидетельствует о том, что в выражении языковых значений русских определительно-выделительных местоимений в тувинском языке нет единого соответствия.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. /Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. С. 1142; 1147; 394; 285.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1980.
4. Исхаков Ф.Г. Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 239; 241.
5. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев: Штиинца, 1973.
6. Откупщикова М.И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Ленинград: Ленинградский орден Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени А.А. Жданова, 1984.
7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 6-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
8. Салзынмаа Е.Б. Тыва болгаш орус дылдарнын деннелге грамматиказы. Фонетика. Морфология. – Кызыл: ТывГУ, 2000.
9. Сафиуллина Ф.С., Закиев М.З. Современный татарский литературный язык. Казань: Мәгариф, 2002.
10. Современный русский язык. Морфология: словарь-справочник. Ч. 1. Изд. второе, исп. и доп. / Панова Г.И. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2003. С. 238-239.
11. Соян А.М. Аналитические местоименные скрепы в тувинском языке // Вестник ИГЛУ. 2010. №2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskie-mestoimennye-skrepy-v-tuvinskom-yazyke> (дата обращения: 14.11.2018). КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskie-mestoimennye-skrepy-v-tuvinskom-yazyke223>
12. Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 115; 317; 154, 565; 306; 239; 614; 340; 552; 515; 277; 148; 619; 515; 340; 382; 220.
13. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. С. 7.
14. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

10.02.21

**А.Х. Вафина канд. филол. наук, А.Р. Каюмова канд. филол. наук,
Г.В. Садыкова канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра русской и зарубежной литературы, кафедра германской филологии,
Казань, alsu_vafina@mail.ru, alb1980@yandex.ru, gsadykova2015@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ: ВЗГЛЯД ПЕДАГОГОВ

Данная статья посвящена изучению дизайна цифрового обучающего объекта «Живые сказки», направленного на обучение детей раннего возраста русскому языку и культуре. Предметом исследования являются мультимодальные характеристики онлайн-школы, востребованные педагогами дошкольных учреждений. Данные отчетов об интеграции «Живых сказок» в языковую программу 6 би- и мультилингвальных детских садов и результаты, полученные в ходе онлайн-анкетирования 18 педагогов и воспитателей, показывают, что элементы игры и мультимодальная подача материала повышают познавательную активность дошкольников и способствуют диалогу «компьютер – ученик – педагог».

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, цифровые книги, Живые сказки, русский язык, мультимодальность, дети раннего возраста.

Рынок онлайн-образования быстро реагирует на интерес молодого цифрового поколения к технологиям, создавая широкий спектр компьютерных и мобильных приложений для детей дошкольного возраста, в том числе направленных на изучение языков. Тем не менее, взаимоотношения между компьютерными/мобильными технологиями и обучением языку детей дошкольного возраста малоизучены.

Согласно мета-анализу эмпирических исследований об использовании компьютерных технологий в языковом образовании [4], подавляющее большинство исследований фокусировалось на применении цифровых обучающих объектов (далее ЦОО) в высших учебных заведениях, реже в средней и начальной школах. Ни одна из статей, отобранных для мета-анализа, не была посвящена использованию компьютерных технологий в дошкольных учреждениях. Аналогичные тенденции наблюдаются и в сфере языкового обучения посредством мобильных технологий [2].

Пробел в исследованиях интеграции IT-технологий в обучение детей раннего возраста требует восполнения, что особенно актуально, когда дети становятся активными пользователями компьютера и мобильных устройств прежде, чем они достигают школьного возраста [3]. Перспективными видятся следующие направления:

- 1) изучение эффективности ЦОО в языковом обучении дошкольников [8-10];
- 2) проведение оценочных исследований ЦОО для дошкольников [5];
- 3) изучение мнения родителей и педагогов о применении ЦОО в языковом обучении детей дошкольного возраста [6-7].

Исходя из необходимости описать и проанализировать способы применения ЦОО в языковом образовании дошкольников и выявить положительные (или отрицательные) характеристики дизайна ЦОО с точки зрения мультимодальности, то есть использования нескольких средств передачи информации (модусов) таких как текстовые, аудиальные и визуальные, нами была предпринята попытка провести апробацию ЦОО в условиях экспериментальной площадки.

Материалом для исследования послужила онлайн-школа русского языка «Живые сказки» (Рис. 1) [1], ориентированная на детей 3-5 лет, проживающих в иноязычной среде и нуждающихся в развитии и совершенствовании навыков устной речи и позитивной социализации в условиях межкультурной коммуникации.

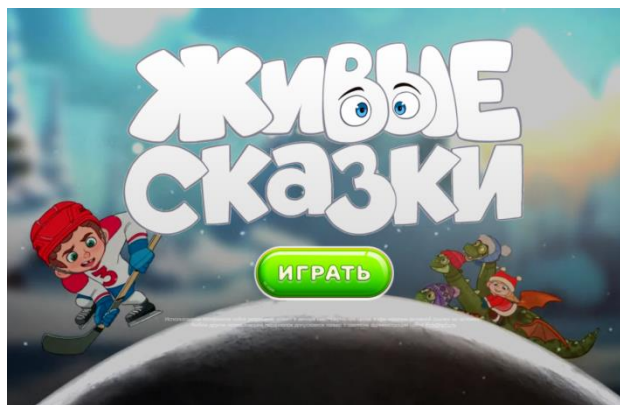

Рис. 1 – Начальная страница онлайн-школы «Живые сказки»

Школа включает два уровня: для детей 3-4 лет и для детей 4-5 лет. Каждый уровень содержит 8 модулей, посвященных определенной теме, например: Моя семья, Мои игрушки, Мой дом и т.п. Каждый модуль поделен на три урока, которые, в свою очередь, делятся на задания по следующей схеме:

Урок 1

1. вводное задание (введение лексики и/или структур)
2. задание на ключевую лексику и/или структуры

Урок 2

1. иллюстрированная сказка (короткий вариант) со звукозаписью
2. интерактивное задание к сказке
3. интерактивное задание к сказке

Урок 3

1. иллюстрированная сказка (полный вариант) со звукозаписью
2. интерактивное задание к сказке
3. интерактивное задание к сказке.

На первом этапе исследования в языковую программу 6 би- и мультилингвальных детских садов Республики Татарстан были интегрированы 2 модуля онлайн-школы «Живые сказки». Зимой и весной 2016 г. шесть педагогов, работающих в шести различных группах, проводили языковые занятия с применением «Живых сказок». В уроках русского языка был задействован 51 ребенок: 15 трехлетних, 17 четырехлетних и 19 пятилетних детей. По истечении периода интеграции педагоги получили шаблон отчета, включающий следующие пункты: 1. описание группы; 2. дата и время проведения апробации; 3. детальное описание урока; 4. анализ урока; 5. рекомендации по корректировке заданий онлайн-модуля.

На втором этапе исследования (в мае-июне 2017 г.), когда были запущены все 16 модулей «Живых сказок», команда исследователей отправила письмо-приглашение в детские сады Республики Татарстан и в образовательные центры за пределами России с предложением интегрировать новый ресурс и пройти онлайн анкетирование на основе полученного опыта. Анонимная анкета состояла из 15 закрытых и 2 открытых вопросов. Анкета была заполнена 18 респондентами.

Данные отчетов показали, что в первом этапе исследования участвовали 6 сотрудников детских садов (2 преподавателя русского языка и 4 воспитателя).

Во втором этапе исследования приняли участие преподаватели русского языка (87,5%), которые учат детей от 3 до 7 лет, и один методист дошкольного учреждения (12,5%).

Дети, в языковую программу которых внедрялись «Живые сказки», двуязычные, так как, по словам респондентов, от 66,7 до 77,8% из них демонстрируют владение русским языком на том же уровне, что и языком среды.

Контент-анализ полученных данных позволил выделить четыре ключевые темы.

1. Способы интеграции ЦОО

На разных экспериментальных площадках способы внедрения «Живых сказок» оказались схожими. Шесть педагогов, которые интегрировали пилотные модули на первом этапе,

сообщали о групповой работе с «Живыми сказками», несмотря на то, что в некоторых группах было от 5 до 8 детей. Групповой формат обучения был наиболее популярен и среди респондентов анкеты (77,8%). Опрашиваемые, возможно, выбирали групповой формат работы из-за необходимости вовлечь всех детей в учебный процесс и по причине нехватки отдельных компьютеров/планшетов для каждого ребенка.

Интерактивная доска (55,6%) или компьютер (44,4%) служили основными инструментами для проведения уроков с применением «Живых сказок». Только два учителя (11,1%) раздали детям планшеты.

На вопрос о длительности занятий с применением «Живых сказок» более половины из опрашиваемых (66,7%) ответили, что их уроки длились от 16 до 20 минут; 33,3% опрашиваемых проводили уроки более 20 минут.

В докладах преподавателей дается представление о ходе урока. Начало занятий имело, во-первых, организационный характер; во-вторых, служило своеобразным тизером (от англ. teaser «завлекалка»). Далее учителя обычно следовали структуре онлайн-модуля без отступлений. Дети сидели в один ряд или полукругом перед интерактивной доской или экраном и вставали поочередно, чтобы выполнять интерактивные задания.

2. Вовлеченность учащихся

Дети активно работали с «Живыми сказками». Щелчок мышью или касание сенсорного экрана, казалось, были самой любимой частью для большинства детей. Более того, согласно ответам онлайн-анкеты, для большинства детей уровень развития их мелкой и крупной моторики позволял выполнять задания самостоятельно: только четыре респондента (22,2%) указали, что лишь от 20 до 40% их детей справились с выполнением заданий самостоятельно. Уровень сложности языковой составляющей онлайн-школы, по словам опрашиваемых, также оказался приемлемым: только в 4 случаях (22,2%) опрашиваемые отметили, что менее половины всех студентов могли самостоятельно выполнять задания из-за низкого уровня владения русским языком.

Тем не менее, преподаватели также писали о проблемах, например, связанных с групповым форматом обучения: некоторые дети, которые не выполняли действие с применением мышки или сенсорного экрана, могли шуметь, отвлекаться и т.п.; однако это характерно и для традиционных групповых занятий без применения ЦОО. Учителя сообщили, что короткий период концентрации внимания дошкольников также стал препятствием: дети потеряли интерес, слушая полную (длинную) версию сказки, продолжительность которой варьировалась от 6 минут 30 секунд до 7 минут 30 секунд. Выявленная проблема была частично решена, когда ИТ-специалисты добавили кнопку «пауза».

3. Мультимодальная подача учебного материала

Педагоги положительно оценили модусы «Живых сказок». На вопрос «Насколько Вы удовлетворены графикой и визуальными эффектами модуля?» не поступило ни одного отрицательного ответа: 33,3% – полностью удовлетворены, 66,7% – частично удовлетворены. Отчеты показали, что частичное удовлетворение визуальным модусом может быть связано с размером изображений.

Также респонденты были удовлетворены аудиальным модусом: 22,2% – полностью удовлетворены, 77,8% – частично удовлетворены. Результаты, связанные с аудиоконтентом, можно объяснить не столько низким качеством звука, сколько тем, как этот звук был внедрен в онлайн-школу: преподаватели находят полную версию сказки слишком длинной (62,5%) и сложной (12,5%).

Поскольку «Живые сказки» были созданы для дошкольников, не владеющих навыками чтения, текстовые материалы были созданы в основном для педагогов, родителей или детей старшего возраста. Текстовый материал (напр., инструкции к заданиям или обратная связь) дается параллельно с соответствующим аудио текстом. Отчеты преподавателей или результаты опроса не выявили неудовлетворенности текстовыми материалами.

Важность качественного визуального представления информации можно проследить в рекомендациях для создателей «Живых сказок»: сделать иллюстрации крупнее или ярче,

увеличить количество иллюстраций, добавить словарь с картинками. Рекомендация по добавлению песенного материала была позже реализована в модулях «Живых сказок».

4. Игра как важный элемент ЦОО для дошкольников

Первый значимый игровой элемент – награда за выполнение заданий. Каждый из 16 модулей заканчивается тем, что ребенок получает драгоценные камни, присужденные Змеем Горынычем. Преподаватели единогласно заявляли, что награда мотивирует их учеников.

Второй важный элемент игры – новые «приятели» дошкольников, а именно Маша и Миша, Змей Горыныч и Домовой. Они не только главные персонажи сказок, они играют роль наставников в игре, которые придумывают задания, задают вопросы, поощряют, радуются победам или подбадривают в случае неудач. Такая форма подачи информации и обратной связи хорошо воспринимается детьми. «Приятели» создают дружескую атмосферу, способствующую языковому обучению.

Таким образом, преподаватели, интегрировавшие онлайн-школу русского языка «Живые сказки» в языковую программу дошкольников, высоко оценили новый ресурс. Мультимодальная подача материала позволила учителям с легкостью привлечь детей к прослушиванию сказок и выполнению заданий. Герои-ровесники, придумывающие задания, и сказочные персонажи, дарящие награды, побудили дошкольников к активной деятельности, приобретению языковых навыков. Элементы игры воссоздали естественную благоприятную среду для развития детей.

Вклад опрашиваемых, в частности их рекомендации, имеют несомненную практическую ценность, т.к. могут служить опорой при создании новых ЦОО для дошкольников.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09128.

Список литературы

1. Живые сказки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skazki.pushkininstitute.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).
2. *Burston J.* Twenty years of MALL project implementation: A meta-analysis of learning outcomes // *ReCALL* –2015. – 27(1). – P. 4-20.
3. The Common Sense Census: Media Use by Kids Age Zero to Eight 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.common sense media.org/research/the-common-sense-census-media-use-by-kids-age-zero-to-eight-2017> (дата обращения: 20.10.2018).
4. *Grgurović M., Chapelle C., Shelley M.* A meta-analysis of effectiveness studies on computer technology-supported language learning // *ReCALL*. – 2013. – 25(2). – P. 165-198.
5. *Kazanci Z., Okan Z.* Evaluating English Language Teaching Software for Kids: Education or Entertainment or Both? // *Turkish Online Journal of Educational Technology*. – 2009. – 8(3). – P. 30-38.
6. *Sadykova G., Kayumova A., Khalitova L., Gimaletdinova G.* Designing CALL Technologies for Very Young Language Learners: Exploring Parents', Educators' and Designers' Views // *EUROCALL 2017 Abstract Book*. – 2017. – P.87.
7. *Sadykova G., Gimaletdinova G., Khalitova L., Kayumova, A.* Integrating mobile technologies into very young second language learners' curriculum // *CALL communities and culture – short papers from EUROCALL 2016*. – 2016. – P. 408-412.
8. *Segers E., Verhoeven L.* Effects of vocabulary training by computer in kindergarten. *Journal of Computer Assisted Learning*. – 2003. – 19(4). – P. 557-566.
9. *Segers E., Verhoeven L.* Long-term effects of computer training of phonological awareness in kindergarten. *Journal of Computer Assisted Learning*. – 2005. – 21(1). – P. 17-27.
10. *Verdugo D., Belmonte A.* Using digital stories to improve listening comprehension with Spanish learners of English // *Language Learning & Technology*. – 2007. – 11(1). – P. 87-101.

10.02.00

А.Н. Гарипова, С.Г. Каримова

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, Alia-tggpy@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Исследование посвящено проблеме взаимодействия языка и культуры, вопросу определения информативности лингвокультурных кодов, а также выявления механизмов их актуализации в языке современных средств массовой информации.

Ключевые слова: язык, код, культурный код, лингвокультурный код, код культуры, метафоризация.

Одним из важнейших направлений уже долгое время остается изучение языка как знаковой системы, находящейся в тесной корреляции с понятием «код». Язык как явление зародившееся и развивающееся обладает свойствами исторической протяженности и кумулятивности, являясь своеобразной копилкой человеческого опыта, иными словами, культурного наследия. Данный факт позволяет отметить, что процесс накопления и выражения опыта происходит у носителей разных языков неодинаково. Следовательно, возникшая необходимость структурировать специфику языковых образований разных народов нашла свое выражение в термине «лингвокультурные коды». Тем не менее многие исследователи расходятся в интерпретации данного понятия. Однако, при всем многообразии дефиниций, понятие, введенное В.В. Красных, на наш взгляд, представляется универсальным, и под «кодом культуры» понимается накопление и передача опыта посредством текста [3]. В.Н. Телия также рассматривает феномен культуры как «своеобразную историческую память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [5]. Соответственно, проблема культурного кодирования и декодирования всегда актуальна.

Цель данной статьи заключается в определении информативности культурных кодов и выявлении механизмов их актуализации в языке современных средств массовой информации.

Материалом исследования послужили русскоязычные газетные тексты. Выбор материала исследования обусловлен спецификой печатных средств массовой информации, которая проявляется наличием языковой личности, журналиста, как представителя лингвокультурного общества. Массмедиаальный дискурс представляет собой определенный тип дискурса, характеризующий вербализуемую речемыслительную деятельность в средствах массовой информации.

Объектом исследования выбраны вербальные единицы метафорического характера, которые по мнению многих лингвистов являются истинными хранителями культурной информации.

Для структурирования изложения исследования придерживались классификации, представленной В.В. Красных, которая выделяет следующие коды: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды [2]. Определение информативности культурных кодов и выявлении механизмов их актуализации в языке рассмотрено на примере единиц соматического культурного кода.

Соматический код реализуется в современном русскоязычном СМИ следующими единицами: *сходит с рук, рука руку моет, закрывать глаза на..., склонить голову, голова варит, с головы до ног, сердце кровью обливается и т.д.*

Выборка единиц метафорического характера осуществлялась на базе Национального корпуса русского языка.

Механизмом актуализации лингвокультурных кодов в языке современных средств массовой информации является процесс метафоризации, осуществляемый по принципу переноса ассоциативного признака:

Значение объекта → выявление ассоциативного признака → наложение ассоциативного признака → формирование нового метафорического признака

Семы «чистота», «удаление грязи», «вода» и «взаимопомощь» актуализируют сему «скрыть».

Выбор объекта, признак которого лежит в метафорическом переносе, также является не маловажным. Рука как часть тела характеризуется богатой образностью. С помощью жестов руки на Руси выполнялись важные ритуальные действия: благословляли, каялись, что нашло отражение в целом ряде фразеологических единиц: *положа руку на сердце, ударить по рукам*. Характерным для русского языка является и тот факт, что фразеологические единицы с компонентом «рука» описывался социальный статус человека, его положение в обществе: *с барской руки, крестьянские руки, боксерские руки, рабочие руки* [1].

Функционирование фразеологической единицы *рука руку моет* в современных газетных текстах позволяет говорить о вторичном ассоциативном переносе, значения фразеологической единицы на реалии современности: «прикрывать + способствовать» → «правительство + коррумпированность». Количественное преобладание данной единицы в контексте политики позволяет прийти к такому компоненту культурного кода как «коррумпированность политической системы».

Рука руку моет, от этого качество работы страдает, коррупционная составляющая увеличивается. [Егор Созаев-Гурьев, Алена Сивкова. В Кремле объявляют поход против клановости // Известия, 2013.03.20].

Всегда проигрывают: компания связана с властями, рука руку моет, ну и так далее. [Георгий БОВТ. Да не судимы будете // Комсомольская правда, 2012.02.07].

Вот и получается, что рука руку моет. [Алла Александрова. Жители Копейска взбунтовались против высоких тарифов на воду // Новый регион 2, 2011.04.14].

Как правило, мэр имеет в думе своих депутатов. Рука руку моет. О назначении нового губернатора. [Александр БЕЛЯЕВ. Эдуард Россель: - Дайте мне топор и выбросите в любом месте! // Комсомольская правда, 2009.04.28].

Рука руку моет: заведующая прикрывает медика, медик—воспитателя, воспитатель—няню. [Евгений ЛЕВ. «Воспитатели думают не о ребяташках, а как прожить на зарплату!» // Комсомольская правда, 2009.02.07].

Кругом "свои" люди, родня местных чиновников все делает по принципу "рука руку моет". [Агишева Гузель. А МЫ МОГЛИ БЫ ИМ ПОМОЧЬ? // Труд-7, 2006.06.28].

Фразеологическая единица «рука руку моет», лежащая в основе соматического кода, актуализирует проблемы в государственных и социальных структурах: *в Кремле, с властями, «свои люди» высокие тарифы* (структуры жилищно-коммунальных хозяйств), *медик, воспитатель, няня* (социальные институты).

Соматический код с компонентом «рука руку моет» отражает поведенческий культурный код русского языка, в основе которого лежат общепринятые в данном лингвокультурном сообществе нормы поведения участников.

В языке массмедиа соматический код в большей степени характеризуется отрицательной коннотацией: *закрывать глаза на..., сходит с рук, водить за нос, поднимать руку и т.д.*

Например, частотность проявления фразеологической единицы *сходит с рук* в массмедиальном тексте, выявляет такой компонент современной российской картины мира как «безнаказанность». Сема «отсутствие» актуализируют сему «отсутствие последствий» с последующей переносом на современные реалии – «безнаказанность».

...всё это будет *сходить с рук* только до той поры, пока у власти будут противники типа нынешних. [Максим Соколов. Силовички за себя постояли // Известия, 2013.07.19].

Я подумал и решил, а почему это должно ему **сходить с рук**? [Роман ЛАВРУХИН. В Ставрополе начался суд над убийцей кота // Комсомольская правда, 2012.08.06].

И вот министр внутренних дел Украины Юрий Луценко пообещал: богатым автолюбителям нарушения теперь не будут **сходить с рук**. [Андрей ПОДОРУЕВ («КП» - Киев»). Оштрафовал владельца «Лексуса» - получил премию // Комсомольская правда, 2007.12.30].

Фразеологическая единица «сходит с рук», лежащая в основе соматического кода, актуализирует компоненты «безнаказанность» и «неэффективность законов и власти».

Также современная картина мира находит свое отражение в компоненте «воровство», представленная такой следующей единицей соматического кода *запустить руку*. Перенос осуществляется на политическую (*запустить руку в государственный карман, бюджетный карман*) социальную сферу (*запустить руку в чужую судьбу, запустить руку в «сундук с тайнами»*).

А сегодня, спустя 225 лет, новые фавориты власть имущих снова решили **запустить руку** в государственный карман и слегка поживиться—торгануть от имени Минобороны лакомым куском исторической недвижимости [Юлия АЛЕХИНА. Возбуждены два новых дела о хищениях имущества Минобороны // Комсомольская правда, 2013.07.23].

Полбеда в том, что образумившийся гуляка теперь является серьезной опасностью для карьеры ее мужа; главное, что кто-то, оказывается, тоже может **запустить руку** в чужую судьбу [Анастасия Ким. Режиссер Кама Гинкас привезет в Петербург «Гедду Габлер» Ибсена // РБК Дейли, 2011.10.14].

..., когда некие псевдоученые действительно пытаются **запустить руку** в бюджетный карман и повытаскивать денежки... [Александр ГРИШИН. Сергей Миронов: «Проходимцев и аферистов у нас развелось - пруд пруди» // Комсомольская правда, 2010.03.23].

Но, видимо, слишком велико было мое желание хоть разок **запустить руку** в «сундук с тайнами» [Ярослава ТАНЬКОВА, Фото Марины ВОЛОСЕВИЧ. Как я была служанкой миллионеров. 1-я часть // Комсомольская правда, 2007.07.31].

Многими учеными тексты СМИ рассматриваются как важнейшие компоненты картины мира. В.А. Маслова отмечает множество культурных кодов, которые рассматриваются как механизм, способствующий кодированию и трансляции культуры» [4].

По результатам исследования был сделан вывод о том, что актуализация культурных кодов в современном языке средств массовой информации осуществляется посредством вторичного ассоциативного переноса и иллюстрирует современную картину мира и оценку реалий. Выявлено, что вербальные средства метафорического характера выступают зеркалом политических и социокультурных процессов.

Список литературы

1. *Баикатова Ю.А.* Соматический код в английской и русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3 (55). Том 2. С. 90-94.
2. *Красных В.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
3. *Красных В.В.* От концепта к тексту и обратно // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. –1998. – № 1. – С. 53–71.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. –288 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.11.2018).

10.02.00

А.Р. Гатиатуллин канд. техн. наук, Д.Ш. Сулейманов д-р техн. наукИнститут прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан,
ayrat.gatiatullin@gmail.com, dvdt.slt@gmail.com,**О РАЗРАБОТКЕ ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА TATVERBBANK**

В статье описывается создание нового электронного ресурса TatVerbBank, который представляет собой базу данных ситуационных фреймов. Ситуационные фреймы содержат информацию не только о семантических ролях, используемых в семантической ситуации, а также ряд ограничений, накладываемых на эти роли. К таким ограничениям относятся морфологические и семантические ограничения, реализация которых также представлена в статье.

Создаваемый ресурс не является автономным ресурсом, а взаимосвязан с целым рядом ресурсов, в частности, с русско-татарским тезаурусом TatTez.

Ключевые слова: *ситуационный фрейм, татарский язык, электронный ресурс.*

Введение

В рамках проекта «Разработка моделей связывания терминологии в разных языках (на материале русского и татарского языков)» ведутся работы по созданию электронных ресурсов, в которых накапливаются татарские термины в общественно-политической и IT областях. Для связывания моделей терминосистем в языках необходимо исследовать набор и структуру фундаментальных признаков, позволяющих соотносить терминологию в различных языках.

Основная часть терминов, исследуемых в рамках проекта, обозначает физические или абстрактные объекты. Однако, есть достаточно большая группа социально-экономических или компьютерных терминов, которые обозначают какие-то процессы или явления.

Например:

субсидияләү ‘субсидировать’, арендага алу ‘арендовать’

Для полноценного описания и проведения сравнительного анализа значений таких терминов недостаточно обычных тезаурусов, здесь уже необходимо использовать более сложные онтологические структуры – **ситуационные фреймы** [4].

Ситуационный фрейм – типовая семантическая ситуация с указанными семантическими ролями участников. В случае многозначной лексемы фрейм соответствует одному из значений этой лексемы или целой группы синонимичных лексем. Фреймы способны образовывать иерархические сети фреймов, что позволяет описывать разные классы ситуаций. В иерархических фреймовых сетях нижестоящие фреймы способны наследовать свойства вышестоящих фреймов, для этого в слотах фрейма определяются признаки наследования.

В настоящее время известен целый ряд ресурсов фреймового типа, созданных для описания ситуаций английского языка. Это FrameNet (<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>), лексическая база глаголов VerbNet (<https://verbs.colorado.edu/~mpalmer/projects/verbnet.html>) или PropBank (<http://verbs.colorado.edu/~mpalmer/projects/ace.html>). В этих ресурсах представлена информация о типах глагольного управления, их распределении и вариативности в разных лексических единицах.

Подобным общедоступным онлайн-ресурсом для русского языка является FrameBank (<http://framebank.ru/>), который имеет ряд отличий от FrameNet. Во FrameNet центральным элементом ресурса является фрейм, а в FrameBank центральным элементом является лексема. Это проявляется в том, что в главном каталоге ресурса представлен список лексем, а не фреймов. Для описания значений одной лексемы может быть представлено сразу несколько фреймов в соответствии со степенью многозначности лексемы. Во FrameBank подразумевается, что конструкция каждого предиката имеет индивидуальные особенности

(ограничения на заполнение элементов, отличия в значении), даже если предикаты относятся к одному фрейму.

Ни один из рассмотренных нами продуктов не способен полностью отразить особенности тюркских языков, поэтому нами принято решение о создании нового ресурса TatVerbBank. Здесь представим описание его структурно-содержательной части, не рассматривая его техническую реализацию.

1. Описание ресурса TatVerbBank

Для описания, накопления и изучения терминов татарского языка, обозначающих события, явления или процессы нами создается новый электронный ресурс TatVerbBank. TatVerbBank имеет многоуровневую структуру, где ситуационные фреймы объединены в единую структуру со словарями управления глаголов, и взаимосвязаны с концептами и текстовыми входами многоязычного тезауруса. На рис.1. представлен пример, на котором видны типы связей между разными видами сущностей, реализованными в модели TatVerbBank.

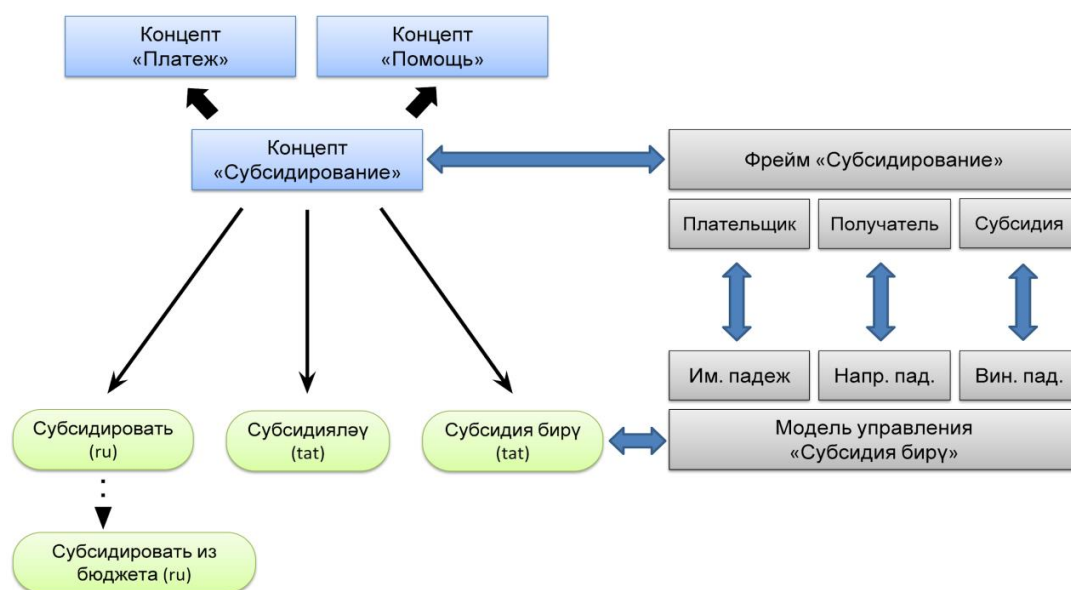

Рис. 1 – Взаимосвязи в модели TatVerbBank

В левой части рисунка 1 представлены концепты и текстовые входы многоязычного тезауруса. Здесь концепт “Субсидирование” находится в иерархических отношениях с концептами “Платеж” и “Помощь”. Также концепт “Субсидирование” связан с лексическими единицами на русском и татарском языках, служащими для обозначения данного концепта.

В правой части представлены фрейм “Субсидирование” и словарь модели управления, которая соответствует аналитическому глаголу “Субсидия бирү”. Ситуационный фрейм “Субсидирование” имеет семантические роли “платательщик”, “получатель” и “субсидия”.

Нами предложена комплексная модель фрейма, в которой модель управления глаголов встроена в фрейм в виде набора грамматических ограничений, которые накладываются на слоты фрейма. Эта структура фрейма представлена в таблице 1.

Таблица 1

Frame		
ID		- ID фрейма
Name		- имя фрейма
Hypernym		- ID гиперонима
Role1	RoleName	- имя роли
	Gram	- грамматическая категория
	NameConc	- имя концепта
	ID_conc	- ID концепта
	Example	- примеры

Role2	RoleName	
	Gram	
	NameConc	
	ID_conc	
	Example	
Role3	RoleName	
	Gram	
	NameConc	
	ID_conc	
	Example	

Структура предложенной нами модели больше похожа на структуру ресурса FrameBank, поскольку в модели FrameBank также имеются грамматические ограничения и синтаксические роли. Рассмотрим обозначения и ограничения слотов представленного фрейма на примере фрейма, заполненного реальными значениями (Таблица 2).

Обозначения семантических ролей в поле RoleName сформированы нами в результате анализа семантических падежей, использованных в продуктах FrameBank, VerbBank, а также для описания значений в структурно-функциональной компьютерной модели татарской морфемы [3]. В данном примере это следующие роли: agent ‘исполнитель’, initial point ‘начальная точка’, endpoint ‘конечная точка’, place ‘место’.

Таблица 2

Frame		
ID		00081
Name		V_fly1
Hypernym		V_move
Role1	RoleName	agent
	Gram	[]
	NameConc	physical object
	ID_conc	29677
	Example	кош ‘птица’
Role2	RoleName	initial point
	Gram	ABL
	NameConc	physical object
	ID_conc	29677
	Example	урманнан ‘из леса’
Role3	RoleName	endpoint
	Gram	DIR
	NameConc	physical object
	ID_conc	29677
	Example	авылга ‘в деревню’
Role4	RoleName	place
	Gram	ABL
	NameConc	physical object
	ID_conc	29677
	Example	һавадан ‘по небу’

Для обозначения грамматических ограничений **Gram** используется система грамматических тегов, которая была разработана для морфологической разметки татарского электронного корпуса “Туган тел” [2]. В примере в таблице 2 показано, что конечной точкой движения может быть только словоформа с аффиксом DIR.

Например: *авылга ‘в деревню’*

Однако, для заполнения всех типов морфологических ограничений этих тегов, оказалось недостаточно, поэтому существующие теги расширены нами дополнительными тегами для аналитических форм, образуемых с помощью послелогов и послеложных слов. В таблице 3 приведен фрагмент базы данных с тегами для аналитических форм татарского языка.

Таблица 3

ID	Название	Тег	Послелог
501	Дестинатив	DEST	өчен, бәрабәрәнә
502	Делибератив	DELIB	турында, бәянында
503	Контраритив	CONTRAR	карамастан, карамыйча
504	Просекутив	PROS	буенча
505	Абессив	ABES	башка, битәр
506	Пролатив	PROL	аралый, аркылы
507	Мотиватив	MOTIV	аркада, аркасында

Для того, чтобы задавать систему семантических ограничений для ролей фрейма в поле NameConc необходима семантическая классификация сущностей. На наш взгляд наиболее проработанная классификация именных сущностей представлена в тезаурусе WordNet (<https://wordnet.princeton.edu/>). На рис.2 представлено несколько концептов верхнего уровня этого тезауруса.

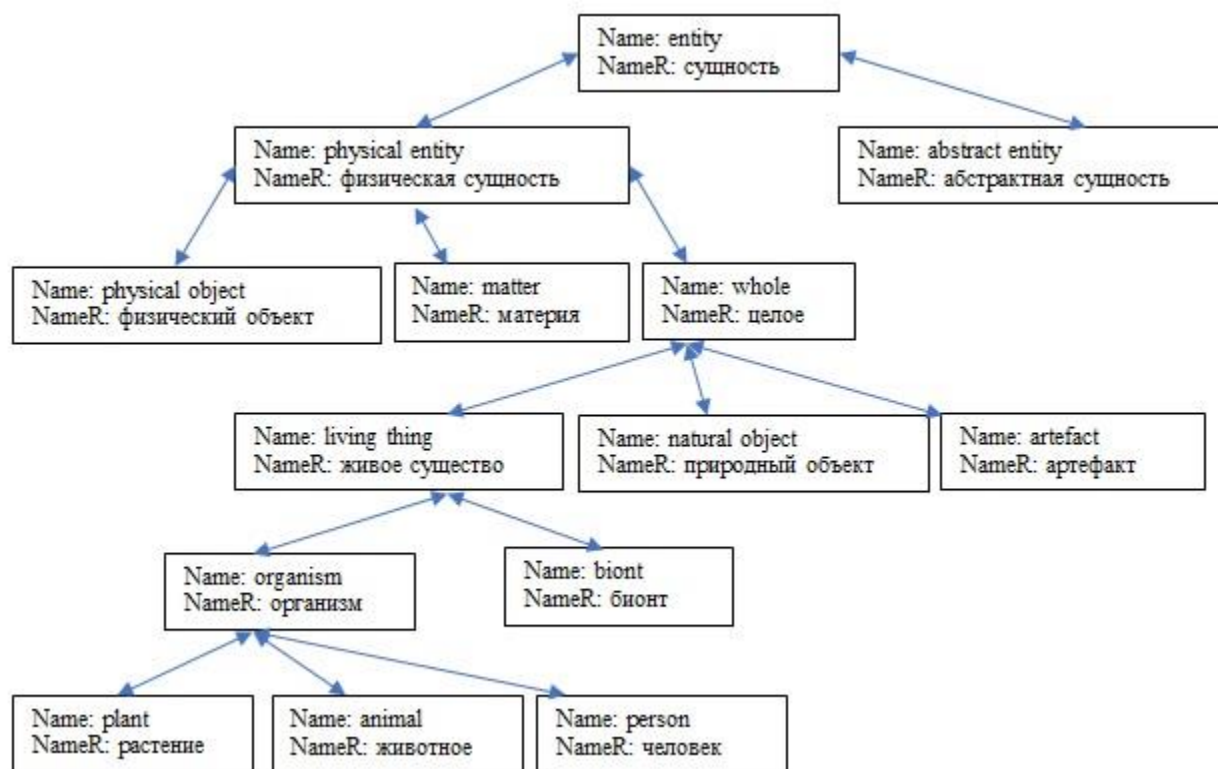

Рис.2 – Фрагмент верхнего уровня тезауруса, используемого для представления семантических ограничений

Все лексемы татарского языка, обозначающие сущности, связываются с концептами этого тезауруса. Анализ показал, что не все слова татарского языка имеют свои концепты в WordNet, поэтому при связывании лексем с концептами производится дополнение недостающими концептами.

При заполнении семантических ограничений в поле NameConc указывается самый верхний концепт в иерархической структуре, который может быть подставлен в этот слот ситуационного фрейма. Так например, исполнителями действия сула 'дышать' могут быть только сущности, являющиеся в дереве концептов потомками концепта organism.

Заключение

Создаваемый ресурс TatVerbBank является многофункциональным ресурсом, который кроме описанного в статье может быть использован еще в целом ряде программных продуктов: для разметки электронного корпуса, для семантического поиска, а также после расширения базы данных для других тюркских языков – для машинного перевода между тюркскими языками.

Данная статья выполнена при поддержке Российского научного фонда РНФ № 16-18-02074 «Разработка моделей связывания терминологии в разных языках (на материале русского и татарского языков)».

Список литературы

1. Галиева А.М., Хакимов Б.Э., Гатиатуллин А.Р. Метаязык описания структуры татарской словоформы для корпусной грамматической аннотации // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – Том 155, Книга 5. – С. 287-296.
2. Кашкин Е. В., Ляшевская О. Н. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: РГГУ, 2013. С. 297–311.
3. Сулейманов, Д.Ш. Гатиатуллин А.Р. Структурно-функциональная компьютерная модель татарских морфем – Казань: Фэн, 2003. – 220 с.
4. Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р. Реляционно-ситуационные фреймы в роли семантических универсалий // В сб. Трудов Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. – Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук, 2014. – С. 183-187.

10.02.00

Ф.Ф. ГилемшинАкадемия наук Республики Татарстан,
Fler.Gilemshin@yandex.ru**РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «КАЛИЛА И ДИМНА», «ТЫСЯЧА И ОДНА
НОЧЬ», «ТУТЫНАМЕ» И «РАССКАЗ О СОРОКА ВИЗИРЯХ»)**

Данная статья посвящена анализу религиозных терминов, имеющих место в произведениях «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутынаме» и «Рассказ о сорока визирях». Они представлены в широком спектре: среди них и названия основных предписаний, обязательных для мусульман, таких как намаз, ураза, закят, хадж, а также множество различных религиозных терминов, которые пришли в татарский язык после принятия татарами ислама. Подавляющее большинство из них имеют арабо-персидские корни.

Ключевые слова: пророк, мечеть, Коран, аят, намаз, руза, закят, хадж, рай, ад, шейх, хаджи.

Конец XIX – начало XX века считается «золотым периодом» развития татарского письменного языка. Начинает формироваться татарская нация, зарождается татарский литературный язык. Именно в этот период активно стали переводиться произведения – жемчужины восточной литературы. Благодаря творчеству известных писателей-просветителей Габдулгалляма Фаизханова, Фатиха Халиди, Каюма Насыри и др. появляются на татарском языке произведения «Калила и Димна», «Тутынаме», «Тысяча и одна ночь», «Рассказ о сорока визирях», «Абугалисина» и др. Поскольку эти произведения освещают жизнь и быт мусульманского востока, в них содержится большое количество религиозных терминов.

Религиозная лексика во «вторичных» текстах представлена названиями различных мусульманских обрядов и разнообразными религиозными терминами.

Известно, что в исламе существуют пять основных предписаний, обязательных для мусульман. К ним относятся: шахада, намаз, ураза, закят и хадж.

Намаз – это поклонение Аллаху (*'ибада*), которое очищает душу, освещает сердце и возвеличивает человека перед Аллахом [5]: *namaz waqyty ğitde* [12, 59], «наступило время намаза...», *qyznuŋ atasy namazdan qajtyb ...* [11, 63], «отец девушки вернулся с намаза ...» *bukönsinamaxsuskildemläkinnamazwaqyty ütäder* [11, 173], «я сегодня специально к тебе пришел, однако время молитвы проходит...».

В некоторых случаях наблюдается употребление данного термина для обозначения времени суток: *jästüwaqytynaqadärsafaideb ...* [9, 155], «отдохнув до вечерней молитвы...»; *öjlädänikendenamazynaqadär ...* [11, 195], «между полуденным и предвечерним молитвами ...».

В значении поклонения Богу также используется лексема *γujbädät*: *buqyzkebekruzawäγujbädätqylyanadäm kürmädem* [11, 23], «я не видел человека, который постился и поклонялся как эта девушка».

Одним из циклов молитвенных поз и движений намаза является *säğdä* «поклонение»: *mälikulmāwtaxyrγysäğdädäğany naldy ...* [11, 5], «ангел смерти забрал его душу во время завершающего молитву поклонения».

«Ураза, пост» – *ruza* также является одним из основных предписаний Ислама. Пост обязателен во время священного месяца Рамадан: *teläğännärsäseöçennamazuqyr uzatotar* [10,

33], «чтобы добиться своей цели, он будет и молиться, и поститься...»; buqarçyqkondezenruzatotybkichenqaimbulyride [10, 27], «эта старушка днем постилась, вечерами молилась». Понятие «угощение при разговении» передается сочетанием iftarqylu: buqasädäğexalwäiläiftarqyl ...[10, 18], «угощайся во время разговения блюдами из этой чаши...».

Закят – налог в пользу нуждающихся мусульман – тоже является обязательным предписанием. Закят выплачивается взрослыми дееспособными мусульманами. Женские украшения, золотая и серебряная отделка оружия не облагались налогом [6]: šähärneñzäkätmäxkämätenäbaşjazuçyidebqujdy[11, 77], «назначил меня главным писарем налогового управления города»; bänhämzäkätalmaqöçenmallarynbähäideb[11, 78], «для того, чтоб обложить их налогом, я оценивал их имущество...».

Следующим предписанием для мусульман является хадж– паломничество в Мекку и Медину: šähärählendiräşeb, hağyabaramyndijeb ... [9, 50], «он собрал жителей города и сообщил, что собирается совершить хадж...».

Из названий, связанных с религиозными текстами, необходимо указать лексемы Коран и аят: qor'änuqybutyryanynkürgäççadyrynakermikiteb [10, 37], «когда увидела, что он занят чтением Корана, не стала заходить в его шатер и ушла»; xatynlarnynxäjläseqor'änqazyjmdabäjanulynmyş [11, 159], «коварство женщин описано в Коране».

Äjät «аят»- мельчайшая структурная единица Корана, обычно понимаемая как «стих» [1]: ägärinsanbulsañajätuqy[11, 164], «если ты человек, то прочитай какой-нибудь аят».

Понятие «четки» передается лексемой täsbix: täsbixynmujynynasalybyaräbyaskärlärebarğirgäkited[10, 32], «накинув на шею свои четки, она направилась на то место, где стояло арабское войско...». Однако, лексема täsbix используется также в значении «восхваление»: AllahyTäyalägäzikerwätäsbixitäidelär[3, 7], «восславляли и восхваляли Аллаха Всевышнего...».

Tahärät «омовение» - в исламе обязательное условие для совершения молитвы, которое включает в себя ряд обрядовых действий, выводящих человека из состояния ритуальной нечистоты [8]: Salixtahärätalybnamazyaşuryideb[11, 5], «Салих совершил омовение и приступил к молитве»; şulğäzirägäçykyäçtahärätalybnamazqyldy[11, 24], «вышел на этот остров, совершил омовение и молитву».

Doğa «дуа, молитва», то есть обращение к Аллаху; одна из разновидностей поклонения. Дуа читаются в различных житейских ситуациях. Обычно мусульмане молят Аллаха о помощи, начиная какое-то дело [2]: balaöçendoğaqyldy[13, 2], «ради ребенка совершил молитву» mäkkärä yağüzä zikerdoğailä mäşyulbuldy [10, 37], «хитрая старушка была занята чтением молитв». Иногда термин doğa используется также в значении «благословение»: minnän razyj bulyb xäer doğa qylsañ donjanybertamaşaidäridem... [3, 14], «если ты доволен мною и благословишь меня, то я отправился бы в путешествие»; zinharzahidäneğdoğasynalakür[10, 36], «пожалуйста, получи благословление отшельницы».

Sadäqa — добровольная милостыня, которую мусульманин выплачивает нуждающимся по собственному усмотрению и желанию с намерением заслужить довольство Аллаха [7]: fäqyrlärgäsadäqaideb[11, 5], «в качестве милостыни для бедных...»; atasynkümebsadäqaxäjerlärideb[11, 24], «похоронив отца, раздал милостыню...»;

käfen «саван»: başoçymdakäfenembulyr[11, 23], «под моей головой будет лежать саван...».

Понятие «рай» передается словами oğmaх, gännät иnäyim: oğmaх şirbäte urynyna küreb[4, 32], «считая его райским наслаждением...»; buğännäty yjlmānyndanbulybdonjağalämentamaşaidärgäkilmēşder ...[10, 66], «он из служителей рая, пришел посмотреть на мир земной...»; jegetbuğännätmisallyjortnyküreb [11, 171], «парень, увидел дом, подобный раю»; bän sāneñ uqylyñabarçaeşneyaфуqyldymulbānemfanidonjadanbaqyjnäyimgābaruymyasābbulsada ... [10, 54], «я все простил твоему сыну, хотя он был причиной моего ухода из мира земного в вечный рай...».

Для передачи понятия «ад» используется лексема *ğähännäm*: *any ğähännämdä yazab idäčäkder* [4, 19], «Всевышний подвергнет его наказанию в аду»; *ğähännämğä qujdy* [11, 7], «отправил в ад».

Термин *qujämät* выступает в значении «конец света»: *qujämätkönnebezänsöälidärlär ...* [11, 34], «когда наступит конец света, спросят нас...». Термин *axirät* используется для обозначения загробной жизни: *dönjawäaxirättädäwlätlebulybqal* [1, 3], «оставайся богатым на этом и на том свете»; *dönjadaükenečkä axirätdä yazabqatotqynbulmağajsyz* [4, 23], «чтобы вы не были на этом свете – в сожалении, а на том – в муках...».

Xäläl «разрешенный, законный»: *härkempadišahnyñbuešenxälälküreb* [4, 18], «каждый считал этот поступок правителя допустимым...»; *xäläl malyn danmeñakçasadäqä bir* [13, 3], «дай милостыню в размере десяти тысяч рублей из своего накопленного законным образом богатства»; *sin alyb kitkän xatyn minem xälälemder* [4, 35], «женщина, которую ты увез с собой, является моей законной женой».

Xaram «запрещенный»: *zinhar xaram muradöčenzikerqylmaqdansaqqlansyn* [13, 87], «пожалуйста, пусть остерегается от использования в запрещенных целях...»; *küzläremä joqxarambulmyš* [13, 88], «сон стал для меня под запретом...».

Термины *xur* «гурия», *färeštä* «ангел», обозначают обитателей рая: *färeštäkebiğajätmaturjegetirmeš...* [10, 18], «красивый, ангелоподобный парень...»; *färeštäbulsadabutozaqqatöšmiqalmas* [3, 11], «даже ангел не сможет избежать этой ловушки...»; *xurkebiğarijälärčornabalğan ...* [9, 150], «она окружена красивыми, словно гурии, девушками...».

Из названий предметов, сооружений культового и обрядового назначения зафиксированы, то можно указать *mäsğid* «мечеть», *manara* «минарет»: *ber mäsğid išege töbenä qujyb kitdelär* [4, 37], «ушли оставив возле двери мечети»; *soñraik eñulämmäsğedjanynakilebjirgäčykdylarynkürgäč, jannarynabarybkürdem ...* [9, 150], «позже приплыли двое слуг на лодке, около мечети вышли на берег, я подошел к ним и увидел...»; *gäwdäsezurmanarakebi, ayyzyzuryarkebizuryjyfritybulyb* [9, 26], «туман превратился в джина, тело – минарету, а рот подобен огромной пещере»; *ničämanarakebinärsäbulut, šunynzurysyeçenakerebjäšeren ...* [12, 124], «там несколько строений, похожи на минарет, иди в самое большое из них и спрячься...».

Из названий субъектов по их отношению к вере, можно указать следующие слова и словосочетания: *päjämbär* «пророк», *qor'än xafiz* «знающий Коран наизусть», *qazyj* «судья», *möselman* «мусульманин», *šäyx* «шейх», *xaği* «хаджи»: *sinpäjämbärneqoluysäxabalärendänme* [4, 103], «ты из высокопоставленных сподвижников пророка?»; *xatyn päjämbärne kürgäč inkär itä almady döresenäjtdelä* [4, 35], «женщина увидев пророка не смогла отрицать и сказала правду»; *buqoşğärčäfäsyjxtellewä qor'änxafizbulsadaandannifajdabar...* [13, 4], «если даже эта птица красноречивая, знающая наизусть Коран, какая польза от неё...»; *üzurynynabäradärenqazyjideb ...* [12, 7], «назначил судьей на свое место брата...»; *qazyjtarafynnankilgänadämkürer ...* [12, 4], «человек, посланный судьей, увидит»; *buqadärmöselmanlarynqanynqojma* [4, 14], «не проливай кровь мусульман»; *öçajqadäršäyxNasrjanyndaqalyb ...* [12, 58], «три месяца они жили у шейха Насра...»; *šäexneñberdiwanauylybardyr* [12, 2], «у шейха есть сумасшедший сын»; *bezkiläjekbujawčuxağiya...* [10, 4], «давайте, вернемся к Хаджию – красителю»; *saçalučuxağiMäsyudäl-Mäyräbikibetenäğylyrmyz* [12, 8], «соберемся в магазине парикмахера хаджи Масгуда аль-Маграби».

Таким образом, во «вторичных» текстах представлена практически вся обрядовая и бытовая религиозная лексика татар, которая в большинстве своем состоит из арабо-персидских заимствований. Мы можем констатировать, что «вторичные» тексты стали источником проникновения религиозной лексики в письменную и бытовую речь татар-мусульман. Они служили и для популяризации религиозных, в том числе и историко-культурных, знаний, знакомили читателя с основными заповедями, столпами ислама, формируя мусульманскую картину мира. Большинство из этих лексем функционирует и в современном татарском языке.

Список литературы

1. Аят. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>Аят/– дата обращения - 6.11.2018 г.
2. Дуа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>Дуа/– дата обращения - 6.11.2018 г.
3. 1889 قزانانويرويسيتيني ننگ طبع خانهسندہ Калила и Димна, Казань, Типография Казанского университета, 1889. –87 с.
4. 1351 قزانده انويرويسيتيت طبع خانهسندہ باصما اولنمشدر 1351 سنه ده Кырыквизиркыйсасы, Казань, Издательство университета, 1351. – 160 с.
5. Молитва. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dummo.ru/index.php/islam/poklonenie-allakhu/310-molitva/>– дата обращения - 6.11.2018 г.
6. Пять столпов ислама. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пять_столпов_ислама/– дата обращения - 6.11.2018 г.
7. Садака. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>Садака/– дата обращения - 6.11.2018 г.
8. Тахарат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>Тахарат/– дата обращения - 6.11.2018 г.
9. 1897 الف ليلة و ليلة، 1 جزء، قازان، 1 том. Казань, Наследники Шамсутдина Хусаинова, 1897. – 294 с.
10. 1898 الف ليلة و ليلة، 2 جزء. قازان، 2 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1897. – 160 с.
11. 1899 الف ليلة و ليلة، 4 جزء. قازان، 4 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1898.– 318 с.
12. 1899 الف ليلة و ليلة، 5 جزء. قازان، 5 том. Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1899.– 372 с.
13. 1916 طوطي نامه. قازان، 1916. – 175 с.

10.02.00

Ф.Ф. ГилемшинАкадемия наук Республики Татарстан,
Fler.Gilemshin@yandex.ru**ЛЕКСИКА ДИКОЙ ПРИРОДЫ В ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «КАЛИЛА И ДИМНА», «ТЫСЯЧА И ОДНА
НОЧЬ», «ТУТЫНАМЕ» И «РАССКАЗ О СОРОКА ВИЗИРЯХ»)**

В данной статье анализируется лексика, связанная с живой дикой природой, а также с небесными светилами, имеющая место в произведениях «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутынаме» и в «Рассказе о сорока визирях». Эта лексика представлена в широком спектре: среди них описания природных явлений, названия растений, диких животных, птиц и т.д. Подавляющее большинство анализируемых лексем имеет тюркские корни, но в то же время часть из них представлены арабо-персидскими заимствованиями.

Ключевые слова: *дерево, яблоня, цветы, Солнце, Луна, звезды, лиса, лев, ястреб, филин, попугай, соловей.*

У каждого народа есть свое, накопленное в течение многих веков богатое наследие – произведения устного народного творчества, среди которых особое место занимают сказки. Сказки – «это отражение жизни, но отражение не прямое, а доведенное до абсурда, поэтому человеку через сказку легче научиться различать добро и зло. Сказка и детей этому учит, и взрослым напоминает, что есть что, чтобы они не теряли точки отсчета. И еще в сказках выражена самая насущная потребность человека — потребность в справедливом устройстве мира»[3].

Помимо этого, сказка способствует развитию чувства прекрасного. «Для нее характерно раскрытие прекрасного в природе и человеке, единство эстетического и морального начал, соединение реального и вымысла, яркая изобразительность и выразительность» [5].

В сказках, как и во многих произведениях, для усиления восприятия слушателя, особая роль отводится описанию природы и природных явлений.

Картины природы, лексика, обозначающая природные явления, широко представлены в произведениях «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутынаме» и «Рассказ о сорока визирях».

В указанных текстах можно встретить и описания живописных мест дикой природы: *sahra ber başynnan ikençe başynaça bötenläj bay baqça bulıan eçendä sular ayyb torıy jimeşlär peşeb torıy čäčäklär tutıylar bylbyl wä sanduıaçlar sajrab ber oğmaı oxşaşly ber jirder* [8, 8], «степь полностью превратилась в плодовый сад, там текут речки, созревают фрукты, цветут цветы, поют попугаи и соловьи, одним словом, – напоминает рай»; или: *ul jirneı hawasy wä jäm jäşel bolıynıary wä aıaçlary wä sulary čäčäkläre wä gölläre bik kilesde...* [7, 9], «воздух, зеленые луга, речки и деревья, цветы той местности были ему по душе...».

Как видно из примеров, понятие «дерево» в текстах передается словом *ауаč*: *ауаč subıjynda aıaçlar arasynda barıanda ...* [11, 247], «когда я шел вдоль реки среди деревьев...»; *ауаč botayynda oja jasab yomer sörerlär ide* [7, 7], «проживали свой век в гнезде, сотканном на ветке дерева»; иногда данное слово используется в переносном значении: *säfärče ber aıaçtyr anuı jimeşe mäşäqat wä zäxmätder* [7, 8] «путешественник – словно дерево, его плоды – проблемы и страдания».

Касаясь происхождения слова *ауаč*, ученые выдвигают различные предположения: Э.В. Севортьян предполагает, что данное слово восходит к древнетюркскому *U* «растение»[6]. По мнению Р.Г. Ахметьянова, в основе слова *ауаč* лежит корень *jan/jay*, а аффикс *уаč* выступает в качестве уменьшительно-ласкательной частицы – «деревцо»[1].

Данный термин, сочетаясь со словом *alma* «яблоко» или *xörmä* «финик», обозначает «яблоню» или «финиковую пальму»: *alma ayaçu töbenä qıjyb...* [9, 26], «положив под яблоню...»; *ber kerpe ber xörmä ayaçu töbendä oja totmyş ide...* [10, 118], «жил-был некий еж под финиковой пальмой...».

Термин *tiräk* «тополь» в текстах употребляется для сравнения: *ajayy zur tiräk, gäwdäse zur manara kebi, ayzy zur yar kebi zur yujfrit bulyb* [9, 26], «туман превратился в джинна, ноги которого подобны огромному тополи, тело – минарету, а рот подобен огромной пещере».

В текстах встречаются также описания природных явлений и катаклизмов: *Nil dārjasy taşyb tau şikelle tulqynlar misyrğa ayıb kiler* [8, 8], «река Нил вышла из берегов и огромные как гора волны двигались в сторону Египта»; *qatyjil turub wä qara bolyt kütäreleb bozly jaymur dönjany selketde* [7, 9], «подул сильный ветер, появилось темное облако и ледяной дождь разворотил все вокруг»; *tyb tynyç urmanda kük göreläwdän wä yäşen yäşnäwdän ayaçlar şawylawdan äjtersen qujämät qubdy* [7, 9], «вдруг в тихом лесу от небесного грохота, грозы и шума деревьев как будто наступил судный день»; *ayaçlar tamurlaryndan suyrıldı botaqlary qajyryldy wä taş qom jirdän quzıyaldy* [7, 9], «ломались ветки деревьев, корни вырывались из земли, поднялась буря из песка и камней...»; *jäşen taşlary qalyn ayaçlarny jaryb oluy taşlarny qubaryb... irken urmanny tar itdelär* [7, 9], «молния расколола большие деревья, сдвинула с мест огромные камни...».

Иногда лексика, обозначающая явления природы, употребляется и в переносном значении: *qart birgän timer zingirne selekkän ide, qaty awaz bulyb, güjä zälzälä bulyan...* [11, 225], «когда он встряхнул цепью, полученной от старика, раздался шум, подобный землетрясению»; *jorešetanjilekebi...* [10, 41], «её походка подобна утреннему ветру...»; *sawytıny watqaç eçendän doman kebi hawa çyqdy ...* [11, 114], «... когда разбили сосуд, из него вышел воздух в виде тумана...».

Лексема *qojaş* «солнце» употребляется не только в прямом, но и в переносном значениях: *tañ atqaç jil basylyb bolyt uzdy, qojaş çuıyb hawa açyldy* [7, 10] «с рассветом ветер стих, тучи разошлись, появилось солнце, небо открылось...»; *qujynundan ber çupräkkä çornayan astroläb çuıaryb, qojaşqa taba baryb äjtde...* [9, 162], «он вынул из-за пазухи астролябию, завернутую в тряпку, направил на солнце и сказал...»; *kükneñ qojaşy şin ...* [9, 110], «... солнце ты небесное...».

Понятие «солнце» выражается и словом *kön*: *ber matur aj-kön jözle qyz işekne açdyqda ...* [9, 52], «дверь открыла красивая девушка, подобная луне и солнцу...».

Термин же *aj* («луна») употребляется для сравнения: *aj kebj jaltyrab, yajät matur ber qyz kileb bänem berläñ küreşde...* [9, 156], «красивая девушка, светлая как луна, подошла ко мне и поздоровалась...». Отметим, что сравнение лица красавицы или любимого человека с полной луной или солнцем являлось традиционным для восточных произведений. Эта традиция уходит своими корнями еще в древние века. Впервые данное явление в татарской литературе встречается у Кул Гали, в поэме «Киссаи Йусуф»:

«Зулейха лишилась сна,
Лицо, подобное луне поблекло,
Красота увяла...» [4,130].

Понятие «звезда» выражена лексемой *joldyz* и используется также для сравнения: *küzlären joldyz kebek jaltyratyb...* [7, 15], «его глаза блестели как звезды...»; *şul qadär küb yaskär kükdäge joldyzlarnyñ xisaby bulyr* [8, 8], «так много воинов, их число равно числу звезд на небе».

Помимо этих наименований, в произведениях присутствуют такие термины арабского происхождения, как *Gutarid* [10, 242], «Меркурий» [2, 521] и *Mirrix* [10, 247], «Марс» [2, 749]: *bän bahadirlar arasynda Mirrix joldyzy kebi ...* «я среди богатырей, как Марс среди звезд...».

Понятие «небо» выражается словами *kük* и *äşman*: *kükkä menü* [11, 54], «подниматься в небо»; *färeştä kötüçeneñ tuırylyıyn belgäç äşmanğa çyqdy ...* [10, 105], «... ангел, узнав о верности пастуха, вознесся на небо...».

В указанных текстах, нередко слезы героя или героини сравниваются с ливнем или с ручейками: *quätle jaımur kebi küz jaşlären qojyb...* [10, 53], «её слезы полились как ливень...»; *küzlärennän jaşlär görläwek kebi aqdy ...* [11, 54], «слезы как ручейки текли из её глаз...».

Термин *jaşen* «молния» употребляется для обозначения быстроты: *atyıan jaşen kebi ber matur undürt jaşenda qyz jögereb çuıyb bāna äjtde ...* [10, 56], «красивая девушка лет четырнадцати, как молния выбежала из комнаты, подошла ко мне и сказала...».

В текстах животный мир дикой природы представлен очень богато. Среди них присутствуют часто встречающиеся в нашей местности животные, такие как: *aju* «медведь», *büre* «волк», *quian* «заяц», *tölke* «лиса» и др.: *bän ajuny sāna aqçasyz hädä itdem...* [12, 37], «я подарил тебе этого медведя...»; *sin juldaşyn büregä jawyzlyq qyldy* [10, 117], «ты навредил и своему спутнику – волку...».

Названия этих животных в текстах также активно используются для создания образности в структуре аллегорий и сравнений. Так, храбрый, мужественный воин уподобляется волку: *ğamarqan güjä saryqlar arasyna kergän büre kebi bulyb, bāyzysyn qatildeb, qalyannaryn qaçurdy...* [11, 256], «Джамаркан, вклинился в толпу как волк в стадо овец, некоторых убил, других прогнал...».

В татарских сказках образ зайца символизирует слабого, трусливого и незащитного человека. Однако в языке переводных произведений данное слово зафиксировано только в стилистически нейтральном значении: *Sājār ber niça quian atyb, kābab ideb Gağibkā aşıtdy...* [11, 246], «Саяр застрелил несколько зайцев, приготовил из них кебаб и накормил Гаджиба...».

Tölke «лиса», как и во многих сказках, в текстах олицетворяет хитрость: *tölke äjtde: sin bändän xäjlākär ulduıuıa aylarmyn...* [10, 118], «лиса сказала: я плачу из-за того что, ты оказался хитрее меня...».

Помимо этого, в указанных произведениях имеют место и названия таких животных, как *çayal* «шакал» и «лев» *arslan*: *büre kebi çayal digän xajwan bar...* [11, 95], «есть зверь – шакал, похожий на волка...»; *arslanıa ıajrāt kileb, bānem ilā bergä adām ezlārgä kitdek...* [10, 100], «воодушевленный лев пошел со мной искать этого человека...». *Arslan* является общетюркским словом и встречается в большинстве тюркских языков. В татарской поэзии испокон веков образ льва символизирует мудрость, мужество, физическую и духовную силу. В народе также его называют «царем зверей». Этот эпитет присутствует и в исследуемом переводе: *āj xajwanlar şahy, mäylümeıez ulsyn, bän ximar ğenesennānmen...* [10, 101], «о, царь зверей, к вашему сведению, я из ослиного рода...».

Примечательно, что некоторые термины, обозначающие животных, употребляются в сочетании со словом *qut* «дикий» и тем самым подчеркивается их отличие от домашних: *qut aty* [11, 76], «дикая лошадь»; *qut mäçese* [12, 65], «дикая кошка»; *qut kägäse* [9, 33], «косуля» и т.д.

Особый интерес вызывают и названия птиц. Большое место здесь уделено названиям хищных птиц. Само понятие «хищные птицы» передается сочетанием *jırtquçı qoşlar*: *jırtquçı laçyn kebi qoşlar kileb aşamaıa başladylar ...* [10, 106], «прилетели хищные птицы на подобие сокола и начали есть...».

В значении «сокол» используются слова *şunqar* и *laçyn*: *jıyary oça torıan şunqarlarny tübän töşereb* (7,9), «высоколетящих соколов опустили вниз»; *ber laçyn hawadan atylyb kileb quzyny kütäreb alyb kitde ...* (10, 118), «прилетел однажды сокол, схватил ягненка и улетел...». Термин *börket* употребляется в значении «орел»: *bunıı aw öjrātқан ber börkete bar ide ...* [9, 32], «он имел обученного для охоты орла»; *qarçuıa* «ястреб»: *taş astynnan çuıı belān qarçuıa totyb alyb aşamyş itde...* [10, 111], «как только он вышел из-под камня, ястреб поймал его и съел...». В значении «ворона» употребляется тюркское слово *qarıa*: *qarıa oçyb aıaç başyna qundy...* [10, 144], «ворона улетела и села на дерево...». При передаче понятия «филин» используется лексема *bajıyış*: *ul qarçuıı bajıyış kebi...* [13, 7], «та старуха, словно филин...».

Из нехищных птиц часто встречаются kügärçen «голубь», çurçuq «воробей», tutuj «попугай» и ürdäk «утка»: kügärçen xikäjäten išetmägänme [7, 7], «ты не слышала рассказ про голубя?»; çurçuq küb zamandan birle ana çurçuq janyna barıny juq ide [8, 41], «воробей давно не посещал воробьищу»; tutuj bu süzlärne išeteb [13,5], «попугай слышал эти слова...»; äj ürdäk, sän ibne adämdän saqlan... [10, 100], «эй, утка, берегись человека ...».

В произведениях также имеется название мифической птицы огромной величины – рух: рух digän qoş bar... [11, 80], «есть такая птица рух...».

Термин sanduğaç «соловей» употребляется также для сравнения: xatyn sanduğaç kebi ah-wah diheb xuş awaz ilä qyllarny çirteb niça ğyrlar ğyrlady ... [12, 188], «женщина красивым голосом, как соловей, играя на струнах, спела несколько песен...».

Таким образом, во «вторичных» текстах – в произведениях «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутынаме» и «Рассказ о сорока визириях» широко используется лексика, обозначающая живую природу. Лексемы, имеющие отношение к флоре и фауне, в нейтральном значении участвуют в воссоздании событий, в описании пейзажа, местности, крайне редко выступают в роли аллегории и символики. В функционировании данной группы лексики наблюдается интересная особенность: при обозначении животных или растений, встречающихся в Поволжье и Приуралье, применяются татарские термины. Если речь идет о южной флоре и фауне, то используются арабо-персидские или общетюркские названия. В отдельных случаях встречается адаптация аллегорических значений к художественному восприятию татарского читателя. В отличие от этого пласта лексем, названия небесных светил и природных явлений в большинстве случаев употребляются в переносном значении – как изобразительно-выразительные средства описания настроения человека, реже – при раскрытии жизненных ситуаций.

Список литературы

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. - М.: Наука, 1988. - 220 с.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – Москва: «Русский язык», 1985.– 944 с.
3. Константин Арбенін: Сказка — отражение жизни, доведенное до абсурда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vppress.ru/stories/Konstantina-Arbeinin-Skazka-otrazhenie-zhizni-dovedennoe-do-absurda-23685/> – дата обращения - 10.11.2018 г.
4. Кул Гали. Сказание о Йусуфе. –Казань: Таткнигоиздат, 1985.–250 с.
5. Русская народная сказка как отражение образа жизни русского народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://top-bal.ru/literatura/70696/index.html/> – дата обращения - 10.11.2018 г.
6. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы А, Б, В, Г, Д. М.: Восточная литература РАН, 1974. — Т.1–768с.; т.2–349 с.; т. 3–395 с.
7. 1889. قزان انيويرسييتيني ننگ طبع خانهسنده 1889. Калила и Димна, Казань, Типография Казанского университета, 1889. –87 с.
8. 1351. قزانده انيويرسييتيت طبع خانهسنده باصما اولنمشدر 1351 سنه ده. Кырыквизиркыйссасы, Казань, Издательство университета, 1351. – 160 с.
9. 1897. قزان, رسملي (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Наследники Шамсутдина Хусаинова, 1897. Т. 1. 294 с., 1898. قزان, الف ليلة و ليلة (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Типо-литогрфия Императорского университета, 1898. Т.2.160 с.
10. 1899. قزان, الرابع ترجمه الف ليلة و ليلة (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Типо-литогрфия Императорского университета, 1899. Т. 4. 318 с.
11. 1899. قزان, الخامس ترجمه الف ليلة و ليلة (Тысяча и одна ночь: в 6-ти т.). Казань: Типо-литогрфия Императорского университета, 1899. Т. 5. 372 с.
12. 1916. قزان, توطي نامہ. Туты наме. Казань, типография Торгового Дома «Братья Каримовы», 1916. – 175 с.

10.02.00

А.А. Гимадеева канд. филол. наук, М.Р. Гараева

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Казань, Alfiya-Gimadeeva@mail.ru, Milya525@mail.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА
«СТАРАТЕЛЬНОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ)**

Данная статья посвящена выявлению лексико-семантических особенностей концепта «старательность, трудолюбие» в английском и татарском языках. Названия животных в составе анализируемых фразеологических единиц используются в переносном значении. Через те или иные образы животных передаются некоторые черты и признаки людей, явлений. В английских и татарских фразеологических единицах задействовано около 11 названий животных.

Ключевые слова: *английский язык, татарский, язык, фразеологическая единица, концепт, зооним.*

Язык, будучи коммуникативной системой, обеспечивает акты получения и передачи сообщений. По своему устройству язык – это система вербальных знаков. Функционирование языка не только как коммуникативной, но и как когнитивной системы проявляется в следующем: полученные знания хранятся в памяти людей. Наше исследование основывается на изучении некоторых особенностей мировоззренческого осмысления окружающей действительности англичан и татар. Важно отметить, что фразеологические единицы как явление национальной культуры, представляют особый интерес, т.к. их изучение в лингвокультурологическом аспекте помогает выявить социально-культурные реалии. В связи с вышеизложенным, целью данного исследования является описание лексико-семантических особенностей концепта «старательность, трудолюбие» в английской и татарской лингвокультурах.

В практической части данной работы нами определены особенности представления анализируемого концепта во фразеологии английского и татарского языков. Мы отобрали фразеологические единицы, в состав которых входят названия животных и выявили эквивалентные значения.

Вопрос соотношения языка и культуры интересует ученых издавна. С одной стороны, особенности языка находят отражение и влияют на носителей, с другой стороны, язык как продукт культуры служит для передачи семантических особенностей языка. Фразеологический фонд языка это один из источников исследования концептов. Описание концептов на избранном языковом материале также способствует выявлению особенностей культурно-языкового сознания.

В основе мировоззрения лежит совокупность определенных знаков о мире. Мировоззрение также понимается как мировосприятие, которое, в свою очередь, выражается в конкретных моделях и образах реальности. Таким образом, мы можем констатировать, что окружающий мир воспринимается через смыслы и значения единиц языка, которые выражены вербально. При этом окружающий мир находит отражение как в национально-культурном восприятии, так и в лексических языковых средствах. В данном случае речь идет о кумулятивной функции языка, которая зафиксирована, в том числе и во фразеологии.

Сопоставительное изучение фразеологических единиц английского и татарского языков поможет выявить их оригинальный характер, который проявляется с определенной ясностью только при сравнении. Изучение фразеологических единиц с позиций когнитивного подхода обеспечивает целостность в изучении данного явления как результата культурного развития социума. В целом анализируются не только культурно-специфичные концепты, но и культурно-обусловленные способы апелляции к ним.

В данном исследовании мы опираемся на положение Е.С. Кубряковой, которая под концептом понимает «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [4, с. 10].

В английском языке ключевым словом для данного концепта является *diligence*. Толковые словари определяют *diligence* как «постоянное усердие, тщательная упорная работа». «*Diligence: steady effort; careful hard work*» [9, с. 324]. Анализ показал, что в приядерной зоне анализируемого концепта есть следующие лексемы: *industry* / *трудолюбие, прилежание, усердие*; *industriousness* / *трудолюбие, усердие, прилежание*; *application* / *прилежание, рвение, старание*.

В татарском языке анализируемый концепт представлен ключевой лексемой *тырышлык*. Согласно «Толковому словарю татарского языка» *тырышлык* имеет значение «тырыш булу» («быть старательным») [8, с. 575]. В приядерной зоне концепта мы выявили следующие словосочетания и лексемы *эш ярату (сөю)* / *трудолюбие*; *хезмэт сөючәнлек* / *трудолюбие*; *изјтиһат* / *старание, прилежание, усердие*; *һиммэт* / *старание, усердие, прилежание*.

Приведем примеры фразеологических единиц с компонентом-зоонимом:

«• *кырмыскадай тырыш* – трудолюбивый как муравей; *ат кебек эшләү* – работать как лошадь; *чуваши аты булу* – букв. быть чувашской лошастью – работать как лошадь; *Самар үгезедәй* – букв. как Самарский бык – как бык-трудяга; *барган атның башына сукмыйлар* – букв. идущую лошадь по голове не бьют – незачем ругать того, кто и так работает; *ат кебек ашый, ат кебек эшли* – букв. ест как лошадь и работает как лошадь; *эшләгән корт бал табар, эшләгән кеше мал табар* – букв. ищущая пчела найдет мед, работающий человек добудет добро; *корт чакмыйча бал булмас* – букв. если пчела не ужалит, не будет меда – без труда не вытащишь и рыбку из пруда; *хыйтланмыйча судан этләй дә тотта алмассың* – букв. без труда не вытащишь и вьюна из воды – без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

• *a willing horse* – букв. послушная лошадь – работяга; *work like a horse* – букв. работать как лошадь; *work like a dog* – букв. работать как собака – работать как лошадь; *(as) busy as a bee* – букв. занятый как пчелка; *brisk as a bee* – букв. проворный как пчела – хлопотливая как пчелка; *an eager beaver* – букв. упорный бобр – трудолюбивый добросовестный человек; *work like a tiger* – букв. работать как тигр – работать как одержимый; *to flog a willing horse* – букв. хлестать послушную лошадь – подгонять добросовестного работника; *early bird catches the worm* – букв. ранняя птичка червяка ловит – ранние птички росу пьют, а поздние слезы льют» [1, с. 51-52].

В анализируемых языках был найден межъязыковой эквивалент *ат кебек эшләү* – *work like a horse* – работать как лошадь. Некоторые фразеологические единицы данной группы построены по следующей семантической модели (фрейму): «работать усердно»: *кырмыскадай тырыш* – трудолюбивый как муравей; *ат кебек эшләү* – букв. работать как лошадь; *work like a dog* – букв. работать как собака – работать как лошадь; *work like a tiger* – работать как тигр – работать как одержимый. Следует отметить, что на кажущуюся универсальность такого понятия как «старательность, трудолюбие», идеи которые заключены в соответствующих английских и татарских концептах не всегда тождественны. Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что характерным только для татарского языка является сравнение трудолюбивого человека с муравьем и быком: *кырмыскадай тырыш* – трудолюбивый как муравей; *Самар үгезедәй* – букв. как Самарский бык – как бык-трудяга.

Из следующих примеров видно, что лингвокультурные концепты помогают отразить и передать разные образы мышления англичан и татар: *(as) busy as a bee* – букв. занятый как пчелка; *brisk as a bee* – букв. проворный как пчела – хлопотливая как пчелка. В татарской лингвокультуре «пчела» (корт) также является символом трудолюбия: *эзләгән корт бал табар*, *эшләгән кеше мал табар* – букв. ищущая пчела найдет мед, работающий человек добудет добро.

Из вышеизложенного следует, что язык – это важная часть когнитивного комплекса. Таким образом, фразеологические единицы – это структурно и семантически организованная система, которая помогает сделать анализ базовых концептов. В целом можно отметить, что на основе сопоставительного анализа единиц, вербализующих концепт «старательность, трудолюбие» в английской и татарской языковых картинах мира, мы выявили национально-специфические особенности их строения.

Список литературы

1. Гимадеева А.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом как отражение татарской и английской языковых картин мира. – Казань: ИП Чермянина. – 2013. – 286 с.
2. Исәнбәт Н. Татар теленәң фразеологик сүзлегә. Ике томда. I том. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 495 б.
3. Исәнбәт Н. Татар теленәң фразеологик сүзлегә. Ике томда. II том. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – 365 б.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Б.и., 1996. – 245с.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. - М.: «Русский язык – Медиа», 2006. – 571с.
6. Скитина Н.А. Лингвокогнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом (на материале русского, английского и немецкого языков): дисс. канд. филол. наук. - Москва, 2007. - 227 с.
7. Татар теленәң аңлатмалы сүзлегә: Т.1. (А-Й). – Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. – 476 б.
8. Татар теленәң аңлатмалы сүзлегә. – Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2005. – б. 575.
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 1995. – 1428 p.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Pearson Education Limited, 2009. – 2081 p.

10.02.00

¹Н.Е. Горская канд. психол. наук, ²В.Е. Глызина канд. филол. наук,
³А.В. Федорюк канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
кафедра иностранных языков для технических специальностей №1,
Иркутск, Natgo2012@yandex.ru,

²ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
кафедра иностранных языков,
Иркутск, vecotd@yandex.ru,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, Fedoryuk@rambler.ru

РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ-ТЕРМИНОВ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ “TIME” В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье представлены результаты исследования девербативов-терминов, в значении которых присутствует семантический признак «время». Доказано, что данный признак как лингвистическая категория позволяет увидеть некое отражение реального времени в языке, определяя точность терминологической семантики при техническом переводе и в производственной коммуникации. Был выявлен целый слой девербативов-терминов, которые имеют темпоральную сему, поскольку генетически связаны с глаголом, обозначающим некое событие, протекающее во времени.

Ключевые слова: терминология, девербатив-термин, временная семантика.

Тематика диссертационных работ по филологии последних десятилетий свидетельствует о значительном росте интереса к исследованию семантики английских девербативов-терминов, включающих временной компонент. Это связано, в первую очередь, с тем, что термины выполняют важнейшую производственно-коммуникативную функцию, которая состоит в обеспечении взаимопонимания между представителями различных профессий. Эффективность такого коммуникативного общения зависит от наличия теоретической базы в каждой конкретной области знаний; степени владения специалистами запасом общеупотребительных, общенаучных и специальных слов; терминологическим аппаратом подязыка той системы научных знаний, которым пользуются специалисты и профессионалы [1],[6]. Любой словарный состав языка содержит большое количество терминов различных областей знаний, поскольку термины являются наиболее динамичной его частью; за счёт возникновения новой терминологии обогащается и развивается словарный состав языка [3]. Следует отметить, что раньше термины не относили к общей лексической системе языков в силу их незначительной значимости. В настоящее время функциональная значимость терминов настолько велика, что их включают в общую систему языка посредством конкретной терминологической системы, т.е. терминологии. В лингвистике нет единого понимания в определении терминологии. По мнению В.М. Лейчик, под терминологией следует понимать языковое образование, которое можно отнести к парадигматическому типу, поскольку это такая совокупность лексических единиц, которая образуется стихийно. Эти лексические единицы обладают семантической общностью и имеют сходство в формальной структуре, функционируя в одном из специальных языков, обозначая те общие понятия, которые присущи определённой области знания и деятельности [7]. Иная точка зрения у Ю.В. Сложенкиной, которая считает что терминология – это всего лишь актуализированная творческая часть целостного процесса в области науки, которая имеет прямое отношение к объективному и субъективному началу, к новизне открытия [9].

Несмотря на различие в понимании данного понятия, под терминологией понимают совокупность специальных слов, т.е. терминов.

На протяжении многих лет ученые исследуют вопрос о том, что следует считать термином, каковы его функции и свойства, какую роль он играет при научно-техническом переводе и в производственной коммуникации [2], [4], [5]. В отечественном терминоведении основные подходы основаны на научных трудах Д.С. Лотте и других советских лингвистов, а также на достижениях современной терминологической теории и практики вообще. Под терминологией Д.С. Лотте понимал совокупность терминов, относящуюся к системе понятий определённой области науки или техники. Система терминов, по мнению ученого, уже сама репрезентирует систему понятий определённой области знания [8].

Одной из задач нашего исследования было изучить временную семантику у девербативов-терминов, которые активно используются в производственной коммуникации, а также при техническом переводе. Время, как лингвистическая категория, позволяет увидеть некое отражение реального времени в языке, тесно связанного с внеязыковой деятельностью человека посредством восприятия, в первую очередь, пространственной природы (предметы, места). Для нашего исследования особый интерес представляют научные работы О.Дюкро и Ц.Тодорова, в которых проанализирована семантика времени вне грамматического аспекта, посредством восприятия и понимания времени человеком, проявляющегося в речевой деятельности [10]. Анализ позволил ученым сделать вывод, что темпоральность может содержаться во всех частях речи, в том числе и в девербативах-терминах. В связи с этим, можно утверждать, что семантическая характеристика включает временной компонент, обозначающий субъект и объект действия, связанный по природе вещей со временем. В английском языке исследованием семантических признаков времени (time) у глагольных предикатов занимался З. Вендлер, который считал, что признак времени присущ любому глагольному слову, причем, все глаголы по этому признаку соотносятся с разными схемами времени вообще (time schemata), а уже через них связаны с видо-временными формами финитных глаголов (tenses) [11]. Временные признаки у отглагольных имен практически не отмечаются в словаре, потому что они по природе вещей сопутствуют каждому слову, так или иначе обозначающему событие в широком смысле. Другое дело – термин, при использовании которого требуется точность, как при переводе, так и в производственной коммуникации. В связи с этим, факт, что в нашей выборке большинство отглагольных имен оказались терминами, представляется неслучайным, был выявлен целый слой терминов, которые обозначают: а) специфические *временные периоды*: **gestation** - *the period of development in the uterus from conception until birth*; pregnancy; **after ripening** - *a period during which certain changes must occur in some dormant but fully developed seeds before germination*; **inning** – *one of nine divisions or periods of a regular game in which each team has a turn at bat as limited by three outs*; **chronaxie** – *the minimum interval of time necessary to electrically stimulate a muscle or nerve*; б) специфические *точки времени*: **cusp** – *a transitional point or time, as between two astrological signs*; **dimension** – *one of the least number of independent coordinates required to specify uniquely a point in time and space*; **singularity** – *a point in time at which gravitation forces cause matter to have infinite density*; **sailing** – *departure or time of departure from a port*; в) процессы, в которых время играет какую-то особую роль: **aquatint** – *a process of etching capable of producing several tones by varying the etching time of different areas of a copper plate ...*; **melioration** – *the linguistic process by which a word over a period of time grows more elevated in meaning*; **macroevolution** – *large-scale evolution occurring over geological time*; **coalification** – *compression and hardening over long periods of time*; **pejoration** – *the process by which the meaning of a word becomes negative over a period of time*; г) полностью номинализованные отглагольные имена, которые обозначают предметы, также могут сохранять связь со временем: **printing** – *all the copies of a publication, such as a book, that are printed at one time*; **mailing** – *a batch of mail dispatched at one time by a sender*; **pressing** – *a number of recordings pressed at the same time*; **washing** – *articles washed or intended to be washed at one time*.

Таким образом, можно сделать вывод, что существует ряд девербативов-терминов, имеющих временную силу, в виду того, что они генетически связаны с глаголами, которые обозначают событие, протекающее во времени. Девербативы-термины, используемые в производственной коммуникации, уточняют отношения обозначенных событий и процессов, протекающих во времени. Результаты исследования показали наличие у девербативов-терминов в периферийной сфере большего числа семантических признаков, чем это было принято считать, а также прототипическую природу самих этих признаков, что несомненно является интересным для дальнейших исследований в области современной терминологии.

Список литературы

1. *Баребина Н.С.* Место лингвистических исследований в контексте теории распределенной когниции в когнитивном анализе языка // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2015. – № 23. – С. 73-81.
2. *Баребина Н.С.* Методы коммуникации в научном поиске в современных лингвистических исследованиях // Новая наука: От идеи к результату. – Уфа, 2015. – №6-3. – С.21-25.
3. *Горская Н.Е., Глызина В.Е.* Некоторые особенности словообразования терминологической лексики // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск: Изд.-во ФГБОУ ВО «ИрНТУ», 2015. – № 9 (104). – С. 247-251.
4. *Костюшкина Г.М., Пащенко М.А.* Системный код коммуникативного акта // Гуманитарный вектор. – Чита: Изд.-во «Забайкальский государственный университет», 2013. – № 4 (36). – С. 70-78.
5. *Костюшкина Г.М., Колмогорова А.В., Зырянова И.Н.* Концептуальная систематика речевой коммуникации // Коллективная монография. – Иркутск: Изд.- во ИГЛУ, 2014. – 368 с.
6. *Костюшкина Г.М., Кузьмина Т.Н.* Коммуникативный акт как инструмент изучения категорий в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Изд.- во «Грамота», 2018. – № 9-2 (87). – С. 361-365.
7. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
8. *Лотте Д. С.* Краткие формы научно-технических терминов. – М.: Наука, 1971. – 84 с.
9. *Сложеникина Ю.В.* О соотношении понятий «значение» и «смысл»: к проблеме терминологической вариантности // Вестник СамГУ. 2006. № 1 (41). – С. 126.
10. *Ducrot O., Todorov T.* Encyclopedic Dictionary of Sciences of Language. – Oxford: Blackwell, 1987. – 380 p.
11. *Vendler Z.* Verbs and Times // Philosophical Review. – New York: Duke University Press, 1957. – Vol.66. – №2. – pp. 143-160.

10.02.05

Д.Л. Гуревич канд. филол. наук

МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра иберо-романского языкознания,
Москва, dmtrgrvch@gmail.com

АБСОЛЮТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ БРАЗИЛИИ

В бразильском варианте португальского языка встречаются предложения с предикатами активного типа (vender «продавать»; consertar «исправлять, чинить»; construir «строить») в эргативном значении без указания на действующее лицо и при этом не являющиеся пассивными конструкциями. Грамматический и нормативный статус таких конструкций неоднозначен.

Ключевые слова: *бразильский вариант португальского языка, языковое варьирование, синтаксис, эргативность.*

Бразильский вариант португальского языка (português brasileiro – РВ), являясь одним из национальных вариантов португальского языка, обладает рядом структурных и функциональных особенностей, которые касаются всех уровней языковой системы, включая семантику и синтаксис. Как известно, наиболее подвижными уровнями в процессе языковых изменений является уровень фонетики, чуть менее подвижным – уровень лексики (лексическая семантика и словообразование), в еще меньшей степени – морфологический уровень (словоизменение и набор грамматических категорий) и в наименьшей степени – уровень синтаксиса (реализация грамматических категорий, то есть грамматическая семантика). Синтаксические особенности РВ, противопоставляющие его европейскому варианту португальского языка (português europeu – РЕ) и являющиеся объектом многочисленных исследований (см. библиографию), ставят вопрос о самом статусе РВ, поскольку затрагивают проблему грамматичности/аграмматичности тех или иных синтаксических конструкций. Грамматическая аномальность некоторых невозвратных конструкций является темой данной статьи.

Проблема вариативности, понимаемая как конкуренция языковых средств в синхронии, затрагивает проблему границ языковой системы. Вариативность может быть следствием недостаточно строгой фиксации нормы (гибкость нормы), не влияющей на системные отношения в языке и проявляющейся в определенных социолингвистических и функционально-стилистических условиях. Такую вариативность можно назвать вариативностью узуса. В то же время вариативность может касаться системных отношений, приводя к изменениям языковой системы, которые могут быть оценены либо как грамматически аномальные факты либо как факты, принадлежащие иной грамматической системе. Такую вариативность можно назвать вариативностью системы. Во втором случае допустимо говорить о том, что оцениваемые языковые факты регулируются иными языковыми правилами.

РВ в силу исторических причин, связанных с особенностями его формирования [1; 12; 15], находится в ситуации, имеющей черты диглоссии [5; 9], то есть в языковом сознании носителей сосуществуют модели, характерные для разных языковых систем. Это касается прежде всего синтаксиса. РВ обнаруживает синтаксическую вариативность как поверхностного так и глубинного характера. Поверхностная вариативность не затрагивает соотношения между семантической ролью и синтаксической функцией актанта (аргумента глагола); она касается линейного порядка слов (Diga-me / Me diga) и может влиять на морфологическую форму варьирующегося элемента (Eu te amo / Eu amo você; Vou lhe dizer /

Vou dizer a ele). Глубинная вариативность приводит к изменению соотношения между семантической ролью и синтаксической функцией, что обычно проявляется в залоговых трансформациях (актив – пассив – эргатив / медий) и связанной с ними актантной деривацией [3; 2; 7; 11] ([Manifestantes] quebraram o vidro / O vidro foi quebrado [por manifestantes] / O vidro se quebrou / O vidro querbou). Все четыре варианта синтаксической реализации данной трансформации являются грамматичными и для РВ, и для РЕ, однако наличие рефлексивного местоимения «se» в предпоследнем примере и его отсутствие в последнем говорит о начинающемся сдвиге в синтаксической модели.

В обоих национальных вариантах системно реализуется так называемое каузативное чередование, опирающееся на некоторые переходные глаголы (abrir, fechar, quebrar, afundar, queimar и др.), имеющие в качестве прямого дополнения объект, который претерпевает изменение состояния. В результате возникают каузативные конструкции, соответствующие активной диатезе (O Carlos abriu a porta «Карлус открыл дверь»), и декаузативные, соответствующие эргативной диатезе (A porta (se) abriu «Дверь открылась»). При этом местоимение «se», являющееся изначально маркером неактивной диатезы и одновременно маркером отсутствия агенса, имеет факультативный характер. Причем наблюдается определенная зависимость: если в РЕ местоимение может опускаться у ряда глаголов, то в РВ оно преимущественно опускается у всех глаголов такого типа: (1) A manteiga derreteu(-se) por si só; O barco afundou(-se) por si só; As calças rasgaram(-se) com o puxão – (РЕ); (2) A casa queimou sozinha; O barco afundou sozinho; O vaso quebrou do nada; A porta abriu do nada – (РВ). Некоторые примеры из РВ в группе (2) будут расценены как аграмматичные в РЕ (*A porta abriu; *A porta fechou; *A casa queimou) [7: 452], при этом сохраняют грамматичность в РВ [13: 56-57]. В связи этим возникает вопрос: является ли отсутствие «se» в декаузативах в РВ следствием грамматической вариативности или оно грамматически значимо?

Возможность РВ образовывать эргативные конструкции без рефлексивного местоимения может быть истолкована двояко: как проявление тенденции к опущению объектных местоимений 3 лица либо как проявление тенденции к образованию конструкций нового типа.

Тенденция к опущению местоимений 3 лица в объектной позиции характерна для современного РВ (João comprou o jornal e Maria leu Ø; Se algum copo está faltando, é porque você quebrou Ø) [8; 6]. Поскольку в эргативных конструкциях (A porta (se) abriu) рефлексивное местоимение «se» соотносится с внутренним объектом, выступающим как формальное подлежащее, но сохраняющим семантическую роль пациента (a porta), оно также может быть опущено. Особенно часто это происходит с предикатами, факультативно допускающими «se» в медиальных и эргативных конструкциях (типа abrir; fechar; queimar; romper; arrugar, и др.), поскольку эти глаголы не исключают имплицитную внутреннюю причину (A porta (se) abriu sozinha – «Дверь открылась сама по себе»), в отличие от предикатов типа (aumentar; derreter, afundar), исключающих в эргативном употреблении местоимение «se», поскольку указывают на внутреннюю причину, имеющую обязательный характер (*A neve se derreteu por si só / sozinho «Снег растаял сам по себе») [14].

Вторая интерпретация связана с переосмыслением эргативных конструкций, употребляющихся без рефлексивного местоимения. В принципе эргативные конструкции с глаголами агентивного типа (alugar, construir, vender и др.) теоретически должны реализовывать действие только при участии активного агенса, эксплицитного или имплицитного, и не допускают каузативное чередование (Um casal alugou a casa – A casa foi alugada (por um casal) – *A casa não se alugou). Вместе с тем, в современном РВ, преимущественно в неофициальном регистре речи, встречается употребление агентивных глаголов в предложениях с отсутствующим агенсом: (3) O computador está consertando; Vou ver se a piscina já encheu; Esse trem já perdeu; Meu jardim destruiu todo com a reforma; O carro não está vendendo bem. Как отмечают [10; 4], такие примеры не обладают пассивным значением, так как, во-первых, не допускают употребление пассивирующего рефлексивного местоимения «se» (*O computador está se consertando; *Esse trem já se perdeu; *Meu jardim se

destruiu todo com a reforma), а во-вторых, не эквивалентны семантически пассивным конструкциям классического типа (O computador está consertando $\neq$ O computador está sendo consertado [por um técnico]; O caminhão já carregou $\neq$ O caminhão foi carregado [na empresa / com metade de carga / por terceiros]).

Следует признать, что предложения в группе (3) представляют собой не грамматический вариант декаузативных конструкций, а особый структурный тип с переходным глаголом в непереходном значении, не имеющий семантически эквивалентных залоговых трансформаций. Такие конструкции можно назвать абсолютными. Отметим, что нормативные грамматики португальского языка их не рассматривают, а в дескриптивных описаниях они представлены преимущественно как интроспективные (авторские) примеры, что указывает на ограничение в их употреблении устным неформальным регистром речи.

Список литературы

1. Гуревич Д.Л. Отношение к языковой норме и критерии нормализации португальского языка Бразилии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 4. С. 149–154.
2. Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И. Семантические аспекты вариативной прономинальности португальских и итальянских непереходных глаголов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 5. С. 30–48.
3. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Учеб. пособие. Москва: РГГУ, 2011. 672 с.
4. Amaral L., Cançado M. Alternância de transitividade com verbos agentivos em PB. // Revista de Estudos da Linguagem, Belo Horizonte, 2017. Vol. 25, N. 4, P. 1871-1904.
5. Bagno M. Português do Brasil: herança colonial e diglossia // Revista da FAEEBA, Salvador, jan/jún 2011. N15. P. 37–47.
6. Cyrino S.M.L. Para a história do português brasileiro: a presença do objeto nulo e a ausência dos clíticos. // Letras de Hoje. Porto Alegre. 2003. Vol. 38. N1. P.31–47.
7. Duarte I. Construções ativas, passivas, incoativas e médias. // Paiva Raposo E.B. et al. Gramática do português. II Vols. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 2013. P. 429–458.
8. Galves Ch. Ensaio sobre as gramáticas do português. Campinas: Ed. da UNICAMP, 2001. 280 p.
9. Lucchesi D., Baxter A., Ribeiro I. (orgs). O português afro-brasileiro. Salvador: EDUFBA, 2009, 576 p.
10. Negrão E.V., Viotti E. Estratégias de impessoalização no português brasileiro. // Fiorin J.L., Petter M. (orgs). África no Brasil. A formação da língua portuguesa. São Paulo: Contexto, 2008. P. 171–203.
11. Negrão E.V., Viotti E. Elementos para a investigação do clítico *se* no português brasileiro. // Cadernos de Estudos Lingüísticos, Campinas. 2015. Vol. 57. N1. P.41–59.
12. Noll V., Dietrich W. (orgs). O português e o tupi no Brasil. São Paulo, 2016. 240 p.
13. Pacheco J.C. As construções médias do português do Brasil sob a perspectiva teórica da morfologia distribuída. Dissertação de Mestrado. São Paulo: Universidade de São Paulo, 2008. 114 P.
14. Rodrigues C. Aspectos sintáticos e semânticos das estruturas médias no Português do Brasil: um estudo comparativo. Dissertação (Mestrado em Lingüística). Brasília: Universidade de Brasília, 1998. 176 p.
15. Silva R.V.M. Ensaio para uma sócio-história do português brasileiro. São Paulo: Parábola Editorial, 2004. 176 p.

10.02.00

Э.В. Гусева канд. филол. наук

Марийский государственный университет,
Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации,
Йошкар-Ола, guseva_elina@mail.ru

ПОВТОР В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ)

Статья посвящена исследованию повтора в марийских заговорных текстах. Повтор является одним из важнейших принципов, обеспечивающих структурно-смысловое единство, целостность текстового пространства заговоров. Для поэтического стиля заговорных текстов характерно употребление повторов, которые дают возможность для максимальной детализации и конкретизации сказанного.

Ключевые слова: *заговорный текст, повтор, марийский язык.*

Доминирующим маркером стиля на синтаксическом уровне в заговорных текстах является повтор. Повторы значительно усиливают воздействие заговора.

На близком расстоянии друг от друга могут повторяться одинаковые звуки, морфемы, слова, синтаксические конструкции.

Рассмотрение повтора только как синтаксического стилистического приема должно считаться условным: повторяются не только синтаксические элементы модели словосочетания или предложения, но и единицы фонологического, лексического, морфологического уровней. Соответственно, и классификация повторов осуществляется в зависимости от того, какие элементы в заговорном тексте повторяются [1, с. 73]. В исследованном заговорном тексте, как и в художественных произведениях [1], преобладает лексико-синтаксический повтор.

Многие лингвисты классифицируют лексико-синтаксический тип повтора согласно композиционным моделям. Повтор элемента текста в начале предложения, а затем в ряде последующих предложений называется *анафорическим*. Повтор элемента в конце предложения, в конце ряда предложений, называется *эпифорическим*. Кроме анафорического, эпифорического типов повтора существует еще и *сквозной повтор* текстовых элементов. К нему относится неоднократное использование повторяемого элемента на протяжении ряда сверхфразовых единиц в тексте. Встречается также использование *дублетных слов* [1, с. 73].

Нельзя не согласиться с утверждением В.П. Москвина: «Повтор – это наиболее действенное средство языкового манипулирования, которое заключается в использовании средств языка с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении. Именно поэтому фигурами повтора с античных времен пользуются, с одной стороны, ораторы и политики, а с другой – поэты» [2, с. 83].

В анализируемых заговорных текстах можно выделить следующие типы повтора:

1. анафорический повтор

1.1 Отдельных звуков, например: *Тўн Юмо, Мер Юмо, Тўня Юмо, Шочын Ава, Таньк Ава, Кече Ава, Тылзе Ава, Шўдыр Ава, Кўдырчё Юмо, Кўдырчё Юмын Аваже, Волгенче Юмо, Волгенче Юмын Аваже, Мланде Ава!* [3, с. 41].

В рассмотренных текстах широко распространены рифма и ассонансы. Рифма представляет собой созвучие в окончании двух или нескольких слов, ассонанс – симметричное повторение однородных гласных.

1.2. Деривационный (корневой) повтор, мутлан: **Ужар**мужо **ужар**гылан лийже!
Ужармужо **ужар** шудылан лийже! [3, с. 97]

1.3. отдельного слова (ший): **Ший** ұштым ұшталынат, **ший** товарым чыкена, **ший** менгым руэнат, **ший** менгым кыренат, **ший** пидышым пидынат, **ший** печым печенат, **ший** имньым кычкена, **ший** омытам чиктена, **ший** օрынчакым пыштенат, **ший** пұгым руалынат, **ший** сап-керемым пыштенат, **ший** шогауы дене куралынат, **ший** урлыккомдо дене ўденат, **ший** тырма дене тырмаленат, **ший** шурно шочын, **ший** сорла дене тўредынат, **ший** кылтам ыштенат, **ший** орваш оптен нангаенат, **ший** идымеш **ший** шагеш **ший** каваным ыштенат, **ший** идымыш волтенат, **ший** агуныш шынденат, **ший** идымыш луктын, **ший** сапондо дене кыренат, **ший** ўштервоштыр дене ўштынат, **ший** кольмо дене пуалтенат, **ший** мешақыш оптенат, **ший** вакиш деке нангаенат, **ший** вакишкўэш **ший** ложашым йоныштенат, **ший** шокте дене шоктынат, **ший** руашвочкеш **ший** руашым лугенат, **ший** конгаш **ший** киндым кўктенат, **ший** ўстембаке луктынат, **ший** кўмыж-соавла дене кунам пырля йўын-кочкын кертат тиде киндым ыштен шуктен, тунам иже мыйым локтен керт! [3, с. 48] В анализируемом примере можно выделить также деривационные повторы: **ўштым ўшталынат**; **пидышым пидынат**; **печым печенат**; **тырма** дене **тырмаленат**; **ўштервоштыр** дене **ўштынат**; **шокте** дене **шоктынат**. Повтор имени прилагательного **ший** (38 раз) помогает подчеркнуть интонационную необычность; заклинание гипнотизирует и внушает о невозможности совершения магического воздействия со стороны.

1.4. Анафорический повтор словосочетания в рамках одного предложения, например: **Суртем йыр 77 важык мланде гыч 77 важык юмышко чинче саварым саварлен, чинче савар кўргеш чинче пўртым ыштен, чинче пўрт кўргеш чинче комакам оптен, чинче комака кўргеш чинче подым ыштен, чинче подеш оржан имньым, шўшкылын, шолтен, чинче ўстембак луктын шынден...** **Суртем йыр 77 важык мланде гыч 77 важык юмышко шўртньо саварым саварлен...** [3, с. 99]

2. Эпифорический повтор отдельного слова в рамках отдельного предложения, мутлан: **Огеш ок керт гын, ошкедыже, кайыже!** Эр лупс гай шорлен **кайыже!** Эр тўтыра гай шўрлен **кайыже!** Водо тўтыра гай шўрлен **кайыже!** Шонанпыл гай шўрлен **кайыже!** [3, с. 111] Эпифорический повтор глагола **кайыже** помогает изгнать болезнь из определенной части тела и отослать ее за пределы тела больного человека.

3. Анэпифор – использование отдельных слов в начале и в конце предложения, например: **Таныкым ыштем, танык лийза. 77 тўрлў кайыкым таныклем.** [3, с. 41] **Осал** деч ончыч мый шижынам... Кольшо **осал** уке. [3, с. 98-99].

4. Повтор-подхват, анадиплозис. Еще одним типом повтора в проанализированных заговорных текстах является прием, состоящий в повторении слова на стыке двух конструкций, например: **Кече вияш, тылзе вияш, шўдыр вияш. Вияш** вачын толынам. [3, с. 79] Эр кече лекмаште **Ош Виче, Ош Виче** покшелне пўнчў кашка, пўнчў кашкам, кидышым-йолжым логалтыде, сер тўрыш орылмыж дене луктын кертеш гын, тунам мый ваитарешем туманлен кырен кертше! Кечывал кече нўлтымаште **Йошкар Виче, Йошкар Виче** покшелне тумо кашка... Кас кече шичмаште **Шем Виче, Шем Виче** покшелне ваитар кашка... [3, с. 141].

5. Использование дублетных слов, например: **Мыйын суртышто-пўртыштў тылат шоген-шогаи, шинчен-шинчаи** тылат вер уке [3, с. 76]. Дублетные слова усиливают веру в силу магического воздействия.

6. Синонимический повтор, например: **Пўсў пулат керде пеленем, пўсў товар пеленем, пўсў кўзў пеленем, руэм, тўэм, шулыштам, кўрыштам, ик сат чытен ынже керт** [3, с. 53].

Если одно и то же лексическое средство воспроизводится в тексте в различных синтаксических позициях, то это лексическое повторение. Если воспроизводится не лексическая единица как таковая, а какой-либо компонент (компоненты) её содержания, который передаётся с помощью другого лингвистического средства, то это семантическое повторение.

Проанализированный материал показал, что в заговорных текстах в одинаковой степени встречаются все типы повтора.

При помощи повтора отдельных звуков, морфем, слов и словосочетаний люди пытались воздействовать на окружающий их мир живой и неживой природы.

Повтор является распространенным приемом структурной организации заговорных текстов. В результате использования многократного повтора возникает цепевидная структура.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-412-120005 p_a

Список литературы

1. Гусева Э.В. Виды повторов в марийской прозе // Финно-угорский мир. 2017. No 1. С. 73–77.
2. Москвин В.П. Типология повторов как стилистической фигуры / В.П. Москвин // Русский язык в школе. М., 2000. №5. С. 81-85.
3. Петров В.Н. Марий Ю: Тўрлө локтымо, чер, мужо ваштареш шўведымаш. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993.- 160 с.

10.02.20

Ю.А. Дубовский д-р филол. наук, Т.Б. Заграевская д-р филол. наук

Пятигорский государственный университет,
институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, dubovsky@pgu.ru, zagraevskaya@yandex.ru

ПРОСОДИЯ НА ВОЗРАСТНОМ ПУТИ: ОБРАЩЕНИЕ РЕБЕНКА К ВЗРОСЛОМУ

В статье на основе анализа экспериментальных данных сделан ряд выводов о специфике слуховых образов просодии обращения ребенка к взрослому в разных лингвистических и экстралингвистических контекстах.

Ключевые слова: *возраст, интонация, обращение, просодия, ребенок.*

О коммуникативном потенциале речевой интонации (= просодии) вряд ли есть более справедливое высказывание, чем известный афоризм Б. Шоу о том, что существует 50 способов сказать *да*, 500 способов сказать *нет* (при этом все варианты будут нести разный смысл), но только один способ написать их.

В числе одного из первых отечественных ученых, кто задался целью экспериментально установить корреляции формы и коммуникативного значения, создаваемого русской интонацией, был, как известно, В.А. Артемов [1]. В ходе его исследований было зафиксировано множество проницательных наблюдений, разработаны основы методики экспериментально-фонетического анализа интонации, которые фактически определили дальнейшую судьбу теории и практики изучения явлений супrasegmentного уровня в бывшем СССР на многие десятилетия.

В качестве лексико-синтаксической основы материала для выявления вышеуказанных корреляций В.А. Артемов взял слово-предложение *Осторожно*, которое было произнесено как повествование, вопрос, восклицание, побуждение с различной модальностью – от нейтральной до эмоционально-насыщенной: удивление, обида, угроза и др. Первоначально список «видов интонации» составлял 14 наименований. Позже в результате аудиторского анализа начитанного материала было выявлено 22 вида в основном за счет модальных вариантов (типа, *просьба – просьба вежливая – просьба эмоциональная; повеление – повеление настойчивое; угроза – угроза сильная*).

Важно отметить, что описываемые опыты, по свидетельству В.А. Артемова [1, с. 12], были проведены им еще в 1936 г., а в те времена, как известно, многие положения теории речевых актов были еще не сформулированы в том объеме, в каком они получили распространение в отечественном языкознании второй половины XX века. Поэтому теоретические неточности при классификации речевых поступков (актов) почти вековой давности имеют под собой историческое оправдание. Здесь более существенны два основных факта: впервые в русском языке экспериментально выявлен инвентарь видов интонации, ассоциируемых с типами коммуникативных значений, которые эксплицируются только интонацией, без помощи контрастов других языковых уровней. В последующие годы, особенно в 1960-80 гг., эти виды займут свое достойное место в рядах интоном, интонационных конструкций, интонационных моделей, инвариантов интонационных структур и т.п. Во-вторых, осуществлена попытка, хотя и не без погрешностей, дифференциации установленных видов интонации на логические, волевые и эмоциональные блоки.

Более сложной задачей оказалось получить просодический портрет вида интонации по его акустическим характеристикам. Внимание исследователя было сосредоточено главным образом на отдельно взятом параметре интонации (частоте основного тона, интенсивности

или длительности). На первый взгляд, определялась объективная картина акустической реализации модели / вида, согласно которой, например, «логические интонации по среднему времени самые краткие, волевые самые длительные, а эмоциональные по времени занимают среднее положение» [1, с. 15]; «логические интонации наименее динамичны, эмоциональные наиболее динамичны, а волевые занимают среднее место, приближаясь больше к эмоциональным, чем к логическим [1, с. 28]; контрастность интонации по основному тону (под которым имеется в виду высотнотональный диапазон – Ю.Д., Т.З.) ... есть наибольший показатель е эмоциональности» [1, с. 22].

Правда, если мы построим интонационный домик из этих усредненных, отдельно взятых характеристик, то увидим, что адекватная корреляция формы и значения отсутствует. Действительно, трудно поверить русскоязычному коммуниканту, что интонация вопроса, удивления, изумления, восклицания, предупреждения – это одна и та же интонационная модель. Как для исследователя, так и для практика очевидно, что значение формируется и эксплицируется комплексом языковых средств, в том числе структурой просодических параметров в сложном механизме их интерактивности.

Будучи блестящим экспериментатором, но вместе с тем, ученым, скромно оценивающим полученные результаты своего фундаментального труда, В.А. Артемов подчеркивал возможность «других случаев» и необходимость дополнительного исследования [1, с. 22].

С ростом технических возможностей в конце XX в. – начале XXI в. и прогресса методической мысли в сфере супraseгментной фонетики появилось множество других подходов к получению первичных показателей и интерпретации экспериментальных данных. Один из них реализовывался в исследованиях Пятигорской фонетической школы [2]. Его особенностью является изучение просодических характеристик высказывания любой протяженности на основе не усредненных показателей по отдельно взятому компоненту интонации / просодии в отрыве от других, а на основе представленных в данной структуре комплексов высотнотональных, динамических и темпоральных признаков параметров. Такой подход способствует получению более объективной лингвистической информации, поскольку, как известно, просодические параметры в речи выступают в отношении взаимокompенсации.

Одновременно с совершенствованием методики проведения экспериментально-фонетических исследований отечественные ученые все глубже проникали в коммуникативную сущность речевых актов, дифференцируя не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы их порождения и актуализации.

Одним из наименее изученных таких факторов является возраст коммуниканта. Его важнейшую роль в жизни общества, на уровне как онто-, так и филогенеза, издавна подчеркивали прославленные мастера слова и кисти – У. Шекспир, А.С. Пушкин, О. Уйльд, К.И. Чуковский, В.В. Пукирев и многие другие известные художники. Его языковые особенности являются объектом внимания исследователей и в наши дни.

Возраст отражает не только особенности биологической эволюции человека, но и его социально-речевые характеристики, которые в последнее время также становятся предметом серьезных научных изысканий.

В данной работе наше внимание привлекло своеобразие просодии обращения ребенка дошкольного возраста к взрослому в непринужденной обстановке.

Просодическая структура обращения такого типа характеризуется, кроме специфических черт, свойственных детской речи вообще (темпоральная замедленность, напевность, повышенный высотнотональный регистр, ослабленное сочленение слоговых диэрем и др.), дополнительной фразовой проминантностью финального слога, как правило, безударного в другом контексте. Такая просодическая структура не наблюдается в контактной речи русскоязычных взрослых коммуникантов. Можно указать лишь ее некоторое просодическое сходство со структурой вокатива, адресованного коммуниканту на весьма отдаленном расстоянии.

С целью выяснения некоторых вопросов, возникших в связи с рассматриваемой проблемой, и получения более углубленной и объективной информации мы провели аудитивный эксперимент, в задачу которого входило выявить: 1) является ли просодическая структура обращения ребенка дошкольного возраста к взрослому автосемантической; если да, то при каких обстоятельствах, 2) однотипен ли характер просодической автономизации указанного типа обращения в русском и других языках, в частности, в английском.

Для эксперимента были записаны фрагменты устного естественного дискурса, а также квазиспонтанные реализации с участием детей и взрослых разного возраста из семей центрального и южного регионов России. Аналогичные фонозаписи английских примеров были сделаны в 2018 г. в Лондоне и Дублине с участием английских детей-монолингвов и русских-билингвов.

Из корпуса фонозаписей были выбраны и смонтированы для аудирования фразы-обращения различного ситуативного содержания. В задачу первого этапа анализа входило определить различие или сходство слуховых образов пары фраз, второго – идентифицировать ситуацию (контактная или дистантная) употребления обращения, третьего – определить роль позиции обращения во фразе для формирования просодической структуры последней, четвертого – определить роль позиции обращения во фразе для формирования просодической структуры последней.

Лингвистическая интерпретация полученных данных позволила прийти к следующим выводам:

- Как в русском, так и в английском языке роль возраста в формировании просодической структуры обращения ребенка к взрослому относится к числу доминантных специфических факторов.
- Разграничение своеобразия в просодии обращения ребенка к взрослому просматривается в возрастной зоне между 5 и 8 годами.
- Степень отдаленности коммуникантов друг от друга при прочих равных условиях значительно модифицирует просодию обращения как детей, так и взрослых.
- Просодическая структура контактного обращения ребенка дошкольного возраста в функции самостоятельного речевого акта находится в оппозиции к обращению как фрагмента высказывания.
- Роль позиции обращения в форме фрагмента высказывания эксплицирована в его просодической структуре и особенно заметна в инициальном и финальном компонентах речевого акта.
- Реализация своеобразия просодии обращения ребенка к взрослому в английском и русском языках осуществляется с использованием дифференцированных структур просодических признаков параметров.

Список литературы

1. *Артемов, В.А.* К вопросу об интонации русского языка // Экспериментальная фонетика и психология речи. Т. 6. М.: МГУ. 1953. С. 9-54.
2. *Дубовский, Ю.А., Деревянкина, Н.П., Заграевская, Т.Б., Касьяненко, Л.С., Орлова, В.А.* Просодия диалогических единств с лексико-синтаксическим параллелизмом. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 430 с.

10.02.05

Л.И. Жолудева канд. филол. наук

МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра романского языкознания,
Москва, l.zholudeva@gmail.com

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО КУРСА

В статье обосновывается принцип структурирования учебного курса «История итальянского языка», отличающийся от строго хронологического. Он позволяет учитывать не только изменчивость языка в диахронии и оппозицию внутренней и внешней истории языка, но и другие параметры вариативности языка (диатопия, диафазия, диастратия, диамезия).

Ключевые слова: история итальянского языка, вариативность, историческая грамматика, диахрония, диатопия, диастратия, диафазия, диамезия.

Учебная дисциплина «История итальянского языка» играет важнейшую роль в профессиональной подготовке филолога-итальяниста, предлагая ответы на множество вопросов, с которыми преподаватель итальянского языка сталкивается в аудитории. К примеру, особенности современной итальянской языковой нормы, допускающей вариативность или нерегулярность форм там, где другие романские языки ее преодолели, имеют историческое объяснение.

При этом структурирование материала в рамках данного курса сопряжено с рядом методологических проблем. Традиционно при построении программ историко-лингвистических курсов применяется хронологический принцип. Структурирование материала курса по периодам полностью оправдывает себя в случае с литературными языками, развивавшимися параллельно с формированием централизованных национальных государств. В этом случае периодизация истории языка фактически является производной от периодизации истории государства. Параллелизм внутренней и внешней истории языка позволяет, придерживаясь хронологического принципа организации материала, последовательно уделять внимание каждому из трех крупных периодов истории языка (при необходимости дробя их на более мелкие: ср. *très ancien français* – *ancien français*) и для каждого из периодов выделять особенности состояния и эволюции языковой системы, с одной стороны, и специфику языковой и социокультурной ситуации, с другой. История итальянского языка – как в силу особенностей становления государственности в Италии, так и по внутрилингвистическим причинам – с трудом поддается периодизации по стандартной схеме.

Из структурных особенностей итальянского языка, затрудняющих периодизацию его истории, в первую очередь, обращает на себя внимание его фонетический консерватизм. Трансформация латинской морфологии, приведшая к формированию романского языкового типа, также завершилась до появления текстов на тосканских диалектах. Синтаксис на протяжении истории итальянского языка эволюционировал, по меньшей мере, так же существенно, как и другие уровни языковой системы, однако эти изменения на данный момент описаны далеко не во всей своей полноте. Изменения лексического состава и словообразовательных возможностей итальянского языка описаны достаточно подробно, однако и они плохо поддаются группировке по периодам.

Таким образом, попытки выстроить курс истории итальянского языка по традиционной хронологической модели если не заранее обречены на неуспех, то, во всяком случае,

создадут ряд дополнительных методологических сложностей. С подобными проблемами сталкиваются и авторы трудов по истории итальянского языка, охватывающих большие временные отрезки [3]. В относительно недавно опубликованной работе Т.Б. Алисовой и И.И. Чельшевой [1] применен своего рода гибридный принцип. Материалы по истории итальянского языка (от первых памятников до XVI века включительно) сгруппированы одновременно и хронологически, и тематически.

Похожий принцип автор данной статьи применяет в курсе «История итальянского языка» для студентов-итальянистов, обучающихся по программе бакалавриата на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (учебная программа курса опубликована – [4]). Материалы курса делятся на тематические блоки, одним из которых является историческая грамматика, а другие посвящены различным аспектам вариативности языка (подробнее см. [4]). Предыдущий вариант программы данного курса, составленный и опубликованный Т.Б. Алисовой в 1998 г. [2], скорее может служить примером хронологического подхода. Его несомненным плюсом является внутреннее единство лекционной части, где рассматриваются события и процессы, относящиеся к внешней истории языка, и упор на анализ текста на семинарских занятиях. В то же время, в монографии, вышедшей спустя десять лет, Т.Б. Алисова и И.И. Чельшева все же не случайно отошли от такой логики представления материала.

Одной из причин, по которой мы выбрали подход к структурированию исторического курса, отличающийся от сугубо хронологического, был произошедший в последние десятилетия отход историков итальянского языка от модели описания, восходящей к младограмматикам и структуралистам [3]. Ему на смену пришел подход к исследованию итальянского языка в диахронии, который можно назвать функциональным. Ключевым моментом при этом оказывается внимание к языковой вариативности и ее параметрам, что позволяет решить целый ряд методологических проблем. Описательная модель, являющаяся общепринятой со времен Ф. де Соссюра [5] и оперирующая такими параметрами как синхрония и диахрония, а также «внутренняя» и «внешняя» история языка, с середины XX века последовательно дополнялись. В 1951 году норвежский лингвист Л. Флайдал [12] ввел понятия «диастратия» и «диатопия», позволяющие учитывать социальный и территориальный параметры языковой вариативности; в работе 1956 года Э. Косериу [10] ввел термин «диафазия», отсылающий к функционально-стилистическому параметру вариативности; наконец, в 1983 году А. Миони [13] предложил обозначить термином «диамезия» то, что касается вариативности, обусловленной каналом коммуникации – письменная речь vs устная.

При построении курса истории итальянского языка целесообразно учитывать, наряду с хронологией и оппозицией внешне- и внутрилингвистических аспектов (как при традиционной структуре курса), и другие параметры изменчивости языка. Уделять внимание всем им одновременно – весьма непростая задача; куда более продуктивным оказывается деление материала на блоки, где в каждом случае в центре внимания оказывается один из параметров вариативности. Так, описание социолингвистической ситуации в Италии в разные исторические эпохи требует внимания к социальному составу носителей флорентийского диалекта (староитальянский период), а затем (с XVI века) – итальянского литературного языка (речь, таким образом, идет о **диастратии**). Формирование итальянской языковой нормы, начиная с XVI века опирающейся на литературные образцы, невозможно адекватно представить без учета вариативности по оси **диамезии**. Актуальность языкового варьирования в **диатопии** для Италии не вызывает сомнений. Важность **диафазии** в полной мере проявляется начиная с XVI-XVII вв., когда история итальянского языка, по сути, превращается в истории функциональных стилей.

Понимание роли параметров языковой вариативности на протяжении всей истории языка подводит учащихся к пониманию того, что и по каким причинам происходит с итальянским языком и языковой нормой на современном этапе. Не случайно в работах, где рассматривается социолингвистическая ситуация, сложившаяся в Италии в последние

десятилетия, всегда присутствуют отсылки к историческим истокам современной языковой ситуации (см., к примеру, [7], [8], [9], [11], [14]). С нашей точки зрения, сохранение хронологического параметра как фонового с учетом других параметров вариативности и обособлением части курса, посвященной внутренней истории, позволяет более полно и разносторонне представить а) особенности эволюции итальянской языковой системы, б) весь комплекс внешних факторов, определивших характер итальянской языковой нормы, в) различия в характере и развитии функциональных стилей итальянского литературного языка, г) роль диалектной ситуации на разных этапах истории языка, д) специфику итальянской языковой нормы, е) закономерности развития лингвистической мысли.

Список литературы

1. Алисова Т.Б., Чельшева И.И. История итальянского языка от первых памятников до XVI века. Москва: Диалог МГУ, 2009. 440 с.
2. Алисова Т.Б. Программа курса «История итальянского языка» // Сборник программ кафедры романского языкознания для студентов романо-германского отделения. Москва: Изд-во МГУ, 1998. С. 73-79.
3. Жолудева Л.И. Историография итальянского языка: от младограмматизма к функционализму // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. Т. 78, № 1. С. 121–126.
4. Жолудева Л.И. Программа учебной дисциплины «История итальянского языка» // Stephanos. 2017. Т. 6, № 26. С. 226–242.
5. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 425 с. 1-е изд. 1915.
6. Antonelli G., Motolese M. (a cura di) Storia dell'italiano scritto. vols. I-IV. Roma: Carocci, 2014-2018. 584 p., 560 p., 500 p., 528 p.
7. Berruto G. Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. Roma: Carocci, 2014. 278 p. 1-е изд. 1987.
8. Cerruti M., Crocco C., Marzo S. (eds.) Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. 378 p.
9. Cortelazzo M. Evoluzione della lingua, percezione del cambiamento, staticità della norma // Pistolesi E. (a c. di) Lingua scuola e società. I nuovi bisogni comunicativi nelle classi multiculturali. Trieste: Ist. Gramsci, 2007. P. 47-55.
10. Coseriu E. La geografia lingüística. Montevideo: Universidad de la República, 1956. 48 p.
11. D'Achille P. Sintassi del parlato e tradizione scritta della lingua italiana. Roma: Aracne, 1990. 388 p.
12. Flydal L. Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, 1951. Vol. 16. P. 241-258.
13. Mioni A. Italiano tendenziale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione // Benincà P. et al. (a c. di) Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini. Vol. 2. 1983. P. 495-517.
14. Sabatini F. L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane // Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart. Tübingen: Narr, 1985. P. 154-184.

10.02.01

Инь Сюй

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Москва, andreiyin2014@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.

Статья посвящена анализу двух известных в настоящее время грамматических словарей церковнославянского языка Буковница Герасима Ворбозомского 1592 г. и «Кни́га глѣмая бѹквы гра^мотѣчнаго оучѣнїа», нацеленному на выявление их функционально-типологических характеристик. Установлено, эти сочинения демонстрируют становление в конце XVI – начале XVII в. научной модели описания языка.

Ключевые слова: *история славянской грамматической традиции, грамматический словарь, история русского литературного языка, церковнославянский язык.*

0. В конце XVI – начале XVII в., когда на славянской почве зарождается аналитическая грамматическая кодификация церковнославянского языка путем систематизации языковых элементов и правил их выбора, возникает особый тип грамматического описания, который может быть условно определен как «грамматический (словоизменятельный) словарь» [1, 69] или «словарь трудностей церковнославянского языка» [10, 40], предупреждающий типичные ошибки. В настоящее время известны два таких рукописных трактата: Буковница Герасима Ворбозомского, дошедшая до нас в сборнике 1592 г. из собрания Московской духовной академии (РГБ, ф.173.1, № 35, л. 130–235) и «Кни́га глѣмаѣа бѹквы гра^мотѣчнаго оучѣнїа», входящая в состав сборника 1622 г. из собрания Н.С. Тихонравова (РГБ, ф.299, № 336, л. 23 об.–57 об., далее **КБ**) [по изд.: 8]. *Актуальность* их исследования определяется тем, что данные сочинения предоставляют уникальную возможность исследовать процессы и механизмы переходного периода, когда языковое создание постепенно отрывается от текста и текстологический подход к церковнославянскому языку уступает место грамматическому. *Цель* исследования заключается в определении функционально-типологических характеристик грамматических словарей церковнославянского языка. *Научная новизна* работы состоит в том, что результаты исследования дают основание подвергнуть пересмотру сложившиеся в науке представления о времени появления (70-е гг. XX в.) лингвистического словаря грамматического типа. Обосновано, что сформировавшая в современной лексикографии общая концепция грамматического словаря как словаря, который содержит информацию о грамматических (а также семантических, стилистических и др.) свойствах слова или описание отдельных сложных языковых явлений, предназначен для образования грамматически правильных форм и построения правильных фраз; выполняет не только нормативную и информативную, но и дидактическую функцию; имеет селективный характер [2, 462; 3, 3; 11, 98–100], была воплощена в созданных в кон. XVI – нач. XVII в. рукописных сочинениях Буковница и КБ.

1. В грамматических словарях, как и в большинстве словарей других типов, используется *алфавитный принцип* организации материала, в наибольшей степени отвечающий их основным функциям – информативной и дидактической, поскольку позволяют кратчайшим способом осуществить поиск и идентификацию нужных языковых единиц [2]. В современных грамматических словарях алфавитный принцип может быть реализован как в обычном порядке (см. Толково-грамматический словарь русских причастий» [12]), так и в обратном (или инверсионном) (см. «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» [3]).

(л. 233): «знáи брáте сѣ́, ѣ́дѣ́нство ѿ́ мнѣ́жства сѣ́ло мнѣ́гѣ́хъ ранѣ́ствуетъ! тако́же і́ сѣ́ость ѿ́ посре́днѣ́го па́чеже ѿ́ ѿ́па́шаго!» (л. 133).

Проведенная создателями словарей селекция языкового материала позволяет с достаточной ясностью увидеть проблемные зоны славянской лингвистической рефлексии и книжно-языковой практики кон. XVI – нач. XVII вв.

Усилия обоих авторов были сосредоточены главным образом на проблеме преодоления омонимии, которая решались ими по-разному. Основным объектом систематизации в обоих сочинениях являются грамматические омонимы, противопоставленные на основе принципа антистиха – принципа графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке. [7; 9]. Для Герасима Ворбозомского источником нормализаторских решений служил трактат «О мнѣ́жствѣ́ і́ ѣ́дѣ́нствѣ́» [13, 719–724], идеи которого получили в Буковнице последовательное воплощение и дальнейшее развитие [6]. В первой части Буковницы составитель словаря приводит 2410 пар грамматических омонимов, «ѿ́ нѣ́жъ состои́тсѣ́ ѣ́дѣ́нство і́ мнѣ́жствѣ́» (л. 130), разграниченных на орфографическом уровне (ср. Т. ед.ч. // Д. мн.ч. блуднико́мъ – блѹ́дникѹ́мъ л. 131 об., И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. живонѣ́снаѣ́ – живѣ́ннѣ́снаѣ́ л. 136, И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. оуспо́дѣ́мъ – оуспо́дѣ́мъ л. 142 об.). Вместе с тем для максимального расподобления грамматических омонимов, создатель словаря расширяет репертуар орфографических оппозиций, выполняющих смысловозначительные функции: помимо стандартного набора о – ѿ, а – ѿ, у – ѿу, ѿ – ѿ, и/ї – ѿ он вводит новые орфографические средства, задействуя и скорописные начертания: е – ѣ́ (И ед.ч. // Р мн.ч. щите́ць – щѣ́тець л. 150); ѿ – ѿ (И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. пребѣ́женнаѣ́ – пребѣ́женнаѣ́ л. 138 об.); ѿ – ѿ в префиксах типа вос – вѣ́с, во – вѣ́, со – сѣ́ (И ед.ч. прит. прил. м.р. // Р мн.ч. суц. совопрѣ́снѣ́ковъ – сѣ́вопрѣ́снѣ́ковъ л. 140 об.); варѣ́а – оксѣ́а (И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. разши́рѣ́мъ – разши́рѣ́мъ л. 139). [5]

В **КБ** использован иной, альтернативный способ реализации принципа антистиха, провозглашенный в трактате «Кни́га глѣ́маѣ́ грѣ́матѣ́ка по ѣ́зыку словѣ́нску» (РГБ, ф.299, № 336, л. 1–23) [по изд.: 8]. Отказываясь от традиционного набора орфографических оппозиций, создатель словаря предлагает преобразовать церковнославянскую орфографию по модели греческого алфавита, где строчные и прописные буквы пишутся по-разному (ср.: А – α, Н – η) и ввести в практику «двообразное» начертание всех гласных букв: а – α, и – И, о – ѿ – ѿ, у – ѿу, ѿ – ѿ, ѿ – ѿ, ѿ – ѿ и др. Первый член орфографической оппозиции кодифицируется в позиции абсолютного конца слова в формах единственного числа, второй – в формах двойственного и множественного [8, 252–253; 10, 42–43]:

а – α: Р ед.ч. // И=В мн.ч. суц. с.р. влѣ́чества – влѣ́чества. (л. 30 об.); и – И: Р ед.ч. // И=В мн.ч. суц. ж.р. но́ги – но́гИ (л. 41 об.); у – ѿу: Д ед.ч. // Р=М дв.ч. суц. м.р. прѣ́тлу – прѣ́тлоу (л. 44 об.); ѿ – ѿ: И ед.ч. // Р мн.ч. суц. м.р. вра́гѣ́ – вра́гѣ́ (л. 32); ѿ – ѿ: И ед.ч. // Р мн.ч. суц. м.р. губѣ́тель мой – губѣ́тель мойѣ́ (л. 32 об.); ѿ – ѿ: И ед.ч. ж.р. // В мн.ч. м., ж.р. люба́щаѣ́ – люба́щаѣ́ (л. 40).

Орфографическому расподоблению подвергаются и лексические омонимы (и омоформы) в **КБ**: «До́лѣ́тъ, займованѣ́; І́ па́ки до́лѣ́тъ мѣ́роу» (л. 34); «ѿ́крылъ сокровѣ́ще. і́ па́ки глѣ́тсѣ́, ѿ́ крылъ пѣ́тичѣ́хѣ́» (л. 53 об.).

Наряду с графико-орфографическим способом преодоления омонимии создатель **КБ** задействует в качестве дополнительного грамматический способ, основанный на дистрибуции неомонимичных формантов [8, 249, 253; 10, 43–44]. В целях дифференциации совпадающих форм прилагательных и причастий Р // В ед.ч. м. и с.р. в форме винительного падежа кодифицируется именная флексия -а, а в форме родительного – адъективная -аго: ѿ́пѣ́льска – ѿ́пѣ́льскаго (л. 26), блѣ́га члѣ́ка – блѣ́гаго члѣ́ка (л. 27 об.). Аналогичным образом – посредством распределения именных и адъективных флексий – осуществляется расподобление Т ед.ч. м. и с.р. // Д мн.ч. прил. и прич.: за формой единственного числа закрепляется флексия -о/емъ, за формой множественного – -ы/имъ: бо́дрено́мъ ѿ́умо́мъ – бо́дрены́мъ люде́мъ (л. 27 об.), гона́ще́мъ – гона́щи́мъ (л. 32).

Помимо омонимичных форм объектом систематизации в грамматическом словаре

являются еще специфически книжные формы, которые могли подвергаться смешению под влиянием живого языка: «и́же мно́зѣ^М мнѣтса ед`но бѣти, ѡ не могу́щи<sup>М</sup> ра<sup>3</sup>судит`, і́ако тыа вѣліе ра³тоа́ніе меж^Ду собо́у іму^Т» (КБ, л. 24). Ошибочное употребление стимулировало лингвистическую рефлексию, требуя четкой семантизации и разграничения отождествлявшихся в языковом сознании форм. Предотвращая типичные ошибки, Герасим Ворбозомский в первой части Буковницы нормирует пары оппозиционных форм И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. дейст. прич.: твора́щи – твѡра́ще (л. 141), шума́щи – шоума́ще (л. 147). Создатель КБ расширяет набор «мнимо единых» языковых единиц, кодифицируя два ряда таких форм: **И // В мн.ч. м.р.** существительных, прилагательных, страдательных причастий («да в^біа́вѣтса всѣ^М, ѡже ко́е ра́зньство ѡ́тъ ѡ́же рещѣ ѡ́г҃ли, ілі а́г҃лы, ілі, а́п҃лы, і а́п҃ли. і па́ки дѣла гнѣа, і дѣла гнѣи» л. 23 об.–24): гра́ди – гра́ды (л. 32), до́лзѣи – до́лгѣа (л. 33 об.), роди́тели – родите́лѣа (л. 47 об.); и **И ед.ч. м.р. // И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р.** кратких действительных причастий («вѣсто слы́ша^Вши пішу^Т слы́ша^В; і вѣсто сое^Д нѣвѣши, пішу^Т і глѣють сое^Д нѣвѣ <...> вѣсто бо вѣдѣвше свѣ^Т вечернѣи, поют, вѣдѣ^В свѣ^Т вечернѣи» л. 24): желая, жела́ючи, жела́юще (л. 35 об.).

3. Для организации и описания отобранных единиц требовалось привлечение грамматического инструментария, источником которого для создателей обоих анализируемых словарей служил «грамматический канон православия» «О ѡсмихъ ча́стѣхъ слова».

Ориентацию на трактат «О ѡсмихъ ча́стѣхъ слова» создатели Буковницы и КБ не только провозглашают (ср. Буковница: «взата бѣсть сѣа бѣсѣда, ѡ дамаскіновы^Х грамотикѣи ѡ ѡсмо́ча́тнаго разумѣ́нїа ѡ перѡвыа ча́сти сло́ва сирѣчь ѡ імани мужска^А женска^А сре́днѣа!» л. 233; КБ: «потѣа́хся сѣа бѣкѣвы соста́вити. положи^В в ѣни^Х елі́ко во́мог^Х избрѣсти <...> ѡ дрѣвнѣа гра^Ммотики, і ѡсмо́ча́тны^А кнѣзѣ» л. 24 об.), но и последовательно реализуют в своих трудах, оперируя теми грамматическими категориями, которые в славянской традиции были введены именно в «осмо́ча́стїи».

Развитие грамматической схемы трактата-ориентира предполагало обращение к парадигме. Словарные статьи во второй и третьей частях Буковницы содержат парадигмы прилагательных и причастий, построенные непосредственно по модели «застѣ́нныхъ разумѣ́нїи» из «дамаскіновы^Х грамотикѣи», «осмо́ча́тнаго разумѣ́нїа» (л. 233) [6]. Каждая парадигма включает 12 форм, первые 10 из которых в обеих частях Буковницы совпадают: [1] именная (краткая) форма И ед.ч. м.р., [2] именная форма И ед.ч. ж.р., [3] именная форма И ед.ч. с.р., [4] местоименная (полная) форма И ед.ч. м.р., [5] местоименная форма Р ед.ч. м. и с.р., [6] местоименная форма Д ед.ч. м. и с.р., [7] именная форма И мн.ч. м.р., [8] местоименная форма Р мн.ч., [9] местоименная форма Т мн.ч., [10] местоименная форма И ед.ч. с.р.; два последних места в парадигме второй части занимают [11] именная форма В ед.ч. ж.р., [12] местоименная форма В ед.ч. ж.р., а в третьей – [13] именная форма 3 ед.ч. м.р., [14] именная форма 3 ед.ч. ж.р. Ср. парадигмы из второй части: [1] глѡбѡкъ, [2] ка, [3] ко, [4] кѣи, [5] каго, [6] кому, [7] кы, [8] кы^Х, [9] кыми, [10] кое, [11] ку, [12] кую (л. 157), [1] крича́щ, [2] ща, [3] що, [4] щѣи, [5] шаго, [6] щому, [7] щы, [8] щы^Х, [9] щыми, [10] щее, [11] шу, [12] шую (л. 164 об.); [1] хра́брь о^Н, [2] храбра́ онѣ, [3] хра́бро то, [4] хра́брыи, [5] храбраго, [6] хра́брому, [7] хра́бры тѣ, [8] хра́бры^Х тѣ^Х, [9] хра́брыи, [10] хра́брое то, [13] в хра́бре ты, [14] в хра́бра (л. 220 – 220 об.), [1] шѣю́щ, [2] шѣю́ща, [3] шѣю́ще сѣе, [4] шѣю́щїи о^Н, [5] шѣю́щаго, [6] шѣю́щему, [7] шѣю́щы ѡны, [8] шѣю́щыхъ, [9] шѣю́щыи, [10] шѣю́щее, [13] в шѣю́ще, [14] в шѣю́ща (л. 230 – 230 об.).

Иным образом организован словарный материал в первой части Буковницы и КБ, которые были нацелены в первую очередь на разграничение вызывающих трудности в книжно-языковой практике омонимичных явлений и тех неомонимичных форм, которые часто смешивались под влиянием живого языка. «Стратегия дифференциации» определяет общий принцип построения парадигм, состоящих из пары или пар контрастирующих единиц, различие которых и требуется продемонстрировать. Так, например, в Буковнице существительные мужского рода и притяжательные прилагательные образуют восьмичленные гнезда, включающие четыре пары оппозиций: [1] И ед.ч. м.р. // Р. мн.ч. м.р.,

[2] Т ед.ч. // Д мн.ч., [3] И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. суш., [4] Т ед.ч. притяж. прил. // Д мн.ч. притяж. прил.: [1] женѣхъ – женихъ, [2] женихѡмъ – женихѡмъ, [3] женихѡвъ – женихѡвъ, [4] женихѡвымъ – женихѡвымъ (л. 136). Существительные женского рода образуют четырехчленные гнезда из двух пар: [1] И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. ж.р., [2] Р ед.ч. ж.р. // В мн.ч. ж.р.: [1] црѣца едина – црѣца мнѡгы, [2] црѣци тоѡ – црѣцы ѡны (л. 141 об.).

В КБ, как было установлено Е.А. Кузьминовой [10, 46–47], в типичном случае парадигма состоит из двух пар словоформ: [1] губѣтель мой, [2] губѣтель мой^х, [3] губѣтеля, [4] губѣтеля – 1 – 2 И ед.ч. // Р мн.ч. суш. м.р., 3 – 4 Р ед.ч. // В мн.ч. суш. м.р. (л. 32 об.), [1] прѣтли, [2] прѣтлы, [3] прѣтлу, [4] прѣтлоу – 1 – 2 И // В мн.ч. суш. м.р., 3 – 4 Д. ед.ч. // Р=М дв.ч. суш. м.р. (л. 44 об.). Встречаются также структуры, один из членов которых входит одновременно в две оппозиции, например, [1] краснѣи, [2] краснѣа, [3] краснѣа – 1 – 2 И // В мн.ч. м.р. прил., 2 – 3 В мн.ч. м.р. // Р ед.ч. ж.р. прил. (л. 39). Более сложная тактика используется при организации парадигм действительных причастий, содержащих максимально четыре пары оппозиции, члены которых могут быть расположены не только контактно, но и дистантно. Так, в восьмичленной структуре [1] носѣще^м, [2] носѣщим, [3] носѣщѣи, [4] носѣщеи, [5] носѣща члѣка, [6] носѣщаа, [7] носѣщаго, [8] носѣщаа женѣа первые четыре словоформы образуют две контактные оппозиции 1 – 2 Т ед.ч. // Д мн.ч. м., с.р., 3 – 4 И ед.ч. // И мн.ч. м.р., а четыре последние – дистантные 5 – 7 В ед.ч. // Р ед.ч. м., с.р., 6 – 8 В мн.ч. м., ж.р. // И ед.ч. ж.р.

4. Стратегия предупреждения ошибок предполагала точное определение грамматического и лексического значения отобранных единиц. В обоих словарях регулярно применяется дефинитивный способ, имеющий прямой аналог в современной лексикографической практике.

В Буковнице грамматические дефиниции даются киноварью в шапке таблицы. Так, в первой части словаря, излагающей «по боуква^{мб} ѡ едѣнствѣ і ѡ мнѡжствѣ^м» (л. 130), на всех без исключения страницах указывается числовое значение форм, помещенных в соответствующую колонку, – «едѣнство» // «мнѡжствѣ». См.:

Единство	мнѡжствѣ	Поученіе ѡбо свѣдѣнствѣхъ писаніи сопоу плѣноу іудѣи іудѣи писаніи ѡнеѡ споегоуище ніѡ. Понеже подобаетъ не лѣностноу ніѣмъ тѣмъ
Аггеломъ едѣнемъ	Аггелѡмъ мнѡгымъ	
Аггелѡшъ тѣлѣ	Аггелѡшъ тѣлѣхъ	
Аггелѣскѣмъ званіемъ	Аггелѣскимъ силамъ	
Аггелѣскаа сила	Аггелѣскаа пѡиства	
Аггелѣскѣѡ едина	Аггелѣскѣѡ силы	
Архатгеломъ едѣнемъ	Архатгелѡмъ тѣлѣмъ	
Архатгелѡшъ тѣлѣ	Архатгелѡшъ мнѡгымъ	
Архатгелѣскѣмъ тѣлѣмъ	Архатгелѣскимъ тѣлѣмъ	
Архатгелѣскаа едина	Архатгелѣскаа мнѡга	
Архатгелѣскѣѡ едина	Архатгелѣскѣѡ чины	

Рис. 4 – Буковница, л. 130

Во второй и третьей частях на отдельных листах (л. 155, 157 об., 166, 179, 201–201 об., 213–213 об., 228–228 об.) представлены заимствованные «ѡ дамаскіновѣ^х граматикѣи ѡ осмочѣстнаго разумѣніѡ» (л. 233) грамматические характеристики всех словоформ, входящих в парадигму, например, [1] мужѣско – крѡтокъ, [2] же^нско – кротка, [3] средне – крѡтко, [4] истѣное нарицаніе едина^г мужа – крѡткіи, [5] помановеніе единаго – крѡткаго, [6] даѣніе единому мужу – крѡткому, [7] нарицаеть многѣхъ мужей – крѡткы, [8] помановеніе мнѡгыхъ – крѡткыхъ, [9] дѣство мнѡгими – крѡткыми, [10] суще нарицаніе среднаго імани – крѡткое, [11] второе наиманованіе жѣньскаго імани – ѡ крѡтке ты, [12] суще нарицаніе второму наиманованію женскаго імани – ѡ крѡтка (л. 201–201 об.).

В КБ грамматическими характеристиками снабжены 689 словоформ. В отдельных случаях грамматические дефиниции приводятся в словарной статье после словоформы (21

пример): вл^дчества, се'едінаго ро^дна рѣ^ч – вл^дчества мно^жства, та права (л. 30 об.), 'естѣствомъ, множеству д^ател^но – 'естѣствомъ, 'едінѣ^м дѣ^бствено (л. 34 об.). Однако значительно чаще (668 примеров) они представляют собой пометы, проставленные «черв^лены^м писмом над речьм^и» (л. 25) и нередко приводятся в сокращенном виде: 'е/ед^д – единственное число, м/му/му^ж – мужской род, д/да/д^ат/дател – дательный, бу – будущее время, по – повелительное наклонение. Так, форма бо^ащаа^са (л. 28) охарактеризована по падежу, роду и числу: право, ж, 'е, т.е. правый (именительный) падеж, женский род, единственное число. Но преимущественно автор ограничивается только одним параметром, задающим противопоставление: мо^а (е) рука – мо^а (м) дѣ^ла (ед.ч. // мн.ч.) (л. 41), бог^атно^м (дѣ^л) – бог^атны^м (д^ат) (действительный, т.е. творительный падеж // дательный падеж.) (л. 27 об.), да^а (муж) – да^ющи (ж) (м.р. // ж.р.) (л. 33 об.).

Вместе с тем в Буковнице и **КБ** активно используется контекстуальный (иллюстративный) способ семантизации, свидетельствующий о том, что представленная в словарях систематизация языкового материала еще не отрывается от текстов. При этом способе семантизации форма приводится не изолированно, а в расширенном контексте, в составе словосочетания, содержащего ощутимые опоры – конкретизаторы-распространители, позволяющие установить ее грамматическое или лексическое значение.

Контекстуальный способ в Буковнице преимущественно зафиксирован в первой ее части и применен для 2952 из 4820 (61%) словоформ, в том числе 1610 (67%) форм единственного числа и 1342 (56%) форм множественного числа. Среди использованных составителем словаря грамматических конкретизаторов-распространителей безусловно доминируют (2748 из 2952, 93%) местоимения (о^н, она^а, съ^д, сег^о, с^им^ь, то^т, н^амы, мо^и^х, тѣ^х, всѣ^м^ь и др.) и слова с количественным значением ('едінѣ, 'едіна, мнѡга, мнѡгы, мнѡ^ж, мнѡ^жная, мнѡ^жны и др.). Ср.: Т ед.ч. // Д мн.ч. жел^ателемъ 'едіне^м – жел^ателемъ всѣ^м^ь (л. 136); И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. трудолю^бица та – трудолю^бица мнѡгы (л. 141 об.).

К остальным 7% относятся существительные (вѣра, вѣсть, гла^с, грѣб^ь, дѣла, зра^ком^ь, раб^о^м, с^ила, стра^сть, члѣ^к, члѣ^комъ и др.), с которыми согласуются подлежащие нормированию формы прилагательных и причастий, благодаря чему достигается конкретизация по роду и числу: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. рѣ^чнаа стру^а 'едіна – рѣ^чнаа оустрѣ^млені^а (л. 139); Т ед.ч. // Д мн.ч. (м.р. и с.р. → м.р.) фео^оиловымъ члѣ^комъ – фео^оиловымъ лю^де^м (л. 148 об.).

В **КБ** в расширенном контексте приведены 184 формы. В отличие от Буковницы, в качестве конкретизаторов-распространителей в **КБ** выступают преимущественно не местоимения, которые зафиксированы для семантизации только 17 форм, а слова с конкретным лексическим значением: В ед.ч. // Р ед.ч. сущ. м.р. мл^тива члѣ^ка лю^бит бгѣ^ь – мл^тиваго члѣ^ка снѣ^ь (л. 40 об.), Р ед.ч. // В мн.ч. сущ. м.р. оуч^тла оуча^ть – оуч^тла сѣ^ла чтѣ^мъ (л. 51).

Для маркирования форм мужского рода чаще всего используется слово члѣ^к (члѣ^ка, члѣ^ки, члѣ^ку, члѣ^комъ, члѣ^кома, члѣ^цы, члѣ^вкѣ, члѣ^комѣ), зафиксированное в 33 контекстах: Р // В ед.ч. м.р. бл^гвѣна члѣ^ка – бл^гвѣнаго (л. 27 об.); Т ед.ч. // Д мн.ч. // Д=Т дв.ч. м.р. симъ члѣ^комъ – симѣ члѣ^комѣ – с^има члѣ^кома (л. 48 об.), а для форм женского рода – жен^а (женѣ, жену, женѣ, женѣ (всего 26 контекстов): И ед.ч. // Р ед.ч. ж.р. избѣ^вшаа жен^а – избѣ^вш^аа женѣ; Д // В ед.ч. прил. ж.р. ч^исту – ч^тую жену (л. 54 об.).

Конкретизаторами контрастирующих единиц в парах И // В мн.ч., И ед.ч. // Р мн.ч. и Т ед.ч. // Д мн.ч. (всего 33 пары) служат главным образом соответствующие формы одного слова: Т ед.ч. // Д мн.ч. прил. м.р. бог^атно^м дар^о^м – бог^атны^м дар^о^мѣ (л. 27 об.), И ед.ч. // Р мн.ч. сущ. м.р. губ^итель мо^и – губ^итель мо^и^х (л. 32 об.), И // В мн.ч. прил. м.р. дол^зи^и лю^ди^е – дол^ги^а лю^ди (л. 33 об.).

В **КБ** контекст может не приводиться, а задаваться в виде отсылки к библейским или литургическим текстам, в которых фигурирует описываемая словоформа: «на по^лехъ во^ображен^о е^ж в ко^ей кн^изѣ ка^а рѣ^чь обрѣ^тается» (л. 24). При этом пример употребления избирается из таких канонических текстов, который не только просвещенный книжник, но и любой грамотный человек знал наизусть – Псалтырь, Часослов, Евангелие, Апостол. Руководствуясь данными ссылками, овладевший грамотой читатель может легко обнаружить

нужные примеры и определить значение формы через заданный ими контекст. В таком подходе отражается специфику лингвистического мышления, которое оперирует выученным наизусть корпусом текстов, задающих образцы языковой правильности [10, 48–49]

Ссылки на иллюстративный материал в **КБ** приведены для 153 словоформ. Они могут даваться как к обеим оппозиционным формам: М ед.ч. // И мн.ч. сущ. м.р. вожди (дѣа^н, вѣ [Деяние Апостолов, зачало 2] → еже предрече Дѹхъ святѣй усты Давидовыми о Иѹдѣ, бѣвшемъ **вождѣ** ѣмшымъ Иисѹса [Деян. 1: 16]) – вождИ (ма^ф, чѣ [Евангелие по Матфею, зачало 95] → **Вождѣ** слѣпѣи, оцѣждающѣи комарѣ, велблѹды же пожирѹюще [Мф. 23: 24]) (л. 32), так и к одной из них: И ед.ч. // Р мн.ч. сущ. м.р. губитель – губительЬ (ѡлѣ^м, а [псалом 1] → на сѣдалищи **губитель** не сѣде [Пс. 1: 1]) (л. 32 об.).

Итак, в Буковнице и **КБ** реализован особый тип грамматического описания церковнославянского языка. Его исходная целеустановка – предотвращение искажений канонического текста, а следовательно, стабилизация рукописной традиции, применение иллюстративного (или контекстуального) способа семантизации свидетельствуют о том, что представленная систематизация форм еще полностью не отрывается от текстов. Вместе с тем грамматический словарь характеризуется рядом параметров, имеющих прямые аналоги в современной лексикографической практике, что отражает развитие грамматического подхода к книжному языку: полифункциональность (выполнение информативной, нормативной и дидактической функций), парадигматический принцип организации языкового материала, дефинитивный способ описания грамматической семантики, использование научного аппарата для подачи материала (таблица, ссылка, сокращение и т.д.). Таким образом, можно заключить, что грамматические словари церковнославянского языка демонстрируют становление в кон. XVI – нач. XVII в. научной модели описания языка.

Список литературы

1. Аксенова Е.А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Советское славяноведение. – М., 1981. №1. – С. 66-77.
2. Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 462-464.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение – М.: Русский язык, 1980. – 880 с.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементар. единиц рус. синтаксиса – М.: Наука, 1988. – 439 с.
5. Инь Сюд Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г. // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы. – М.: МАКС. 2016. – С. 89-91.
6. Инь Сюд Буковница 1592 г.: круг источников // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2017. № 3. – С. 344-353.
7. Кузьминова Е.А. Антистих // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 2001. Т. II. – С. 549-553.
8. Кузьминова Е.А. Грамматический сборник 1620-х гг. – AION-SLAVISTICA. Quaderno № 1, 2002. – 282 с.
9. Кузьминова Е.А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. – С. 36-55.
10. Кузьминова Е.А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. – С. 40-50.
11. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Дрофа, 2008. – 703 с.
12. Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь русских причастий: 2500 глаголов, 7500 причастий, образование и употребление причастий–Изд.3-е, испр.–М.: АСТ-Пресс, 2008.–646с.
13. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. – Санкт-Петербург. 1885–1895. Т. I. – С. 289-1023.

10.02.00

М.С. Исаева

Калужский Государственный Университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра французского языка,
mary-410e@yandex.ru

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

В статье анализируются способы достижения перлокутивного эффекта в текстах делового дискурса. Автором анализируются средства воздействия через обращение к логосу, пафосу и этосу реципиента. Выявленные аргументативные тактики проиллюстрированы примерами.

Ключевые слова: лингвориторика, речевое воздействие, деловой дискурс, логос, этос, пафос.

Любое публичное выступление, не зависимо от сферы коммуникации, строится в соответствии с универсальными принципами риторики. Еще Аристотель, изучая теорию публичной речи, выделил три ключевых аспекта риторики: пафос, логос и этос, соотносящиеся, соответственно с эмоциональной (предполагающей обращение к эмоциям), рациональной (предполагающей обращение к разуму) и этической (предполагающей обращение к нормам социума) сферами коммуникантов. [1]

Пафос в публичном выступлении является мощным средством воздействия на аудиторию с целью склонить ее к принятию точки зрения говорящего. Аргументативный потенциал пафоса заключается в вызове тех или иных эмоций, способствующих убеждению.

Этос – это риторическая категория, предполагающая обращение к принятым у аудитории нормам морали, принципам справедливости и честности. Оппоненты могут прибегнуть к цитированию исторических фактов, прецедентов. В современных западных исследованиях (Beebe 2003, Lukas 2001, Verderber 1985) применяется узкая трактовка этоса, в соответствие с которой, этос – это черты ратора, приписанные ему аудиторией.

Апелляция к логосу (с греческого «слово», «мысль», «смысл», «понятие», «число») представляет собой демонстрацию четкой аргументации своей позиции, доказательстве тезисов и четко структурированной речи. В современных исследованиях речевого воздействия логос рассматривается как конвинсивный, логико-рациональный аспект речевого воздействия, в противовес персуазивному (паралогическому) аспекту пафоса и этоса.

Теория речевого воздействия, изучающая способы регулирования деятельности одного человека другим при помощи речевых средств, широко опирается на эти три аспекта риторического воздействия – пафос, логос и этос. [3] Анализ текстов телеконференций корпорации General Motors (далее GM) позволил установить, что в деловом публичном выступлении воздействие на аудиторию также происходит посредством обращения к этим трем аспектам.

Каждому из упомянутых аспектов соответствуют определенные формулы речевого поведения, выработанные и стандартизированные в обществе, и от коммуникантов требуется их соблюдение.

Воздействие через **обращение к логосу** представляет собой обращение к рассудку слушающего.

Перлокутивный эффект в деловой речи достигается следующими аргументативными тактиками:

1) цитирование фактических показателей, указание на ранее доказанные факты, с целью придания речи большей убедительности и достоверности:

And now, I'd like to move to the numbers. First, from a net revenue perspective, we generated \$36.8 billion. We had EBIT-adjusted of \$3.2 billion, EBIT-adjusted margins of 8.7% and EPS-diluted-adjusted of \$1.81. Данный отрывок речи председателя GM М. Барры насыщен терминами и данными статистики и создает образ мощной компании. Этот абзац в речи стратегически размещен перед следующим, в котором говорится о неудаче компании, дабы смягчить впечатление провала.

2) акцентирование внимания на наиболее важных обстоятельствах дела, минимальные отклонения от темы:

I just want to recap for a minute the progress that we've made.

Let me spend a second on just the highlights of the transaction.

3) использование синтаксических конструкций типа *it's obvious that, certainly* и т.д. (тактика создания очевидности), с целью демонстрации глубокого профессионализма говорящего; а также *most of you know, I think we all agree* и т.д. с целью подчеркнуть осведомленность и профессионализм аудитории.

4) опровержение аргументов противоположной стороны в случае их несостоятельности, разъяснения и развернутые ответы на вопросы собеседника;

Обращение к пафосу предполагает воздействие на эмоции аудитории и проявляется в применении следующих аргументативных тактик:

1) тактика консолидации (оппозиция «свой»- «чужие»), например использование слов *мы, вместе мы..., наша компания... we, our, share.*

We в текстах бизнес-конференций представляет руководителя, работающего в команде, и обычно окружено положительным концептами: *we're in a very favorable oil price environment, we've clearly had tailwinds and expect to continue to have tailwinds from both of those factors as we roll into 2016.* Помимо *we* используются слова *team, General Motors leadership team, our team* и т. д.

2) тактика визуализации деталей, применяемая с целью показать перспективы сотрудничества более притягательными. *Obviously, having the perspective of the world's largest technology investor and having SoftBank on our team is a tremendous advantage for us, and we're very excited about that. We also believe that the structure created by this investment will give us an ability to further accelerate our rate of talent acquisition and to bring the best talent in the world on to our team.*

Лексический уровень реализации тактики представлен эпитетом: *tremendous (advantage)*, лексикой со значением «перспективы»: *having the perspective, advantage, accelerate our rate.*

3) тактика эмоционализации деловой речи, явление новое для делового дискурса, но все чаще наблюдаемое исследователями в последнее время в связи с динамичным характером современной деловой речи. В речи она проявляется использованием лексических интенсификаторов и стилистических приемов, таких как:

а) Метафоры – самое распространенное средство языковой выразительности – позволяют упростить восприятие больших объемов материала, конструируя в сознании слушающих привычные образы, а также изменяя и закрепляя смыслы отдельных концептов в зависимости от целей, преследуемых говорящим.

В ходе анализа в речах лидеров GM были обнаружены метафоры со следующими ведущими концептами:

Движение, путешествие: *major macro drivers in the business, we've clearly had tailwinds; we roll into 2016; we're part of driving this change; we haven't seen a path to an acceptable long-term return; we look out to the medium to longer term horizon; create a world; journey that we're on* и т. д.

Корпорация GM пережила серьезный кризис, для выхода из которого руководителями было принято решение о трансформации компании. Обилие метафор с компонентом «движение» объясняется нацеленностью на перемены. Будучи связанным с профессиональной деятельностью говорящего и слушающих, данный вид метафоры активизируется в рамках двусторонней деловой коммуникации и опирается на

экстралингвистические качества аудитории (профессия).

Индустрия как человек: *the automotive cycle is maturing; This industry has a reputation.* Перенос характеристик, свойственных человеку на сферу производства, и, соответственно, демонстрируя ее как живое существо, имеющее слабые и сильные стороны, говорящий убеждает аудиторию более снисходительно относиться к неудачам компании. Подобная «забота» и выход за рамки деловой заинтересованности, отношение к индустрии как к ребенку, является проявлением самопрезентационной тактики ценностной ориентации.

Строительство и садоводство (культивация): *building on some themes we have grown in places where we see great long-term returns; those architectures will form the foundation of our business.* Использование метафор данного типа также демонстрирует тактику ценностной ориентации и соотносится с одной из традиционных пуританских ценностей американского общества – значимостью тяжелого труда и стремлением к самосовершенствованию.

Военные: *we are being at the forefront; we have deployed tools in the business.* Лексика со значением военных действий и противодействия внешней агрессии имеет целью призыв к объединению, а также демонстрирует решительность говорящего, готовность к возможным разрушительным последствиям.

Излечение от болезни: *we've implanted these tools over the last several years.* Медицинские метафоры с компонентом «излечение» помогают говорящему доступно объяснить экономическую ситуацию.

б) Повторы, усиливающие необходимое впечатление и помогающие заострить внимание аудитории на какой-либо части речи, делают выступление более убедительным. Данный стилистический прием используется именно в текстах речевоздействующего характера, так как подчеркивает важность идеи, освещаемой в абзаце, побуждает аудиторию к активному слушанию. Повторы чаще всего свойственны разговорной речи, использование их в деловой коммуникации приводит к впечатлению сбивчивости речи, что в свою очередь свидетельствует об эмоциональности говорящего и, соответственно, искренности его обещаний.

And between that time and now, the core tenant of our purchase of this work has been about our ability to have a very high rate of development and a very high rate of iteration as we develop this technology and prepare to bring it to market. And what that's been enabled by is the very unique construct that we have of having all of this capability under one roof between the software expertise and development on the Cruise team, all of the vehicle side, engineering and knowhow and integration and validation on the GM side.

Многочисленные повторы союза *and* в данном отрывке призваны подчеркнуть равную логически-эмоциональную важность сочлененных перечислений, выделить каждый факт перечисляемого, а также, вкупе с быстрым темпом речи призваны удержать внимание слушателя.

в) Градации

And we believe that this transaction, this investment, this partnership, will only accelerate our ability to bring the best talent to bear on the opportunity.

Усиление эмоционального компонента от наименее эмоционального *transaction* как *an instance of buying or selling something* к *investment* как *the action of investing money for profit* и, наконец, к *partnership* (*a form of business where two or more people share ownership, as well as the responsibility for managing the company and the income or losses the business generates*).

Воздействие через **обращение к этосу** аудитории делового общения представляет собой отсылку к историческим фактам (фактам истории компании, истории сотрудничества), референцию на нормы морали и нравственности. Обращение к этосу реализуется в так называемых топосах. Топосы являются оценочными суждениями, имеющими статус общепринятого мнения. Топосы деловой речи являются гарантией уместности тех или иных концептов для аудитории.

Топосы играют роль эмоционального усиления воздействующего потенциала довода и положений деловой аргументации и служат отправной точкой аргументации. Грамотно установленные при подготовке к выступлению топосы служат залогом успеха аргументации. [2] Анализ деловых речей позволил выявить следующие виды топосов:

- прагматический топос (положение, которое будет воспринято аудиторией как выгодное и полезное):

The second dimension of impact, we can have after saving a lot of lives, is that we can actually create time for people. People spend a huge amount of time traveling in cars, a huge amount of time behind the wheel. And we can free their time up and release the opportunity cost of their time that people spend driving their vehicles and allow them here to do other things with that time. In addition, all of that traffic and congestion causes a huge cost to the economy. We estimate roughly globally, the global economy loses about trillion dollars a year and loss productivity from people and goods being stuck in traffic. And if we can start to release some of that there is a huge benefit to the world as well.

Прагматический топос используется, чтобы доказать, что в свете обсуждаемого вопроса говорящий придает значимость перспективе непосредственной выгоды адресата, в данном случае – тот факт, что запуск в массовое производство беспилотных автомобилей решает проблему безопасности и времени, а также выгоден для мировой экономики.

- интеллектуальный топос (апелляция к мастерству, авторитету)

Lastly building on the themes that Mark talked about, we believe that all AVs must be EVs and we believe that for a numbers of reasons. Firstly that this is probably the most impactful way that we can get electrification, electric vehicle miles ramped up as fast as possible. By deploying electrical autonomous vehicles with high utilization, we will start to run-up very quickly the number of electrified miles that have been travel. In addition from an engineering point of view, it's much easier to integrate your AV technology into an EV than into a regular or hybrid vehicle.

Интеллектуальный топос призван установить и поддержать контакт с собеседником, продемонстрировать осведомленность и опыт говорящего.

- эмоциональный топос (какая информация не оставит аудиторию равнодушной)

Every year in the United States, this year in the United States nearly 40,000 people are going to lose their lives on our roads. More than 2 million people will be injured; globally the number is 1.2 million in terms of the number of fatalities on the world's roads this year. 90, nearly 95% of all of those injuries and fatalities are caused by human error, and as good a drivers as human are -- as humans are there is still this huge human cost that's been exacted. And we believe that we can solve over time a very significant portion of that with AV technology. So AV will literally change an impact people's lives.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет говорить о наличии разнообразных способов воздействия на адресата делового дискурса через обращение к логосу, пафосу и этосу.

Список литературы

1. *Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*/ Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
2. *Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики* / Н. А. Безменова. – М., 1991. – 215с.
3. *Васильев Л. Г., Котелевская Э. И. Любовный дискурс и топология* // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. №2.
4. *Stock market Insights & financial analysis, including free earnings call transcripts, investment ideas and ETF & stock research written by finance experts* [Электронный ресурс] – URL: <https://seekingalpha.com> (дата обращения 9. 10.2018)

10.02.00

А.В. Канеева канд. филол. наук, Л.А. Бережнова

Донской государственный технический университет,
Социально-гуманитарный факультет,
кафедра «Мировые языки и культуры»,
Ростов-на-Дону, m_apna7@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ

В работе проанализированы лингвокультурологические процессы переосмысления при переводе названия фильмов. Выделены основные переводческие трансформации, которые используются при лингвокультурологическом переосмыслении при переводе названий фильмов.

Ключевые слова: *переводческие трансформации, лингвокультурологическое отражение.*

Переплетение и взаимовлияние языка и культуры неоднократно подчеркивались лингвистами и культурологами на самых разных уровнях и в самых разных ситуациях. В теории и практике перевода это нашло отражение в проблеме переводимости. Развитие и улучшение практики перевода со всей очевидностью и однозначностью позволили поставить вопрос о возможности полноценного и однозначного перевода.

В процессе перевода переводчик должен нейтрализовать лингвоэтнический барьер и предотвратить нарушение смыслового восприятия, не допустив национально-культурной ассимиляции перевода. Для успешного выполнения перевода необходимо владеть определенным набором переводческих модификаций и трансформаций, пониманием лингвокультурной специфики языка, с которого переводят и языка, на который переводят, а также навыком отражения и реализации различий лингвокультурных составляющих языков [1, с. 21].

Переводчик не просто трансформирует текст одного языка в текст на другом языке. Он должен владеть спектром лингвокультурных особенностей языка, при столкновении с различным отображением лингвокультурной реальности предлагать соответствующие языку идеи, понятные по смыслу принимающей стороне.

Использование разнообразного спектра приемов и возможностей отражает уровень, компетентность, грамотность, профессионализм переводчика, но также степень его погруженности в проблему, литературный талант, умение внятно доносить не только свои мысли, но и мысли автора переводимого текста. Когда речь идет о переводе статей, романов, любых крупных текстов переводчик задействует один арсенал, средства и навыки [3]. Очевидно, что при переводе такого короткого текста как заголовок фильма, ситуация и требования совершенно отличны.

Само по себе название фильма имеет огромное значение для выражения основной идеи создателей. Перевод названия требует глубокого знания лингвокультурных особенностей языка-источника, а также понимание исходной задачи создателей фильма и соответствующего подбора эквивалента сопоставимого по значению, тону основному названию.

В ходе исследования были сопоставлены названия 100 английских и французских названий фильмов и их переводы на русский язык.

Первым и самым простым видом перевода являются однозначные эквиваленты. Например, «Banlieue 13» («13-й район»), «Star Wars» – «Звездные войны».

Далее идут вариантные соответствия, когда переводчик из множества значений выбирает одно, которое отражает идею фильма. Например, «The ring»-«Звонок», ««Life» - «Живое».

Третьим и самым распространенным видом являются трансформации, то есть межкузыковые преобразования, которые требуют перестройки на грамматическом, текстовом или лексическом уровнях. Анализ позволил выделить следующие типы:

1. Грамматические трансформации.

а) морфологические трансформации.

Например, в названии французского фильма «*Ne touchez pas la hache*» глагол стоит в повелительном наклонении 2-го лица множественного числа, в русском переводе «Не трогай топор» глагол стоит также в повелительном наклонении 2-го лица, но единственного числа. Данный приём позволяет усилить эффект прямого воздействия лично на зрителя

б) синтаксические трансформации.

Например, французское название фильма «*Laisse aller, c'est une valse*», является сложным предложением, русский же перевод «Пусть звучит этот вальс» - представляет собой уже простое предложение.

2. Лексические трансформации.

Например, лексическое развёртывание, когда слово в исходном языке переводится подходящим словосочетанием: «*Le bruit des glaçons*» («Шорох кубиков льда»).

3. Трансформации на стилистическом уровне.

Например, «*Mes Copines*» (буквальный перевод – «Мои подружки») переводчик радикально изменил на – «Девочки сверху: Французский поцелуй». Название фильма приобрело вульгарный оттенок, что было сделано в целях привлечения большего количества целевой для фильма аудитории – молодёжи.

4. Трансформации на прагматическом уровне. Можно выделить следующие подтипы:

а) интерпретирующий, поясняющий перевод, например, дословный перевод «*La tourneuse de pages*» - буквальный перевод «Перевоорачивательница страниц». Но в русском языке нет такой профессии и само словосочетание крайне неблагозвучно для русского языка. Для создания адекватного эквивалента переводчик выбрал название «Ассистентка», используя поясняющий, интерпретирующий перевод, тем самым дав зрителям полное представление о роде деятельности главной героини.

б) замены и компенсации

Ярким примером является всем известный фильм «В джазе только девушки», который в оригинале называется «*Some Like it Hot*». Очевидное лингвокультурное переосмысление здесь связано с желанием уйти от сексуального подтекста, который неприемлем как для советской традиции, так и для русской культуры в целом.

5. Модификация значения.

Наиболее употребительным переводческим приёмом, используемым для передачи названий кинофильмов, является модификация значения, когда переводчик предлагает понятный русский вариант, который крайне далек от оригинального названия. «Например, фильм «*Lock, Stock and Two Smoking Barrels*» в российском кинематографе был переведён, как «Карты, деньги, два ствола». Однако, фраза «*we lost everything: lock, stock and barrel*» в английском языке переводится, как «мы проиграли всё подчистую» (что и произошло с героями фильма). В данном случае при переводе удалось сохранить синтаксическую структуру самого названия и сделать его хлёстким, ярким и эмоционально насыщенным, используя при переводе одновременно синтаксическую трансформацию и прием замены и компенсации, а также успешно сохранив основную идею и названия и самого фильма.

6. Экстралингвистические трансформации.

Французский фильм «*Les intouchables*» перевели также с полной заменой «1+1», очевидно, чтобы избежать путаницы с уже существующим фильмом «*The intouchables*» - «Неприкосаемые» Мартина Скорсезе.

7. Приём усложнения.

Используя этот прием кинолента «*Hitch*» была «Правила съёма: Метод Хитча». Оригинальное название «*Hitch*» является фамилией главного героя, но это не просто случайный выбор. Одно из значений глагола «*hitch*» - «жениться» [4, с.351].

8. Семантический перевод.

Это способ, который с помощью изменения или добавления лексических элементов изменяет семантическое поле названия. Оригинальное название фильма в жанре комедия: «Lemony Snicket's Series of Unfortunate Events» может быть переведено дословно «Лемони Сникет: серия несчастных случаев». В официальном прокате фильм имел название «Лемони Сникет: 33 несчастья», что, безусловно, отражает лингвокультурные особенности русского языка. Очевидно, что эта цифра в русском менталитете символически обозначает «множество, несчетное количество», в русских сказках упоминаются 33 богатыря с дядькой Черномором, Илья Муромец сидел на печи с хворью 30 лет и 3 года.

7. Жанровый перевод.

При использовании жанрового перевода название часто не имеет ничего общего с оригиналом и используется, чтобы соотнести переведенное название с конкретным жанром [4]. Детектив под названием «City by the Sea» был преобразован в русском переводе в «Последнее дело ЛЯ-Марки», что однозначно дает зрителю понять, что речь пойдет о детективе или полицейской истории.

Процентное соотношение популярности видов перевода выглядит следующим образом:

1. Однозначный эквивалент	15%
2. Вариантное соответствие	39%
3. Трансформации	46%

Такое процентное соотношение подтверждает, что, как правило, при переводе названий фильмов очень редко возможно сохранить абсолютное соответствие или подобрать однозначный эквивалент. В название фильма вложено краткое содержание, отношение создателя, элементы игры, связанные с сюжетом, языковыми возможностями и фантазией автора, а также важная лингвокультурологическая составляющая. Для полноценного и качественного перевода необходимо учитывать все эти элементы. Можно констатировать, что однозначных рецептов для переводчика не существует, а лингвокультурологическое переосмысление играет ведущую роль.

Список литературы

1. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. с. 17-87., 21 с.
2. Мигдаль И.Ю. Сохранение семантического потенциала имени собственного при переводе художественного текста // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сборник научных статей: в 2 ч. – Москва: РУДН, 2014. – Ч. 1. – С. 617-626.
3. Мигдаль И.Ю. Лингвокультурологический потенциал антропонимов вторичной номинации в рамках художественного текста // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2015. - № 3(11). – С. 68- 77.
4. Мюллер В. Большой англо-русский словарь в новой редакции. М.: Цитадель-трейд: РИПОЛ КЛАССИК: Дом.ХХI век: Лада,2008.- 832 с.

10.02.19

Е.О. Кондратьева, П.П. Дашинимаева д-р филол. наук

Бурятский государственный университет,
Институт филологии и массовых коммуникаций,
кафедра перевода и межкультурной коммуникации,
Улан-Удэ, yelenaivankina@gmail.com, pdash@bsu.ru

МЕТОД ЛОГОГРАММ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФОРМАЛЬНО-ЛИНЕЙНОГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ

В настоящей статье представлено обоснование термина «логограмма», применяемого автором при описании алгоритма работы с пунктограммой текста на определенных этапах переводческого процесса в рамках принятой психолингвистической модели перевода. Необходимость введения указанного термина объясняется с позиций логики и организации мышления и логических категорий, особенностей индивидуального семиозиса переводчика и теории индивидуального переводческого преломления.

Ключевые слова: *организация мышления, логические категории, семиозис, перевод, модель перевода, переводческое преломление, рефракция, пунктуация.*

Введение

В работе посредничества в межкультурной коммуникации невозможно обходиться без опоры на ту или иную современную модель перевода. На наш взгляд, психолингвистический подход по определению обеспечивает атомарный взгляд на семиотический процесс, в связи с чем в качестве исходного алгоритма нами выбрана психолингвистическая модель перевода значимости (ПЛМПЗ) [4]. Мы решили дополнить эту модель алгоритмом работы с пунктуационными знаками, т. е. в некоторой степени конкретизировать ее реализацию на одном из языковых уровней.

При объяснении алгоритма работы с пунктуацией при переводе в рамках принятой нами модели, а именно на этапах определения искусственной значимости-1, формирования искусственной прагматической версии-2 и ее вербализации средствами ПЯ, мы вводим в научный оборот термин *логограмма* в отличном от омонимичного понятия значения. Далее попытаемся пояснить мотивацию внедрения термина в иное функциональное назначение, трактовку его новой семантики и предложение по его использованию.

Теоретические предпосылки

Традиционно перевод описывался с точки зрения производства целевого текста как результата переводческого процесса. Это же относится к анализу переводческих ошибок различного характера. Мы же ставим перед собой задачу понять и обосновать источник неправильной формы как результата переводческой ошибки. По нашему мнению, его следует искать еще на этапе индивидуального восприятия исходного сообщения переводчиком.

Думается, что сегодня никто не оспаривает аксиому о том, что наша связь с предметами внешнего мира не носит прямой референциальный характер: «мы мыслим их, создаем о них представления... Мы видим вещи с помощью идей о вещах» [7, с. 246]. Воспринимая сигнал извне, мы формируем вокруг него собственную значимость исходя из личных ассоциативных образов и манифестируем эту значимость в соответствующем знаке адресату, у которого обсуждаемый объект вызывает нетождественную значимость. У одного реципиента при сигнале дерево возникнет образ березы перед домом, у другого – сосны на холме, а третий при слове дерево подумает о материале для изготовления мебели.

В случае с переводом количество таких преломлений увеличивается: исходная мысль проходит не только через вербальное овнешнение автором, но и через сознание переводчика – его восприятие и дальнейшую передачу своей аудитории (см., например, о преломлении поэтичности оригинала у Н. В. Шутёмовой: [9]).

Исследования в области психонейрофизиологии доказывают, что процесс семиозиса осуществляется как на внешнем, так и внутреннем уровне. Существуют внутренние и внешние формы мышления. Внутренними формами выступают логические категории. На их основе происходит синтез представлений, затем преобразуемых в понятия. Внешними же формами являются языковые выражения мысли в суждениях, высказываниях и т. д. [3, с. 11].

Поскольку можно говорить о внешней и внутренней формах мышления, постольку можно говорить о разных уровнях преломления – *формально-линейном* и *логико-вертикальном*. Так, отрицательную интерференцию, манифестирующуюся в том числе в виде пунктуационных ошибок, можно понимать как внешнее проявление, или овнешненный, вербализованный результат неудачного преломления. (Для сравнения можно привести мысль А. Лефевра о том, что преломление, помимо прочего, есть неправильное понимание, ошибочное восприятие источника [по 8, с. 18]). Преломление, в свою очередь, является глубинным процессом, происходящим в сознании переводчика при восприятии исходного текста.

Для того чтобы отчетливо представлять место и роль логико-вертикального преломления в порождении речи, далее обращаемся к модели, В. Левелта. Он выделяет два этапа планирования довербального сообщения в концептуализаторе – макро- и микропланирование [12]. На этапе макропланирования говорящий разрабатывает коммуникативное намерение как последовательность подцелей и производит отбор информации для воспроизведения в речи. Микропланирование связано с последующим формированием сообщения согласно формату, требуемому довербальным сообщением. После процесса концептуализации довербальное сообщение переходит в формулировщик, где будет происходить его грамматико-фонологическое кодирование. Одним из условий микропланирования в формулировщике является распознавание требований конкретного языка. Здесь важно отметить, что говорящий не создает высказывание из ниоткуда, а полагается на усвоенные им универсальные синтаксические фреймы, запоминаемые вне зависимости от лексического наполнения [12; 10].

Именно на уровне концептуализатора, т.е. на этапе производства довербального сообщения, и происходит отрицательная интерференция, как утверждают М. Х. Дэллер, Дж. Трефферс-Дэллер и Р. Ферман [10]. Это значит, что переводчик не прошел этап релевантного – логико-вертикального – преломления, не оперировал такими категориями, как логика изложения и смыслоконструирование, а сразу перешел к поиску формальных средств их выражения. Преломление обязательно сопровождает восприятие оригинального текста, но его необходимо контролировать, направлять. Таким образом, мы рекомендуем переводчику учиться отводить свое восприятие от формально-линейного преломления текста в сторону логико-вертикального преломления, что подразумевает нацеленность на постижение смысла высказывания и пронесение воспринятого смысла через языковую среду, где этот смысл преломляется в другом языковом выражении, но не видоизменяется: изменяется лишь его внешнее выражение.

В процессе своей работы переводчик должен учиться организовывать свое мышление в целом, пытаясь «подстроить» его под (предполагаемые) идеи и замысел адресанта, в то же время оглядываясь на (прогнозируемые) особенности восприятия адресата. Если переложить вышеизложенные идеи на пунктуационное оформление, которые мы считаем полноправными составляющими текста, отражающего замысел адресанта, можно сказать, что переводчику необходимо не просто знание свода пунктуационных правил, которое он должен «подключать» на этапе микропланирования. Чтобы правильно распознавать значение и функцию того или иного пунктуационного знака в данном контексте и уметь правильно «перевести» его на ПЯ, переводчик должен направленнo работать с пунктуацией на этапе макропланирования. Это предполагает умение видеть логику как всего текста, так и составляющих его фрагментов, в том числе и на уровне предложений, равно как и умение распознать, когда знак препинания употреблен в иной функции – экспрессивной, просодической, стилеобразующей и т. д. В этом и заключается логико-вертикальное преломление пунктограммы исходного текста.

Известно, что мыслить – значит устанавливать связи. Связывать – значит синтезировать, т. е. связывать предшествование и следование, начало, середину и конец, часть и целое. Синтез есть акт продуктивного воображения. Единство синтезу дает рассудок в форме той или иной категории. Категория есть «единство действия как таковое», не зависимое от чувственного содержания [3, с. 17]. Говоря о категориях как об априорных понятиях, И. Кант отмечает, что опыт возможен только посредством категорий как априорных условий, например, возможности мышления. Он полагает, что категории «врождены» человеческому уму; «рассудок не черпает их из опыта – напротив, он организует опыт по уже имеющимся категориям» [Там же, с. 122-123]. Таким образом, оперирование на ментальном уровне – это оперирование логическими категориями. Эти универсальные категории далее получают вербальную манифестацию, не всегда в мотивированных, порой в конвенциональных, знаках.

Среди рассмотренных И. Кантом логических категорий мы выделяем категорию отношения (присущность и самостоятельность, причина и действие, общность/взаимодействие между действующим и страдательным) как представляющую наибольший интерес в рамках принятой эпистемы. Сам И. Кант выделяет категорию отношения как первенствующую и вбирающую в себя все остальные, как категорию по преимуществу, поскольку любое суждение так или иначе выражает отношение [Там же, с. 146-147].

Иллюстрацией логики И. Канта может служить любое предложение – четко артикулированная, имеющая свою внутреннюю организацию структура [1, с. 60]. Переводчику необходимо учиться видеть внутреннюю организацию как продукт логики предложения, уметь правильно распознавать установленные между его компонентами связи и отношения. Помимо прочего эти связи и отношения отражает пунктуационное оформление текста.

Далее переводчик должен учитывать интерферирующий потенциал текста на уровне его пунктуационного оформления и прибегать к тому, что Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне называли свободными модуляциями – поиску «индивидуальных переводческих решений», подчиненному «определенным закономерностям логико-семантических отношений между понятиями» [по 2, с. 383]. В идеале со временем у переводчика должен сформироваться некий базовый набор таких решений, частотных готовых коррелятов, применимых к отдельно взятым типовым ситуациям, т. е. типовым логическим структурам предложений, фрагментов текста.

Составить подобный набор решений можно, в том числе применяя метод логограммы при пунктуировании переводного текста, о котором пойдет речь в следующем разделе.

Метод логограммы и его место в алгоритме пунктуирования перевода

Принцип мультидисциплинарности, приветствуемый (а нередко и необходимый) в современной науке, диктует нам свои правила, в том числе вынуждает все чаще обращаться к уже существующим в других областях науки терминам, присваивая им новые значения на основании уже имеющихся. Происходит функциональная перезагрузка терминологии: «аренда» термина в нашем случае вызвана методологической необходимостью. Так, в лингвистике удачно прижился взятый из физики термин *интерференция*, чье исходное значение, взятое за основу, было переосмыслено с точки зрения языка с сохранением основной идеи – образование помех, искажений при столкновении двух волн (в лингвистике – двух и более языков). Предложенный А. Лефевром термин *refraction* (у Н. В. Шутёмовой – *преломление*) тоже явно взят из физики [по 8]. В отличие от названных случаев мы не производим прямое заимствование существующего термина; новая «загрузка» ведет к омонимии терминов.

В «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева дается следующее определение термина *логограмма*: «в словесно-слоговых письменностях: знак, обозначающий целое слово или его основу» [6]. Примерами логограмм служат китайские иероглифы, иероглифика древнеегипетского языка. При этом этимологически слово восходит к двум корням: *logos* –

«слово» и *gramma* – «знак, запись» [Там же]. Предлагаемое нами понятие имеет мало общего с вышеозначенным термином как внешне (этимологически), так и по содержанию. В первую очередь, обратимся к этимологии предлагаемого нами термина: в отличие от термина *логограмма* в смысле «иероглифа», «идеограммы», *логограмма* в смысле «логической программы предложения» образована от слова *логика* и греческого *gramma* – «знак, запись».

Как известно, функциональная перезагрузка ярлыков существующих понятий изучается в рамках семиургии (знакотворчества). М. Эпштейн отмечает, что создание новых знаков способствует лучшему выражению мысли, «создает новые возможности самовыражения» [11, с. 26]. В нашем случае введение термина *логограмма* обусловлено пониманием логико-организующего предназначения пунктуационного оформления текста и учетом этих функций при переводе. Следовательно, под *логограммой* мы понимаем некую *схему отношений между компонентами высказывания, выражающую его логическую структуру и выступающую антецедентом пунктограммы как формального выражения такой структуры*.

Для внедрения данного понятия-эпистемы в алгоритм пунктуирования на основе ПЛМПЗ нами разработан приблизительный инструментарий, основанный на принятых схематических обозначениях предложений, используемых при обучении пунктуации в школе.

Так, логограмма вида

(1) [(пространственное ограничение {характеристика ограничения}) предикативное ядро-1] или [предикативное ядро-2]

может быть реализована следующей пунктограммой в русскоязычном тексте:

(1а) [(пространственное ограничение, {характеристика ограничения – предикативное ядро-3}), предикативное ядро-1], или [предикативное ядро-2].

т. е., оперируя школьным инструментарием, схему такого предложения можно было бы представить так:

(1б) [-...-, (- =), – =], или [– =].

Отличие русскоязычной пунктограммы от англоязычной может состоять в том, что характеристика ограничения не будет отделяться запятой:

(1в) [(пространственное ограничение {характеристика ограничения – предикативное ядро-3}) предикативное ядро-1], или [предикативное ядро-2].

Разные виды скобок при этом отражают иерархию подчиненности компонентов высказывания: «[]» — ядро первого порядка, «()» — ядро второго порядка и «{}» — ядро третьего порядка. Так, предикативные ядра 1 и 2 являются равнозначными, тогда как компонент ограничения входит в состав первой части высказывания, а характеристика ограничения, соответственно, является элементом самого ограничения.

Применение инструментария логограмм настраивает переводчика рассматривать пунктограмму высказывания только как отправную точку для декодирования и интерпретации логических связей, отношений между его компонентами, которые он затем должен отразить в тексте перевода в соответствии с принятыми в языке перевода конвенциями, а не с использованной в оригинале пунктограммой. Следовательно, такой подход помогает преодолевать конвергенцию пунктуационных систем в сознании переводчика и уйти от формально-линейного преломления пунктограммы оригинала.

Список литературы

1. *Витгенштейн, Л.* Tractatus Logico-Philosophicus (с параллельными комментариями В. Руднева). // Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 14-221.
2. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: Учебник. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
3. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление [Текст]: в 3 ч. Ч.1: Субъективная основа возникновения и развития мысли. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 274 с.
4. *Дашининаева П. П.* Психолингвистическая модель перевода значимости // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2017. № 3. С. 188–192.
5. *Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. М. : Чоро, 1994. 741 с.
6. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-203.htm#zag-1283> (дата обращения: 30.05.2018).
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера; Сост. В. Е. Багно. М.: Искусство, 1991. 588 с. (История эстетики в памятниках и документах).
8. *Фефелов А. Ф.* Этносемантические свойства культурной среды: рефракция и адаптация // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 3. С. 15–33.
9. *Шутёмова Н. В.* Типы поэтического перевода // Вестн. Перм. ун-та. Серия: Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17), С. 60–66.
10. *Daller M. H., Treffers-Daller J., Furman R.* Transfer of conceptualization patterns in bilinguals: The construal of motion events in Turkish and German // Bilingualism: Language and Cognition. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. Volume 14 (1). PP. 95-119.
11. *Epstein M.* Semiurgy: from language analysis to language synthesis // Russian Journal of Communication. 2008, № 1. P. 24-41.
12. *Levelt W. J. M.* Speaking: From Intention to Articulation. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2008.8. 567 с.

10.02.00

**Е.Г. Котова канд. педагог. наук, Е.А. Линева канд. филол. наук,
О.Н. Поддубская канд. педагог. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
Факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, kotova070809@yandex.ru, ealinea@mail.ru, olgapoddubskaya@mail.ru

ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Статья посвящена рассмотрению приёмов перевода лингвокультурологической метафоры. Особое внимание уделено переводческим стратегиям передачи культурной составляющей текста-оригинала. Адекватно подобранные приёмы и способы перевода позволяют воссоздать и сохранить стилистический эффект исходного текста.

Ключевые слова: *метафора, метафорический образ, переводческие стратегии.*

Являясь частью фоновых знаний, метафоры представляют собой значительный интерес при исследовании взаимодействия языка и культуры, так как за каждым образно-мотивированным словом или сочетанием слов закреплены определенные культурные коннотации. Представляя собой универсальное явление, метафора присуща всем языкам. Выполняя функцию пополнения языкового инвентаря и создавая языковую картину мира, метафора способна отображать национально-культурные особенности коммуникативной деятельности носителей языка.

Оперируя образно-ассоциативным богатством, представитель любого этноса стремится сохранить яркость и самобытность своей культуры, её индивидуальность. Метафора как средство языковой экспрессии, представляет определенные трудности для переводчиков, особенно начинающих. На степень распознавания метафорического смысла высказывания и как следствие, невозможность в некоторых случаях применения прямого перевода метафоры, как правило, влияют следующие факторы:

- 1) различия языков, культур и системы ценностей представителей разных национальностей;
- 2) отсутствие адекватного эквивалента в переводящем языке.

Как бы парадоксальным не казалось, но, чем лучше и гениальнее автор звучит в оригинале, чем больше он заслуживает признания в своей языковой среде, тем менее удачно передаётся на другой язык замысел им сказанного или написанного. Соотнесённость метафоры с индивидуальным уровнем языковой способности и объясняет роль в ней человеческого фактора. Своей гениальностью автор, как правило, обязан особой неуловимой эфемерной дымке, присущей каждому языку, и затрагивающей глубинные струны души любого народа.

Иногда попытка трансплантации ассоциативно-окрашенного образа из одной языковой среды в другую заканчивается непониманием или отторжением, что в большинстве случаев чревато неприятием всего остального творчества автора, независимо от его таланта и уровня владения мастерством художественного слова.

Благодаря языковой компетенции переводчика, процесс узнавания и распознавания метафоры и интерпретация текста в целом, может протекать с точной или максимально приближённой к оригиналу передачей национального колорита речи носителя языка. Для передачи метафоричности текста требуется проведение тщательного анализа, как авторских языковых средств, так и композиционной структуры всего произведения в целом. В соответствии с «законом сохранения метафоры» метафорический образ должен по возможности сохраняться при переводе. Несоблюдение этого закона приводит к тому, что смысл фразы изменяется, а её эстетический и прагматический эффект снижается [1].

Выбор приёма для безболезненного перевода метафорических выражений на другой язык имеет первостепенное значение. Но прежде чем о них говорить, необходимо отметить, что метафора как троп многогранна, и выбор приёма перевода находится в прямой зависимости от типа метафоры. Гальперин И.Р. в своей работе «Очерки по стилистике английского языка» [2] в зависимости от структуры различает простые и развёрнутые метафоры.

Простые метафоры построены на актуализации одного или нескольких признаков, которые являются общими для создания единого образа, и поэтому не представляют особых трудностей при переводе. Развёрнутые метафоры (*prolonged or sustained metaphors*) «не ограничиваются одним образом, а реализуют несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым словом» [2, с. 126]. Развернутые метафоры высоко поэтичны и довольно часто встречаются у символистов, где созданный художественный образ отличается многозначностью и соответственно неоднозначной интерпретацией.

Лингвокультурологическая метафора в поэтике символизма это не просто троп. Это своего рода способ моделирования культурного пространства с использованием коммуникативных систем и знаков, используемых в актах общения того или иного народа, что вызывает определённый интерес филологов в плане рассмотрения природы знаков, которыми носитель языка пользуется для понимания вещей или для передачи своего знания другим поколениям. Так, например, в англоязычной литературе символизм представлен творчеством ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса (1865-1939), который приложил много сил для популяризации ирландской национальной культуры, литературы, основанной на народных традициях и возрождения гаэльского языка в целом. Ранние произведения Йейтса проникнуты мотивами кельтского фольклора и представляют определенную трудность для переводчика благодаря своей культурной окрашенности, но, в то же время, вызывают несомненный интерес для читателя в плане познания национальной культуры народа «Зелёного острова».

В данной статье текст поэтических произведений рассматривается нами как хранитель культуры. Язык же со всеми стилистически-маркированными средствами является лишь механизмом, способствующим кодированию и ретрансляции культуры, ибо он пронизан большим количеством культурных кодов. Что касается культурно специфичной лексики, то следует сказать, что являясь воплощением ярких и оригинальных образов, она требует выбора правильной стратегии перевода, что находит своё выражение в применении переводчиком ряда приёмов. Так, профессор Университета графства Суррей (Великобритания), выдающийся переводчик-практик Питер Ньюмарк в своей работе «Перевод метафор» («*A Textbook of Translation*») выделяет ряд приёмов, с помощью которых переводчики обычно передают метафору в художественном тексте, а именно:

1. происходит сохранение метафорического образа, в случае если он понятен и близок для носителей другого языка;

2. оригинальная метафора заменяется метафорой-эквивалентом;

3. метафора переводится сравнением;

4. метафорический образ сохраняется с добавлением поясняющей информации;

5. метафора переводится перефразированием [3].

Сохранение метафорического образа с помощью дословного перевода происходит в том случае, если в исходном и переводящем языке совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения культурологической информации, употребленные в данной метафоре.

Замена метафоры исходного языка эквивалентом переводящего языка применяется в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между двумя языками. Суть данного приема состоит в подборе эквивалентов данной исходной метафоры в языке перевода.

Иногда элементы метафоры исходного языка могут опускаться, т.е. существующая в оригинальном тексте, она полностью отсутствует в языке перевода.

Метафора переводится сравнением в том случае, когда требуется замена или структурное преобразование исходной метафоры, но по характеру передаваемой информации исходный образ необходимо сохранить.

Метафорический образ сохраняется, но требуется добавление поясняющего комментария, например, лингвострановедческого, который является не столько желательным для читателя, сколько обязательным.

Замена метафор буквальным перефразированием должна происходить с учётом того факта, что граница между буквальными и метафорическими выражениями подвижна и находится в зависимости от контекста.

В заключении отметим, что ни одно художественное произведение немислимо без выразительной силы метафоры и её разнообразных видов с точки зрения структуры, семантики, стилистического ранжирования и реализации прагматической установки автора. И чем больший культурный потенциал несёт в себе метафора, тем больше её лингвокультурологическая ценность. Переводчику остаётся лишь подобрать адекватные приёмы и способы перевода для воссоздания и сохранения стилистического эффекта исходного текста.

Список литературы

1. Андреева Е.П. Способы перевода метафоры с английского языка на русский. - [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2014/C89/V1/014.pdf> (дата обращения: 09.10.2018).
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Издательство литературы на иностранных языках. М., 1958. – 459 с.
3. Казакова И.В. Проблемы перевода метафоры (на материале современной английской поэзии) // Молодой ученый. - 2015. - №14 С. 591-593. - [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/94/21177/> (дата обращения: 20.10.2018).

10.02.00

Е.К. Кузьмина канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
кафедра романской филологии,
Казань, lenysinka@yandex.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ АДМИРАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Выделение адмиративности как самостоятельной категории произошло сравнительно недавно – в конце 20 века. До сих пор некоторые исследователи не признают независимый характер адмиратива. Однако, в последнее время все более заметна тенденция признания отдельной роли адмиративности и указания на то, что выражение удивления, вызванного неожиданной информацией, не может быть объединено со схожими значениями. Вместе с тем, способы и степень выражения адмиративности в различных языковых системах значительно разнятся.

Ключевые слова: язык, культура, знания, адмиративность, межкультурная коммуникация.

Появление такой грамматической категории, как адмиративность и термина «адмиратив» относится ко второй половине 19 века. В 1879 году О. Дозон ввел данный термин в своих трудах по албанскому языку. Выбор подобного названия (фр. *admiratif* – происходит от глагола «восхищаться») обусловлен тем, что лингвист трактовал понятие, как некое определенное чувство восхищения или удивления, зачастую носящее ироничный характер. Дальнейшее развитие данного направления показало, что адмиратив имеет значение скорее удивления, нежели восхищения. В связи с этим в 1997 году исследователь С. де Ланси впервые выделил данное понятие в отдельную грамматическую категорию. Исследователь обосновывает это тем, что в ряде языков, таких как корейский, турецкий, тибетский, дардский, санвар и др., адмиратив имеет отдельное грамматическое выражение. Определение адмиративности как отдельного лингвистического явления, обладающего рядом специфических особенностей, до сих пор представляет предмет спора исследователей. Характеристики и отличительные черты адмиративности, позволяющие отделить ее от иных схожих категорий будут рассмотрены далее в работе [3, с.140].

В своих трудах С. де Ланси использует термин «миратив», тем самым исключая из значения понятия его соотнесенность с восхищением, введенную О. Дозоном, и указывая на то, что его первичной функцией является передача удивления субъекта. На сегодняшний день термин «миратив» широко задействуется в англоязычных работах по грамматике. В.А. Плугнян отмечает, что использование данного термина более обосновано с типологической точки зрения, однако в отечественных трудах зачастую сохраняется использование понятия «адмиратив» [2, с.153].

Так, адмиративность можно определить, как формальную грамматическую категорию, обозначающую информацию, не входящую в существующую картину мира адресата, а потому носящую характер неожиданности, новизны для него. Адмиратив служит для обозначения нового уровня познания, подразумевающее удивление и, следовательно, неполный характер, отсутствие данных у адресата [1, с.33].

К. Hengeveld понимает под адмиративностью такую категорию, которая характеризует пропозицию как новую, удивляющую. При этом, исследователь отмечает, что в рамках адмиративности возможны случаи, когда информация носит неожиданный характер как для говорящего, так и для адресата [3, с.142].

Следует отметить, что грамматическое выражение данной категории имеет лишь в определенных языках (албанский, турецкий, кечуа, яномами), с других же она обладает имплицитным выражением и передается зачастую с помощью интонации (английский, русский и др.).

В связи с тем, что адмиратив носит эмоциональный характер, особенно широко он используется в рамках разговорной речи. В данном случае в качестве субъекта могут выступать как первое, так и второе, и третье лицо. Однако примеры употребления адмиративности с первым лицом встречаются значительно реже, так как неожиданная информация редко направлена говорящим на самого себя, значительно чаще она относится к адресату или какому-либо третьему лицу.

Рассматривая семантику категории адмиративности, А. Айхенвальд определяет следующие его ключевые особенности: обнаружение чего-либо, произошедшее внезапно для адресата; удивление; сознание, не подготовленное к данной информации; противостояние; информация, носящая характер новизны [2, с.145].

Р. Ницолова выделяет два основных типа ситуаций, в рамках которых функционирует адмиратив: 1) говорящий или адресат не обладают каким-либо знанием (при этом не отрицается вероятность отсутствия самой ситуации в целом); 2) говорящий или адресат только что приобрели информацию о какой-либо ситуации (подразумевается ее наличие) [2, с.30].

Структура предложения, содержащего адмиратив, может быть представлена несколькими способами, а именно, пресуппозицией и ассерцией. Пресуппозиция подразумевает наличие определенных знаний у адресанта, которые выступают основой для его оценивания новой информации. В подобной ситуации знания могут носить как общий, так и индивидуальный характер, то есть иметь отношение к конкретному лицу или конкретному времени. Ассерция, напротив, не несет в себе никакой предваряющей информации, но лишь называет факт действительности.

В.А. Плунгян отмечает, что в подобных случаях адмиративность служит для выражения мнения, связанного с ожиданиями адресанта, противопоставляя мнения коммуникантов перед речевым актом, когда вероятность ситуации для них была крайне мала, и фактом появления данной ситуации, вследствие которого и возникает удивление. Лингвист утверждает, что адмиратив обладает модальным значением, поскольку служит для выражения неготовности адресанта осознать происходящее [2, с.161].

Таким образом, адмиративность представляет собой особую категорию, служащую для выражения удивления субъекта, вызванного новой, неожиданной для него информацией.

На основе исследований турецкого, корейского, тибетского и других языков С. де Ланси делает вывод о том, что адмиративность носит независимый характер и должна быть выделена в отдельную грамматическую категорию.

Такие лингвисты как С. де Ланси, В.А. Плунгян, К. Hengeveld и другие утверждают, что адмиративность обладает рядом собственных специфических особенностей, которые не позволяют причислить ее ни к одной из смежных категорий. Так, существенным отличием от категории эвиденциальности является отсутствие у адмиратива сведений об источнике информации, оценке полученной информации – в первую очередь, акцентируется новизна, неожиданность информации. Такие категории, как адмиративность и модальность также не могут быть объединены, так как адмиративное значение не подразумевает противопоставления таких категорий, как мнение и знание. На основе вышеуказанного можно сделать вывод, что адмиративность представляет собой самостоятельную независимую категорию, обладающую рядом присущей именно ей черт. Последние исследования в области грамматики позволили лингвистам говорить о том, что категория адмиративности широко представлена в ряде независимых неродственных языков и носит разносторонний характер.

Рассматривая адмиративные ответные высказывания, А.А. Савченко выделяет следующие их виды: преимущественно-эмоциональные адмиративные высказывания; преимущественно-интеллектуальные адмиративные высказывания. Данное разделение строится на преобладании в высказывании эмоционального или интеллектуального компонента соответственно [3, с.164].

Н.В. Дорофеева также указывает на то, что адмиратив зачастую сопровождается указанием на особенности физического состояния лица (*tired wonder*). Следует отметить, что наличие адмиратива в составе высказывания нередко порождает необходимость в получении дополнительной информации, которая может формулироваться в форме вопроса (*to ask with wonder / astonishment*, спросить изумленно).

Помимо этого, исследователь отмечает, что адмиратив способствует активизации речи у адресанта (говорить изумленно / удивленно / с удивлением, ответить с изумлением, *to say / to ask / to reply / to cry with wonder / astonishment / in amazement*) [1].

Нельзя не отметить роль адмиратива в выражении движений и соматических реакций субъекта. При этом отмечается набор широко употребляемых реакций, среди которых дрожь (дрожать от изумления), отсутствие речи (онеметь от удивления), потеря чувствительности (не чувствовать ног от изумления) или равновесия.

Внешнее выражение адмиратива в высказывании может различаться по степени экспликации. Так, выделяются следующие степени выражения данной категории: открытое выражение (*to show astonishment*, быть откровенно удивленным); слабо уловимое выражение (*dim / shy wonder / surprise*); отсутствие выражения, характеризующееся зачастую самоконтролем со стороны субъекта (не выказать удивления) [1].

Таким образом, адмиративность представляет собой широкую категорию, включающую в себя единицы различных видов. Характер адмиратива может изменяться в зависимости от типа текста, в рамках которого он функционирует. Так, различаются адмиративы прямой речи и авторского текста. В рамках последнего вида можно выделить адмиративы иницирующих и ответных реплик.

Список литературы

1. *Дорофеева Н.В.* Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Научный руководитель – д.ф.н, проф. С. Г. Воркачев. Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, 2002. - 214 с.
2. *Плунгян, В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. — М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010.
3. *Савченко А.А.* Тожества и трансформы средств выражения адмиратива во французском и русском языках // Материалы XL Международной филологической конференции 14-19 мйрта 2011 г. Аюуальные проблемы переводоведения / Под ред. проф. В.И. Шадрина. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. - С. 140-146
4. *DeLancey, Scott.* The mirative and evidentiality // *Journal of Pragmatics*. — 2001. — № 33. — P. 369–382.
5. *Hill, Nathan W.* “Mirativity” does not exist:h.dug in “Lhasa” Tibetan and other suspects // *Linguistic Typology*. — 2012. — № 16. — P. 389–433.

10.02.20

¹Е.В. Максименко канд. филол. наук, ²Е.В. Сивакова канд. филол. наук,
²И.П. Назарова канд. филол. наук

¹Кубанский государственный технологический университет (КубГТУ),
Институт фундаментальных наук (ИФН),
кафедра иностранных языков №2,

²Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
(КГУФКСТ), кафедра иностранных языков,
katemax08@mail.ru, helen.krasnodar@mail.ru, leto_eto@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА ЕГО ВОСПРИЯТИЕ

В статье даются определения понятию «текст», раскрывающие его суть с различных ракурсов. Авторы акцентируют внимание на рекламном сообщении, как одном из видов текста, выступающего в роли элемента коммуникации, описывая его структуру, а также раскрывая его прагматилистический аспект. Рекламный текст рассматривается на пяти уровнях восприятия: фонетическом, морфологическом, лексико-фразеологическом, синтаксическом и графическом. В статье также освещается психоэмоциональное уровневое восприятие рекламного текста реципиентом: осмысленность, соотнесение речи с действительностью, субъективность восприятия.

Ключевые слова: *рекламный текст; прагматилистический аспект; структура рекламного текста; уровни восприятия рекламного текста.*

В данной статье мы рассмотрим базовые определения понятия «текст», а также «рекламный текст» в ракурсе особенностей их восприятия.

В зарубежной лингвистике сформировалось два направления в понимании текста, возникших вследствие противопоставления объективного и субъективного начал. В основе первого лежит структурная лингвистика и генеративная трансформационная грамматика. В его рамках текст определяется - как последовательность предложений, находящихся во взаимосвязи, а предложение является структурной единицей текста. Лингвистика текста, с акцентом на коммуникативно-ориентированную составляющую, рассматривает текст в конкретном коммуникативном процессе, представляя второе направление. Текст не может изучаться как изолированная от субъектов его порождения и восприятия единица, а это значит, что текст всегда находится в коммуникативной ситуации, в конкретном коммуникативном процессе.

Текст – это произведение, обладающее завершенностью, представленное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку [1].

Рекламный текст – это элемент рекламной коммуникации, который, являясь информационным носителем, оказывает эмоциональное воздействие, направляемое коммуникатором на получателя. Это сообщение заключено в определенную форму (текстовую, визуальную, символическую и т.д.) и поступает к реципиенту определенным коммуникационным образом.

Вслед за Мезенцевым, мы считаем, что любой рекламный текст имеет общепринятые структурные каноны, включающие четыре основные части: 1. Слоган; 2. Заголовок; 3. Основной рекламный текст; 4. Эхо-фраза.

Слоган, равно как и бренд, и логотип является базовой составляющей рекламной кампании, и копирайтеры стараются включить его в каждое рекламное сообщение.

Заголовок – это очень значимая часть рекламы, в которой заложена суть рекламного послания и главный аргумент. Именно заголовку отводится главная роль в привлечении внимания потребителей: пробудить интерес, вызвать желание и выявить целевую аудиторию. Для привлечения внимания потенциального потребителя, заголовок должен быть оригинальным и содержать информацию, представляющую для него интерес.

Вся фактическая информация, а именно: стоимость товара, его характеристики, преимущества, а иногда и места продаж, содержится в основном рекламном тексте (ОРТ). Подобный текст должен быть точным, четким и убедительным, чтобы побудить свою целевую аудиторию к совершению покупки. Использование повторяющейся мысли, которая вынесена в заголовок, усиливает позитивный эффект, а это, в свою очередь, усиливает выразительность рекламы и повышает ее запоминаемость.

Эхо-фраза – это выражение, которое стоит в конце текстового рекламного послания, повторяющее (дословно или по смыслу) заголовок или основной мотив послания. Эхо-фраза выполняет значительную роль в рекламе, в связи с тем, что потребитель, чаще всего, читает начало (заголовок) и конец (эхо-фразу) рекламы. Поэтому эхо-фраза, которая воспроизводит основную мысль ОРТ, способна увеличить эффективность рекламного сообщения в целом [2].

Иерархическая система лежит в основе процесса восприятия и понимания текста, в частности, рекламного, где в тесной взаимосвязи находятся низший, сенсорный, и высший, смысловой, уровни. Данная система осмысления текста выявляется в постепенном переходе от интерпретации значений отдельных слов к пониманию смысла целых высказываний и затем - к осмыслению общей идеи текста. Однако эти процессы - понимание отдельных слов и фраз - играют роль второстепенных операций, поскольку реципиент никогда не ставит перед собой задачу понять отдельные слова или фразы.

Процесс понимания рекламного текста начинается с поисков общего смысла сообщения, с выдвижения гипотез и лишь потом переходит на более низкие уровни - сенсорные (распознавание звуков), лексический (восприятие отдельных слов) и синтаксический (восприятие смысла отдельных предложений), то есть в действительности, процесс понимания текста не совпадает с тем порядком, в котором поступает информация. Этой проблеме посвящено много исследований. Остановимся только на самых общих психологических и нейрофизиологических представлениях об этом процессе:

Восприятие букв и слов. В основе заложено проникновение в смысл, который заключен в самой сути знаковой формы речи.

Это проявляется, когда реципиент задействует свою информационно-перерабатывающую систему, которую он активирует с помощью направляемых *движений глаз, переводя их* с одного фрагмента текста на другой, при этом смысл осознается только в момент остановки.

Восприятие предложений относится к ключевым особенностям лингвистической компетенции человека. В данном процессе для реципиента важен смысл, заложенный в самом предложении, а не его синтаксическая форма.

При возникновении необходимости понимания каких-то неоднозначных фраз, от реципиента требуется распознать какая из глубинных структур имеется в виду адресантом, но неоднозначность снимается, как только реципиент решает, какое из возможных значений имеет смысл.

Соотнесение речи с действительностью. Воспринимая рекламный текст, человек соотносит прочитанное с действительностью и со своими знаниями о ней. Реципиент, находящийся на более высоком уровне интеллектуального развития, при необходимости, стремиться модифицировать свое понимание, и, насколько это возможно, прийти к более адекватному варианту при выборе вероятного толкования, коррелирующего с действительностью.

Субъективность восприятия. Результат восприятия любой речи, априори, зависит от воспринимающего субъекта. С позиций психологии человеческого бытия — понимание нужно субъекту для того, чтобы понять мир и самого себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. С точки зрения нейрофизиологии, субъективность восприятия можно обосновать, фактом межполушарной деятельности мозга, где внешне познавательной составляющей сознания будет соответствовать деятельность левого, «языкового», аналитико-дискурсивного полушария, а ценностно-эмоциональной компоненте сознания — интегративно — интуитивная «работа» правого полушария.

Рассмотрев проблему восприятия рекламного текста с позиций психологии и нейрофизиологии, мы переходим к прагматилистической его составляющей, которая реализуется в ракурсе коммуникативно-эффективного восприятия с учетом языкового и речевого варьирования стилистических средств всех уровней структуры текста.

В этой связи, мы выделяем пять уровней, которые влияют на создание успешного рекламного текста: фонетический, морфологический, лексико-фразеологический, синтаксический, графический.

С целью усиления фонетической выразительности, в рекламных текстах можно встретить такие приемы, как: аллитерация, ассонанс, анафора, эпифора, омонимия, повторение звука, звукоподражание.

Описывая морфологические средства, мы выделяем следующие: аббревиация, аффиксация, сложение и слияние основ и как следствие этого - образование неологизмов.

Особенностями лексико-фразеологического уровня структуры рекламного текста является использование тропов (метафора, метонимия, эпитет, перифраз, гипербола, олицетворение, аллюзия), лексического повтора, фразеологических каламбуров, многозначных слов, языковой игры.

При проведении синтаксического анализа текстов, нами было установлено наличие имплицитно выраженного вопроса, также тенденции к сжатости и эллиптичности, которая свойственна синтаксису устно-разговорной речи. Часто встречающиеся вопросно-ответные конструкции, создают непринуждённость изложения, сосредотачивают внимание на важных положениях.

Выделяя графические средства, следует отметить, что они не вносят каких-либо оттенков в план содержания текста, но влияют на эффективность воздействия текста рекламы, так как это может, например, проявляться в нетрадиционном, трансформированном написании слов, использовании цифровых и символьных обозначений, сочетании нескольких шрифтов, заглавных и строчных букв в одном слове, фразе, а иногда и во всем тексте. [3].

Подводя итог всему выше изложенному, мы отмечаем необходимость дальнейшего изучения рекламного текста в ракурсе междисциплинарного исследования, выделяя особым образом его прагматилистический компонент.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования// И.Р. Гальперин - М.: Наука, 1981 а. - 137 с.
2. Мезенцев, Е. А. Реклама в коммуникационном процессе / Е. А. Мезенцев. – Омск, 2007. – 64с.
3. Максименко Е. В. Прагматилистические аспекты рекламного дискурса (на материале текстов русской и английской коммерческой и научно-технической рекламы / Е.В. Максименко. - Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. –Волгоград, 2005. - 22с.

10.02.00

С.В. Маслечкина

ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»,
факультет иностранных языков,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево, svetlana-maslechkina@yandex.ru

НОВЫЙ ДИАЛЕКТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА - KIEZDEUTSCH

Современную немецкую молодежь зачастую сложно понять не только из-за специфики обсуждаемых тем, но и из-за особенностей языка, который все больше отдаляется от литературной нормы. Kiezdeutsch отличается от стандартного немецкого языка и рассматривается как «ломанный немецкий», как агрессивный язык молодых людей, не желающих интегрироваться в новую для них среду обитания.

Ключевые слова: язык, сленг, жаргон, повседневная речь, разговорная лексика.

Молодежные языки всегда существовали, пример тому - Kiezdeutsch, который возник в жилых районах Германии с высокой долей мигрантов. Особенностью Kiezdeutsch является то, что этот молодежный язык развивается в контакте с разными языками и разными культурами. Вот несколько примеров из этого использования:

„Lassma Viktoriapark gehen, lan.“

„Ich höre AlpaGun, weil der so aus Schöneberg kommt.“

„Ich hab meiner Mutter so Zunge rausgestreckt, so aus Spaß. Wallah.“[6,36].

Kiezdeutsch отличается от стандартного немецкого языка. Вопреки распространенному мнению, Kiezdeutsch не выдуманный и не ломанный немецкий, он представляет собой новый городской диалект немецкого языка, который, как и другие немецкие диалекты, имеет систематические языковые особенности в таких областях, как произношение, выбор слов и грамматика.

На сегодняшний день наряду с понятием Kiezdeutsch часто используют и термин Kanak Sprak. Термин Kanak Sprak первоначально употреблялся для обозначения подростков негерманского происхождения и носил пренебрежительный характер. Термин Kanak Sprak первоначально был использован в работах Феридуна Займоглу (Feridun Zaimoglus)[7,23]. Термин Kiezdeutsch, который позволяет избежать негативных предварительных оценок при обозначении молодежного языка, на сегодняшний день более известен в политических дискуссиях.

Kiezdeutsch не является единственным и изолированным немецким феноменом. В разных странах с высокой долей мигрантов существуют свои языки «живых кварталов», например, в Нидерландах молодежный язык называется *straattaal*, буквально «уличный язык», в Швеции можно говорить о *Rinkeby-Svenska*.

Все эти молодежные языки имеют общий характер, они не ограничиваются только молодыми людьми с миграционным происхождением. Данные языки не характерны для носителей определенного языка происхождения (например, турецкого), они развиваются в повседневной жизни молодых людей разного происхождения. Поэтому можно говорить о «мультиэтнолекте», термин, который подчеркивает этническое разнообразие говорящего[5,5].

Но необходимо отметить, что никто не говорит на Kiezdeutsch, потому что, например, бабушка и дедушка, однажды иммигрировавшая из Турции. На Kiezdeutsch говорят со своими друзьями, когда выросли в многонациональном квартале. Таким образом, Kiezdeutsch является признаком успешной языковой интеграции.

Kiezdeutsch – одно из самых интересных лингвистических явлений. По сравнению с другими молодежными языками в Kiezdeutsch существует специальная грамматическая динамика, которая поддерживается многоязычными компетенциями говорящих на нем. Многие говорящие на Kiezdeutsch свободно владеют немецким языком, а также даже несколькими другим языкам. Например, подросток, который говорит на Kiezdeutsch, может быть немцем по происхождению и говорить дома только по-немецки, он просто выучил несколько турецких слов от своих друзей или родителей своих друзей и употребляет их в повседневной жизни[5,9]. В этой среде Kiezdeutsch может перерасти в диалект немецкого языка, который за сравнительно короткое время может произвести много языковых нововведений. Такого рода многоязычие создает динамическую языковую среду, которая способствует, в частности, грамматическим и лексическим инновациям.

Kiezdeutsch располагает определенными структурно-семантическими особенностями, во-первых, грамматическими конструкциями, которые имеют отличия от грамматических конструкций литературного варианта немецкого языка, во-вторых, Kiezdeutsch располагает определенными лексико-семантическими особенностями, как правило, эти особенности представленными преимущественно лексическими заимствованиями из турецкого, арабского, в-третьих, Kiezdeutsch обладает некоторыми отличительными фонетическими особенностями [1,10].

Так что же типично для Kiezdeutsch? Во-первых, использование новых слов, например, с турецкого или с арабского, а также употребление метафор и гипербол и наличие вульгаризмов в речи говорящего, например:

Alder, dem ist dem Problem, weisstu? “[3,123].

...3 sek vor einem tor von deutschland ist ein deutscher fan mit bier in der hand die größte gefahr überhaupt (Текст6).

...aber scheiss mir egal, Alder, isch schwör! (Текст 7.)

Во-вторых, употребление новых грамматических конструкций, которые отклоняются от стандартного литературного немецкого языка, например, употребление определенного артикля с именами собственными, употребление дательного падежа, например:

Es grüßt die Katrin aus dem großen Berlin. (Текст 2).

Ich war ziemlich aufgeregt und wuschig, wegen meinem ersten Schultag. (Текст3).

В-третьих, огромное количество эллиптических предложений в разговоре, например:

Alles Rabatt! I schwöre! Da war so ein Oberteil. (Текст 4).

Помимо грамматических инноваций Kiezdeutsch имеет и фонетические особенности. К ним можно отнести, во-первых, употребление междометий, например:

Oh, was für eine geile Tusse, Alder, dem kuss isch ma (Текст9).

Во-вторых, наличие диалектизмов, например:

Alder war so wat fürn tach (Текст5).

В-третьих, апокопию (усечение конечных звуков) и афёрезу (опускание слога в начале слова), например:

Er meinte das er kino gut scheine zu verschenken hat ich meinte ok hab die dann genommen (Текст8)

Ich komm n bisschen später (Текст 1).

Tschuldigung, haben Sie ne Ahnung, wie ich zum Zoologischen Garten komme von hier aus? (Текст 1).

В-четвертых, ономотопею, например:

Ja hahaha krasss eyy ahla ich war geschockt irgendwie wallah (Текст 10).

В заключении хотелось бы отметить, что Kiezdeutsch не является «неправильным», «ломаным» или «плохим» немецким языком. Kiezdeutsch – это языковое разнообразие, которое само по себе является последовательным. Как и любой диалект Kiezdeutsch характеризуется отклонениями от стандартного литературного немецкого языка.

Список литературы

1. Акулова М.Е. Особенности речевого поведения носителей молодежного мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch, Политическая лингвистика. – 2016. - №1 (55). – С. 136-143.
2. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник. — Назрань: ООО, «Пилигрим». 2015. – 76 с.
3. Маслечкина С.В. Kanakisch-Deutsch или турецкий вариант немецкого языка, Казанская наука № 5, 2017 – 123 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Мир и Образование», 2007. – 640 с.
5. Heike W., Kiezdeutsch“. Ein neuer Dialekt entsteht. C.H. Beck Verlag, München, 2012.
6. Zaimoğlu F., Kanak Sprach: 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft. 6. Auflage. Rotbuch, Hamburg 2004, 158S.
7. Zaimoglu, F., Kanak Sprach, Rotbuch Verlag, 2013. 144 S.

Источники языкового материала

1. www.kiezdeutsch.de
2. Текст 1 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.dvjj.de/sites/default/files/medien/imce/documente/veranstaltungen/dvjj-veranstaltungen/dvjj_fobi_2018.pdf (дата обращения: 01.11.2018).
3. Текст 2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
4. <http://www.bsparchim.net/Gaestebuch.107+M5a5ec78696f.0> (дата обращения: 01.11.2018).
5. Текст 3 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://business-and-science.de/> (дата обращения: 25.10.2018).
6. Текст 4 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://business-and-science.de/> (дата обращения: 25.10.2018).
7. Текст 5 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/4712/file/isis14.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).
8. Текст 6 [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
9. <http://forum.buffed.de/index.php/topic/47629-auslaender-kein-rassismus-erwünscht/page-7> (дата обращения: 01.11.2018).
10. Текст 7 [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
11. <https://xenforo.com/community/threads/für-deutschsprachige-user-for-germanspeakers.328/page-11> (дата обращения: 20.10.2018).
12. Текст 8 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://publishup.unipotsdam.de/opus4-ubp/files/4712/isis14.pdf> (дата обращения: 03.11.2018).
13. Текст 9 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://pazze.de.tl/m.ae.rchen-.htm> (дата обращения: 20.07.2015).
14. Текст 10 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://publishup.unipotsdam.de/opus4-ubp/files/4712/isis14.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

10.02.00

А.В. Матвеев канд. ист. наук

Вологодский государственный университет,
Институт культуры и туризма,
кафедра теории, истории культуры и этнологии,
Вологда, matveev.alxndr@gmail.com

ИСТОЧНИКИ И ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ ДЕПУТАТОВ-НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ В.М. ПУРИШКЕВИЧА И Н.Е. МАРКОВА)

Статья посвящена изучению источников прецедентных заимствований и их функциональности в публичной риторике депутатов-националистов начала XX века. Исследуется тезаурус прецедентных текстов националистов. Рассматриваются основные функции включения цитат. Делаются выводы о значении прецедентности для публичной речи Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича.

Ключевые слова: публичная риторика, Государственная дума, прецедентность, национализм, В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков.

В начале XX века в России на фоне сложных социальных, политических и экономических изменений рождается институциональная политическая риторика, представленная дискуссиями в новом органе представительной власти – Государственной думе. Среди политических сил российского парламента выделялись депутаты-националисты. Националистический дискурс начала XX века значительно отличался от содержательно скудных текстов современных маргинальных националистов.

Данная статья посвящена изучению содержания и функций отсылок к значимым текстам культуры в выступлениях депутатов Государственной думы II, III и IV созывов, то есть изучению **прецедентных высказываний или феноменов**. В качестве исследовательского материала выступали опубликованные стенограммы заседаний Государственной думы. Было проанализировано 205 выступлений депутатов-монархистов Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. Методом сплошной выборки были выявлены прецедентные высказывания. Затем определялся их источник и функция в речи депутатов. Внимание к личностям Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича обусловлено распространенным о них мнением, как об одних из наиболее выдающихся ораторов среди депутатов русского парламента.

Согласно принятому в отечественной науке представлению, под прецедентными текстами понимаются тексты, значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известные окружению данной личности, обращения к которым неоднократно возобновляются в дискурсе данной личности [13, с. 216].

По замечанию С.А. Громыко дискуссия в русском дореволюционном парламенте была чрезвычайно насыщена прецедентными феноменами, но проявлялись они неравномерно: в большей части депутатских выступлений прецедентность вообще никак не проявляется [12]. На общем фоне выделялись ключевые фигуры парламентской коммуникации, которые использовали прецедентные высказывания как особое средство речевого воздействия. Исследователь утверждает, что среди всех политических групп правые депутаты чаще всех использовали литературно-художественную прецедентность.

Анализ текстов выступлений позволяет говорить об актуальности для правых депутатов и иных источников прецедентных заимствований. При этом прослеживается личное предпочтение ораторами определенных культурных текстов. Прецедентный тезаурус Маркова и Пуришкевича представлен текстами, высказываниями, ситуациями и именами, но содержание их различно. В речах Пуришкевича прослеживается преимущественное

обращение к прототекстам античной, прежде всего римской культуры: латинские слова, устойчивые речевые обороты, афоризмы, эпизоды римской истории, цитаты античных авторов, деятелей античной истории. Для Маркова основным источником прецедентности была Библия: фрагменты текста, события библейской истории, заимствованные из библейского текста образы и понятия. Включение прецедентных феноменов в речь происходило по-разному.

Простое упоминание, то есть прямая апелляция к прецедентному имени или тексту, является самым частым способом включения прецедентности в речь. Указания на самые разнообразные источники характерны для обоих ораторов. Но применительно к античным источникам, Пуришкевич предпочитал дословное цитирование прецедентного текста на языке оригинала: *Я повторяю то, что в былое время говорил римский сенат, когда было тяжело и когда приходилось прибегать к защите: Videant consules ne quid Respublica detrimenti capiat* (С лат. Пусть консулы смотрят, чтобы республика не понесла какого-либо ущерба - авт.). *Повторяю, господа, Ганнибал у ворот. Мертвый Китай ожил* [2, с. 1336-1337].

Марков прибегал к прямым цитатам из Библии в меньшей степени, зачастую изменяя их: *Есть изречение: «просящему хлеба подали камень» - вы поступаете согласно этому изречению: от вас просят хлеба, а вы указываете на каменного истукана, имя же ему «свобода». Истукан хлеба не даст, это ложный бог* [8, с. 227]. В данном случае Марков цитирует Евангелие: *Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?* (Мф. 7:9). Другой интересный вариант неточного цитирования, когда Марков повторяет слова Иисуса (...врач! *Исцели Самого Себя...* (Лк. 4:18)): *Я прошу вас, гг., быть справедливее и обращаюсь ко всем вам: врачи из племени иудина, исцелитесь сами* [6, с.2086].

В контексте обращения к Священному Писанию Марков предпочитал включение посредством аллюзии, когда на содержательном уровне актуальный предмет выступления соотносился с вводимым прецедентным именем, ситуацией или текстом: *...и это, гг., до того ясно, что в здеишем столпотворении вавилонском, где имеются представители взаимно отрицающих течений, и то наблюдалось нечто отрадное...; ...ибо русским войскам, русским офицерам принимать участие в войне братоубийственной, в войне Каина, никоим образом не следовало, как не следует принимать и теперь; Вот до чего доводит неумеренное служение Иуде, не Искаротскому, а вообще Иуде всемирному* [7, с. 65; 11, с. 424; 11, с. 259-260].

Своеобразие тезауруса прецедентных текстов депутатов-националистов определяется его функциональным назначением. Современные исследователи сводят функции прецедентных феноменов к оценке, моделированию, прагматике, эстетизации, пародизации, эвфемизму и «людизму» [14, с. 143-144]. Депутаты-националисты обращались к прецедентности в разных ситуациях.

Так, Пуришкевич для убеждения оппонентов в правоте своей позиции **апеллировал** к неоспоримости и авторитету прецедентного источника или его автора. Для подтверждения своих слов он постоянно обращался к деятелям римской государственности или культуры: *<...> если мы говорим и если мы осуждаем деятельность Министерства Народного Просвещения, со всей силой, которой оно заслуживает, то только для того, чтобы избежать тех ошибок, которые делало прошлое Министерство, а настоящему я скажу словами Тибула, которые я переведу для тех, которые их не понимают: «Vos ego nunc moneo, felix qui cumque dolore Alterius discas, posse cavere tuo!» Вам, вам напоминаю и вам говорю: твердо помните, что должен быть счастливым тот, который умудряется опытом и ошибками другого»* [10, с. 2625-2626]. Более того, Пуришкевич постоянно указывал на римскую повседневность, сопоставляя ее с российской действительностью. Древний Рим для депутата – пример идеального взаимоотношения государства и общества: *... что бы сказал гражданин древнего Рима, если бы ему указали на то, что самнитянин, этруск или галл пользуются в Римской империи большими правами, чем те лица, которые*

говорили: *intactus sum, nam civis romanus* [5, с. 804]. Таким образом, политик цитирует упомянутые источники для приведения аргумента к авторитету при рассмотрении сложных вопросов государственного устройства.

Для Маркова главным неоспоримым источником было Священное Писание, хотя оратор гораздо реже апеллировал к нему, чем Пуришкевич к своим источникам. При этом, форма высказывания при апелляции к Библии сводилась к безоговорочному согласию с ее содержанием и не предполагала инвариантов: *Член Государственной думы Ермолаев совершенно напрасно думает, что кто-либо опасается какого-нибудь вреда от образования старообрядческой комиссии. <...> Вообще принести вред православной церкви, по нашему учению, невозможно, ибо сказано, что и «врата адовы не одолеют ее», а тем более другие* [2, с. 739].

Частью речевой агрессии депутатов-националистов против идеологических противников было **иносказание**, когда ораторы использовали прецедентные феномены в качестве метафор. Так, Марков обращался к образу Иуды Искарота обвиняя оппонентов в предательстве и намекая на их еврейское происхождение: *Студенты заволновались, и наибольшее волнение проявил студент Иуда Козловский – Иуда, гг., и несколько его соратников, таких же самых; Все эти бумажные ценности составляют какой-то потоп бумаг, и на этом потопе, на этом безбрежном пространстве качается один только Ноев ковчег, и в этом Ноевом ковчеге сидит Иуда Искаротский. (Смех слева)* [9, с. 354; 10, с. 913].

Нападки на оппонентов могли осуществляться при помощи **умолчания**, когда прецедентная цитата предполагала, что слушатели догадаются о том, что не было сказано прямой речью. Подобные высказывания Пуришкевича могли вызвать гнев и возмущение аудитории и самого председателя Думы: *«Вам смешно, «per risum multum!» (с лат. «по частому смеху... (можно узнать глупца)» - авт.) скажу я вам и еще скажу: «смеется тот, кто смеется последний». <...> Председатель. Считаю долгом заметить, что ваша латинская поговорка здесь совершенно неподходящая»* [1, с. 1006].

Националисты использовали прецедентность при **сопоставлении**. Так, Пуришкевич мог сравнить противника с античным персонажем: *... я останавливаюсь на речи г. Маклакова и невольно припоминается мне картина другая – тоже блестящий адвокат древнего мира- Цицерон. Я хочу указать на тот случай, когда на суде Цицерон напал слишком ярко на одного из своих противников, и тот, поражённый его красноречием, обратился к судьям и сказал: «господа судьи, из-за того, что мой противник еще так красноречив, не значит же, что я виноват». К счастью для этих министерских скамей мы даже в отношении речи Маклакова и этого сказать не можем. (Смех. Звонок председателя)* [6, с. 376]. Сопоставления у Пуришкевича в контексте речевой агрессии служили для усиления комического начала путем увеличения несоответствия между незначительностью личных качеств противника с известным персонажем. Часто сопоставление достигало цели и вызывало смех у аудитории, что фиксируется стенограммами заседаний. У Маркова сопоставления встречаются реже, при этом ирония в них достигает остроты сарказма. Пример содержится в обращении Маркова к правительству: *Я не предлагаю русскому государству поступать так, как поступали некогда в древности более цельные народы, напр., народ Иудейский, который, занимая чужую землю, вырезал всех жителей до грудных младенцев включительно и поселялся на занятой земле: это, конечно, идеальное осуществление своего идеала (смех слева), но я этого способа не рекомендую. <...> мы – христиане, а потому мы идеалом ставим любовь, а не злобу и ненависть...* [4, с. 1947]. В приведенном примере Марков обращается к ветхозаветному сюжету о завоевании Иисусом Навином земли Ханаан.

Проведенное исследование показало высокую насыщенность речей правых депутатов прецедентным материалом. Правые ораторы использовали самые разнообразные источники, но можно говорить о личных предпочтениях в выборе материала и его различной функциональности. Специфика публичной речи в институциональном учреждении

заставляет рассматривать функциональность прецедентности преимущественно в **прагматическом аспекте**: первоочередной задачей ораторов было воздействие на думскую аудиторию и прецедентность помогала осуществлять это воздействие. Кроме того, прецедентные явления в речи становились своеобразным **маркером отличительности** депутата-националиста от всех остальных участников дискуссии. Наиболее ярко эта функция проявлялась у Пуришкевича, который сознательно употреблял цитаты на латыни и других языках и мог не переводить их, осознавая, что большинство депутатов его не понимают. Как правило, это вызывало крайне негативную реакцию левой части аудитории. Несомненно, прецедентность выполняла **эстетическую** функцию, когда прецедентные тексты становились средствами языковой выразительности, что увеличивало эстетическую значимость выступления для слушателей. Речь националистов становилась более выразительной, создавалось впечатление глубины и продуманности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект №16-34-01050-ОГН «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)»

Список литературы

1. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. - СПб., 1907.
2. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. - СПб., 1908.
3. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. - СПб., 1908.
4. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 4. - СПб., 1909.
5. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. 1. - СПб., 1911.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. - СПб., 1913.
7. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 3. - СПб., 1913.
8. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 1. - СПб., 1914.
9. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 2. - СПб., 1914.
10. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 3. - СПб., 1914.
11. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 4. - СПб., 1914.
12. Громыко С.А. Художественная литература как источник прецедентности в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале речей депутатов-националистов)//Научный диалог. 2018. №7. С. 40-52.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. - 261 с.
14. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования, 2007. - 207 с.

10.02.00

**Р.Ф. Мингазетдинова, З.В. Тодосиенко канд. филол. наук,
О.О. Сподарец канд. филол. наук**

Башкирский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов,
Уфа, rflyurovna@mail.ru, venusjupiter@mail.ru, tenderwo@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ-ПОЛИСЕМАНТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются содержательные связи некоторых полисемантических наименований, выражающих понятие «физический процесс» в английском языке. Анализируется степень полисемантической и семантической аттракции семем, устанавливаемой путем выявления семантических связей внутри значений глагольных предикатов в английском языке.

Ключевые слова: семантема, полисемантическая семема, семантическая связь, физический процесс.

Для семантического поля характерно наличие универсальных типов связей между смыслами его производных семем [4]. «Типизация характеристик семантического поля может варьироваться в пределах четырех параметров: 1) уровень и степень полисемантической семем; 2) семантическая аттракция семем; 3) типология семантических связей внутри семантем; 4) типология субкатегориальных связей внутри семантем» [7, 142]. Уровень полисемантической языка-репрезентанта прямо пропорционален числу полисемантических эквивалентов в нём. Коэффициент степени полисемантической измеряется соотношением числа базовых (здесь обозначающих физический процесс) и производных семем [6, 176].

Всё множество глагольных предикатов физического процесса (237 единиц) можно рассматривать как объёмное семантическое поле «физический процесс». Полисемантические лексические единицы составляют половину конститuentов (132 единицы). «Значения многозначного слова объединены содержательными связями. Эти связи того же порядка, что и связи понятий. Понятия не существуют порознь, а, напротив, связаны множественными связями, организующими их в структуре сознания» [6, 67].

«Выделяются два основных типа содержательных связей между словозначениями: импликационные и классификационные» [6, 68].

«Импликационные связи представляют собой когнитивный аналог реальных связей (взаимодействий, зависимостей) сущностей объективного мира: связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками вещи» [5, 53].

Классификационные связи представляют собой мыслительный аналог распределения признаков у сущностей объективного мира. Они могут быть *инклюзивными (инклюзивно-эксклюзивными)* и *симилятивными*.

Инклюзивная связь соответствует отношению гиперонима к гипониму, а эксклюзивная, напротив – отношению более узкого понятия к более широкому. «К этому типу связей относятся практически все случаи сужения и расширения значений слов при условии, что оба значения (исходное и производное) сохраняются у слов» [5, 59].

«Симилятивная классификационная связь имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержания ни одного из концептов: помимо общих семантических признаков, концепты содержат ещё различающие их признаки, каждый свои, иерархические отношения между значениями отсутствуют. Симилятивная связь может быть предметно-логической, синестезической и эмотивной» [6, 67].

Далее приводится анализ содержательных связей полисемантических наименований, выражающих понятие «физический процесс» в английском языке.

Анализ содержательных связей глаголов-полисемантов, содержащих в составе лексического значения сему «физический процесс» в английском языке, позволяет выделить все перечисленные типы и виды содержательных связей.

Материалом для исследования служат глаголы, выделенные методом фронтального анализа из корпуса современных толковых словарей английского языка. Ввиду ограниченного объёма статьи, для исследования отобраны наиболее репрезентативные полисемантические глагольные единицы. Следующие полисеманты служат материалом исследования: *freeze* (замораживать, морозить), *melt* (таять, растаять), *thaw* (таять, оттаивать, подтаивать, натаять), *stiffen* (каменеть, окаменеть, закаменеть, затвердеть, задубеть), *harden* (застывать, затвердеть), *chain* (сковать, заковать в цепи), *forged* (сковывать), *tighten* (затягиваться, натягиваться, затянуться), *spill* (проливаться, разливаться), *chill* (заледенить, леденить), *mellow* (смягчаться), *fuse* (плавиться, расплавиться), *numb* (каменеть, окаменеть), *compress* (слежаться, слёживаться), *sweat* (преть, сопреть, потеть) [1].

Импликационные связи охватывают семантические структуры 13 предикатов и образуют 16 конкретных видов (корреляций): «покрываться капельками пота, особенно из-за жары, болезни или физических упражнений»: «усердно работать», «покрываться капельками пота, особенно из-за жары, болезни или физических упражнений»: «волноваться, беспокоиться» (*to sweat*); «сжимать, сдавливать что-либо для того, чтобы занимать меньше пространства»: «сокращать, выражать что-либо меньшим количеством слов» (*to compress*); «окаменеть, задубеть, ничего не чувствовать»: «оцепенеть, ошеломиться» (*to numb*); «сливаться, объединяться»: «плавить, расплавлять» (*to fuse*); «смягчаться, о цветах»: «становиться выдержанным, о вине» (*to mellow*); «заледенить, сильно охлаждать, студить о еде, напитках»: «приводить в уныние, расхолаживать» (*to chill*); «заледенить, сильно охлаждать, студить о еде, напитках»: «сильно промерзнуть» (*to chill*); «перестать двигаться или делать что-то»: «помешать кому-то сделать что-то» (*to stop*); «затянуть, стянуть что-либо»: «натягивать веревку или провод» (*to tighten*), «выковывать, ковать»: «устанавливать тесные отношения с другими группами или странами» (*to forge*); «прикреплять кого-, что-либо к кому-, или чему-либо для того, чтобы избежать кражи или побега»: «быть скованным обстоятельствами или ответственностью перед кем-либо» (*to chain*); «таять, оттаивать о снеге, льде»: «размораживать о еде» (*to thaw*); «превращаться в жидкость, таять»: «постепенно исчезать, растворяться» (*to melt*); «если жидкость или что-то влажное замерзает, оно затвердевает из-за низкой температуры»: «если на улице морозит, температура воздуха падает ниже нуля», «если жидкость или что-то влажное замерзает, оно затвердевает из-за низкой температуры»: «мерзнуть, стынть» (*to freeze*);

Симилятивные связи обнаруживаются в семантических структурах 9 семантем и образуют то же количество корреляций (конкретных видов): «смягчаться, о цветах»: «смягчаться, становиться добрее» (*to mellow*); «пролить, разлить жидкость»: «выбегать, выходить, высыпаться на улицу из помещения» (*to spill*); «затянуть, стянуть что-либо»: «становиться тугим, негибким, о теле» (*to stiff*); «выковывать, ковать»: «копировать или печатать что-то нелегально, подделывать документы» (*to forge*); «становиться твердым и упругим или делать что-то твердым или упругим»: «становиться более строгим, решительным и менее сострадательным» (*to harden*); «делаться негибким, жестким»: «внезапно становиться недружелюбным, злым, агрессивным» (*to stiffen*); «таять, оттаивать о снеге, льде»: «смягчаться, становиться дружелюбнее» (*to thaw*); «превращаться в жидкость, таять»: «становиться добрее, смягчаться, умиляться» (*to melt*); «если жидкость или что-то влажное замерзает, оно затвердевает из-за низкой температуры»: «сдерживать зарплаты или цены в течение некоторого времени» (*to freeze*).

Инклюзивные содержательные связи охватывают семантические структуры трёх из представленных для анализа глаголов и образуют 3 корреляции: «сжимать, сдавливать что-либо для того, чтобы занимать меньше пространства» : «сжимать, архивировать файл при помощи компьютерной программы» (*to compress*); «перестать двигаться или делать что-то» : «сделать паузу в какой-либо деятельности, путешествии» (*to stop*); «таять, оттаивать о снеге, льде» : «размораживать, о еде» (*to thaw*),

В каждом отдельном виде содержательной связи коэффициент полисемантической, определяемый соотношением числа производных смыслов лексических единиц и их инвариантов, составляет: в импликации – 1,2, в инклюзии – 1, в симилиации – 1. Таким образом, нельзя выделить самый репрезентативный вид содержательных связей в представленных предикатах, но импликационная связь отличается незначительным превышением частотности по сравнению с другими видами в семантических структурах полисемантов, входящих в состав семантического поля «физический процесс» в английском языке.

Список литературы

1. Киселева Л.А., Тодосиенко З.В. Регулярные модели семантической деривации в разноструктурных языках (на материале глагольных предикатов физического процесса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень научных изданий рецензируемых ВАК РФ). Тамбов: Грамота, 2015. №2. Ч.4. с. 97-104.
2. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984. 136 с.
3. Мингазетдинова Р.Ф. Содержательные связи в семантической структуре субстантивов-полисемантов со значением "устная речь" во французском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 5. С. 175-179.
4. Мухтаруллина А.Р., Брылева Р.Ф. Когнитивно-семантический аспект описания языковых единиц: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 124 с.
5. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. 219 с.
6. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Ленингр. университет, 1988. 108 с.
7. Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / С.Г. Шафиков. Уфа, 2004. 238 с.
8. Longman Dictionary of Contemporary English [online version of the 5th edition]. Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 22.11.18).
9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition – Ln.: Macmillan Publishers, 2007.

10.02.20

О.Н. Морозова канд. филол. наук, С.В. Андросова д-р филол. наук

Амурский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра иностранных языков,
Благовещенск, morozova_olga06@mail.ru , androsova_@mail.ru

МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены результаты теоретического обобщения и акустического анализа признака палатализации в эвенкийском языке по сравнению с другими языками. Показана значительная междикторская и внутрдикторская вариантность в реализации мягких фонем на месте буквы «ч», а также «д» перед йотированными гласными буквами и «и». Описаны длительность, интенсивность и частотные составляющие фриктивной фазы согласных.

Ключевые слова: *селемджинский говор эвенкийского языка, палатализация, смычные согласные, аффрикаты.*

1. Признак мягкости

С артикуляционной точки зрения признак мягкости универсально выражен поднятием средней части спинки языка к нёбу, при этом данная дополнительная артикуляция не просто накладывается на любую другую (кроме среднеязычной), а определённым образом сочетается с ней, полностью перестраивая движения артикуляционных органов по сравнению с твёрдыми согласными [10, с. 155–156 ; 5, с. 65]. Для переднеязычных смычных, помимо этого, важно изменение способа образования шума – аффрикатизация, а для переднеязычного дрожащего /r/ – одноударность по сравнению с характерной для твёрдой пары двух-трёхударностью [10, с. 156 ; 5, с. 66 ; 15, с. 57 ; 12, с. 167]. Для заднеязычных мягких согласных фактически имеет место изменение активного органа – значительное продвижение согласных вперёд, когда перед нами уже не собственно заднеязычные [5, с. 66–67]. В этой связи следует отметить, что в диахроническом аспекте фиксировались замены мягких заднеязычных на переднеязычные аффрикаты /ʃ/, /dʒ/ [27, с. 25].

Акустически мягкость – это сложный феномен, имеющий различные корреляты, касающиеся не только спектральных, темпоральных и динамических характеристик самого согласного, но и особенностей переходной фазы от согласного к гласному. Одним из признаков является дизонность – усиление более высоких составляющих спектра и смещение нижней границы спектральных составляющих вверх по шкале частот [10, с. 155 ; 11, с. 64 ; 12, с. 302].

Признак палатализации имеет разный фонологический вес в разных языках. Так, в русском – это дифференциальный признак, по которому противопоставлены согласные фонемы, например, /t/-/tʲ/, /b/-/bʲ/, /k/-/kʲ/ и так далее. В английском языке – это аллофоническая черта. Общеизвестен пример с полумягким (светлым) и твёрдым (тёмным) аллофонами фонемы /l/ в непоствокальной и поствокальной позициях соответственно. Нередко упоминается о довольно сильной прогрессивной палатализации – более сильной, чем регрессивная – для заднеязычных согласных под влиянием предшествующих гласных переднего ряда. Л. Е. Кукольщикова, в частности, отмечает палатализацию /k/ после гласных переднего ряда в словах типа *peak, like*: [pikʲ], [laikʲ] [14]. О регрессивной палатализации упоминается реже. Так, Б. Малмберг пишет о небольшой палатализации согласных /t/, /d/, /n/ в палатальном контексте [28, с. 72]; С. Г. Гвион говорит о палатализации заднеязычных перед гласными переднего ряда [27, с. 25]. Кроме того, экспериментально подтверждено наличие регрессивной палатализации переднеязычных и заднеязычных смычно-взрывных под влиянием гласных /i/, /e/, /æ/, /ei/, /u/ ([ʊ]) и палатализация /m/ перед /i/, /e/ в американском английском (в других вариантах ситуация отличается) [2].

Палатализованные / мягкие согласные следует отличать от собственно среднеязычных (палатальных), однако только палатаграммы при правильном сочетании согласных и гласных могут точно зафиксировать разницу [10, с. 157 ; 5, с. 65]. Касаясь истории вопроса, следует отметить, что среднеязычные произошли из переднеязычных палатализованных, а те, в свою очередь, возникли из сочетаний твёрдых согласных с гласными переднего ряда и /j/ [10, с. 156 ; 5, с. 65]. Иногда происходит и обратный процесс. Исследуя переднеязычные мягкие /tʃ/, /dʃ/ в ербогачёвском (наканновском) говоре эвенкийского языка М. И. Матусевич отмечает, что данные фонемы исторически образовались не по причине палатализации твёрдых переднеязычных смычных перед гласным переднего ряда /i/, а из среднеязычных согласных, благодаря чему их артикуляция отличается большей мягкостью, чем это имело бы место, если бы они были результатом палатализации [16, с. 145]. Вывод был получен в ходе экспериментального исследования при анализе палатограмм, на которых палатализация /tʃ/, /dʃ/ не совпала с рисунком гласного /i/, который в изучаемом говоре довольно открытый. Площадь касания языка на палатаграммах при /tʃ/, /dʃ/ регистрировалась значительно больше, нежели при /i/. В дальнейшем о гипотезе происхождения эвенкийских переднеязычных мягких фонем /tʃ/, /dʃ/ из среднеязычных говорили А. А. Горцевский [9, с. 35–36] и О. А. Константинова [13, с. 22] (В. И. Цинциус настаивала на их среднеязычном статусе [25, с. 210]).

2. Мягкие (среднеязычные) согласные в эвенкийском языке

Специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам чаще выделяют три палатализованные / мягкие / среднеязычные (к последним добавляется /j/) согласные фонемы в эвенкийском языке /tʃ/(/ti/), /dʃ/(/di/) и /nʃ/, которые по-разному описываются и обозначаются разными авторами. К ним может добавляться мягкий плавный латеральный /li/ (в токкинском говоре [21, с. 14]), однако это может быть связано с вариантностью говоров. Так, Г. М. Василевич [7, с. 332] указывает, что в тунгирском, илимпийском, ербогачёвском и некоторых других говорах имеются слова с мягкой фонемой /nʃ/, например, *н'ау* «*пасть, ловушка*», в то время как в зейском, урмийском, сахалинском и некоторых других говорах в этих же словах реализуется фонема /lʃ/ – *л'ау* «*пасть, ловушка*». Всё же фонемы /tʃ/(/ti/), /dʃ/(/di/) можно назвать наиболее проблематичными в плане классификации, транскрибирования и артикуляционного описания.

Нельзя не отметить противоречивость артикуляционных описаний и выбранных транскрипционных знаков для их отражения. В целом, среди эвенковедов нет единодушия относительно выбора транскрипции для мягких (среднеязычных) согласных в эвенкийском языке, поэтому едва ли какие-то из них можно назвать традиционными (см. знаки В. А. Горцевской /c/, /z/ [8, с. 5], А. А. Горцевского /tʃ/, /dʃ/ [9, с. 35–36], В. И. Цинциус /ч/, /ж/ [25, с. 45], Г. М. Василевич /ч/, /ж'/ [7, с. 20, 25], Т. Е. Андреевой /hʃ/, /hʒ'/ [1, с. 44], О. А. Константиновой /ч/, /д'/ [13, с. 5, 21], Е. Ф. Афанасьевой /tʃ/-/di/ [3, с. 43]).

В Диалектологическом словаре эвенкийского языка на основе говоров эвенков Якутии А. В. Романовой, А. Н. Мыреевой [22, с. 197–205, 48–95] слова в словарных статьях даются в такой же фонетической транскрипции, как и в работе О. А. Константиновой: /ч/, /д'/ [13, с. 5]. Примеры: *чāпа* «беличье гнездо», *чикэлтүн* «человек с большим мочевым пузырём», *човокй* «коготь птицы», *чес*; *д'ав* «лодка-берестянка», *д'ава* «вещь», *д'авад'и* «брюшина», *д'агда* «сосна», *д'иктэ* «голубица, ягода», *д'иди* «водораздел», *д'иктэв-* «распухнуть», *д'о* «желчь», *д'оромин* «вор», *д'учи* «имеющий жилище», *д'эвэ* «пища», *д'эгдэ* «пожар» [22, с. 198, 199, 201, 7, 9, 48, 51, 57].

2.1. Артикуляционные описания

Аналогично ситуация обстоит с артикуляционными признаками. Согласные /tʃ/(/ti/)-/dʃ/ описываются то как переднеязычные мягкие [9, с. 35–36 ; 16, с. 141–146], то как среднеязычные [7, с. 19–20, 25 ; 25, с. 45 ; 21, с. 14 ; 13, с. 21 ; 1, с. 66–69; 6; 3, с. 43]; то как смычные [9, с. 35–36 ; 16, с. 141–146 ; 13, с. 21], то как аффрикаты [7, с. 19–20, 25 ; 25, с. 45; 1, с. 66–69; 6; 4, с. 428; 3, с. 43]; указывается также на возможность одновременного существования и тех, и других (см. работу М. А. Кастрена и материалы Н. Н. Поппе [26, с. 4 ; 19, с. 37]).

Так, О. А. Константинова описывает /ч/ как среднеязычный смычный, чистый без аффрицированности [13, с. 21], что само по себе противоречиво, ведь этот знак используется именно для обозначения аффрикаты. Аналогичные проблемы возникают при описании звонкой пары /dʲ/. Константинова отмечает, что на материале полигусовского говора данная фонема может быть охарактеризована как среднеязычная, смычная, звонкая, «чистая (без аффрицированности) <...>, соответствующая глухому ч» [13, с. 21]. Тем самым автор дает понять, что реализации обеих фонем лишены щелевой фазы.

На материале непского говора (южное наречие) В. И. Цинциус [25, с. 45, 48] характеризует /dʲ/ (в её написании *ž*) как среднеязычную смычную звонкую фонему, обычно аффрицированную (в отличие от Константиновой), например, *жагда* «сосна», *уža* «след». По мнению Константиновой, в качугском, тимптонском говорах восточного наречия, по сравнению с полигусовским говором, данная фонема реализуется как среднеязычная аффриката /dʒ/ [13, 22]. В ербогачёвском говоре /dʲ/ характеризуется как переднеязычная смычная звонкая палатализованная с вариативной аффрицированностью [16, с. 144].

На слаборегулируемое разнообразие транскрипционных знаков и разноречивых артикуляционных описаний накладывается явная неустойчивость в данной точке системы, объясняющаяся исчезающим статусом эвенкийского языка, включая интерферирующее влияние русского языка. Результатом последнего вполне может быть появление переднеязычных мягких глухой и звонкой аффрикат /tʃ/ и /dʒ/. Недаром ещё Н. Н. Поппе в 1925 году при описании звуков баргузинского говора эвенкийского языка зафиксировал наличие и переднеязычных мягких взрывных, и указанных аффрикат, подчёркивая эвенкийско-русский билингвизм, который уже сформировался на территории, на которой бытовал данный говор [цит. по: 8, с. 5].

В эпоху доэкспериментальных артикуляторных исследований эвенкийского языка учёные предполагали, что, наряду с /j/, фонемы /tʃ/, /dʲ/, /nʲ/ (а также /lʲ/, если таковая выделяется) являются среднеязычными [8, с. 6 ; 7, с. 19–20], проводя аналогию с эвенским (ламутским) языком, для которого подобные исследования уже имелись, но не были опубликованы [24, с. 15]. В. И. Цинциус пишет о состоявшихся в 1933–1934 гг. экспериментальных исследованиях звукового состава эвенского языка в лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского государственного университета сотрудниками лаборатории Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич при ближайшем участии академика Л. В. Щербы [24]. Первые экспериментальные исследования методами палатаграфии и кимографии эвенкийского языка (ербогачёвский говор), проведённые Матусевич [16, с. 142–143], уже зафиксировали только смычно-взрывные /ti/ и /di/ и показали переднеязычный характер этих фонем и наличие второго среднеязычного фокуса. Кроме того, Матусевич констатировала вариативность способа образования шума при реализации этих фонем – от исключительно смычной до аффрицированной и даже фрикативной (по словам автора, возможны также очень слабовоздушные щелевые реализации [16, с. 144]).

Позже ведущими лингвистами Новосибирской школы [23] был выполнен МРТ-анализ всех согласных селенджинского говора эвенкийского языка. Результаты показали двухфокусность согласных /tʃ/(/ti/) и /dʲ/, которые И. Я. Селютиной и соавторами были названы, в связи с этим, передне-среднеязычными по артикуляторному ряду; по способу шумообразующей преграды они были классифицированы как смычно-щелевые (аффрикаты) [23, с. 187].

В наших более ранних экспериментальных исследованиях, затрагивающих вопросы, касающиеся палатализации, лишь вскользь, была показана вариантность /tʃ/-/ti/ и мягкость обеих фонем, выраженная в i-образном переходе от согласного к гласному в структуре СГ. В речи селенджинских эвенков родов Эдян, Каңаи это примеры с /tʃ/ в начале и середине слов: /tʃa:pa/ «гнездо», /tʃoʃoki:/ «коготь», /tʃuʃun/ «скребок с мелкими зубцами», /nʲʃʃu:ksʲ/ «ровдуга из шкуры», /sukʲʃʃʲ:n/ «топорик», /tokʲʃʃoko/ «полоз на нартах», /abultʃa:/ «голод» [17, с. 75 ; 18, с. 57].

В речи селемджинских эвенков рода Бута на месте указанной аффрикаты реализуется мягкий /tʲ/: *чачарй* /tʲatʲari:/ «годовалая самка», *чимка* /tʲimka/ «вертикальные жерди», *сэливчэ орон* /sʲliβæ:/ «бракованный олень». В речи дикторов других обследованных родов палатализованный [tʲ] встречается эпизодически в слабой фразовой позиции при быстром темпе артикулирования. Это обстоятельство заставляет предположить, что данная фонема в речи представителей рода Бута находится в весьма неустойчивом положении, имея тенденцию превратиться в аффрикату /tʃ/ под влиянием родной речи эвенков-односельчан, а также русского языка [17, с. 75 ; 18, с. 57].

2.2. Данные акустического анализа

2.2.1. Материал и методика исследования

Основным материалом для акустического анализа послужили изолированные слова и образцы спонтанной речи, полученные от четырёх носителей селемджинского говора эвенкийского языка 1935–1954 годов рождения, владеющими данным языком свободно, в равном количестве мужчин и женщин в возрасте 59–76 лет на момент записи, без видимых речевых нарушений (условные обозначения дикторов: STNf, YaSSf, YaLSm, SGAm). Один мужчина и одна женщина были записаны в полевых условиях на цифровой диктофон (44 кГц, 16 бит, стерео, которое затем было переведено в моно), два других диктора – в лаборатории экспериментально-фонетических исследований на кафедре иностранных языков в Амурском государственном университете при тех же параметрах оцифровки, однако запись изначально была одноканальная. Записи производились в период 2011–2015 гг. Длительность образцов и их состав у дикторов был разным: STNf – спонтанная речь 1 час 11 мин., YaSSf – 9 мин. 28 сек. спонтанной речи и 211 изолированных слов, YaLSm – 37 изолированных слов, SGAm – 2600 изолированных слов. Возраст дикторов и их образ жизни не позволил собрать однородный материал, однако в полученном материале изучаемые особенности палатализации представлены неоднократно у каждого диктора. Палатализованные реализации для акустического анализа накапливались методом сплошной выборки. Акустический анализ проводился в программе PRAAT методом динамической спектрографии.

Для изучения акустической выраженности палатализации в данном говоре эвенкийского языка был проведен инструментальный анализ. Поскольку особые разногласия вызывают согласные реализации на месте букв «ч» и «д», именно они были взяты в качестве основных объектов в настоящем исследовании. Для «д» рассматривались реализации перед йотированными гласными буквами и «и».

2.2.2. Обсуждение результатов

2.2.2.1. Согласные реализации на месте буквы «ч»

Акустический анализ выявил значительную междикторскую вариантность в реализации согласных на месте орфографического обозначения «ч», несмотря на принадлежность дикторов к одному говору.

Диктор-женщина YaSSf (1945 г. р.), большую часть времени разговаривающая на родном эвенкийском языке и демонстрирующая среднюю степень владения русским языком, последовательно реализует мягкую аффрикату /tʲj/ независимо от признаков подъема, ряда и огубленности последующего гласного: перед /i/ как в слове *ачин* «не имеется»; перед /a/, например, в словах с суффиксом -ча- прошедшего времени глагола (и во всех других словах с -ча-), перед /o/ как в слове *суручō* «пошёл»; перед /u/ как в слове *чумчā* «заставили». Зависимости от позиции в слове – начало или середина – также не обнаружено. Акустическая картина реализаций данного согласного достаточно стабильна и характеризуется чётко выраженными смычной и импульсной фазами и продолжительной и интенсивной фрикативной фазой, которая реализуется в средне-верхних частотах. При этом верхние составляющие, в отличие от ʃ-элемента в аффрикате /tʃ/, не ослаблены, а наоборот, усилены. Типичный пример – слово *чумчā* «заставили», где согласный употреблён дважды перед гласными разных подъёма, ряда и огубленности (огубленный и неогубленный) /u/, /a:/.

Диктор-мужчина YaLSm (1948 г. р.), выросший в одной семье с предыдущим диктором YaSSf (брат и сестра) с небольшой разницей в возрасте демонстрирует стабильную реализацию аффрикаты /tʃ/ с более низкой нижней границей фрикативного шума (от 1500) и ослабленными верхними частотными составляющими. Аналогичная картина характерна и для третьего диктора-женщины STNf (1935 г. р., 76 лет на момент записи).

В речи четвертого диктора-мужчины SGAm (1954 г. р., 59 лет на момент записи) фонетическая картина согласного заметно отличалась от трёх других дикторов на слух и акустически. Во-первых, по слуховым впечатлениям, по характеру щели и месту образования все реализации согласного были плоскощелевыми зубными. Акустически это выражалось в более слабом шуме (по сравнению с другими дикторами) и смещении относительно интенсивных составляющих в среднюю частотную область. Во-вторых, обращает на себя внимание значительная внутридикторская вариантность по признаку способа образования шума. С одной стороны, имеются реализации альвеолярно-палатальной аффрикаты [tɕ] со сравнительно интенсивной для данного диктора продолжительной фрикативной фазой – 73% от всех реализаций, – например, в слове *ичэчиву́н* «зеркало», с другой – слабоинтенсивные аффрицированные мягкие зубные реализации [tʰʲ] – 27%.

2.2.2.2. Согласные реализации на месте буквы «д» перед йотированными гласными буквами и «и»

Как и в случае с глухой парой, акустический анализ выявил значительную междикторскую вариантность в реализации исследуемой звонкой согласной фонемы.

Диктор-женщина YaSSf систематически аффрицировала реализации мягкой фонемы /dʲ/ в указанной позиции. Фрикативная фаза достаточно хорошо выражена, её продолжительность составила 65–70 мс.

Диктор-мужчина YaLSm при реализации изучаемой фонемы демонстрировал значительную аффрицированность – самую сильную из четырёх дикторов. Длительность фрикативной фазы составила 100 мс при общей длительности согласного 150 мс.

Диктор-женщина STNf в спонтанной речи демонстрировала среднюю степень аффрицированности рассматриваемых реализаций по сравнению с другими дикторами, выраженную в небольшой длительности фрикативной фазы. Однако в певческой речи (только от этого диктора был получен данный тип речи) аффрикации вообще не было зафиксировано.

В речи диктора-мужчины SGAm аффрицированность либо выражена очень слабо, либо практически не выражена. Так, в слове *дяпка* «щель» продолжительность фрикативного шума составила всего 23 мс. Заметной внутридикторской вариантности не зафиксировано.

3. Заключение

Проведенное исследование полностью подтвердило наличие междикторской и внутридикторской вариантности в реализации мягких фонем на месте букв «ч» и «д». Реализации на месте «ч» варьировали от аффрикаты до слабоаффрицированного и неаффрицированного глухого переднеязычного смычного, при этом каноническая аффриката /tʃ/ была реализована в речи только половины дикторов. Конкурирующими можно назвать аффрикату [tʃʲ] и альвеолярно-палатальную аффрикату [tɕ], а также слабоинтенсивные аффрицированные мягкие зубные реализации [tʰʲ]. Такая нестабильность внутри одного говора вызывает серьезные опасения, поскольку свидетельствует о высокой степени нестабильности селемджинского говора как целостного образования. Это, несомненно, объясняется исчезающим статусом эвенкийского языка в целом и особенно тяжелым положением селемджинского говора – в частности. В этой связи необходимо удвоить усилия по документированию звучащей речи селемджинских эвенков, выработке свода норм, работающих именно для данного говора и внедрению этих норм в преподавание эвенкийского языка селемджинским эвенкам.

(Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ No 17-04-12004в)

Список литературы

1. Андреева Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. (Экспериментально-фонетическое исследование). Новосибирск: Наука. Сиб. отдние, 1988. 142 с.
2. Андросова С. В., Гнатюк Е. В., Шуйская Т. В. К вопросу о палатализации согласных в национальных вариантах английского языка: универсальное и типологическое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 3. С. 129–137.
3. Афанасьева Е. Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка. 2-е изд., доп. и перераб. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 116 с.
4. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь (в двух частях). Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео». 2000. 987 с.
5. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. 276 с.
6. Булатова Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Л., 1987. 168 с.
7. Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1948. 352 с.
8. Горцевская В. А. Характеристика говоров баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Поппе. М.Л. : Учпедгиз, 1936. 104 с.
9. Горцевский А. А. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку. Л.: Изд-во Главсеморпути, 1939. 135 с.
10. Зиндер Л. Р. Общая фонетика // Общая фонетика и избранные статьи. СПб. : Филол. фак. С-Петерб. гос. ун-та, М. : Академия, 2007. С. 7–354.
11. Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В. и др. Общая и прикладная фонетика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 416 с.
12. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 592 с.
13. Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. Москва – Ленинград: Наука, 1964. 273 с.
14. Кукольщикова Л. Е. Об одном спорном случае слогаделения в английском языке // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. Вып. 1. С. 29–38.
15. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 3-е испр. М. : Высшая школа, 1997. 272 с. [1-е изд. 1975].
16. Матусевич М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1960. Вып. 40. № 237. С. 132–169.
17. Морозова О. Н., Кравец Т. В., Андросова С. В. Коллективный речевой портрет селемджинских эвенков (фонетический аспект) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3 (2). С. 58–103.
18. Морозова О. Н., Кравец Т. В. Фонетический портрет селемджинских эвенков // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск : 2017. № 2. Вып. 33. С. 52–66.
19. Поппе, Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка: Наречие баргузинских тунгусов. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. 62 с.
20. Процукович Е. А., Морозова О. Н., Андросова С. В., Булатова Н. Я., Черноградская О. Н. Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3 (3). С. 74–85.
21. Романова А. В., Мыреева А. Н. Очерки токкинского и томмотского говоров. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. 108 с.
22. Романова А. В., Мыреева А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Л. : Изд-во «Наука», 1968. 216 с.

23. Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Добринина А. А. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования) // Сибирский филологический журнал. 2014. С. 186–191.
24. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского языка). Ч. 1: Фонетика и морфология. Л.: Учпедгиз. Ленинград.отд., 1947. 271 с.
25. Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Учпедгиз. Ленинград.отд., 1949. 343 с.
26. Castren M. A. Nordische Reisen und Forschungen // Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1856. 140 s.
27. Guion S. G. The Role of Perception in the Sound Change of Velar Palatalization // *Phonetica*. 1998. Vol. 55. N 1/2. P. 18–52.
28. Malmberg B. *Phonetics*. New York : [S. n.], 1963. 123 p.

10.02.00

А.П. Мутасова

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра восточных языков,
Красноярск, alexvorotneva@mail.ru

МЕДИАДИСКУРС КНР: СПЕЦИФИКА ОФИЦИАЛЬНОГО И НЕОФИЦИАЛЬНОГО ФОРМАТОВ

В данной статье рассматриваются особенности дискурса масс-медиа КНР в целом, освещается специфика официального и неофициального форматов на примере публикации новостей на интернет порталах КНР. В настоящее время, благодаря появлению интернета, гегемония китайского правительства на создание и распространение информации несколько утратила своё влияние, так как многомиллионная аудитория интернет-пользователей получила возможность более свободно обмениваться мыслями и мнениями. Именно поэтому изучение лингвистических и прагматических средств медиатекстов неофициального формата на предмет их потенциала выражать общественное мнение представляет особый интерес.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, традиционные и новые медиа, масс-медиа КНР.

В рамках теории дискурса одним из актуальных направлений сегодня является изучение дискурса масс-медиа. Многие исследователи обращают пристальное внимание на медийный дискурс Китая, так как многие аспекты его структурных, коммуникативных и дискурсивных характеристик еще не изучены в полной мере. Мы в свою очередь также избрали медиадискурс КНР в качестве объекта исследования.

В начале, необходимо сделать некий абрис основных тенденций развития масс-медиа КНР в широком междисциплинарном контексте. Китайский дискурс 2000-х в отличие от дискурса 90-х и 80-х характеризуется своей неоднородностью. Если в 80-е ведущим был про-западный дискурс, а в 90-е превалировали анти-западные настроения, то дискурс 2000-х включает в себя два противоположных направления: левых, чьи идеи направлены против западного влияния, и правых, выступающих за рациональный национализм и поддержание социальной стабильности. Кроме того, в 2000-е власть в построении дискурса уже не сосредоточена в полной мере в руках коммунистической партии или интеллигенции, она переходит в руки многомиллионной аудитории интернет-пользователей, которые благодаря современным технологиям обрели «голос» и возможность активно участвовать в построении социального дискурса.

Дискурс масс-медиа 2000-х также характеризуется появлением «старых левых, радикальных либералов и представителей так называемой “публичной интеллигенции”» [Zhao, 2011. С.163–166], дискурсивные практики которых получили значительное распространение в интернет-пространстве. Появление такого рода дискурсов бросило вызов официальному патриотическому дискурсу. Новым явлением 2000-х стали так называемые «Культурные форумы», появившиеся на многих телеканалах страны. Как правило, они представляют из себя лекции специалистов в разных областях, направленные на просвещение обычных людей. Посредством таких передач интеллигенция, образованные люди могли бы оказывать значительное влияние на построение дискурса и социальной реальности общества, однако многие передачи не пользовались популярностью. В связи с этим руководство программ искало более интересные темы для того, чтобы поднять рейтинг передач. Это привело к коммерциализации «культурных форумов»: в передачах обсуждались

аспекты и явления традиционной культуры, и не уделялось внимания современным политическим вопросам. Тем не менее, в это время представителям интеллигенции удалось продвинуть определенные идеи критического переосмысления современной ситуации посредством неофициальных каналов в интернет пространстве.

Ввиду расширения влияния вышеупомянутых каналов, а также существования в обществе двух полярных точек зрения (левое и правое движения), одним из доминирующих концептов в официальном дискурсе становится «和而不同» / «гармоничное неотождествление» (перевод И.Г. Нагибиной). Концепция гармоничного сосуществования полярных точек зрения уходит корнями в тексты мудрецов китайской древности. «Ученик Конфуция Цзы-лу в тексте главной книги конфуцианства “Лунь юй”, или “Беседы и суждения” (“论语”), рассуждает о гармонии таким образом: “君子和而不同，小认同而不同” / “Мудрый правитель ладит с другими, но необязательно соглашается с ними, неблагородные люди соглашаются с другими, но не всегда их отношения гармоничны”» (перевод выполнен И.Г. Нагибиной) [论语原文译文集赏析, URL: <https://vk.io/4lr10>; цит. по: Нагибина, 2017: С. 80]. Таким образом, мы можем говорить о том, что отличительной чертой современного медиадискурса КНР является плюрализм мнений и усиленное влияние неофициального массового дискурса на построение социальной реальности [Zhao, 2011. С. 178–183].

В настоящее время масс-медиа в КНР принято разделять на два типа:

«传统媒体» / «традиционные» и «新媒体» / «новые». Традиционные включают радио, телевидение, газеты и журналы, которые в большинстве своем являются официальными источниками информации, и потому наиболее подвержены влиянию власти. Новые масс-медиа представлены различными интернет-порталами, мессенджерами и блогами [王文洁, 汤亚旭, 2015. С. 77]. Новостные интернет-порталы представляют собой неофициальные источники информации, существующие как самостоятельные коммерческие организации. К таким порталам относятся 新浪新闻中心 / Новостной центр Сина, 腾讯新闻 / Новости Tencent, 凤凰网 / Фэнхуан, 中国新闻网 / Чжунго синьвэнь, 搜狐新闻 / Соуху синьвэнь. Если говорить о дискурсивных различиях между новыми и традиционными (будем считать их официальными) медиа, то здесь нет однозначного ответа. Некоторые новостные порталы придерживаются нейтральной тональности изложения, зачастую полностью копируют текст из официальных изданий. Можно сравнить, например, статью «“习近平谈治国理政”:这本书全世界都在学习» / «“Си Цзиньпин о государственном управлении”: эту книгу изучает весь мир» в 人民日报 / Жэньминь жибао (<http://media.people.com.cn/n1/2018/0129/c40606-29791511.html>) и на сайте 新浪/ Сина (<http://news.sina.com.cn/gov/xlxw/2018-01-29/doc-ifyqzcxh9777323.shtml>). Портал 新浪 / Сина в данном случае не предоставляет собственных журналистских изысканий и просто копирует статью с официального портала 人民日报 / Жэньминь жибао со ссылкой на источник, сохраняя тот же заголовок, то же сопутствующее изображение. Тем не менее, зачастую содержательное наполнение статей на неофициальных порталах разительно отличается от официальных источников.

Сравним одну и ту же новость в газете 人民日报 / Жэньминь жибао и на портале 搜狐新闻 / Соуху синьвэнь. 6 апреля 2018 года во всех новостных источниках активно обсуждается новость об увеличении американским правительством размера торговых пошлин на импортную продукцию из Китая и ответных действиях правительства КНР. Заголовок статьи в 人民日报 / Жэньминь жибао просто констатирует факт увеличения пошлин: «特朗普: 或再对1000亿美元中国商品加征关税» / «Трамп: возможно увеличение размера таможенной пошлины на товары из Китая на 100 миллиардов долларов». Далее, в статье 人民日报/ Жэньминь жибао присутствует большое количество цифр и других фактологических данных (3 0 1 调查 / 301 закон, 5 0 0 亿美元商品 / товары на сумму 5 миллиардов долларов, 加征 2 5 % 的关税 / увеличение таможенной пошлины на 25%, 中国商务部 4 日发布了 / 4 числа министерств торговли Китая объявило), что, во-первых, служит созданию нейтрального тона всей статьи, и во-вторых, создает образ авторитетного источника информации.

Объективность оценки также выражается посредством употребления большого количества глаголов нейтральной коннотации, свойственных высокому стилю, и специальных политических терминов: 表示 / выразить, 发表声明 / опубликовать заявление, 发起调查 / провести исследование, 商品清单 / реестр товаров, 制裁 / санкции, 措施 / политика, 税率 / налоговая ставка. Некоторая доля негативной оценки все же присутствует в статье, но она выражена в сдержанном тоне: «美方 3 日的措施明显违反了世界贸易组织相关规则, 严重侵犯中方根据世界贸易组织规则享有的合法权益, 威胁中方经济利益和安全». / «Политическое решение от 3 числа американской стороны очевидно преступает принцип организации международной торговли, серьезно нарушает интересы Китая, законные согласно всемирным принципам организации, угрожает выгоде и безопасности китайской экономики». Негативная оценка здесь выражается через употребление глаголов с отрицательной коннотацией 违反 / преступать, 侵犯 / нарушать, 威胁 / угрожать, значение которых усиливается за счет наречий 明显 / очевидно, 严重 / серьезно. Также автор использует противопоставление концептов 威胁 / угроза и 安全 / безопасность, чтобы подчеркнуть значимость обсуждаемой темы.

Совершенно иным образом представлена та же информация на портале 搜狐新闻 / Соуху синьвэнь. Различия в дискурсивной тональности двух источников мы можем наблюдать уже в заголовке: «1000亿美元唬谁呢? 中国不是吓大的!» / «Кого пугают 100 миллиардами долларов? Китай не боится!» Глаголы отрицательного значения 唬 / пугать и 吓大 / напугаться, противопоставление смыслов «пугать-бояться», а также синтаксические средства (ответ на вопрос с восклицательным знаком) – все это задает агрессивный тон повествования и выражает субъективное негативное отношение автора к представляемой информации. Негативная оценка события прежде всего отражена на лексическом уровне: 急眼 / волноваться, 恫吓 / пугать, 惊吓 / испуг, 无视 / игнорировать, презирать, 破坏者 / нарушитель, 险恶用心 / злые намерения, 冲突 / конфликт, 分歧 / столкновение, несогласие, 破坏 / разрушать, портить. Автор активно использует разговорные грамматические и лексические конструкции, тем самым усиливая эмоциональную составляющую текста: 此言一出 / только об этом было сказано, 啥也不说了 / ничего больше не нужно говорить, 他们要打多久, 我们就打多久 / сколько они будут бить, столько и мы будем бить. Это подкрепляется и средствами синтаксического уровня, автор использует восклицательные предложения и риторические вопросы: «特朗普急眼了!» / «Трамп заволновался!»; «随意说个数字, 动辄就要加征关税, 这是哪家的贸易规则?» / «По своему желанию говорить о цифрах, каждый раз повышать таможенные налоги, чей это принцип торговли?» На прагматическом уровне негативная оценка действий американского правительства создается за счет большого количества разного рода противопоставлений Китая и США (своего и чужого): «美国来势汹汹、气焰嚣张, 我们沉着应对、成竹在胸» / «Америка будет взрывать своим поведением, вести себя неподобающе, а мы будем реагировать хладнокровно, вынашивая свои планы в голове». Образ США как стороны несоблюдающей правила также строится на использовании лексических единиц, выражающих модальность открытого сомнения: 所谓保护知识产权 / так называемая защита прав на интеллектуальную собственность, 逆差等借口 / под предлогом поддержания торгового баланса. Кроме того, автор использует большое количество художественных образных средств. Олицетворение: «我可以随便制裁你, 但不许你反制我, 不然就要给你教训, 美国现在的“脾气”» / «Я могу в любое время наложить санкции на тебя, а ты на меня нет, иначе я тебя проучу, вот такой сейчас у Америки “характер”». Метафора: 想以更粗的贸易大棒, 逼迫中国作出让步 / «твердой дубиной заставить Китай отступить», 谁要阻止中国的发展壮大, 就是螳臂挡车、蚍蜉撼树 / «попытки остановить развитие Китая подобны стараниям богомола,двигающего телегу, и труду муравья, трясущего дерево». Эпитеты: 得寸进尺 / алчный, 惨痛代价 / горькая цена. Также можно отметить, что предложение,

которым заканчивается статья – «谁要阻止中国的发展...终将付出惨痛代价!» / «Кто захочет остановить развитие Китая... в итоге заплатит горькую цену!» – ярче всего в тексте отражает анти-западные настроения, о которых мы говорили ранее.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что существование в Китае различных, как государственных, так и свободных коммерческих источников информации, способствует формированию общественного дискурса, основой которого является плюрализм мнений и свобода слова. По крайней мере, мы видим, что современные китайские журналисты не ограничены в способах выражения собственных оценок. Однако каковы границы возможностей открыто обсуждать наиболее острые политические и социальные вопросы для медиадискурса Китая – это задача дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Нагибина И.Г.* Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: дис. ... канд. филол наук: 10.02.19. Красноярск, 2017. 231 с.
2. *Zhao J.* State, market and media: the changing Chinese nationalistic discourse since the 1980s. The Chinese University of Hong Kong, 2011. 270 p.
3. 王文洁, 汤亚旭. 新媒体环境下的话语变化 // 新闻研究导刊. 2015. Vol.6. №24. P. 77–78.
4. 论语 [электронный ресурс] // URL: <https://vk.io/4Ir10> (дата обращения: 02.07.2017).
5. 论语 [электронный ресурс] // URL: <https://vk.io/4Ir10> (дата обращения: 02.07.2017).

10.02.00

Джебреил Наджафи, Е.Ф. Киров д-р филол. наук

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Москва, Jebreil.najafi@gmail.com, evg-kirov@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМАМИ О ВАЖНОСТИ РАБОТЫ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Концепт труда реализуется в разных типах текстов на русском языке. В данной статье рассмотрены особенности мировоззрения русского и персидского народов, которые проявляются в идиоэтнических лингвокультурных системах, в которых зафиксирован исследуемый концепт «работа», выделены общие и отличительные черты обоих народов. В статье анализируются фразеологизмы как культурно - значимые феномены с точки зрения представления в них аксиологических значений концепта «работа».

Ключевые слова: *фразеологизмы, лингвокультурные аспекты, важность работы, русский и персидский языки.*

История развития человека и общества свидетельствует о решающей роли труда в этом процессе.

Особенности персидских фразеологизмов

Фразеологическая система каждого языка уникальна, она имеет глубокие национальные корни [3,4]. В персидском языке ФЕ это чаще всего полностью или частично переосмысленные обороты, для которых характерны новые комбинации смысловых элементов по сравнению с буквальным значением их свободных аналогов; в отличие от лексических средств языка, это более сложные языковые единицы как производные особой вторичной номинации, передающие определенную сложившуюся систему образного восприятия мира, оценок и коннотаций.

Наибольший удельный вес во фразеологическом фонде персидского языка имеют глагольные фразеологизмы, при этом подавляющее большинство составляют многокомпонентные фразеологизмы. Затем следуют коммуникативные ФЕ непословичного характера, формулы повседневного речевого общения, паремии, традиционные образные сравнения.

Главным структурным признаком ФЕ считается раздельнооформленность. Однако не во всех языках этот признак может считаться абсолютным. Так, А.В. Куини отмечает, что в английском языке в отличие от русского, разграничить фразеологизмы и сложные слова не всегда представляется возможным, поскольку из-за аналитического характера языка, фразеологизмы легко переходят в сложные слова. В фарси, это является фактом, поскольку аналитические тенденции языка влияют на всю фразеологическую систему фарси.

Полисемия в персидской ФЕ распространена в первую очередь среди глагольных ФЕ, возможно потому, что во-первых, глагольные ФЕ- самая многочисленная группа персидской фразеологии, а во-вторых, полисемия характерна скорее для не коммуникативных единиц, нежели для коммуникативных [1]. Однако, во фразеологическом фонде персидского языка встречается немало многозначных и среди коммуникативных ФЕ, в том числе, среди речевых формул, пословиц и поговорок. Персидский язык чрезвычайно богат фразеологическими синонимами. Многие ФЕ образуют синонимические ряды; как и в прочих языках, это касается прежде всего глагольной фразеологии. Помимо того, в персидском языке много синонимов среди паремий и афоризмов.

Фразеологизмы, выражающие важность работы и труда в русском и персидском языках

В персидских фразеологизмах, работа и труд высоко оценивается. Работа является одним из факторов совершенствования ума и достоинства человека. Труд является украшением мужчины. Человек, который не работает, осуждается и даже в некоторых пословицах и поговорах, работающие животные оцениваются выше, чем неработающий человек:

کار زینت مرد است (букв. Работа является украшением мужчины)

کار بزرگ مایه ی عزت است نه نام بزرگ (букв. Великое дело приносит достоинство, а не великое имя)

خری که کار کند بهتر از بیکار است (букв. Осёл, который работает лучше, чем Бейк (важный человек), который не работает)

برو کار میکنی چيست کار که سرمایه جاودانی است کار (букв. Иди работай и не говори: "Что такое работа" - Работа является вечным капиталом человека)

В персидских сказках встречаются люди, которые ищут дорогой клад для улучшения своей жизни, но только те, которые испытывают трудности, в конце находят этиклады. Часто этиклады являются символами труда и настоящий клад это то, что человек для достойной жизни должен трудиться [6, 83]. Поэтому появились такие пословицы, как:

کسی را که کاهل بود گنج نیست (Лентяй богатства не обретет)

نابرده رنج گنج میسر نمی شود (букв. Без труда не достигнешь клада)

تا رنج تحمل نکنی گنج نبینی (Пока не испытываешь трудности, не увидишь клада)

Интересно, что в русском фольклоре тоже встречаются такие пословицы и поговорки, например: *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.*

В русских фразеологизмах отмечено то обстоятельство, что труд является неотъемлемой частью жизни человека: *Человек рожден для труда. Благо людей в жизни, а жизнь в труде. Без труда не проживешь.*

Отсутствие труда в жизни человека говорит о его никчемности, неостребованности в обществе: *Человек без труда – пустышка. Человек без труда не годится никуда. В других ФЕ подчеркивается, что только трудясь, человек может прожить хорошую жизнь: Без труда нет ни добра, ни плода. В труде смелее – будешь жить веселее. Зажиточно жить- надо труд любить[2].*

Обращают на себя внимание пословицы, в которых ярко отражены ценности и идеалы коммунистической эпохи. Эти пословицы выявлены в сборниках 30-60 гг. XX века. Они имеют, как правило, лозунговый характер и содержат призыв, выражающий руководящую идею, задачу или политическое требование: Труд, труд, труд - вот три вечных сокровища. Труд обогащает страну. Наше счастье в общем труде и др. Здесь появляются слова, словосочетания, свойственные только этому историческому периоду: *коммунистического труда, колхоз, целина.*

Следует отметить, что в этих пословицах и поговорках труд- это идея, чаще не имеющая никакого материального выражения. Здесь труд не кормит, не одевает, труд в них – способ достижения коммунистического будущего с его идеями.

Таким образом, мы видим, что помимо общепринятого понимания сущности работы как способа зарабатывания денег, она имеет еще очень много важных функций в жизни человека, о которых не стоит забывать. Это поможет вам относиться к работе философски-спокойно, что приводит в итоге и к финансовой стабильности [7,8] .

Список литературы

1. Голева Г.С. Фразеология современного персидского языка. М. - 2006.
2. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2012. – IV, 729 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - М.,1970.-С.196
4. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. - М.,1987. С. 78
5. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. - М., 1981.
6. دهگان، بهمن 1330- فرهنگ جامع ضرب المثل های فارسی- تهران ، فرهنگستان زبان و ادبیات فارسی ، نشر آثار، 1383
7. <http://www.grandars.ru/shkola/bezopasnost-zhiznedeyatelnosti/trudovaya-deyatelnost.html>
8. <https://www.studotvet.ru/help/kakoe-znachenie-v-nashei-zhizni-imeet-rabota>

10.02.00

¹С.Е. Писаренкова канд. филол. наук, ²А.А. Писаренков канд. филол. наук¹Кубанский государственный медицинский университет,
кафедра лингвистики, Краснодар, Alpisarenkov@mail.ru²Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка в профессиональной сфере,
Краснодар, Alpisarenkov@mail.ru

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Статья посвящена проблеме интерпретации исторического нарратива в контексте политического дискурса. Цель данной статьи продемонстрировать, какие языковые средства используются для создания идеологических текстов, интерпретирующих исторические и политические события. В статье указывается, что политические дискурсивные практики, принятые в данном обществе, призваны создавать «правильные» интерпретации исходного исторического нарратива для общественного адресата.

Ключевые слова: *текст, дискурс, исторический нарратив, картина мира, метафора.*

Гегель утверждал, что все человеческое сознание ограничено конкретными условиями окружающей человека среды, или «его временем». «Время» - в данном случае метафора исторически обусловленного способа восприятия мира, другими словами его мифологического описания, которое конституирует и регламентирует язык, создает концептуальные метафоры, структурирует поведенческие модели, выстраивает основания идентичности, в целом определяет «modus vivendi» человека данной эпохи. В данном случае миф, по словам А.Ф. Лосева, является символом и как «символ он содержит в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои, которые воплощаются в подлинную конкретную реальность» [4, с.44]. Эта реальность закладывает основу для создания определенной «художественной» картины мира общей для данного социума. Картина мира имеет свою эмоционально насыщенную систему жанров, которая упорядочивает все событийные моменты согласно определенной системе их восприятия, другими словами, она четко маркирует все жанровое разнообразие жизни, указывая над чем нужно смеяться, над чем грустить, чем гордиться и чему противостоять. В этой связи можно согласиться с постулатом Р. Барта, который полагал, что миф, как и всякая семиологическая система, есть система значимостей, но потребитель мифа принимает эту совокупность за систему фактов, лежащих в основе восприятия жизни [1, с.123]. Естественно предположить, что каждая страна обладает своей национальной системой «фактов», априорно не требующих доказательств, обусловленной целым рядом природных и исторических особенностей ее развития. Культурный текст с четкой жанровой разбивкой, созданный на основе мифологических фактов, помогает социуму «правильно» реагировать на события окружающего мира и выстраивать модус своего поведения согласно принятым нормам, но это касается только членов данной группы, т.е. людей, живущих в рамках конкретного культурного контекста. Иными словами, миф продуцирует свою «систему фактов», которая не совпадает с фактической картиной другой мифологической системы и, как следствие, для «чужих» данный культурный текст не является читабельным, или лучше сказать слабо поддается «переводу» с одного мифологического языка на другой. Исторические события не могут существовать сами по себе, они с неизбежностью редактируются в системе соответствующей мифологии и затем воплощаются в конкретном тексте, который регламентирует отношение к тем или иным событиям и фактам, вследствие чего

национальная история приобретает соответствующую «жанровость». В этой связи, Р. Барт полагал, что в функциональном отношении миф направлен на деформацию реальности и имеет целью создать такой образ действительности, который «совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания и вместе с тем скрывал бы свою собственную идеологичность, поскольку всякая идеология хочет, чтобы ее воспринимали как единственно верное отображение мира» [1, с.233]. Поскольку мы ограничены в нашей способности обработки информации, необходимо прибегать к выбору, чтобы вычленять только ту информацию, которая интересует, волнует или является наиболее комплиментарной для нашей картины мира. Селективный механизм опирается на уже существующую «схему» или опорную систему восприятия, с помощью которой мы фильтруем информационные потоки, осмысливаем исторические события и затем создаем событийный текст. Ю.Лотман справедливо полагал, что «чтение исторических событий подразумевает придание им логической сюжетности, т.е. выстраивание эпизодов события в определенную сюжетную линию, которая создает текст» [3, с.44]. Однако, текст исторического события может быть закодирован различными способами, что в результате приводит к созданию довольно удаленных друг от друга смыслов. Как следствие, одна и та же реальность, кодированная разными способами, будет генерировать различные, подчас противоположные тексты. Если реципиент рассматривает политические (исторические) события через призму либеральной или консервативной идеологии (мифологии), то этот фильтр позволит ему воспринимать и оценивать информацию именно с позиции близкой ему идеологии и давать тем или иным событиям и явлениям позитивную или негативную оценку. В зависимости от идеологического фильтра одни и те же события будут получать диаметрально противоположные оценки, поскольку система выборки и оценки информации будет опираться на уже существующие модели восприятия. Например, довольно часто приходится сталкиваться с мнением, что у России непредсказуемое прошлое, и поэтому ее исторический нарратив не является внятным. Это мнение является идеологическим упрощением, поскольку оно имеет в виду прочтение событий по преимуществу относящимся к внутривнутриполитической истории, которые трактуются исходя из текущей политической конъюнктуры и приверженности конкретной политической мифологии. Однако, в тех случаях, когда речь идет об историческом нарративе, в котором отражено восприятие внешнего мира, мы можем наблюдать определенную константу, выраженную в метафоре «Россия – осажденная крепость». Стереотип восприятия внешнего мира как враждебного давно стал основополагающим мифом для русской культуры, что нашло широкое подтверждение в литературных источниках, например, стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» может являться программной речью для любого современного российского политика, желающего получить широкую электоральную поддержку.

Признавая за историческими событиями текстуальность, мы сталкиваемся с проблемой языка как широкого культурного феномена, оказывающегося по словам Б. Успенского «первичной феноменологической данностью, которая моделирует как воспринимаемый мир, внеположенный человеку, так и воспринимающего субъекта» [5, с.38]. При этом сам исторический процесс предстает как процесс порождения новых фраз, складывающихся в определенный текст, который прочитывается общественным адресатом. Процесс «порождения новых фраз» - это сфера деятельности политической коммуникации. Без преувеличения можно сказать, что она является основой политики, поскольку именно коммуникация призвана стимулировать разные слои общества к нахождению приемлемого консенсуса и при определенных обстоятельствах сплачивает данное общество в единое целое. В сердцевине политического дискурса лежит способность политиков использовать метафоры и символы, которые являются составной частью мифологической картины мира данного общества. Метафорическое описание отлично подходит для обработки политической информации, поскольку метафора подобно мифу усиливает определенное восприятие и игнорирует другое, помогая концентрироваться на желаемых последствиях политической деятельности, сводя сложную, многоаспектную проблематику к простому

способу описания ситуации, которая может быть легко понята публикой. Другими словами, метафоры и мифы, как подчеркивает М. Эдельман, это «инструменты для упрощения и придания смысла сложным и непонятым событиям и фактам, которые вызывают озабоченность» [7, с.65]. Исторический процесс постоянно порождает событийный фон, который должен быть осмыслен общественным сознанием и зафиксирован в рамках определенного идеологического текста, способного в простых терминах описать ту или иную ситуацию. Используя сюжетную канву такового текста, политическая аргументация в первую очередь будет фокусироваться на том, чтобы повлиять на политические пристрастия реципиента, чтобы усилить их, если они совпадают с позицией автора (власти) или попытаться изменить их в предпочтительном для него направлении. Успешный текст обязан быть информативным и в то же время убедительным, дабы создать в памяти публики запоминающийся посыл, который, как минимум, не противоречил картине мира реципиента, а в лучшем случае полностью бы ей соответствовал. Лакофф в этой связи отмечал, что «использование метафоры создает общую схему, в рамках которой формируется необходимое политическое настроение и электоральное поведение» [2, с.56]. То, что делает метафорическое и мифологическое описание эффективным – это описание общего через частное. Некая метафора может стать символом более широкого явления и выступить в качестве лозунга или даже символа политического явления и процесса, благодаря чему этот политический процесс будет читаем и понят общественным адресатом. Хрестоматийный пример – “New Deal” (Новый курс) президента Рузвельта и его администрации в 30-х годах прошлого века. Как известно, в результате социальной и экономической катастрофы, вызванной Великой депрессией, у общества создалось впечатление, что все ориентиры потеряны, а с ними стабильность, внятность и привлекательность американского образа жизни. Однако, когда администрация Рузвельта привела в действие систему новых экономических мер на преодоление депрессии, они стали метафорой более широкой общей политики. В свою очередь, будучи яркой метафорой, «Новый курс» привнес в мифологическую систему простых американцев целую серию метафор, которые создавали надежду на улучшение жизни, пробуждали оптимизм и, самое главное, гасили стремление к жестким политическим действиям против существующего строя, иными словами, власть сумела «написать» текст, который пришелся по вкусу общественному адресату. М. Эдельман указывает, что «метафоры особенно эффективно действуют в эпоху высокой политической напряженности, когда общественность хочет получить уверенность, что все под контролем властей и проблемы будут решены» [7, с.56]. Например, метафора «Холодная война» (“Cold war”) была удачным вариантом описания политической ситуации сложившейся после Второй мировой войны во взаимоотношениях бывших союзников. Причем эта метафора пользовалась популярностью по обе стороны «железного занавеса» (еще одна удачная метафора эпохи). Определение «холодная» в этом словосочетании подспудно подталкивало людей к оправданию увеличения военных бюджетов, побуждало идти на жертвы и ограничения, чтобы не допустить антонимической замены определения в этой метафоре. Ярким подтверждением этой мысли является советская «мантра»-мем эпохи 50-60 годов «лишь бы не было войны». Таким образом, удачное концептуальное метафорическое описание позволяет общественному сознанию постигать значение политических событий, понимать исторический контекст и ощущать себя активной частью процесса. Они также могут являться эффективным средством политического воздействия, если вступают в резонанс с латентными символическими переживаниями, корнящимися в общественном подсознании.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616с.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – 704с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. – 558с.
5. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – СПб.: Азбука, 2002. – 480с.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544с.
7. Edelman, M. Political language: Words that succeed and policies that fail. New York: Academic, 1977
8. Mio S. Jeffery Metaphor and Politics Metaphor and Symbol, 12(2), 113-133 1997, Lawrence Erlbaum Associates

10.02.04

¹Е.В. Плисов канд. филол. наук, ²А.М. Хамидулин

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина»,
факультет гуманитарных наук,

¹кафедра теории и практики иностранных языков и лингводидактики,²кафедра философии и теологии,

Нижегород, e_plissov@mail.ru, captain.nemo.2012@yandex.ru

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АРХАИЗАЦИИ НЕМЕЦКОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена исследованию динамического аспекта в процессах архаизации немецкой лексики с привлечением лексикографических данных, проводится сравнительный лингвистический анализ лексики различных этапов развития современного немецкого языка, изучается их тематическая принадлежность, а также анализируются причины лексикографической комбинаторики и трансформаторики.

Ключевые слова: *устаревшая лексика, архаизм, тематическая классификация, лексикографическая комбинаторика.*

Важную роль в устаревании лексики играют экстралингвистические и интралингвистические факторы. Слово непосредственно связано с историей, поэтому изменения в культуре и общественной жизни в первую очередь сказываются на лексической стороне языка [2; 13; 14]. Немаловажным является и влияние лингвистических факторов, направленных на устранение избыточного, на экономию языковых средств, а также системный характер этих процессов [1; 4; 5]. Актуальность настоящей работы определяется необходимостью исследования процесса устаревания языковых единиц в немецком языке в связи с неоднозначными процессами выбывания и сохранения лексических единиц в составе языка. Несмотря на то, что язык постоянно пополняется новой лексикой, интерес к архаизмам и историзмам не угасает, потому что данные слова часто встречаются в научно-исторических трудах, в художественных произведениях, содержание которых невозможно передать и понять без данного слоя лексики. Целью настоящей статьи является исследование динамического аспекта в процессах архаизации немецкой лексики с привлечением лексикографических источников, описание их тематической и частеречной принадлежности, а также установление причин лексикографической комбинаторики и трансформаторики.

Лингвистический статус архаизмов и историзмов находит свое отражение в современной немецкой лексикографии в системе помет и словарных дефиниций. Для отражения устаревания лексики в словарях используются пометы «veraltend» (*устаревующее*) и «veraltet» (*устаревшее*) (здесь и далее перевод наш – Е.П., А.М.). В словаре Duden Stilwörterbuch дается следующее определение пометы «veraltend»: «редко употребляемое, чаще всего старшим поколением» [10: 11]. Помета «veraltet» характеризуется следующим образом: «не являющиеся более составной частью словарного состава или системы современного языка, но в отдельных случаях употребляемые в архаизированных, шутливых или иронических высказываниях» [10: 11]. К.-Д. Людвиг относит эти пометы к диахроническим (частично – к диатехническим) маркерам, которые выполняют важные задачи исторического и актуального описания языка в одноязычном словаре. Они призваны облегчить задачу пользователя по правильному использованию лексем и их мотивированному отбору в зависимости от коммуникативного намерения, коммуникативной ситуации, предмета сообщения и его адресата [12: 52].

Материалом работы послужил корпус языковых единиц (ЯЕ), полученный в ходе сплошной выборки из толкового словаря немецкого языка Duden [9]. Общее количество анализируемых примеров – 469 (буквы А – В). При анализе частеречной принадлежности было установлено, что чаще всего эти пометы сопровождают имена существительные (53,5%): *Ahn, Advokat, Bein, Boudoir, Beschluss* и др. Это объясняется ведущей номинативной

функцией слова и тем, что архаизмы и историзмы чаще всего называют явления и предметы окружающей действительности, значимые для человека. Значительно реже этими пометами маркируются глаголы (29%): *abbreviieren, abtun, abschwären, beisetzen, brausen* и др. Относительно небольшую группу составляют имена прилагательные (11%): *arg, ausgiebig, behäbig, billig*. Можно выделить также немногочисленную группу с наречиями, которые сопровождаются пометами «veraltend» и «veraltet» (4,5%): *allhier, alsobald*. Очень редко эти пометы сопровождают предлоги (0,7%), междометия (0,2%) и союзы (0,9%): *allez, antwortlich* и др.

Среди ЯЕ встречаются слова и выражения, которые относятся к следующим тематическим группам: характеристика людей по различным признакам – 35 ЯЕ, сфера профессиональной деятельности – 29, сфера человеческих взаимоотношений – 26, военная сфера – 21, эмоциональное состояние человека – 18, архитектура – 12, предметы одежды – 12, судебная сфера – 11 и т.д.

При изучении слов с пометами «veraltend» и «veraltet» важным моментом является рассмотрение взаимодействия этих помет с другими пространственными, функционально-стилистическими и специальными маркерами. В качестве мономаркера эти пометы встречаются в 301 случае (65% от общего числа примеров): «veraltend» – 130 примеров и «veraltet» – 171 пример; в комбинации с другими пометами: «veraltend» – 84 примера и «veraltet» – 84 примера. В отобранном корпусе имеется 71 вариант комбинированных помет с маркерами «veraltend» и «veraltet» для характеристики принадлежности ЯЕ к определенному стилю (*geh., ugs., scherzh., iron.* и др.), региону (*schweiz., österr., landsch., südd., südwestd.* и др.) и сфере деятельности (*Amtsspr., Rechtsspr., Werbespr., Fachspr.* и др.). Специфика взаимодействия временных и пространственных маркеров в одноязычной немецкой лексикографии неоднократно отмечалась учеными при изучении диалектной лексики, в том числе в аспекте ее взаимодействия с религиозной лексикой [3; 6; 7; 8].

Для сравнительного анализа выделенной лексики привлекалось издание словаря Duden 1977 года [11]. Поскольку сплошная выборка производилась по словарю Duden 2001 года, он был выбран в качестве словаря-эталона в сравнительном анализе, т.е. возможный процесс архаизации ЯЕ нашего корпуса устанавливался на его основе относительно более раннего издания того же словаря. В 266 случаях (57% от общего числа примеров) не произошло никаких изменений в маркировке отобранных ЯЕ: «veraltend» – 105 примеров и «veraltet» – 161 пример. Полученные подсчеты показывают, что более половины ЯЕ уже на протяжении десятилетий носят устаревающий и устаревший оттенок. Изменения в пометах произошли в 203 случаях (43%): «veraltend» – 109 примеров и «veraltet» – 94 примера. Из них 45 примеров не имели никаких помет в словаре Duden 1977 года, но приобрели интересующие нас пометы в словаре Duden 2001 года: «veraltend» – 34 примера и «veraltet» – 11 примеров, например: *ätherisch, aufstehen, Bord, Ausstand, Bauernmagd*.

Среди выбранных ЯЕ обнаруживаются такие, которые не имели помет «veraltend» и «veraltet» в словаре Duden 1977 года, но получили их в словаре Duden 2001 (31 пример): «veraltend» – 18 примеров и «veraltet» – 13 примеров. В ходе анализа было выявлено 23 примера, которые не были включены в словарь Duden 1977 года: с пометой «veraltend» – 6 примеров и с пометой «veraltet» – 17 примеров: *allwo, abschwären, arbitrieren, Bellevue* и др. Особый интерес для данной работы представляют ЯЕ, которые в словаре Duden 1977 года имели помету «veraltet», а в словаре Duden 2001 года они маркированы как «veraltend» – 10 примеров, например: **Abendmahl, das 1.** (*veraltet, noch landsch., bes. südd*) *Abendessen* – **Abendmahl, das 1.** (*geh. veraltend*) *Abendessen*; **alsogleich** <Adv.> (*geh. veraltet*): *verstärkend für [so]gleich* – **alsogleich** <Adv.> (*geh. veraltend*): *verstärkend für [so]gleich*; **Auslandsdeutsche, der u. die** (*veraltet*): *im Ausland lebende deutsche Person* – **Auslandsdeutsche, der u. die** (*veraltend*): *im Ausland lebende deutsche Person*.

Таким образом, более половины ЯЕ сохраняют пометы «veraltend» и «veraltet» на протяжении 30–40 лет. Изменениям подверглось 43% ЯЕ (203 примера). Говоря о лексике, которая действительно устарела за этот период, нужно отметить, что число данных ЯЕ относительно небольшое – 76 примеров. В 5 примерах помета «veraltend» поменялась на

помету «veraltet». Также были выявлены слова, которые не были включены в словарь 1977 года – 23 примера. В словаре 2001 года у 3 примеров появились новые значения с интересующими нас пометами. В словаре 1977 года эти значения отсутствуют. Данные показатели свидетельствуют о том, что слова выходят из активного использования и попадают в пассивный словарный запас постепенно. Следует также подчеркнуть, что существуют ЯЕ, у которых наблюдается обратный устареванию процесс: ранее они были маркированы как «veraltet», а в 2001 году как «veraltend» (10 примеров). Это является показателем того, что язык служит обществу и меняется в связи с его интересами. Также было выявлено, что большинство ЯЕ, у которых произошли изменения в пометах, являются семантическими архаизмами. Многообразие вариантов комбинаций помет, которые отражают устаревающую и устаревшую лексику, свидетельствуют о сложном и неоднообразном процессе устаревания лексики. Наличие дополнительных маркеров отражает динамику развития лексики языка: устаревающая и устаревшая лексика приобретает иронический и насмешливый оттенок, она несет возвышенную окраску, характеризует определенные регионы и их языковые особенности. Использование устаревающих и устаревших ЯЕ зависит от целевой установки говорящего и от ситуации употребления.

Список литературы

1. Зинцова Ю.Н. Тематический принцип описания лексики (на примере религиозной лексики современного немецкого языка) // Проблемы изучения религиозных текстов. Вып. 3. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. – С. 12-21.
2. Кочнова К.А. Роль этнических стереотипов в межкультурной коммуникации // Вестник Мининского университета. – 2013. – №2(2). – С. 7.
3. Оладышкина А.А. Особенности функционирования венского урбанолекта в австрийском варианте современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2015. – 22 с.
4. Орлова О.А., Зинцова Ю.Н. Принцип системности как структурно-семантическое свойство текста и лексико-семантической группы // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 75-78.
5. Орлова О.А., Зинцова Ю.Н. Иванова Г.А. Реализация принципа языковой экономии в немецких композитах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №2-2. – С. 372-374.
6. Плисов Е.В. Композиционные и лексико-грамматические особенности священнической молитвы на часах (на примере немецких католических молитв) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – №6(70). – С. 87-91.
7. Плисов Е.В. Словарь религиозной лексики современного немецкого языка. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2009. – 147 с.
8. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллект. монография / под общ. ред. Е.В. Плисова. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – 210с.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2001 [CD-ROM].
10. Duden Stilwörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverl., 1988. – 867 S.
11. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden. – Mannheim: Bibliographisches Institut, 1977. – 2992 S.
12. Ludwig K.-D. Probleme der Markierung im Wörterbuch // Symposium on Lexicography VI: Proceedings of the Sixth International Symposium on Lexicography May 7-9, 1992 at the University of Copenhagen. – Tübingen: Niemeyer, 1994. – S. 51-71.
13. Prokopjewa N. Über die geschichtlichen Begriffe und die Begriffsgeschichte // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2010. – №10. – С. 211-216.
14. Sulima I.I. Social philosophy of science in search of tools // Epistemology & Philosophy of Science. – 2017. – Vol. 54. – Issue 4. – P. 30-33.

10.02.00

¹Л.С. Полякова канд. филол. наук, ²Е.В. Суворова канд. педагог. наук

Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова,
кафедра иностранных языков по техническим направлениям,
Магнитогорск, lilitmgn@mail.ru, suvorlen@yandex.ru

ПРИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу приема языковой игры как средства воплощения речевой стратегии манипуляции в политическом дискурсе. В статье описаны наиболее характерные черты, свойственные данной речевой тактике. Прием языковой игры в политической коммуникации может быть реализован несколькими способами: посредством использования медиа-образов, метафор, как основы создания комизма, недосказанности и иносказания, обыгрывания фамилии и имен собственных.

Ключевые слова: *политический дискурс, языковая игра, языковая манипуляция.*

Политический дискурс на сегодняшний день представляет собой богатый языковой материал для анализа и давно привлекает внимание лингвистов. Языковая игра является одним из феноменов, присущих политическим текстам. Так как цель политических выступлений - речевое воздействие на аудиторию, то включение приема «языковой игры» помогает достичь этой установки. Кроме того, использование языковой игры в политическом тексте позволяет не только завуалировано передать мысль политического деятеля, но и добиться нужного эффекта, например, унижить, высмеять, или, напротив, установить более дружеские, непринужденные отношения с собеседником, разрядить обстановку. Наряду с этим, включение приема языковой игры в политические выступления способствует созданию образа более успешного политика, что привлекает аудиторию. Исследование функционирования приема языковой игры в политической коммуникации приобретает сегодня особое значение, что обусловлено повышенным интересом к политическому дискурсу и проблемам речевого воздействия, что делает освещение данной проблемы актуальной. Цель данного исследования – проанализировать способы реализации приёма языковой игры, характерные для политического дискурса.

Прием языковой игры окрашивает политические выступления, делает высказывания образными, однако в официальных заявлениях, особенно это касается речей политических деятелей высокого ранга, данный языковой прием, как правило, используется осторожно, т.к. выступление может быть неоднозначно истолковано и привести к негативной оценке [4, с.32]. Но, вместе с тем, использование интертекстуальности, как основы для языковой игры, расширяет семантические возможности политической речи, позволяя создавать яркие запоминающиеся образы, активно работающие на создание нужного для политика имиджа [3, с.261]. Именно поэтому в последнее время данный языковой прием все чаще стали включать в выступления политики разных уровней, особенно часто к данной тактике прибегают Дм. Медведев и В. Путин.

На основе анализа публичных речей политических деятелей нами были выделены следующие тактики реализации языковой игры.

1. Использование медиа-образов как основы интертекста.

Так, в ходе выступления В. Путина по решению нефтегазового конфликта с Украиной отмечаем прием языковой игры... **Ни пироги, ни масло, ни сыр, ни блины, ни что другое не может служить средством платежа. Это должны понимать наши белорусские партнеры** [2]. Включение интертекста **ни пироги, ни масло, ни сыр, ни блины** показывает, что в общем контексте выступления, языковая игра выполняет функцию высмеивания предложения правительства Белоруссии расплатиться товарами в обмен на газ. И хотя правительство

Украины не предлагало ни пироги, ни блины, и даже не продовольственные товары, а высокотехнологичное оборудование, машины, сельскохозяйственную технику, которые Россия у них закупает, включение данного интертекста привело к созданию негативного образа Белоруссии, как недобросовестного и неплатежеспособного партнера. Тем самым, предложение Белоруссии было высмеяно и исключало любую возможность переговоров о вариантах оплаты за поставленный газ.

2. Использование метафоры как основы создания комизма в языковой игре.

Тему газового конфликта с Белоруссией с использованием языковой игры продолжается в официальной беседе В. Путина с главой Газпрома: *Я так понимаю, что белорусские партнеры залезли в экспортную трубу и уже осуществили некоторый отбор вчера* [2]. Данная метафора *залезли в экспортную трубу* содержит прием языковой игры, т.к. основана на идиоме *залезть в чужой карман*, т.е. украсть, стащить что-либо потихоньку. Глагол *залезть* используется как в прямом, так и в переносном значении, а в данном случае происходит соединение двух значений, т.к. в трубу, как в некое пространство, действительно можно залезть, также используется и переносное значение *украсть*. Языковая игра, как и в первом случае, направлена на унижение и даже высмеивание партнера – Белоруссии.

3. Недосказанность и иносказание.

Достаточно обидные и даже унижительные высказывания для президента Белоруссии не могли не вызвать ответной реакции. Так, во встречных выступлениях А. Лукашенко наблюдался прием языковой игры, в основе которого лежали и недосказанность в сочетании с иносказанием, и возможность вариантов развития событий: *Белоруссия может отказаться от услуг России в строительстве АЭС* [2]. Основным акцентом в данном высказывании является глагол *может*, т.к. выражает многозначную интерпретацию, т.е. предполагает различное развитие событий: может отказаться, а может и не отказаться, только думает об отказе, или решение о разрыве договоренностей уже практически принято. Семантическая открытость фразы несет скрытую угрозу в адрес России и, прежде всего, в адрес Д. Медведева и В. Путина, которые столь пренебрежительно отзывались о Белоруссии и А. Лукашенко как президенты страны. Следует отметить, что для публичных речей А. Лукашенко, как и для выступлений российских политиков не свойственно ссылаться на фамилии, делать прямые упреки. Так, политик даже не считает нужным пояснить причины, по которым Белоруссия может отказаться от услуг России, но всем слушателям понятно, что это ответ на нелюбезные высказывания Д. Медведева и В. Путина. Для А. Лукашенко, как для ведущего политика Белоруссии, было важно за счет своих официальных выступлений продемонстрировать силу, восстановить пошатнувшееся политическое равновесие, чтобы было возможно вести диалог на равных, поэтому в анализируемом отрывке соединение двух глаголов: инфинитива *отказаться* и глагола несовершенного вида *может*, усиливает модальность что, с одной стороны, позволяет занять сильную позицию в диалоге, т.к. глагольное сочетание придает высказыванию жесткость, категоричность, а с другой стороны, делает упор на неопределенность ситуации, отсутствие окончательного решения.

4. Обыгрывание фамилии посредством языковой игры.

Необходимо также отметить, что для выступлений В. Путина характерно и прямое использование языковой игры с фамилией подчиненного. Так, во время подготовки к трансляции матчей с чемпионата Европы по футболу руководство канала «НТВ-плюс» объявило о показе всех матчей исключительно на платных каналах, что, в свою очередь, было прокомментировано политиком следующим образом: *«НТВ-плюс» вместе с футбольным союзом, вместе с председателем Виталием Мутко, они там чего-то намутили в очередной раз и хотят у нас, рядовых болельщиков, отнять возможность бесплатного просмотра футбольных матчей* [1]. На наш взгляд, в данном отрывке содержится намеренная игра однокоренными словами – *Мутко – намутили*. При этом, глагол *намутили* употребляется в прямом значении *мутить, создавать непрозрачную ситуацию, делать что-либо неблагоприятное*. Неслучайно, в известной поговорке *ловить*

рыбку в мутной воде используется отглагольное прилагательное *мутная (вода)*, т.е. непрозрачная, в которой совсем не видно, что находится внутри, поэтому среда благоприятная для развития самых разных организмов или в переносном значении – темных дел.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование приема языковой игры в политическом дискурсе может быть реализовано несколькими способами: посредством использования медиа-образов, метафор, как основы создания комизма, недосказанности и иносказания, обыгрывания фамилии и имен собственных. Следует отметить, что тактика языковой игры намерено включается в политические выступления, чаще всего, для передачи иронии, сарказма или шутки. На основе анализируемого языкового материала мы пришли к выводу, что использование языковой игры в публичных речах помогает не только удачно решить коммуникативные задачи политического выступления, но и придать необходимые черты образу политика, тем самым, способствуя ведению политического диалога.

Список литературы

1. *Жданов А.* «Намутили...» Судьбой футбольных телетрансляций озаботился президент России // Советский спорт, 09.03.07, Россия, - [Электронный ресурс] - URL:<https://www.sovsport.ru/football/articles/252886-namutili-sudboj-futbolnyh-teletransljacij-ozabotilsja-prezident-rossi> (дата обращения 20.03.2018).
2. *Корсунов П.* Это последняя попытка интегрироваться на постсоветском пространстве // Коммерсантъ, 22.11.11, Россия - [Электронный ресурс]-URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1821831> (дата обращения 20.03.2018)
3. *Полякова Л.С.* Роль личности переводчика при выборе гендерных стратегий // Вестник Челябинского государственного университета. - Филология. Искусствоведение. Выпуск 57, № 24 (239), 2011. – Челябинск, 2011. – С.260-262.
4. *Суворова Е.В., Полякова Л.С.* Теория языка. - учебное пособие. Магнитогорск: МГТУ, 2015. - 54 с.

10.02.00

¹О.В. Праченко канд. филол. наук, ²Е.С. Хованская канд. филол. наук,
²Л.Н. Юзмухаметова канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
¹кафедра теории и практики перевода,
²кафедра иностранных языков для социально-гуманитарного направления,
Казань, oksana.oksana@mail.ru, katja.khovanskaya@gmail.com, LNJuzmuhametova@kpfu.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ ИНОСТРАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье описаны модели контекстуальных трансформаций фразеологических единиц английского языка, в частности – в американском телевизионном сериале, с целью достижения речевого своеобразия персонажа, для которого английский язык не является родным. Замена и опущение компонентов, буквальная интерпретация фразеологических единиц, а также контаминация рассматриваются как выразительные средства создания юмористического эффекта в сериале.

Ключевые слова: *фразеологизмы, фразеологические единицы, трансформированные фразеологические единицы.*

“Морская полиция: спецотдел” (NCIS) — это американский телесериал, посвященный деятельности федерального агентства по расследованию преступлений, совершённых на флоте, при Министерстве военно-морских сил США. Речь бывшего агента Моссада, Зивы Давид, обильно наполнена фразеологизмами, которые она использует ненадлежащим образом, поскольку английский не ее родной язык.

Проблема индивидуально-авторского использования фразеологических единиц (ФЕ) разрабатывается очень активно в работах многих исследователей [1-6]. Это объясняется тем, что анализ окказиональных образований, причина появления которых кроется в поисках новых средств экспрессии и остроумия, важен для характеристики общих тенденций развития и использования фразеологии. Однако среди исследователей нет единства в терминологии. Мы будем пользоваться термином трансформированные фразеологические единицы (ТФЕ), и под ними мы понимаем обороты, форма которых отличается от той, то зафиксирована в словарях.

Впервые вопрос о контекстуальных преобразованиях ФЕ был поднят А. В. Куниным. Он выделил следующие виды трансформаций ФЕ: вклинивание слов/словосочетаний/предложений в состав ФЕ без нарушения их целостности, добавление переменных к началу или к концу ФЕ при отсутствии изменений лексического состава, деформации различных типов с изменением лексического состава или структуры ФЕ [2].

В. Мейдер, рассматривая трансформацию пословиц, ввел термин *anti-proverb*, который широко используется в зарубежной лингвистике [4].

Начистионе А. в своей работе [5] утверждает, что для анализа трансформированных в тексте фразеологизмов более подходящим является понятие дискурс, и убедительно показывает, что в отдельных случаях исследования ФЕ дискурсный анализ может охватывать даже все художественное произведение целиком. Автор рассматривает три основных приема: расширенная метафора, фразеологический повтор и фразеологическое насыщение.

Классификация Резникова [6], представленная в его словаре, дает подробный обзор различных механизмов изменения ФЕ: фонетические (омонимия, паронимия, рифма),

морфологические (перестановка частей слов, неологизмы и т. д.), лексические (полисемия, анатомия, синонимия и т. д.), синтаксические (реструктуризация, расширение) и стилистические (метафора, метонимия, различные виды инверсии и т. д.).

Итак, необходимо обобщить классификации трансформаций ФЕ, как это было сделано в работе Хованской Е.С. [3], и рассмотреть основные ошибки, которые делают неносители языка при употреблении ФЕ в речи. Нами были проанализировано 135 ТФЕ. Приемы преобразований ФЕ расположены по степени частотности.

1) замена компонентов

Замена компонентов может происходить из-за их фонетического сходства. В следующем фразеологизме *to drive somebody up the wall* (прижать к стене) Зива заменяет слово «wall» на «hall».

Ziva: Ducky, drip it!

Ducky: You mean drop it or zip it?

Ziva: American idioms drive me up the hall!

Замена компонентов может быть обусловлена ассоциациями, в результате которых подменяется компонент, лежащий в основе образа фразеологизма.

Ziva: I've learned from Gibbs that in certain cases you can attract far more bees with honey.

Tony: Flies.

Ziva: What do flies have to do with honey?

Tony: Flies don't like vinegar.

Ziva: Vinegar?

Tony: It's complicated [episode 3–14].

В этой сцене Зива намерена использовать пословицу *You can catch/attract more flies with honey than vinegar* (вы можете поймать или привлечь больше мух медом, чем уксусом), но она заменяет «мух» на «пчел», вероятно, из-за ассоциации пчел с медом. Кроме того, Зива опускает последнюю часть основного варианта пословицы, которая упоминает уксус.

2) буквальная интерпретация

Tony: I'm not ready to start taking tips from you on this yet (я не готов слушать твои советы по этому поводу).

McGee: Tony, I think it's time to *get back on that horse* (буквально: я думаю, тебе пора снова вернуться к этой лошади).

Ziva: Are you getting a pony? (У тебя есть пони?)

Tony: It's an adage (это такое выражение).

Ziva: I'm not familiar with that breed (я не знаю эту породу).

Эта сцена является прекрасным примером буквального понимания фразеологизма и отлично демонстрирует создание комического эффекта за счет двуплановости восприятия ФЕ. Макги дает советы Тони, который, кажется, стал менее успешным с женщинами. Метафора лошади здесь относится к возвращению к соблазнению женщин. Зива буквально понимает идиому. Широкий контекст актуализирует первоначальное фразеологическое значение оборота, *to get back on horse* означает *быть снова в седле, быть на коне*.

3) контаминация

McGee: You know what they say about a watched pot.

Tony – Ziva: Calls the kettle black!

McGee: Never boils [episode 6–08].

Эта сцена, в которой Тони отчаянно ждет звонка, содержит две фразеологические единицы: пословица Макги, разделенная на две части, *watched pot never boils* (кто над чайником стоит, у того он не кипит) и ошибочный ответ Зивы, основанный на идиоматическом выражении *the pot calls the kettle black* (уж кто бы говорил!).

4) опущение компонентов

Ziva: Did you wake up in the wrong bed this morning?

Tony: If your question is: Did I wake up on the wrong side of the bed? [episode 5–13].

Опущение одного из ядерных компонентов ФЕ, несущих на себе основную смысловую

нагрузку, приводит к изменению семантики фразеологизма, что в свою очередь в столкновении с полным фразеологизмом создает эффект каламбура. *To wake up on the wrong side of the bed* означает встать с левой ноги, быть в плохом настроении, тогда как неправильное употребление идиоматического выражения означает проснуться в чужой постели.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о типичных ошибках в употреблении фразеологизмов в речи, которые присущи неносителям языка: замена компонентов фразеологизма, неразличение фразеологического значения выражения, контаминация, опущение компонентов. ТФЕ являются одним из основных способов создания комического эффекта и средством характеристики образа персонажа.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Роль контекстуальных преобразований фразеологизмов в создании юмористического эффекта в литературном анекдоте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 3. – С. 36–41.
2. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря.: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964. – 1229 с.
3. Хованская Е.С. Фразеологические единицы в произведениях В. В. Набокова и способы их передачи на другой язык: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Хованская Екатерина Сергеевна. - Казань, 2005. - 22 с.
4. Mieder W., Litovkina A. Twisted Wisdom, Modern Anti Proverbs. Hobart: De Proverbio, 2002.
5. Naciscione A. A Cognitive Approach to Translating Phraseological Terms. // In Focal Issues of Phraseological Studies: Research on Phraseology in Europe and Asia, 2011, vol. 1, 269–290.
6. Reznikov A. *Old Wine in New Bottles, Modern Russian Anti-Proverbs*. Burlington: University of Vermont, 2009.

10.02.00

А.В. Проскурина

Кемеровский государственный университет,
институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций,
кафедра стилистики и риторики
Кемерово, proscurina@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ ЛЕКСЕМ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

В работе ставится цель выявить роль гнезда однокоренных слов с вершинным компонентом «язык» в формировании национальной картины мира русского народа. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы, выражающие отношение русского народа к языку посредством функционирования в них членов гнезда. Семантическое своеобразие фразеологизмов обуславливает их роль в создании системы мировидения русского народа и высвечивает особенности функционирования в них членов гнезда однокоренных слов с вершинным компонентом «язык» в русском языке.

Ключевые слова: *словообразование, гнездо однокоренных слов, фразеологизмы, семантика, языковая картина мира, сознание, культура.*

Каждый язык, будучи единством потенциального и реализованного, предстаёт формой хранения национальной культуры, выступает особой полифункциональной системой знаний и представлений его носителей. Двуплановое существование языка проявляется на всех уровнях его организации, включая словообразовательный. «В словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка» [1, с. 9]. Человек как познающий субъект обнаруживает во внешнем мире связи предметов, их признаков, действий, осмысливает (интерпретирует) и отражает их через создание производных слов, относящихся к тому или иному словообразовательному типу или гнезду однокоренных слов.

Комплексные единицы словообразования (типы, гнезда) вскрывают принципы системной организации лексем в своих пределах. Рассмотрение учеными гнезда однокоренных слов с позиций системно-структурного и функционально-деятельностного подходов обнаруживает разные основания для квалификации однокоренных слов в качестве членов одного гнезда. А. Н. Тихонов подчеркивает, что «родство слов, образующих гнездо, заключается в их смысловой и материальной общности <...> Общая часть – корень – выступает как носитель общего для всей семьи значения» [7, с. 8]. Получается, что гнездовое единство изучается в системе языка на основе формально-семантического критерия.

Учёт антропоцентрического фактора в языке позволил исследователям обосновать родство слов в рамках гнездовой общности исходя из способностей человека – носителя языка – связывать в пространстве мысли воспринимаемые реалии мира ситуативно. М. А. Осадчий, изучая однокоренную лексику русских народных говоров, доказал, что «феномен гнезда порожден сюжетным, ситуативным характером человеческого мировидения. Носители языка интуитивно ощущают в гнезде систему очевидных ролевых связей между словами-явлениями» [5, с. 8]. Поэтому внутреннее устройство гнезд имеет пропозиционально-семантическую организацию, вскрывающую логику формирования картины мира и ее отдельных фрагментов. Следует отметить, что внеязыковая системность гнезда однокоренных слов проявляется в условиях реального функционирования входящих в него лексем в коммуникации. Коммуникация, как правило, осуществляется в текстовой форме. А тексты выступают хранителями культурной информации [3, с. 45]. «Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [2, с. 250]. Исследование в таком ракурсе

позволит, на наш взгляд, говорить о двуплановом модусе существования гнезда однокоренных слов, находящем отражение в его пропозиционально-семантической организации.

Объектом исследования является фрагмент картины мира, представленный в русском языке посредством выбранной для анализа группы лексических единиц в рамках одного гнездового единства с вершинным компонентом «язык». Предметом исследования выступает пропозиционально-семантическая организация гнезда с вершинным компонентом «язык» как потенциальная модель в аспекте ее реализации во фразеологических единицах, выражающих отношение русских людей к языку. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы [4], выражающие отношение русского народа к языку посредством функционирования в них членов гнезда.

Выбор фразеологизмов в качестве анализируемого материала обусловлен их глубоким познавательно-культуроведческим потенциалом, т. е. способностью хранить, отражать и транслировать опыт, историю и память народа. Этим можно объяснить антропоцентричность фразеологии [3, с. 45], её установку на отражение разных сторон жизни человека и предписание ему определённых норм и правил поведения. Обращение к фразеологии даёт нам возможность проследить особенности функционирования лексических единиц, являющихся членами гнезда однокоренных слов с вершинным компонентом «язык», в русском языке. Тем самым обнаруживаются ракурсы осмысления языка и степень его освоения в русской культуре.

Язык – это то, что определяет жизнь любого народа, ведёт его по пути социализации и познания законов мироустройства. В системе ценностей представителей русского народа особое место отводится языку как способу регулирования отношений в реальной среде, в которой они обитают. Выявление отношения к языку со стороны его носителей – один из значимых аспектов в изучении языковой картины мира.

Потенциальный план существования гнезда однокоренных слов с вершинным компонентом «язык» представлен в Словообразовательном словаре русского языка [6]. Смысловое (пропозиционально-семантическое) пространство указанного гнезда формируется путём набора производных лексем (*язычок, язычище, язычишко, языкастый, языкастость, языковой, безъязыкий, межъязыковой, надъязычный, языковедение, языковед, языкознание, двуязычный, многоязычный, трёхязычный* и др.), в семантике которых происходит актуализация многоаспектной семантики вершинного слова; 1) язык как орган речи, 2) язык как средство общения и 3) язык как народ, нация. При актуализации первого аспекта язык оказывается потенциально включённым в ситуацию обладания / необладаия определёнными качествами и функциями. Второй аспект связан с использованием языка в жизни, обществе и возможностью его изучения. Третий аспект семантики вершинного слова «язык» предполагает принадлежность языка к определённому народу. С учетом выявленных аспектов семантики вершинного слова производные лексемы можно распределить по группам: 1) *язычок, язычище, язычишко*, в смысловой структуре которых воплощается пропозиция «объект по значимому признаку»; 2) *языкастый, безъязыкий, безъязычный, двуязычный, многоязычный* – пропозиция «субъект по характерному признаку»; 3) *языковед* – пропозиция «субъект по функционально значимому объекту»; 4) *надъязычный, подъязычный* – пропозиция «объект по месту расположения»; 5) *межъязыковой* – пропозиция «объект по отношению к другому объекту»; 6) *языковедение, языкознание* – пропозиция «объект по функционально значимому действию (субъект имплицитно представлен)». Получается, что в гнезде однокоренных слов очерчены рамки осмысления языка в зависимости от той роли, которую он играет в обозначенных ситуациях. В развернутом виде пропозиционально-семантическая связанность однокоренных слов предстает в текстовом измерении, которое формируется фразеологизмами с членами гнезда однокоренных слов с вершиной «язык». «Всякий фразеологизм – это текст, т. е. хранитель культурной информации. Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их» [3, с. 45].

Как показал анализ отобранного нами фразеологического материала, отношение русского народа к языку проявляется через фразеологизмы, в которых члены гнезда с вершиной «язык» представлены в явной форме (*слаб на язык* – чересчур болтлив, *проглотить язык* – замолчать, перестать говорить, болтать и др.) и через фразеологизмы, в которых такие компоненты отсутствуют, но содержатся компоненты других гнёзд, ассоциативно с ними связанные (*ходячий человек* – человек, обладающий самыми разносторонними знаниями, у которого всегда можно узнать, спросить и т. п. что-либо, поучиться чему-либо; *от слова к слову* – по мере развития беседы, разговора; *бабьи сказки* – вымысел, небылицы и др.).

Большая часть русских фразеологизмов с компонентом «язык» включает именно вершинный компонент «язык», в семантике которого реализуется аспект «подвижный мышечный орган в полости рта человека, участвующий в образовании звуков речи» и «язык как средство общения». Для русского народа значимым прежде всего является действенная природа языка, его полифункциональность и мощный дидактический потенциал. Этим можно объяснить наличие многочисленной группы фразеологизмов с компонентом «язык / язычок», обозначающих комплекс действий, которые связаны с применением языка. В ситуациях, обозначаемых такими фразеологизмами, язык играет роль культурно значимого средства или объекта воздействия: *вертится на языке* – очень хочется сказать, спросить; *держат язык за зубами* – молчать, не болтать, не говорить лишнего и др. Производимые действия с помощью языка в сознании русского народа предстают как социально одобряемые и социально неодобряемые, поэтому очевидна определяющая роль языка в речевом этикете русского народа.

Ко второй группе относятся фразеологизмы, обозначающие человека или его качества в зависимости от уровня владения языком: *остёр на язык* – остроумен, язвитель; *злые языки* – любители пересудов, сплетники; *язык без костей* у кого – очень болтлив, любит поговорить и др.

Третью группу составляют фразеологизмы с компонентом «язык», обозначающие результат владения языком: *общий язык* – полное взаимопонимание, полная согласованность в каких-либо действиях; *эзоповский (эзопов) язык* – книжн. Иносказательное выражение мыслей. При реализации вершинного слова во фразеологизме в его семантике актуализируется компонент средство (язык), использование которого приводит к получению результата. За этой группой фразеологизмов стоит ситуация выражения мыслей в особой форме (резко, иносказательно).

Мы видим, что во фразеологизмах как варианте текстового (речевого) функционирования эксплицитную реализацию получает вершинный компонент гнездового единства «язык». Ядерный компонент гнезда участвует в ситуациях, которые имплицитно актуализируют другие члены гнезда. Например, в потенциальной модели гнезда представлена производная лексема *языкастый*, отсутствующая в рассматриваемых нами фразеологизмах. Однако её значение находит отражение во фразеологизмах с компонентом «язык» (*остер на язык, язык без костей*). Очевидно, что смысловые потенции, заложенные в гнезде однокоренных слов, получают частичную реализацию посредством фразеологической актуализации.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 17-04-00253-ОГН\18
«Язык и культура телеутов».*

Список литературы

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Изд-во «Индрик», 1998. – С. 9.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб: Искусство, 2000. – С. 250.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – С.45.
4. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
5. Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С.8.
6. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1990. Т. 2. – 885 с.
7. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. 3-е изд. М.: Культура и традиции, 1997. – С. 8.

10.02.00

П.Е. Топорков

КГУ им. К.Э. Циолковского

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена анализу отглагольных предикативов - единиц, словообразовательно и семантически связанных с глаголами и в разной мере выражающих глагольную семантику. Выделены первичные и вторичные отглагольные предикативы, рассмотрена проблема синонимичности и взаимозаменяемости глагола и предикатива, а также особенности функционирования таких единиц в нелитературных формах русского языка.

Ключевые слова: *предикатив, состояние, действие, глагол, синтаксическая деривация.*

Предикатив как класс слов является одной из актуальных и во многом нерешённых проблем современного языкознания. Подробно вопрос классификации предикативов в современном русском языке представлен нами в работе [4]. Термин "предикатив" связан с термином "категория состояния", и, соответственно, в класс предикативов включаются преимущественно единицы с семантикой состояния. Однако наряду с семантикой состояния, существует обширная группа предикативов, связанных с глаголом словообразовательно и реализующих глагольную семантику.

Подобные единицы отмечаются во многих языках мира и маркируются различными способами:

- а) как фразеологизмы (во фразеологических словарях);
- б) как обособленные лексико-грамматические формы (без указания вида: фразеологические обороты, устойчивые сочетания слов, обособившиеся формы)
- в) как предикативы.

Единообразия ни в рамках русскоязычной лексикографии, ни в рамках сопоставительного языкознания (в т.ч. в словарях двух и более языков) нет.

Так, например, в "Словаре русского языка XVIII века" (см. [2]) форма *не в мочь* отмечена как предикатив, а *быть в мочи* - помечена как обособленная лексико-грамматическая форма:

НЕ В МО́ЧЬ, безл. предикат. Невозможно (терпеть), невыносимо. Уже не в мочь моей <лошади> спинѣ: Не лъзя ль сойти с меня? Пора мнѣ в степь отсюду. Дмтр. III 21.

♦ Быть в мочи. Хотя имѣю облегчение, однакож еще безсилен, а как в мочи буду, тогда пришло (...)

Существует несколько видов формальных отношений глагола и мотивированного им предикатива:

- а) «первичные», т.е. образующиеся на основе синтаксических дериватов (в терминологии Е. Куриловича, см. [1]).

Предикатив опирается на лексическую единицу, семантически эквивалентную глаголу, но самостоятельно не употребляемую или редко употребляемую в данном значении.

Ср. *на ходу* – *ход?*, *на подхвате* – **подхват*.

Ср.: У него все десятиклассники *на подхвате*. (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)).

- б) «вторичные», т.е. образующиеся на основе лексических дериватов. Глагольное значение частично утеряно (*под запором*).

И я снова *под запором* в пустой квартире. (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)).

- б1) формирующиеся на основе лексических дериватов с эмотивным предикативным значением: значение предикатива напрямую соотносимо с глагольной семантикой (*я в обалдайсе* – *обалдайс!* — *я обалдел*).

- Я в полном *обалдайсе*. - Ничего сложного в этом нет. Такова эволюция. (<http://readr.ru/>)

в) Предикативы, семантически и формально соотносимые с глаголами (замена на производный глагол возможна в некоторых контекстах), но не мотивированные ими: *в цене* ~ цениться, *в наличии* ~ наличествовать.

Рассматриваемые предикативы могут быть семантически классифицированы следующим образом:

- В соответствии с пассивным/ активным характером состояния: *в цене* – ценится (пассив), *в ходу* – «ходит», *в разъезде* – разъезжать (вне категории залога); в зависимости от того, как происходит распределение валентностей на актанта, предикативы могут выражать либо в большей мере агентивное значение, либо в большей мере пациентное, однако крайние случаи невозможны.

Ср.: Целый день Владимир был *в разъезде* (А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Метель (1830)).

- В соответствии с перфектным/ имперфектным характером состояния (отношение характера состояния к моменту речи); здесь возможны варианты:

а) актуальное имперфективное состояние *быть в разъезде, в бегах*.

Ср. также англ. *be on the buy* – ‘делать большие покупки’, нем. *im Besitz sein* – ‘иметь собственность’, франц. *être en quête* – ‘быть в поисках’.

Сама убежала с двенадцати лет. Душой-то он давно был *в бегах*. Далеко его унесло? (Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001);

б) перфективное состояние: *в завязке*.

Ср. мотивационно опирающийся на прямое значение контекст употребления:

— Любарь с ними *в завязке*, — убеждал Славик. (Борис Екимов. Высшая мера (1995));

в) ориентированное на достижение предела состояние (значение ближайшего будущего).

Ср. русск. *на вылете, на подходе* - аналогично польск. *być na wylocie* и др. Данный вид значений образуется только от глаголов accomplishment – «совершения» в классификации Вендлера, см. [5];

г) имперфективное состояние с созначением ‘повторяемости’. Предикатив характеризует повторяемое, регулярно переживаемое субъектом состояние: *на подхвате*.

Ср. *на ходу*, в семантике которого необязателен компонент «повторяемости»: Машина *на ходу* = вообще ‘ездит’, но не: ‘постоянно ездит’).

Ср. также с модальным созначением: Решил, что не ездить туда, и тогда, как бы с отдаленной точки, увидел себя в Москве и ужаснулся сам себе: ведь всего три месяца назад он был *на ходу* сделать такое дурачество — жениться на какой-то кузине и жить в Москве. (Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)).

Рассмотрим специфику семантики отглагольных предикативов. Семантика глагольного предикатива может быть как ближе к кругу состояний, так и ближе к кругу «действий».

Данный вид предикатива обладает рядом глагольных грамматических значений: вид, предельность (абсолютная/ относительная, имплицитная/ эксплицитная).

Применительно к отглагольным предикативам закономерен вопрос: почему в языке существуют формы *завязал – в завязке*, т.е. параллельные формы глаголов и отглагольных предикативов?

Нами отмечены три варианта сосуществования глагола и отглагольного предикатива в языке:

1. Глагол и отглагольный предикатив взаимозаменяемы в любых (или в большинстве) контекстов.

2. Как глагол, так и предикатив, могут употребляться в заданном контексте, но при этом происходит изменение семантики.

3. Расхождение в семантике между глаголом и предикативом значительно, в связи с чем возможно употребление только либо глагола, либо предикатива.

Ср. Купюра *в обращении* – *купюра *обращается*.

Семантика отглагольных предикативов в различной степени сохраняет семантику глагола-мотиватора. Выделим следующие варианты семантических отношений:

а) предикативы, взаимозаменяемые с глаголами:

В этом случае степень фразеологизации минимальна, видовременная семантика сохраняется.

Наибольшая тенденция к взаимозамене наблюдается у предикативов с семантикой погружённости в состояния, ср. *быть в нажоре* – *нажраться*.

б) частично взаимозаменяемые предикативы: *в ходу*

В этом случае замена возможна в ограниченном числе контекстов; степень фразеологизации выше и связана в том числе с ограничениями на сочетаемость, которые накладывает подлежащее.

Ср.: *Купюра в ходу* – *Купюра ходит*.

По-прежнему *в ходу* и по-прежнему помогают средства традиционной фитотерапии. (Вера Елгаева. Бессонница (2003) // «100% здоровья», 2003.03.01).

**Средства ходят.*

в) взаимозамена невозможна.

Причины невозможности такой взаимозамены следующие:

- степень фразеологизации отглагольного существительного в составе предикатива высока;

- изменяется видовременное значение;

- влияние узуса: форма глагола или предикатива не употребительна в данном типе высказываний, ср. на *излёте* – *излетать*;

- взаимозамена невозможна или нежелательна ввиду возникающей двусмысленности высказывания: *Мы в расчёте* – *Мы рассчитались* (*рассчитаться* = ‘свести счёты’ или ‘выстроиться по порядку’).

Наличие предикативов с семантикой перфективного состояния «компенсирует» отсутствие в русском языке разделения типа английского *past simple/ present perfect tense*. Предикатив соотносит состояние, наступившее в результате действия, с планом настоящего.

В таких примерах, как *на ходу*, *на плаву*, *на слуху*, *на счету* значение может быть определено как ‘состояние, понимаемое как способность к действию», при этом предполагаемое действие может выражаться однокоренным глаголом: *на ходу* – т.е. может «ходить» (в широком смысле, в т.ч. применительно к транспорту), аналогично *на плаву* (= способный плавать), *на слуху* (= то, о чем слышат); *на счету* (= то, что считается важным, необходимым).

Таким образом, отглагольные предикативы составляют достаточно многочисленную, пополняемую и семантически своеобразную группу предикативов. Образование и употребление таких единиц связано:

а) с различными аспектами синтаксической деривации и употребления фразеологически связанных значений существительных - синтаксических дериватов;

б) с реализацией различных типов глагольной семантики, в т.ч. имперфектной и перфектной семантики в рамках существующей в русской грамматике системы глагольных значений;

в) с проблемой синтаксической реализации процессуальных и стативных значений в различных контекстах.

Список литературы

1. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
2. Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/> (дата обращения: 22.11.2018).
3. Топорков П.Е. Предикативы как семантико-синтаксическая группа слов в русском языке// Русский язык в школе. 2013 №1.
4. Vendler, Z. (1957) Verbs and Times, The Philosophical Review 66(2):143-160.

10.02.00

П.Е. Топорков

КГУ им. К.Э. Циолковского

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ В НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ПОДЪЯЗЫКАХ

В статье рассмотрены некоторые особенности реализации коннотативного компонента значения в нелитературных подъязыках. В частности, отмечены модификации на уровне понятийного содержания лексемы, модификации на уровне денотативных зон, а также модификации идеологического компонента значений.

Ключевые слова: *семантика, коннотация, денотат, сигнификат, арго, жаргон.*

Нелитературные формы существования национального языка характеризуются в том числе и особым соотношением номинативных и характеризующих компонентов в структуре значения слов.

Традиционная семантическая структура (денотат - сигнификат - коннотация) претерпевает в нелитературных формах существования языка значительные изменения: характерны как изменения на уровне сигнификативного компонента, так и на уровне денотативного. Коннотативные значения общелитературного значения могут становиться основой развития новых, специфических сигнификативных компонентов.

1. Модификации на уровне сигнификата

Для жаргонов (но в особенности для арго) свойственно следующее:

А. Размытие или изменения мотивационной связи - зачастую жаргонные значения лишь косвенно могут быть выведены из коннотаций литературных лексем.

Размытие мотивационных связей прослеживается при формировании номинативных и номинативно-оценочных значений имён собственных

Ср.: *Володя* Активная лесбиянка. *Гаврила* 1. Проводник железнодорожного вагона [2].

Подобные обозначения воспринимаются носителями литературного языка как в полной мере арготические, "закрытые", т.е. восстановление мотивационной связи невозможно (хотя, вероятно, в ряде случаев подобные обозначения являются окказиональными и немотивированными).

Любопытно, что наряду с такими "закрытыми", в полной мере арготическими номинациями в арго присутствуют обозначения с "прозрачными", в ряде случаев литературными аллюзиями. Кроме этого, в жаргонах отмечены коннотации, основанные на интерпретации явлений СМИ и массовой культуры. Такие значения опираются на специфически жаргонные коннотации.

Ср.: *Мушкетёры* 1) Сотрудники уголовного розыска, специализирующиеся на ловле карманных воров. 2) Обвиняемые и осужденные по части III статьи 206 УК РСФСР от 1961 года (особо злостное хулиганство). [5]

Итальянский день В Советской армии день, когда солдатам не готовят мясных и рыбных блюд [7]

Китайский (японский) разведчик (шпион) хитрый, загадочный человек; излишне бдительные отец или мать (в речи подростков) [4].

Помимо этого, возможна нейтрализация оценочного значения литературной лексики, что является причиной распространения фонетической мимикрии.

Ср. в жаргоне автолюбителей: *хитрила* автомобиль Nissan X-Trail; *мерин* автомобиль Мерседес-Бенц.

Ср. также в молодёжном жаргоне: *Бухенвальд* шутил.-ирон. Пьянка; [6]

Грузия Ерунда, лишняя, ненужная информация [6] (от *грузить* - сообщать лишнюю/трудно воспринимаемую информацию)

В ряде случаев коннотации литературного слова-источника, напротив, поддерживаются фонетической мимикрией.

Ср.: *Эсэсовец* - сотрудник ОБХСС [5]

Ср. также словообразование только на основе фонетической мимикрии: *Эсэсовец* - шутил. комп. Заставка спящего режима (SS - Screen Saver) [6].

Б. Размытие "знака" оценки, нейтрализация или ослабление оценочных коннотаций.

Для жаргонов, в первую очередь для молодёжного и общего жаргона, свойственно размытие коннотативных сем. Зачастую оценочные созначения ослаблены, не имеют постоянного "знака", варьирование положительной и отрицательной оценок связано с контекстом высказывания.

Ср.: *Кабан, кабанятина* 1. Большой, полный, сильный человек. 2. Молодец, молодчина. Ну ты кабан! [4]

Возможно также употребление *Ну и кабан!* с отрицательной оценкой.

В. Развитие номинативного компонента оценочных метафор

В жаргонах, и в особенности в уголовном жаргоне, на основе оценочных коннотаций происходит развитие лексем с оценочно-номинативными значениями.

Ср. *зубастый* - 'сотрудник уголовного розыска'; 'следователь'; 'прокурор'; *гниль* (вольнонаёмный сотрудник ИТУ, хорошо знающий мир блатных), *гнус* (мелкий воришка); *Гусь* 1. Провокатор 2. Директор общеобразовательной школы в ИТУ 4. Неизвестный человек [2].

Коннотации литературного языка и разговорной речи могут являться основой для развития вторичных номинативно-оценочных значений.

Ср.: *Кролик* 1. Нарк. Самый зависимый из всех членов группы наркоманов, которого за "долги" используют для испытания действия самодельных препаратов 2. Проститутка, поджидающая клиентов по окончании работы бара, ресторана. [6]. Первое значение очевидно опирается на общелитературную коннотацию 'робость, покорность', во втором значении мотивационная связь для носителя литературного языка размыта.

Подобные случаи реже, но отмечаются и в народных говорах.

Ср.: *Сексот* скупой, прижимистый человек (1957), см. также *сексотничать*.

Аглицкий 2. О предметах обихода: заграничный или добротный русский. Аглецкие косы, вилы, топоры и т.п. [8]

От номинативно-оценочных значений следует отличать лексемы и устойчивые сочетания с расширенным оценочным значением.

Ср., по данным словаря [5]: *гусь* — преступник-ренегат, поддерживающий постоянную связь с милицией. «*Это был тот еще гусь!*»; *гусь жирный* — богатый человек, которого собираются обокрасть; *гусь приезжий* — преступник, потерпевший в чем-то фиаско.

Отдельно отметим те случаи, когда развитие коннотативных сем связано с метонимическим переносом.

Ср. в русских народных говорах: *Горемыка* 2. Алкоголь, водка.

соха 5. о трудолюбивом, старательном человеке.

Баран 4. Перен. Прозвище человека, уличенного в краже овец.

См. также номинативно-оценочное обозначение: *Горемычка* 2. Водка, настоянная на калгане. [8]

2. Модификации на уровне денотативных зон

В случае с идентифицирующими именами (в трактовке Арутюновой, см. [1]) формирование или модификация **коннотативных** значений в ряде случаев мотивирована. Такая мотивация связана с развитием оценочного или номинативного (номинативно-оценочного) компонента. Такие коннотации могут частично пересекаться с коннотативным полем лексемы в литературном языке, а могут развивать иные коннотации.

Ворона, -ы, ж. 1. Солдат первой половины второго года службы во внутренних войсках. 2. Шумная, горластая женщина. 1. — из арм.

Ворона 1. Женщина средних лет 2. Потерпевшая [2]

В словаре [6] Ворона 1. Девушка

В ряде случаев модификация значений идентифицирующих имён (собственные имена) носит семантико-грамматический характер (перенос 'состояние' - 'лицо' - 'предмет').

Ср.: *Вологда* - тяжёлые условия заключения

Воркута - заключённый, длительное время пробывший в местах лишения свободы; заключённый с длительным сроком наказания

Ташкент 1. Костёр 2. Тёплая батарея отопления 3. Печь 4. Уютное место [2]

В целом, развитие коннотативных сем в нелитературных подъязыках обнаруживает следующие закономерности:

1) отмечается общая тенденция к разрыву мотивационных связей между литературным языком и нелитературной формой в сфере коннотативных значений, причём такая тенденция к "закрытости" нелитературной лексемы (невозможности вывести значение из коннотации лексемы литературного языка) характерна не только аргю, но встречается и в народных говорах.

2) отмечены процессы развития оценочно-номинативных (с разной долей присутствия оценочного и номинативного компонентов) значений лексем подъязыков на основе коннотации литературного языка

3) активизация процессов перехода лексем и значений между нелитературными формами языка, а также переходов из нелитературной формы в разговорную речь сопровождается развитием поликоннотативных значений, связанных с модификацией исходной коннотативной семы и особенностями восприятия того или иного явления нелитературной среды (напр., уголовного мира) в сознании носителя иной формы существования языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. - 896 с.
2. Балдаев Д.С., Белко В.К. и др. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992. — 526 с.
3. Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского аргю: 27 000 слов и выражений. М., 2003. — 1120 с.
4. Елистратов В.С. Словарь русского аргю. М.: Русские словари, 2000. — 694 с.
5. Зугумов З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М., 2015. — 727 с.
6. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. Около 2000 слов. М., 2003. — 736 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. Харьков, 1998. — 701с.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-47. Л., СПб, 1965-2014.

10.02.19

А.В. Уразметова канд. филол. наук

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
Уфа, urazmetova82@mail.ru

ФИТОТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США

Статья посвящена исследованию фитотопонимической лексики США. Разрабатывается классификация фитотопонимов в соответствии с природной зоной распространения растительности и ее типом. Проводится количественный анализ исследуемых единиц, в результате которого выявляется продуктивность семантических типов фитотопонимов, а также частотность ботанических номен как компонентов топонимических единиц.

Ключевые слова: *топоним, фитотопоним, топонимика, США.*

Согласно классификации топонимов по их происхождению и отнесению топоосновы к определенной лексико-семантической или тематической группе лексики, выделяют антропотопонимы, топотопонимы, этнотопонимы, зоотопонимы, фитотопонимы, эрготопонимы и т.д. [Уразметова 2017: 23]. Данная работа посвящена исследованию фитотопонимической лексики США. Следует отметить, что в лингвистической литературе встречаются разные термины для названия топонимов, содержащих ботанический номен: *фитохоронимы, ботанохоронимы, фитонимы*. Мы используем термин *фитотопоним* как имя собственное любого географического объекта, содержащего ботанический номен. Растительность, являясь важным элементом природы и существования человека, отразилась в названиях многих топонимических объектов, в том числе и в американской культуре.

Самые ранние фитотопонимы относятся ко времени, когда люди были в полной мере зависимы от природы, тем самым стараясь обустроить свой быт вдоль рек или возле лесных массивов. «Появление фитонимических топонимов объясняется учеными первичными «бытийными» ценностями в топонимической картине этноса» [Дмитриева 200:33, Жамсаранова 2003: 95, Доржиева 2011: 36].

Топонимический пласт США стал формироваться в XVII веке. Топономинии того времени отличались взаимодействием двух систем: «старой» и «привезённой». На территории, которую осваивали англичане, уже имелись названия, данные многочисленными племенами индейцев. Значительный массив индейской топонимии связан непосредственно с флорой, так как растения были либо частью трапезы, либо лекарственным ингредиентом, либо важной составляющей различных обрядов. В основном фитотопонимы данного типа являются дескриптивными, например, *Niskayuna* «место, где растет пшеница»; *Chappaqua* «съедобный корень»; *Nunda* «место, где растет картофель»; *Acabonan* «лекарственная трава»; *Missisquoi* «здесь есть хорошая трава»; *Wasioja* «здесь растут сосны». Одной из причин, по которой аборигенные названия были сохранены, является экзотичность звучания индейских языков, что стало своего рода рекламой, привлекающей европейцев исследовать новые земли [Ягумова 2016: 155]. Также необходимо отметить влияние и других языков (испанского, голландского, французского и т.д.) на становление американской топонимии. Например, в американской топонимике можно встретить ярко выраженные французские фитотопонимы: *Frenes* – франц. *frene* «ясень»; *Chataignier* – франц. *châtaignier* «каштан».

Флора США изменяется в зависимости от климатической зоны страны, а поскольку топонимы отражают окружающую действительность, то распространение фитотопонимов коррелирует с природной зоной распространения растительности. Таким образом, фитотопонимический пласт США можно подразделить на следующие подгруппы:

1. флора центральной части США преимущественно представлена смешанными лесами (*pine* «сосна», *oak* «дуб», *birch* «береза», *ash* «ясень» и др.), что отражается в многочисленных фитонимациях с этими элементами, например: *Bay Pines*, *Big Pine*, *Big Oak Dam*, *Ashley Oaks*, *Birch Bed*, *Little Birch Creek*;

2. на севере и на восточном побережье страны преобладают сосновые, кедровые и лиственные леса (*spruce* «ель», *larch* «лиственница», *maple* «клен» и др.), в качестве примеров можно привести следующие топонимы: *Big Spruce Creek*, *Larch Bay*, *Maple Dairy*, *Maple Falls*;

3. на юге США наблюдается субтропическая растительность (*magnolia* «магнолия», *lemon* «лимон», *ivy* «виноград», *lotus* «лотос», *palm* «пальма», *cypress* «кипарис», секвойя «sequoia» и др.: *Lemon Grove*, *Vineberg*, *Lotus*, *Vine Hill*, *Palmdale*, *Lemona*, *Cypress*, *Lemon Heights*, *Lemoncove*;

4. западная часть страны – регион пустынь и полупустынь, для которых характерны кустарники, полукустарники, кактусы (*cactus* «кактус», *heather* «вереск», *wormwood* «полынь» и т.д.): *Cactus Point*, *Heather Bay*, *Wormwood Canal*.

Среди причин возникновения фитотопонимических номинаций следует выделить либо наибольшую концентрацию растительного вида на той или иной территории, либо наоборот, единичность и уникальность растительного вида, нехарактерного для данной территории. «Отражение в акте топонимической номинации не самых распространенных признаков местности, а редких, выделяющих данный объект из окружающей среды, явление довольно частое» [Доржиева 2011: 37].

Результаты количественного анализа фитотопонимической лексики США показывают, что фитотопонимов в южных штатах значительно больше, чем в северных. Самыми «зелеными» (с точки зрения количества фитотопонимов) штатами являются Флорида (27,12%) и Калифорния (25,78%). Следовательно, наблюдается прямая корреляция между вариативностью растительности и вариативностью фитонимаций. Жители южных штатов, окруженные большим количеством растений и деревьев, в названиях географических объектов используют большее количество фитоэлементов. Меньшая вариативность растительности в северных штатах отражается в меньшем количестве топонимов с фитоэлементами.

Различают несколько основных типов растительности: древесная, кустарниковая, травянистая, мохово-лишайниковая, грибы, водоросли. Семантический тип «древесная растительность» [Хвесько 2007: 25] является наиболее частотным (60 %) в фитотопонимической лексике США. Данный семантический тип объединяет названия лиственных и хвойных пород деревьев, среди которых предпочтение отдается названиям лиственных пород деревьев. Самым распространенным деревом в составе топонима является дуб (52,89%) (например, *Oak Hall*, *North Oaks*, *Oak Ledge*, *Oak Hill* и т.д.); следующим по частотности элементом является сосна (34,7%) (например, *Pine Island*, *Pine Brook*, *Pine Point*, *Forest Pine* и т.д.). Наименее продуктивные элементы «древесной растительности» в топонимах – секвойя (0,98%) (например, *The Sequoia*, *Sequoia Hall*, *Sequoia Vineyards*) и тсуга (0,59%) (например, *Camp Hemlock*, *Hemlock Hall*, *Hemlock Ranch*), хотя первая является самым высоким деревом не только в США, но и во всем мире, а вторая широко распространена по всей стране.

Семантический тип «кустарниковая растительность» является вторым по частотности в фитотопонимической лексике США (27%). Чаще всего встречаются семемы полынь (*wormwood*), шалфей (*sage*), шиповник (*briar*). Например: *Wormwood Hill* – вершина горы в штате Коннектикут, *Wormwood Pond* – озеро в штате Мэн, *South Fork Sage Creek* – источник в штате Айдахо, *Big Sage Hen Dam* – плотина в штате Монтана, *Briar Ridge* – хребет в штате Теннесси, *Green Briar Lake* – водохранилище в штате Техас.

Семантический тип «травянистая и цветковая растительность» (10%) представлен в топонимах преимущественно следующими семемами: базилик (*basil*), петрушка (*parsley*), мята (*mint*), корица (*cinnamon*), ваниль (*vanilla*). Например: *Basil Corners* – местность в штате

Пенсильвания, *Basil Hollow* – долина в штате Вашингтон, *Parsley Swamp* – течение в штате Южная Каролина, *Parsley Bridge* – мост в штате Миннесота, *Mint Grove* – населенный пункт в штате Вашингтон, *Mint Canyon* – долина в штате Калифорния, *Cinnamon Creek* – течение в штате Монтана, *Cinnamon Acres* – населенный пункт в штате Арканзас, *Vanilla Bay* – болото в штате Южная Каролина, *Vanilla* – населенный пункт в штате Пенсильвания.

Крайне редко в американской топонимии встречаются грибы, водоросли и мохово-лишайниковая растительность (3%), *Lichen Creek* – ручей в Калифорнии, *Alga Lake* – озеро в Висконсине, *Champignon* – населенный пункт в штате Юта.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что топонимический пласт лексики, в котором отражаются природные элементы, является одним из самых распространенных видов не только в топонимии США, но и в любом языке. Фитотопонимы, представляя собой важные компоненты отображения образа природы, репрезентируют окружающую действительность, коррелируя с природной зоной распространения растительности. Количество фитотопонимов значительно отличается при сопоставлении топонимической лексики северных и южных штатов.

Список литературы

1. Дмитриева Л.М. Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей (на материале русской топонимии Алтая) // Язык. Человек. Картина мира: материалы Всерос. Науч.-практ. Конф. – Омск, 2000. – С. 33-35.
2. Доржиева Г.С. Фитотопонимы Квебека: лингвокультурная характеристика // Вестник Бурятского государственного университета, 2011, Вып. 11. – С. 36-41.
3. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. – 12 с.
4. Ягумова Н.Ш., Богус З.А., Абрегов А.Н. Англоязычная фитотопонимия как отражение национальной культуры США // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2016. – Выпуск 4 (187) – С. 153-159.
5. Уразметова А.В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 188 с.
6. Хвесько Т.В. Дихотомия апеллятив онома в языке и речи (на материале русского и английского языков): монография. – Тюмень: Сити-пресс, 2007. – 192 с.

10.02.00

Б.Э. Хакимов канд. филол. наук

Казанский федеральный университет,
Институт прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан,
khakeem@yandex.ru

ОПЫТ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТАТАРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье представлены принципы моделирования двуязычного русско-татарского тезауруса IT-лексики, который представляет собой новый электронный информационный ресурс научного характера. Проанализированы особенности перевода IT-терминов на татарский язык, структурные особенности татарских терминов данной предметной области. Исследовано явление вариативности, как характерный признак развивающейся терминологии, выявлены особенности вербализации понятий IT-области средствами татарского языка. Выводы подкреплены статистическими данными из электронного корпуса татарского языка.

Ключевые слова: *тезаурус, терминология, информационные технологии, татарский язык, русский язык синонимия, языковая вариативность.*

1. Введение

Язык информационных технологий в связи с бурным развитием и повсеместным распространением новых способов поиска, хранения, обработки и передачи информации, является одним из наиболее динамично развивающихся пластов специальной лексики на рубеже XX -XXI веков.

Знание базовой терминологии IT-области в современном обществе стало повседневной необходимостью: круг носителей языка сферы информационных технологий постоянно расширяется. Таким образом, IT-терминология из узкопрофессиональной области стремительно переходит в общий лексикон и начинает развиваться, следуя законам не только профессионального, а и общеупотребительного языка.

IT-терминология – терминология, связанная с разработкой, развитием и эксплуатацией информационных систем. Ее ядро в настоящее время образует компьютерная терминология.

Процесс развития IT-терминологии позволяет наблюдать активные языковые процессы, обусловленные динамикой развития в сфере информационных технологий. В то же время, термины IT-области в национальных языках возникают под сильным и непосредственным влиянием английского языка; в татарском языке влияние английского языка опосредовано русским языком, что может вызывать интересные эффекты как на уровне языковой семантики, так и языковой формы.

2. Особенности тезаурусного моделирования IT-терминологии

Тезаурусное моделирование позволяет анализировать связь понятия (концепта) и слова (термина, общеупотребительной лексемы, текстового входа и т.п.) [5]. Двуязычный тезаурус служит в качестве модели терминологии конкретной предметной области на двух языках и отражает межъязыковые соответствия и специфику обоих языков как в плане концептуализации, так и в плане вербализации. Таким образом, разработка русско-татарского двуязычного IT-тезауруса дает возможность, с одной стороны, изучать влияние русского, а также английского (опосредованно либо напрямую) языка на развитие национальной терминологии, с другой стороны, это возможность наблюдать собственные процессы терминообразования и концептуализации в конкретной области знаний на татарском языке.

В данной статье представлены особенности моделирования и заполнения двуязычного русско-татарского ИТ-тезауруса на базе тезауруса РуТез [4]. В РуТез в определенной степени описаны концепты и текстовые входы в ИТ-сфере для русского языка, хотя отдельный раздел (домен) и отсутствует. Интеграция с РуТез и общественно-политическим русско-татарским тезаурусом [2], также использующим модель РуТез, среди прочих преимуществ, представляет потенциал для сравнения на фоне общественно-политического тезауруса особенностей технического и гуманитарного подстилей.

В силу того, что понятийная структура ИТ-сферы является во многом универсальной и интернациональной, основные различия между русским и татарским языком проявляются не на уровне концептов, а на уровне текстовых входов – вариантов терминов. Данные различия обусловлены, в первую очередь, разными способами вербализации концептов, грамматическими и типологическими особенностями русского и татарского языков.

3. Источники терминологической лексики для тезауруса.

Источниками переводов ИТ-терминов на татарский язык являются учебные тексты, статьи Википедии, сайты СМИ Республики Татарстан, а также словари терминов информационных технологий [1, 3, 7, 8, 9]. Отдельным источником служат локализованные версии программного обеспечения, например, программных продуктов Майкрософт и др. [10]. Таким образом, на основе широкого круга источников формируется и постоянно пополняется коллекция текстов ИТ-тематики, представленная одноязычной (татарской) и двуязычной (параллельной русско-татарской) частью. На основе собранной тематической коллекции был сформирован подкорпус с морфологической разметкой текстов и частично снятой морфологической многозначностью [6].

Анализ источников показал определенную ограниченность материала в сфере татароязычных ИТ-текстов. Количество и содержание доступных текстов ИТ-тематики на татарском языке обусловлено особенностями функционирования – в первую очередь, это учебные тексты и статьи Википедии. Число статей в СМИ, которые могут быть однозначно отнесены к сфере ИТ, ограничено. Среди учебных текстов часто встречаются повторы (различные версии, переиздания и т.п.) – часть таких текстов при включении в коллекцию отбрасывалась. В то же время, значительная часть материала из такого источника, как локализованные версии программного обеспечения, представляет собой небольшие фрагменты, либо очень короткие мини-тексты (в том числе, состоящие из единственной фразы). Что касается формирования параллельной русско-татарской коллекции текстов, то следует отметить тот факт, что некоторые тексты, изначально рассматриваемые и представляемые в источниках как параллельные, не всегда полностью удовлетворяют требованиям эквивалентности и параллельности.

Для более широкого представления в тезаурусе концептов ИТ-сферы, в том числе актуальной, «пользовательской» терминологии, проведена адаптация ядра ИТ-лексики в РуТез. Осуществлено пополнение тезауруса на основе дополнительных источников: двуязычных и многоязычных словарей, локализованных версий программного обеспечения и документов текстовой коллекции ИТ-подкорпуса.

Добавленные понятия с текстовыми входами относятся к следующим тематическим категориям:

1. Средства аутентификации пользователей в компьютерных программах

УЧЕТНАЯ ЗАПИСЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ (АККАУНТ, УЧЕТНАЯ ЗАПИСЬ) – КУЛЛАНУЧЫНЫҢ ХИСАП ЯЗМАСЫ (АККАУНТ, ХИСАП ЯЗМАСЫ, ТЕРКӘЛҮ ЯЗМАСЫ)

ПАРОЛЬ – ПАРОЛЬ (СЕРСУЗ)

2. Работа и обмен сообщениями в сети Интернет:

ПРОГРАММА-БРАУЗЕР (БРАУЗЕР) – БРАУЗЕР ПРОГРАММАСЫ (БРАУЗЕР)

ПРИКРЕПЛЕННЫЙ К ПИСЬМУ ФАЙЛ (ВЛОЖЕНИЕ, ПРИКРЕПЛЕНИЕ) – ХАТКА БЕРКЕТЕЛГӘН ФАЙЛ (БЕРКЕТМӘ, КЕРТЕЛМӘ, БЕРКЕТЕЛГӘН ФАЙЛ)

ЭМОТИКОН (СМАЙЛИК) – ЭМОТИКОН (СМАЙЛИК, ЕЛМАЙЧЫК, ТОЙГЫ БИЛГЕСЕ)

ПРОГРАММА-СЕРВИС (СЕРВИС) – СЕРВИС ПРОГРАММА (СЕРВИС, ХЕЗМӘТ)

ОБЛАЧНЫЙ СЕРВИС – БОЛЫТ СЕРВИСЫ, БОЛЫТКА НИГЕЗЛӘНГӘН СЕРВИС

ГИПЕРССЫЛКА (ССЫЛКА) – ГИПЕРСЫЛТАМА (СЫЛТАМА)

3. Наименования устройств:

КЛАВИАТУРА – КЛАВИАТУРА (ТӨЙМӘСАР)

ГАДЖЕТ - ГАДЖЕТ

4. Обработка и хранение данных:

РЕЗЕРВНАЯ КОПИЯ ДАННЫХ (РЕЗЕРВНАЯ КОПИЯ) – МӘГЪЛҮМАТНЫҢ РЕЗЕРВ КҮЧЕРМӘСЕ (РЕЗЕРВ КҮЧЕРМӘ)

ОБЛАЧНОЕ ХРАНИЛИЩЕ ДАННЫХ (ОБЛАЧНОЕ ХРАНИЛИЩЕ) – БОЛЫТКА НИГЕЗЛӘНГӘН МӘГЪЛҮМАТ САКЛАГЫЧЫ (БОЛЫТ САКЛАГЫЧЫ, БОЛЫТТАГЫ МӘГЪЛҮМАТ САКЛАГЫЧЫ)

БЛОКЧЕЙН - БЛОКЧЕЙН

5. Социальные аспекты информационных технологий:

ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ – УЕННАРГА БӘЙЛЕЛЕК

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ – ИНТЕРНЕТКА БӘЙЛЕЛЕК

КИБЕРСПОРТ - КИБЕРСПОРТ

6. Экономические аспекты информационных технологий:

КРАУДСОРСИНГ - КРАУДСОРСИНГ

КРИПТОВАЛЮТА - КРИПТОВАЛЮТА

7. Новые технологии виртуальной реальности

СМЕШАННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – КАТНАШ ЧЫНБАРЛЫК

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – КИҢӘЙТЕЛГӘН ЧЫНБАРЛЫК.

Всем тематическим группам свойственна вариативность татарских текстовых входов и наличие нескольких вариантов перевода русского термина с помощью синонимичных лексических средств или грамматических конструкций.

4. Особенности перевода IT-терминологии на татарский язык

Обобщенная классификация способов вербализации концептов IT-домена в татарском языке выглядит следующим образом:

1) заимствование номинации в английской графике: FACEBOOK.

2) Транслитерация и транскрипция слов исходного языка. Транслитерация может быть как полной, так и частичной. Например: БИОЧИП, POS-ПРИНТЕР, ИНТЕРНЕТ-КАФЕ и др.

3) Калькирование – покомпонентный перевод на уровне слова (перевод морфем) или словосочетания (перевод компонентов словосочетания). На материале русско-татарского тезауруса можно выделить следующие стратегии создания калькированных терминов:

а) полное калькирование с использованием заимствований - АВИАЦИОННЫЙ ТРЕНАЖЕР – АВИАЦИЯ ТРЕНАЖЕРЫ, БИОРЕЗОНАНСНАЯ ТЕРАПИЯ – БИОРЕЗОНАНСЛЫ ТЕРАПИЯ и др.

б) частичное калькирование с использованием заимствований - АВТОМАТ ПО ПРОДАЖЕ БИЛЕТОВ – БИЛЕТ САТУ АВТОМАТЫ, БУФЕРНОЕ ЗАПОМИНАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО – БУФЕРЛЫ ХӘТЕР ҖАЙЛАНМАСЫ, ЖЕСТКИЙ ДИСК – КАТЫ ДИСК, ЖИДКОКРИСТАЛЛИЧЕСКИЙ МОНИТОР – СЫЕК КРИСТАЛЛЫ МОНИТОР и др.

в) Подбор эквивалента - терминологизация собственных слов языка - ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ – МӘГЪЛҮМАТ САКЛАУ, ВНЕШНЯЯ ПАМЯТЬ – ТЫШКЫ ХӘТЕР, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ЯДРО – ХИСАПЛАУ ТӨШЕ и др.

3) Образование новых терминов средствами татарского языка – КОМПЬЮТЕР – САНАК, КЛАВИАТУРА – ТӨЙМӘСАР и др.

Как показывает обработанный материал, в татарской части тезауруса преобладает калькирование названий концептов и их текстовых входов, либо заимствование русских терминов, которые в свою очередь являются транслитерацией интернациональных

(английских) терминов. Транслитерация собственно русских слов встречается значительно реже. Таким образом, можно сказать, что в обоих языках присутствует общий пласт транслитерированных терминов интернационального происхождения, отражающих универсальные, либо наиболее “технологичные” концепты ИТ-сферы. С другой стороны, оба языка используют собственные средства терминологизации или создания новых терминов там, где это возможно. При этом, при работе над тезаурусом особое внимание обращается на способы создания терминов из существующих и вновь образованных слов татарского языка, как представляющие наибольший интерес в плане вербализации концептов, в том числе, и в сравнительном плане.

В силу недостаточной разработанности ИТ-терминологии в татарском языке, для многих текстовых входов переводные эквиваленты не обнаруживаются ни в одном из источников. В таких случаях допускается авторский перевод с опорой на выявленные закономерности и способы перевода.

5. Вариативность и синонимия татарских ИТ-терминов.

Дополнительным фактором определенной специфики текстовых входов является то, что ИТ-терминология в татарском языке находится в стадии становления и активной первоначальной разработки, что приводит к значительной степени вариативности. Так, параллельно могут использоваться несколько синонимичных татарских ИТ-терминов, каждый из которых образован одним из указанных ниже способов. Кроме того, накладывает свой отпечаток и распространенная в татарской терминологии в целом синонимия интернациональных (западно-европейских) и арабо-персидских заимствований, дополняемая в целом ряде случаев созданием новых терминов собственными средствами татарского языка. Например, ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА - ИНФОРМАЦИОН СИСТЕМА, ИНФОРМАЦИЯ СИСТЕМАСЫ, МӘГЪЛҮМАТ СИСТЕМАСЫ, МӘГЪЛҮМАТИ СИСТЕМА. В данном примере наложение двух факторов – источника заимствования и языковой конструкции – дает четыре варианта термина в татарском языке.

В процессе работы над ИТ-тезаурусом была поставлена задача максимально отразить все многообразие текстовых входов с разной частотой употребления, в том числе и потенциально употребительных. При этом в качестве названия концепта, согласно общим принципам, проиллюстрированным на примере тезауруса по общественно-политической тематике, выбирается наиболее нейтральный и частотный вариант.

Отдельную группу представляют понятия, имеющие в татарском языке как минимум два альтернативных текстовых входа, один из которых совпадает с термином в русском языке, а второй образован средствами татарского языка. При этом оба татарских термина являются абсолютными синонимами, в качестве имени концепта используется совпадающий с русским вариант как более нейтральный:

БРАУЗЕР - БРАУЗЕР/ГИЗГЕЧ

КЛАВИАТУРА - КЛАВИАТУРА/ТӨЙМӘСАР

ПАРОЛЬ - ПАРОЛЬ/СЕРСҮЗ

ВЕРСИЯ - ВЕРСИЯ/ЮРАМА

КОМПЬЮТЕР - КОМПЬЮТЕР/САНАК.

Все татарские текстовые входы, зафиксированные в лексикографических источниках или в текстах, включаются в тезаурус, при этом частотность их употребления различается. Как правило, активнее используется нейтральный вариант, совпадающий с русским. Но собственно татарские производные варианты также могут иметь относительно высокую частотность (САНАК, СЕРСҮЗ). В других случаях они употребляются очень редко, например ГИЗГЕЧ.

Кроме того, зафиксированы калькированные термины с искаженным значением. Например, текстовый вход ЮРАМА (ВЕРСИЯ) встречается в некоторых текстах и образован в результате буквального перевода слова “версия” в значении предположения. Тем не менее, он включен в состав текстовых входов.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 16-18-02074 «Разработка моделей связывания терминологии в разных языках (на материале русского и татарского языков)»

7. Заключение.

В данной статье описан опыт создания двуязычного русско-татарского тезауруса ИТ-лексики. Данный ресурс позволяет исследовать процесс развития ИТ-терминологии в татарском языке под влиянием русского и английского языка, наблюдать активные языковые процессы, обусловленные динамикой развития в сфере информационных технологий. Для тезауруса была сформирован специальный подкорпус – коллекция текстовых источников, состоящая из текстов ИТ-тематики на татарском языке, представленных учебниками, статьями СМИ и Википедии. Наряду с лексикографическими источниками – словарями татарских терминов информационных технологий, данный подкорпус позволяет отслеживать реальное употребление лексических единиц в татарском ИТ-дискурсе. Выявлено, что для татарских терминов информационных технологий свойственна значительная вариативность, обусловленная различными лингвистическими и социолингвистическими факторами.

Список литературы

1. Англо-русско-татарский словарь компьютерных терминов / М-во образования и науки РТ ; АН РТ, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова; НИИ "Прикладная семиотика" [сост.: А. А. Тимерханов, Ф. И. Тагирова, Р. Т. Сафаров; науч. ред.: Д. Ш. Сулейманов, А. А. Тимерханов]. – Казань: Татарское книжное издательство, 2015. – 239 с.
2. Галиева А.М. Создание русско-татарского тезауруса по общественно-политической тематике: общие принципы и аспекты реализации /А.М. Галиева, А.В. Кириллович, Н.В. Лукашевич, О.А. Невзорова, Д.Ш. Сулейманов // Научно-техническая информация. серия 2: Информационные процессы и системы. - 2017. - № 2 - С. 20 - 28.
3. Информатика и ИКТ: русско-татарско-английский глоссарий компьютерной лексики / авт.-сост.: Л.Л. Салехова, Н.И. Батрова, А.В. Данилов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 114с.
4. Лингвистическая онтология «Тезаурус РуТез» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.labinform.ru/pub/ruthes/>, дата обращения: 10.10.2018.
5. Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 512 с.
6. Подкорпус ИТ лексики татарского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://tugantel.tatar/corpus/it/>, дата обращения: 10.10.2018.
7. Сөләйманов Ж.Ш., Галимжанов Ә.Ф. Информатика буенча татарча-русча-инглизчә сүзнамә / Ж.Ш.Сөләйманов, Ә.Ф.Галимжанов. – Казан: "Сәләт" фонды, 2001. – 95 б.
8. Сулейманов Д.Ш., Галимянов А.Ф., Валиев М.Х. Термины информатики и информационных технологий. Англо-татарско-русский толковый словарь (толкования на тат. яз.). – Казань: Магариф, 2006. – 383 с.
9. Сулейманов Д.Ш., Галимянов А.Ф., Валиев М.Х., Желтов П.В., Желтов М.П., Желтов В.П. Англо-русско-татарско-чувашский словарь терминов по информатике и информационным технологиям (с толкованиями на татарском языке). Приложение к Материалам Третьей Международной конференции по компьютерной обработке тюркских языков (TurkILang 2015, Казань, 17-19 сентября 2015 г.). – Казань: изд-во АН РТ, 2015. – 400 с.
10. Языковой портал Microsoft [Электронный ресурс]. URL: <https://www.microsoft.com/Language/en-US/Terminology.aspx>, дата обращения: 10.10.2018.

10.02.00

Н.И. Хомутская канд. филол. наук, В.А. Будкина

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Государственный социально – гуманитарный университет»,
Коломна, khomutskaya.n@mail.ru

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА

В данной статье рассматриваются лингвострановедческие вкрапления в текстах рассказов писателя-иммигранта В. Каминера. Основу данных вкраплений составляют различные идеографические группы слов-реалий, характеризующих определённую эпоху жизни в Советском Союзе. Писатель предпринимает попытку противопоставления сфер жизни в Германии и СССР.

Ключевые слова: *лингвострановедение, межкультурная коммуникация, короткий рассказ, эпоха, колорит.*

Лингвострановедение являясь относительно новой учебной дисциплиной, стремится подробно описать и найти точки соприкосновения при анализе вопросов истории, географии, культуры, литературы, искусства, нравов и обычаев, традиций, элементов бытовой культуры отдельно взятой страны или нескольких стран в сравнительно-сопоставительном аспекте. Повышение роли лингвострановедения в современном образовательном пространстве теснейшим образом связано со стремительно развивающимися процессами межкультурной коммуникации и глобализации. Ещё известный российский германист В.Д. Девкин подчёркивал, что «в контексте процесса развития межкультурной коммуникации повышается роль иностранного языка. Здесь и приобретение культурологических знаний, и идеология, и материальная обеспеченность преподавания, и методика обучения чужому языку, и развитие навыков реализации межнациональной коммуникации, и тренировка переводческой изобретательности, и целый ряд организационных вопросов, определяющих режим и успех овладения иностранным языком» [1, 5]. Лингвострановедческие комментарии необходимы и целесообразны на всех уровнях преподавания иностранного языка. Исходя из темы предпринятого исследования, мы остановимся на роли лингвострановедческих вкраплений в художественном произведении, а именно слов-реалий в текстах коротких рассказов писателя-иммигранта В. Каминера. Он появился в немецкоязычном пространстве в первые годы после Второй мировой войны и сразу же получил широкое распространение. Главная особенность немецкоязычного короткого рассказа – это то, что всё самое важное, о чём стремится рассказать писатель, заключено между строк и инспирирует читателя к глубокой мыслительной деятельности. «Konzentriertes Erzählen gilt natürlich auch für die Kurzgeschichte, aber noch mehr verstärkt. Ist novellistisches Erzählen konzentriertes Erzählen, so das der Kurzgeschichte eher aussparendes Erzählen: Der Umfang ist noch geringer, das bedingt eine noch straffere Komposition» [2,109]. Лексико-стилистические средства короткого рассказа чётко выверены и лаконичны, велика роль контекста при определении смысла используемых лексических единиц. Таким образом, язык выступает в качестве руководства к пониманию культуры, а лексика данного языка – это зеркало, отражающее уровень культуры, духовного богатства и своеобразия интеллекта народа. Характерным для произведений автора-иммигранта является наполнение творчества культурными реалиями родной страны – сведениями о быте, традициях, менталитете. Язык В. Каминера прост, его стиль схож с разговорным стилем, он отличается большим количеством заимствований и юмористически окрашенных элементов. Его цель – сохранить свою культурную самобытность, интегрируя в новое общество и одновременно активно используя в своём творчестве особенности принадлежности к двум культурам.

Как и многие другие писатели-иммигранты, В. Каминер в своих произведениях обращается к теме жизни на родине, однако, основной же темой повествования в рассказах исследуемого автора является жизнь в эмиграции:

«*Ich bin kein Berliner. Ich bin auch nicht Deutschland. Die Social-Marketing-Kampagne des letzten Jahres «Du bist Deutschland» hat mich nur irritiert. Ich kenne mich hier nicht wirklich aus»* [3, 9].

Данный отрывок насыщен лингвострановедческой информацией, связанной с новой родиной писателя-иммигранта. Это информация изложена в виде противопоставления, что характеризует противоречивый мир взглядов писателя.

Образ России в творчестве В. Каминера является комбинированным и многослойным конструктом. Среди произведений автора разных лет, можно выделить фрагменты текстов и сделать вывод, что данный образ включает в себя ряд лингвострановедческих компонентов. Согласно проведённому исследованию, языковыми средствами репрезентации могут быть словоформы (лексемы), словосочетания, предложения и т. д. Мы согласны с утверждением Т. Шиппан, что значение слова формируется под воздействием трех различных факторов: во-первых, объективно – свойствами самого объекта реальной действительности; во-вторых, тем, каким образом общество познает действительность (т. е. как люди классифицируют объекты, какие качества и свойства этих объектов для них существенны и интересны и т. п.); в-третьих, самой языковой системой (каждое новое слово не просто добавляется в лексическую подсистему языка, а инкорпорируется, встраивается в нее, что отражается так или иначе и на значении данной лексической единицы [5, 44].

Рассмотрим это на примере нескольких идеографических групп.

Например, группа «Традиции и обычаи» объединяет яркие примеры типичных традиций России.

Рождество, по словам автора, русские празднуют иррационально: *feiern die Russen noch immer irrational: Die Männer betrinken sich gründlich, und die Frauen üben sich im Wahrsagen* [3, 28]. Начало учёбы ребёнка в школе не отмечается совсем: *Bei uns in der Sowjetunion wurde die Einschulung überhaupt nicht gefeiert*, в то время как у немцев существует известная устоявшаяся традиция.

В серии рассказов «*Ich bin kein Berliner*» В. Каминер посвящает отдельный рассказ («*Berliner Aberglaube*») описанию наиболее распространённых и известных русских традиций и сравнению их с немецкими эквивалентами.

В сборнике «*Meine russischen Nachbarn*» автор приводит пример благосостояния белорусской семьи: *Es gibt noch viele Familien, die kein Auto besitzen, sich keinen Urlaub in der Türkei leisten können und nur einen Fernsehapparat haben* [4, 7].

В этом же сборнике автор даёт описание семьи из Риги, которая имеет предмет советского быта самовар - бытовой символ - семейственности, сплоченности и домашности.

Ihre Hochzeiten feierten sie auch russisch, d.h. das Essen hatte viele Gänge und nach jedem wurde eine schwarze Zigarette geraucht. Sie schenkten uns irgendwann einen Samowar [4, 56].

Особое место занимает и описание всеобщего дефицита в Советском Союзе. Так, к примеру, ассортимент парфюмерии в стране был крайне скуп и насчитывал всего лишь пять видов: *Sie hießen Rotes Moskau, Schipr, Nelke, Der Dreifache und, nicht zu vergessen, das begehrte Russischer Wald. Die Parfüms leuchteten grün, halfen gut gegen Mückenstiche und taugten auch zur Insektenabwehr*. И именно по причине ограниченного выбора в советский период в настоящее время русские женщины очень охотно пользуются духами: *Russinnen parfümieren sich unglaublich gerne*. Кроме этого, автор упоминает, что советский одеколон («Тройной» и «Русский лес») в крайних случаях употреблялся также в качестве алкоголя. Писатель сравнивает и предпочтительные курорты. Для советских граждан это, безусловно, Крым; а для немцев – Майорка и Хиддензее. Бытовую культуру автор представляет в виде коммунальной квартиры «*Kommunalwohnung*». Такое типичное для СССР, на его взгляд, жильё В. Каминер описывает следующим образом: *Sie besaß ein kleines Zimmer in einer Kommunalwohnung ohne Telefon, wo noch weiter fünf Familien lebten. Es war eine sehr lebendige*

Kommunalwohnung mit drei Gasherden in der Küche, einem Klo und vielen schreienden Kindern auf dem Korridor [4, 69].

Таким образом, в сознании немецкого читателя, привыкшего к порядку и регулярным мероприятиям государства в сфере здравоохранения, формируется неприятная для жизни жилищная картина.

Нередко автор обращается к политической ситуации и государственному строю советского времени. Например, в рассказе «Der Russe lacht nicht» В. Каминер ассоциирует Леонида Брежнева со стабильностью, застоём и анекдотами.

In meiner Kindheit, vor fünfundzwanzig Jahren, blühte in Russland der politische Witz. Dafür gab es zwei Gründe. Zu meinen war der damalige Generalsekretär Leonid Breschnew wirklich witzig. Er hatte einen Sprachfehler, konnte kaum noch gerade stehen, verlieh sich selbst jedes Jahr neue Orden und Medaillen und wurde von seinen Parteigenossen stets »unser verehrter Leonid Iljitsch« genannt. Man musste sich keine Witze über Breschnew ausdenken. Ihn einfach bei einem Staatsbesuch zu beobachten, reichte schon für eine Flut von Volkshumor. Breschnew hatte es einfach drauf! [4, 75].

Описание автором множества традиций и обычаев, включая элемент сопоставления, позволяет получить более полную картину о России и её колоритных жителях, так как национальные особенности культуры играют немаловажную роль в любом обществе. Упоминание их в рассказах помогает автору сохранить и показать свою самобытность, инспирировать читателя к познанию иного мира, иной культуры.

Список литературы

1. Девкин В. Д. О некоторых проблемах лингвострановедения // Вопросы лингвострановедения и лексикологии. М., 2003. С. 5-10.
2. Allkemper A., Eke N. Literaturwissenschaft/ A. Allkemper, N. Eke. – 2004. – С. 360.
3. Kammer W. Ich bin kein Berliner. Ein Reiseführer für faule Touristen. – 2007. – 256с.
4. Kammer W. Meine russischen Nachbarn. – 2009. – 100с.
5. Schippan Thea. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – 1993. – 306с.

10.02.00

¹Н.К. Шангаева канд. социол. наук, ¹Д.В. Эрдынеева канд. филол. наук,
²Д.Д. Эрдынеева канд. филол. наук

Бурятский государственный университет,
институт филологии и массовых коммуникаций,
¹кафедра немецкого и французского языков,
²кафедра английского языка и лингводидактики,
Улан-Удэ, chnadejda@mail.ru, darierdin@yandex.ru, erdari@mail.ru

ПЕРЕДАЧА ФОРМУЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ БУРЯТСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

В статье представлен авторский перевод традиционных формул бурятских народных сказок на французский язык и проанализированы способы адекватной передачи языковых и культурных различий. Отсутствие опубликованных переводов бурятских сказок на французский язык подчеркивает актуальность исследования, результаты которого могут быть использованы в практической деятельности переводчиков бурятского фольклора.

Ключевые слова: бурятская сказка, французская сказка, традиционные формулы, способы перевода.

Современная лингвистика большое внимание уделяет отражению национально-культурной специфики в языке. Сказка является одной из форм существования культуры, содержит в себе народную мудрость, этические принципы и эстетически воздействует на читателя, вызывая определенные образы и ассоциации. Вместе с тем сказка может выступать в качестве важнейшего средства межкультурной коммуникации. В этой связи встает вопрос об адекватной передаче культурных кодов этноса, поскольку известно, что культурное своеобразие вызывает больше затруднений при переводе, чем различия языковых систем. Перевод фольклорных текстов требует от переводчика не только знания особенностей исходного и переводящего языков, методов перевода, но, как совершенно справедливо отмечает П. П. Дашинамаева, переводчик должен «...мыслить на тонком уровне, упражнять и рафинировать ум и, конечно, неустанно пополнять свой фонд знаний о целевой культуре» [2].

Народные сказки представляют бесценное наследие бурятской культуры и являются объектом изучения этнографии, фольклористики, литературоведения, культурологии, философии, лингвистики. В данной статье анализируются способы передачи языковых формул бурятских сказок на французский язык. Объектом исследования выступают формульные конструкции, которые формируют текст сказки на бурятском и французском языках, и отражают особенности ее сюжетно-композиционного построения. Материалами послужили 62 сказки из сборников бурятских народных сказок [1]. Авторы выражают надежду, что в условиях расширяющихся контактов выполненный ими перевод будет иметь практическую ценность и внесет вклад в развитие межкультурных диалогов.

Своеобразие сказки как жанра состоит в том, что повествование всегда регламентировано и содержит постоянные формулы. Под традиционными фольклорными формулами мы понимаем «отмеченное национально-культурной спецификой клишированное сочетание слов, характеризующиеся стабильностью состава и языкового оформления, устойчивостью в процессе передачи традиции, цельностью формульного значения, признаются исследователями языковой картины мира, являясь, таким образом, мощными источниками интерпретации национальной психологии и философии» [4]. Именно традиционные формулы отражают национальную специфику и колорит. Румынский фольклорист Н. Рошиану делит традиционные формулы на инициальные, медиальные и финальные по

композиционному признаку [5]. Данную классификацию формул мы считаем применимой также и к бурятской народной сказке.

При переводе бурятских традиционных формул на французский язык мы придерживались модели В.Н. Комиссарова и использовали метод эквивалента, при использовании которого «сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы»; метод аналога, при котором подбирается выражение с таким же переносным значением, основанном на ином образе; калькирование, т.е. дословный перевод [3].

Рассмотрим особенности перевода инициальных формул бурятских народных сказок. Наиболее распространенной начальной формулой является *Эртэ урда сагтаа*, которая вводит читателя (слушателя) в выдуманный мир, сообщая при этом время действия. Следует отметить, что практически в каждом языке присутствует подобная формула времени. При переводе на французский язык мы используем функциональный эквивалент *Il y a beau temps*, позволяющий сохранить экспрессивно-стилистическую функцию и вызвать привычные ассоциации.

Для перевода других формул времени: *Урайнай урайнай*, *Урда холын сагта*, *Урдани сагта*, *Эртэ дээрэ үедэ*, *Урдын урда сагта*, мы снова подбираем эквивалентные по функции варианты: *Il y a de cela très longtemps*, *Aux temps jadis*, *Il y a belle lurette*, *Aux temps héroïques*. Знание функционально-эквивалентных формул является основой достижения адекватности перевода и способствует сохранению фольклорности. Формула *Нэгэтэ нэгэ сагта манай буряад арадай дунда хөөрэлдэг* также относится к инициальным формулам бурятских народных сказок. Однако в данном случае перевод требует лексико-грамматических трансформаций и изменения порядка слов: *Comme il était alors raconté dans les contes populaires de notre peuple bouriate*.

Особый интерес представляет инициальная формула времени *Урдын урай сагта*, *уһан далайн шалбааг байхада*. Для ее адекватного восприятия мы отдаем предпочтение приемам калькирования и добавления: *Il y a de cela très longtemps, quand le lac Baïkal était de la taille d'une flaque*. Есть среди бурятских начальных формул и более развернутые, например: *Урдын урай сагта*, *урасхал ехэ мурэнэй горхон байха сагта*, *сахилдагай хухэдэ*, *захын ганса модоной зулзаган байха сагта*. С нашей точки зрения, вариант *Il y a de cela très longtemps, quand une rivière puissante, n'était qu'un ruisseau; quand l'iris n'était pas encore ouvert, quand l'un des tout premiers arbres n'était qu'une tige* передает стилистический эффект оригинала.

Проанализируем способы перевода наиболее частотных медиальных формул бурятской сказки на французский язык. Формула *Ганса сусал гал болодоггуй*, *ганса хун хун болодоггуй* является безэквивалентной и для передачи национальной специфики переведем ее с помощью калькирования: *Un tison ne fait pas de feu ainsi qu'une personne ne fait pas naître un enfant*. Следующая медиальная формула передает сказочно быстрое вырастание героя: *Эртээр бэри эрьеын арһанда багтахаяа болилойт*, *хоног бэри хонни арһанда багтахаяа болилойт*. Мы считаем адекватным следующий вариант перевода: *Le matin il ne rentre plus dans la peau d'un mouton, le lendemain il ne rentre plus dans la peau d'une brebis*.

Ниже представлена срединная формула, которая используется в ситуации, когда перед поединком соперники обсуждают условия битвы. Для адекватной передачи этой формулы мы используем сочетание калькирования и лексического добавления «mesurer les forces»: *Эрхэйн эршээр болохомнай гу, али һомоной хурсаар болохомнай гу? / Est-ce par la force des pouces ou par les pointes des flèches que nous mesurons nos forces?* В бурятских сказках большой палец связан с магической силой, а свидетельством силы выступает меткость стрелка.

Следующая формула фиксирует переход от одного психологического состояния героя к другому: *Дээшээ хаража энеэгээд, доошоо хаража уйлаад*. При ее переводе на французский язык мы сочетаем калькирование и синтаксическую трансформацию, заменив односоставное предложение двусоставным: *Il leva les yeux et se mit à rire; il baissa les yeux et se mit à pleurer*. Во многих бурятских сказках можно встретить формулу *Гэлсэхэ юм / Гэлдэг / On dit que / On raconte que*. По требованию синтаксической нормы французского языка вводим агента действия – неопределенно-личное местоимение «он».

Представляет интерес еще одна медиальная формула, содержащая стандартный ответ жениха на вопрос отца невесты: «Куда путь держишь?». В данном случае *хургэнэй мур* – это дорога, в которую отправился главный герой, чтобы найти себе невесту, а *худайн мур* означает его намерение преподнести свой кушак свату. Обоснованным считаем дать переводческий комментарий, т.к. у бурят обмен кушаками являлся главной частью сватовства, после чего договор о браке считался нерасторжимым. *Бэемни хургэнэй мур, бэһэмни худайн мур ябана / Moi, je suis allé trouver une fiancée, ma ceinture est destinée au marieur. *Chez les Bouriates la ceinture est destinée à arranger le mariage.*

Финальные формулы в бурятских народных сказках не так многочисленны и разнообразны, как инициальные и медиальные. При переводе *Тишже мунөө болсоро хүүр ябана / De nos jours on la raconte, cette histoire; Жаргажа хууһан юм гэлэй / Ils vécurent, dit-on, une vie heureuse; Игэжэ үльгэр домогыё үбгэд хоорэлдэдэг хэн ха даа / Les vieillards en racontaient des contes et des légendes, Амар жаргажа, ашандаа гушандаа түшэбэ гэхэ / Il vécu heureux, trouvant du soutien auprès de ses petits-fils et arrière-petits-fils* мы произвели необходимые морфологические преобразования и структурные замены.

В сказках о богатырях часто можно встретить формулу, в которой герой сравнивается с Гэсэром – посланным небом мифическим персонажем. На наш взгляд, в данном случае кроме грамматических трансформаций, необходим комментарий. *Гэсэр гү, али юм бэ даа байһан / C'était Geser ou quelqu'un d'autre (Geser – le héros de l'épopée bouriate).* В формуле *Ан хуужа ашата бурхандаа түшэбэ* мы заменили фразеологизм «*бурхандаа түшэбэ*» на аналогичный по смыслу во французском языке «*monter au ciel*»: *Ayant vécu une vie heureuse, il monta au ciel.*

Итак, проведенный анализ показывает, что при передаче начальных формул бурятских сказок на французский язык следует использовать функционально-эквивалентные формулы. Медиальные и финальные формулы бурятских сказок представляют больше переводческих решений, однако ввиду их насыщенности культурными смыслами вызывают немало трудностей. В целях сохранения национально-жанровых характеристик и передачи стилистического эффекта традиционных формул предпочтение следует отдавать комбинированному переводу.

Список литературы

1. Бурятские народные сказки. О животных. Бытовые. – Новосибирск: Наука, 2000. – 304 с.
2. Дашиинимаева П.П. Теория перевода. Психолингвистический подход: учебник. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. – С. 263.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – С. 172.
4. Синельников А.В. Лингвокультурные особенности фольклорной стереотипии: сопоставительный аспект (на материале французских и итальянских народных сказок): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – С. 14-15.
5. Рошьяну Н. Традиционные формулы сказки. – М.: Наука, 1974. – 216 с.
6. Contes populaires de Basse-Bretagne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/Contes_populaires_de_Basse-Bretagne (дата обращения 23.09.2018).
7. Il était une histoire – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iletaitunehistoire.com> (дата обращения 10.09.2018).

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Т.А. Алпатова

ПАСТОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
СТРУКТУРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н.М.КАРАМЗИНА*Ключевые слова:* Н.М.Карамзин, пасторальные мотивы, поэтика, концепция мира, сентиментализм.*В статье рассматриваются пасторальные мотивы в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина, которые формируют особый нравственно-философский «сюжет» книги. Его итог – возможность выразить особый аспект карамзинской концепции мира и человека. В ее основе братское единение людей, гармония человека и природы, однако эта гармония недостижима в реальном мире, поэтому пасторальные мотивы в книге предстают как в прямом, так и в ироническом осмыслении, что отражает сложность карамзинской концепции мира, раскрываемой в «Письмах...».*

Т.А. Алпатова

ПАСТОРАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ЭТЮДАХ
Н.М.КАРАМЗИНА*Ключевые слова:* Н.М.Карамзин, пасторальные мотивы, поэтика, концепция мира, сентиментализм.*В статье рассматриваются ранние произведения Н.М.Карамзина – «Деревня», «Ночь» и «Прогулка» – в аспекте их значения для оформления повествовательных форм карамзинской прозы. Пасторальные мотивы в этих произведениях сталкиваются как возможность объединить реальные картины, впечатления героя-повествователя с глубинными духовно-философскими смыслами, унаследованными от мифологических корней пасторальной традиции, что способствовало их актуализации в русской литературе конца XVIII – начала XIX в.*

О.В. Афанасьева

«АНГЛИЙСКИЕ» РЕЦЕПЦИИ В ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА
«ДЕКОРАТОР»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕРТЕКСТА И
ПОДТЕКСТА*Ключевые слова:* интертекст, подтекст, рецепции, Акунин, Конан Дойл.*Статья посвящена анализу вопроса межтекстового диалога повести Б. Акунина «Декоратор» и рассказа А. Конан Дойла «Убийство в Эбби-Грейндж». Автор выявляет точки соприкосновения двух текстов и показывает их глубокие интертекстуальные связи, попутно объясняя смысл предпринятого Акуниным обращения к тексту Конан Дойла.*

В.Н. Бараков

ФИКТИВНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ (АННА РАЗУВАЛОВА О
«ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ» И ВАСИЛИИ БЕЛОВЕ)*Ключевые слова:* В. И. Белов, Анна Разуvalова, «деревенская проза».*В работе представлены результаты анализа издания Анны Разуvalовой «Писатели - «деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов». Значительная часть книги посвящена наследию выдающегося русского писателя Василия Белова (1932 – 2012). Актуальность творчества классика объясняется не только социальной проблематикой, но и метафизической природой его прозы.*

А.Д. Батталова, Ф.Х. Завгарова

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДА ПЕРВОГО ВЫГОНА
СКОТА У ТАТАР*Ключевые слова:* Татары, обряд, структура, скот, первый выгон. В данной статье, на основе материалов, записанных в ходе экспедиций, авторы доказывают, что татарский обряд первого выгона скота состоит из нескольких этапов и его структура состоит из различных поверий, запретов и основанных на них ритуалов, а также выражают мысль, что все они направлены на выполнение одной задачи – обеспечение сохранности поголовья скота и благополучное завершение пастбищного периода.

Т.А. Alpatova

PASTORAL MOTIVES IN THE ARTISTIC STRUCTURE
“LETTERS OF THE RUSSIAN TRAVELER”
N.M. KARAMZIN*Keywords:* N.M. Karamzin, pastoral motifs, poetics, concept of the world, sentimentalism.*The article discusses the pastoral motifs in the “Letters of the Russian Traveler” by N. M. Karamzin, which form a special moral and philosophical “plot” of the book. Its result is the opportunity to express a particular aspect of the Karamzin concept of the world and man. It is based on the fraternal unity of people, the harmony of man and nature, but this harmony is unattainable in the real world, so the pastoral motifs in the book appear both in direct and in ironic comprehension, which reflects the complexity of the Karamzin concept of the world, revealed in the “Letters...”.*

Т.А. Alpatova

PASTORAL MOTIVES IN PROSAIC ETUDES BY
N.M. KARAMZIN*Keywords:* N.M. Karamzin, pastoral motifs, poetics, concept of the world, sentimentalism.*The article discusses the early works of N.M. Karamzin's- “Village”, “Night” and “Walk” - in terms of their importance for the design of narrative forms of Karamzin's prose. Pastoral motifs in these works are considered as an opportunity to combine real pictures, impressions of the narrator hero with deep spiritual and philosophical meanings inherited from the mythological roots of the pastoral tradition, which contributed to their actualization in Russian literature of the late XVIII - early XIX century.*

O.V. Afanasyeva

THE “ENGLISH” RECEPTIONS IN THE AKUNIN'S STORY
“DECORATOR”: THE INTERACTION OF INTERTEXT
AND SUBTEXT*Keywords:* intertext, subtext, receptions, Akunin, Conan Doyle. The article is devoted to the question of the analysis of the intratextual dialogue between the story by B.Akunin “Decorator” and the A. Conan Doyle's story “The Murder of Abbey Grange”. The author outlines the points of touching of the two texts and also explains the sense of the Akunin's appellation to the Conan Doyle's text.

V.N. Barakov

FICTITIOUS OBJECTIVITY (ANNA RAZUVALOVA
ABOUT “RURAL PROSE” AND VASILY BELOVO)*Keywords:* V.I. Belov, Anna Razuvalova, “rural prose”*In work results of the analysis of the edition of Anna Razuvalova “Writers - “villagers” are presented: literature and conservative ideology of the 1970th years”. A considerable part of the book is devoted to heritage of the outstanding Russian writer Vasily Belov (1932 – 2012). The relevance of creativity of the classic speaks not only a social perspective, but also the metaphysical nature of his prose.*

A.D. Battalova, F.H. Zavgarova

STRUCTURAL FEATURES OF THE TATAR RITE FOR
THE FIRST GRAZING*Keywords:* Tatars, rite, structure, cattle, first grazing.*In this article, on the basis of materials recorded during the expeditions, it is proved that the tatar rite of the first grazing consists of several stages and the structural features of the rite include various beliefs, prohibitions and rituals based on them. It is thought that all these rituals perform one main task - to ensure the safety and health of the cattle in the herd until the fall and its safe return to the owners after grazing.*

В.В. Борисова, Ю.А. Шишканова

О ДИАЛОГЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСЛАМА

Ключевые слова: Исмагил Шангареев, Нурали Латыпов, «Ислам и мир: Восток глазами классиков», русская литература, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Коран.

Статья представляет собой аналитическую рецензию на книгу Исмагила Шангареева и Нурали Латыпова «Ислам и мир: Восток глазами классиков», в которой в форме диалогов обоих авторов раскрывается в свою очередь диалог русских и европейских писателей с культурой Ислама, подтверждается большой интерес деятелей христианской культуры к идеям и образам Корана. Несмотря на ряд упущений биографического и историко-литературного характера, книга репрезентативно отражает представления современного общества о роли Ислама в российской и европейской культуре и литературе.

И.А. Еникеев, Р.Р. Валиуллина, Э.Д. Рафикова

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ГОРОДА КАЗАНИ В КОНТЕКСТЕ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.

Ключевые слова: русскоязычная литература, советская многонациональная литература, татарская литературная критика, городская проза, Казань, Диас Валеев, Равиль Бухараев, Фарваз Миннуллин.

В работе русскоязычная литература города Казани рассматривается как составная часть татарского литературного процесса. Впервые, представлены две позиции татарской литературной критики относительно этого феномена советской многонациональной литературы).

Инь Цзеце

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В.Г. РАСПУТИНА В КИТАЕ

Ключевые слова: В.Г. Распутин, Китай, нравственность, экология, религиозное сознание, китайская литература.

В статье рассматривается история изучения творчества советского и российского прозаика В.Г. Распутина (1937-2015) в Китае: обобщаются результаты исследований китайских литературоведов и критиков. Анализируются интерпретации творчества русского писателя, созданные китайскими учеными в разные периоды. В статье исследуются наиболее репрезентативные переводы произведений Распутина в Китае, монографии и научные статьи, приводится оценка его произведений китайскими литературоведами и критиками, выясняются причины популярности писателя в Китае.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксенов, Г.М. Сахаутдинова,

Л.Ш. Хафизова, Р.С. Суфияров, В.Ф. Усманов, У.Ф. Сулейманов, Э.Ф. Якуп, В.Д. Чистонов

ПРИНЦИПЫ НАПИСАНИЯ СТАТЕЙ ПО ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ, ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Ключевые слова: Башкирская энциклопедия, редакция медицины и спорта, принцип построения энциклопедической статьи.

После выхода в 1996 году первой в Российской Федерации первой региональной энциклопедии «Краткая энциклопедия Башкортостана» был проведен анализ редакционных ошибок, которые были учтены при работе над многотомным изданием Башкирской энциклопедии (2005—2011 гг.) по разделу медицины и спорта.

А.У. Киньябулатов, Г.М. Сахаутдинова, Р.С. Суфияров,

С.Г. Аксенов, Л.Ш. Хафизова, В.Ф. Усманов, У.Ф. Сулейманов, В.Д. Чистонов, Э.Ф. Якуп

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СЛОВАРЕЙ И РАЗГОВОРНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Ключевые слова: медицинский словарь, медицинский разговорник, редактирование.

Подготовка и издание национальных медицинских словарей и

V.V. Borisova, Yu.A. Shishkanova

ON DIALOGUE OF THE RUSSIAN LITERATURE WITH ISLAM

Keywords: Ismagil Shangareev, Nurali Latypov, "Islam and the world: the Orient through the eyes of classics", the Russian literature, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, the Quran.

This article is an analytical review of the book by Ismagil Shangareev and Nurali Latypov called "Islam and the world: the Orient through the eyes of classics". The book is written in the form of the dialogue of two authors which represents the dialogue of the Russian and European writers with the Islam culture and proves that the Christian culture writers are interested in concepts and representations of the Quran. Despite the fact that the book has several biographical and historic and literary omissions it clearly describes the views of the modern society on the role of Islam in the Russian and European culture and literature.

I.A. Enikeev, R.R. Valiullina, E.D. Rafikova

RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF THE CITY OF KAZAN IN THE CONTEXT OF TATAR LITERARY CRITICISM.

Keywords: Russian literature, soviet multinational literature, tatar literary criticism, urban prose, Kazan, Dias Valeev, Ravil Bukharaev, Parvaz Minnullin.

In the paper russian-language literature of Kazan is considered as an integral part of the tatar literary process. For the first time, two positions of the tatar literary criticism concerning this phenomenon of the soviet multinational literature are presented.

Yin Jiejie

THE STUDY OF WORKS BY VALENTIN G. RASPUTIN IN CHINA

Keywords: Valentin Rasputin, China, Russian "village prose", religious consciousness, ethical attitude, environmental issues, Chinese literature.

The article discusses the history of the study of works by Valentin Rasputin (1937-2015), Russian and Soviet prosaic, in China. The summary relies on research of Chinese literary critics. The author analyzes interpretations of works by Rasputin, performed by Chinese scholars in different periods. The article examines the most representative translations of Rasputin's works, reflected in monographs and academic publications, and explains the reasons for his popularity in China.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksenov, G.M. Sakhautdinova,

L.Sh. Khafizova, R.S. Sufiyarov, V.F. Usmanov, U.F. Suleymanov, E.F. Yakup, V.D. Chistonov
PRINCIPLES OF WRITING ARTICLES ON HEALTHY LIFESTYLE, PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN BASHKIR ENCYCLOPEDIA

Keywords: Bashkir Encyclopedia, editors of medicine and sports, the principle of the construction of an encyclopedic article.

After the first regional encyclopedia "Brief Encyclopedia of Bashkortostan" was first published in 1996, editorial errors were analyzed, which were taken into account when working on the multivolume edition of the Bashkir encyclopedia (2005-2011) in the section of medicine and sport.

A.U. Kinyabulatov, G.M. Sakhautdinova, R.S. Sufiyarov,

S.G. Aksenov, L.Sh. Khafizova, V.F. Usmanov, U.F. Suleimanov, V.D. Chistonov, E.F. Yakup
CREATION OF NATIONAL MEDICAL DICTIONARIES AND CONVERSATIONS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Keywords: medical dictionary, medical phrasebook, editing.
The preparation and publication of national medical

разговорников требует достаточного большого промежутка времени и хорошей редакторской работы, а также авторов статей, имеющих опыт написания научных статей для энциклопедических изданий. Издание региональных национальных медицинских словарей и разговорников необходимо в настоящее время, т.к. в Республике Башкортостан в сельской местности проживает почти 40% населения.

О.С. Кудимова

К ИСТОРИИ БЛОГА КАК ТИПА МАСС-МЕДИА: ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ В РОССИИ

Ключевые слова. Блог, интернет, политика, масс-медиа, журналистика.

Статья посвящена рассмотрению истории возникновения блогов политических деятелей как средства массовой информации, зарождению этого вида масс-медиа, его развитию и фиксации его состояния на момент его возникновения, а также специфике блогов с точки зрения как журналистских жанров, так и интернет-публицистики.

И.Г. Кульсарина, Н.Г. Кульсарин, Ф.Г. Фаткуллина БАШКИРСКО-РУССКИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ФОЛКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА)

Ключевые слова: башкирско-русские межэтнические связи, современная проза, башкирский фольклор, интеркаляция, этнокультура.

В статье рассматриваются межэтнические связи на материале современных фольклорных и литературных произведений. Особое внимание уделено башкирско-русским взаимоотношениям, отраженным в фольклоре и литературе о Крестьянском восстании под предводительством Е. Пугачева. Отмечается наличие интеркаляции на лексическом уровне в языке современных частушек и прозе.

Д.В. Макаров

«В ЧЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ» – ИДЕЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Ключевые слова: Православие, роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», покаяние.

В статье рассматриваются творческий замысел романа Ф.М. Достоевского в контексте православной культурной традиции. Предпринимается попытка объяснения духовного возрождения героя на основе традиционной христианской нравственности.

А.Г. Сильчева

МАГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»: ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КОД

Ключевые слова: магический реализм, роман, Дина Рубина, интертекст, межтекстовый диалог.

Статья посвящена анализу «кода Христа» в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо»: автор показывает точки соприкосновения жизни главной героини с жизнью Иисуса Христа, отмечая сходство романа с Евангелием – обоснованное сопоставление, обусловленное не только подробностями сюжета, но и резюме самой Дины Рубиной.

О.Ю. Юрева, Ван Ланьцзюй

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ключевые слова: Лев Толстой, «Война и мир», Конфуций, Лао-Цзы, женские образы, Наташа Ростова.

В китайской литературе существует женский образ, аналогичный образу Наташи Ростовой в романе Цао Сюэ-Цзиня «Хунлоумэн» («Сон в красном тереме»). В повзрослевшей Наташе, которая стала «плодовитой самкой», просматриваются черты традиционного китайского образа матери, но при этом в Наташе нет той сдержанности, этикетности, ритуальности, которые свойственны поведению китайской матери в семье. С другой стороны, образ юной Наташи с ее естественностью, близостью к природе и народу, вполне соответствует традиционной конфуцианской и

ictionaries and phrasebooks requires a sufficiently large amount of time and good editorial work, as well as authors of articles who have experience in writing scientific articles for encyclopedic publications. The publication of regional national medical dictionaries and phrasebooks is necessary at the present time, since In the Republic of Bashkortostan, almost 40% of the population lives in rural areas.

O.S. Kudimova

TO THE HISTORY OF BLOG AS A MASS MEDIA: THE APPEARANCE OF POLITICAL BLOGS IN RUSSIA

Keywords: blog, internet, politics, mass-media, journalism. The article is devoted to the revelation of the history of the appearance of the political men's blog as a mass media, its birth, development and fixation of its condition on the moment of its appearance and to the specific of the blogs from the point of view of the journalistic genres and the internet press.

I.G. Kulsarina, N.G. Kulsarin, F.G. Fatkullina BASHKIR-RUSSIAN ETHNIC LINKS IN FOLKLORE AND LITERATURE (ON THE MATERIAL OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Keywords: Bashkir-Russian inter-ethnic ties, modern prose, Bashkir folklore, intercalation, ethnic culture.

The article discusses inter-ethnic relations on the material of modern folklore and literary works. Particular attention was paid to the Bashkir-Russian relations, as reflected in folklore and literature on the Peasant Uprising under the E. Pugachev's leadership. The presence of intercalation at the lexical level in the language of modern ditties and prose is noted.

D.V. Makarov

“IN WHAT THERE IS ORTHODOXY” - THE IDEA OF NOVEL FYODOR DOSTOYEVSKY "CRIME AND PUNISHMENT"

Keywords: Orthodoxy, the novel of F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment," repentance.

The article discusses the creative intent of the novel by F.M. Dostoevsky in the context of the Orthodox cultural tradition. An attempt is made to explain the hero's spiritual rebirth based on traditional Christian morality.

A.G. Silcheva

THE MAGIC REALITIES IN THE NOVEL "POCHERK LEONARDO" BY DINA RUBINA: THE GOSPEL CODE"

Keywords: magic realism, novel, Dina Rubina, intertext, intertextual dialogue.

The article is devoted to the analysis of the “Christ code” in the novel by Dina Rubina “Pocherk Leonardo”: the author shows the points of the touching of the main character life with the life of Jesus Christ and illustrates the points of comparison with the Gospels – this comparison is conditioned not only by the plot but also by the Dina Rubina's herself resume.

O.Yu. Yureva, Van Lasnzuj

THE FEMALE CHARACTERS IN THE NOVEL L. N. TOLSTOY "WAR AND PEACE" IN LIGHT OF THE IDEAS OF CHINESE PHILOSOPHY

Keywords: Leo Tolstoy, «War and peace», Confucius, Lao Tzu, female images, Natasha Rostova.

In Chinese literature there is a female image similar to the image of Natasha Rostova in the novel by Tsao Hsueh-Chin, "Hollowman" ("Dream of the red chamber"). In grown-up to Natasha, which was a "fertile female", visible features traditional Chinese-style mother, but Natasha does not have the restraint, ticketnest, ritual, which is typical behaviour of Chinese mothers in the family. On the other hand, the image of young Natasha with her naturalness, closeness to nature and people, is consistent with the traditional Confucian and Taoist

даосистской концепции. Соответствует Наташа и женскому идеалу Конфуция. Как и идеал Толстого, идеал китайской женщины вбирает в себя такие понятия, как женственность, материнство, преданность, любовь и самопожертвование.

Е.А. Айсакова, Ю.В. Никишина
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-СОЦИОЛЕКТА
ЛЮБИТЕЛЕЙ КОШЕК

Ключевые слова: социолект, инновации, языковые нормы, просторечие, интернет-коммуникация, интернет-язык, жаргон. В статье рассматриваются языковые особенности интернет-языка любителей кошек. Анализируются случаи намеренного нарушения языковых норм, черты просторечия-1, речевые инновации, новые этикетные формулы.

А.О. Артемьева
МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: иноязычная лексика, грамматическая адаптация, категория рода.

Статья содержит описание истории возникновения и рецепции в системе русского языка отдельных имен существительных иноязычного происхождения. Нами исследован путь языковых единиц, зафиксированных в лексикографических источниках с XVIII века.

Р.К. Ахметгареева
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В
ПОДГОТОВКЕ ЛИНЕЙНЫХ ИНЖЕНЕРОВ С ТВОРЧЕСКИМ
СТИЛЕМ МЫШЛЕНИЯ

Ключевые слова: креативное мышление, творческая личность, профессионально значимые учебно-речевые ситуации.

В работе представлены результаты образовательной деятельности, раскрывается, что одним из факторов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной деятельности будущего специалиста, является его способность получать, обрабатывать и передавать информацию на иностранном языке. Выделяется, что сегодня определяющая роль в процессе производства принадлежит сотрудникам, которых называют «линейный персонал».

Н.М. Борисова
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ
В ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ ЯКУТОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ
Ключевые слова: заимствованные слова, фонетический принцип, дифтонг, закон гармонии гласных.

В статье анализируются газеты «Кыым», «Саха сирэ», «Киин Куорат», «Ил Түмэн». Предметом исследования являются изменения гласных в заимствованной лексике якутоязычной газеты. Цель работы заключается в выявлении изменения гласных звуков в заимствованной лексике на страницах якутских газет. Теоретическая ценность исследования состоит в том, что материалы статьи могут внести вклад в разработку теории языковых контактов, теории заимствования.

Т.В. Бутенко, М.А. Кузина
ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН И СЛОВ-РЕАЛИЙ В
РОМАНАХ ДЖЕФФРИ АРЧЕРА И АРТУРА ХЕЙЛИ
Ключевые слова: производственный роман, политический роман, прецедентное имя, слово-реалия, экзотическая лексика.

Настоящая статья представляет собой попытку показать роль прецедентных имён и слов-реалий в выражении идейно-тематического содержания в произведениях Джеффри Арчера и Артура Хейли. На основе анализа примеров фонетических, морфологических, лексических и синтаксических стилистических средств, а также их взаимодействия с прецедентными именами, словами-реалиями и заимствованными единицами были сделаны выводы о важности всей совокупности приёмов для создания хронотопа и характеристики персонажей.

concept. Corresponds to Natasha and the female ideal of Confucius. Like Tolstoy's ideal, the Chinese woman's ideal incorporates such concepts as femininity, motherhood, devotion, love and self-sacrifice.

Е.А. Aysakova, J.V. Nikishina
THE LANGUAGE FEATURES OF THE INTERNET
LANGUAGE OF CAT LOVERS

Keywords: jargon, innovation, language norms, colloquial speech, Internet communication.

The article discusses the language features of the Internet jargon of cat lovers. Cases of deliberate violation of language norms, the functioning of speech innovations, new etiquette formulas are analyzed.

А.О. Artemjeva
RESEARCH SOLUTIONS SELF-DIFFUSION OF
ELECTROLYTES IN NONAQUEOUS NANOCARBON
DISPERSION MATRICES

Keywords: Russian language, foreign language vocabulary, reception grammatical adaptation, the category of gender.

The article describes the history of the emergence and reception in the system of the Russian language of certain nouns of a foreign origin. We studied the ways of the language units recorded in the lexicographic sources of the XVIII century.

Р.К. Akhmetgareyeva
THE ROLE AND IMPORTANCE OF FOREIGN
LANGUAGES IN THE TRAINING OF LINEAR
ENGINEERS WITH CREATIVE STYLE OF THINKING

Keywords: creative thinking, creative personality, professionally significant educational and speech situations.

The paper presents the results of educational activities, reveals that one of the factors that ensure the success and effectiveness of professional activity of the future specialist is his ability to receive, process and transmit information in a foreign language. It stands out that today the decisive role in the production process belongs to the employees, who are called "line personnel".

Н.М. Borisova
PHONETIC CHANGES OF VOWEL SOUNDS IN
BORROWED VOCABULARY OF YAKUT-SPEAKING
NEWSPAPERS

Keywords: borrowed words, phonetic principle, diphthong, vowel harmony law.

The article analyzes the newspapers "Kyym", "Sakha Sire", "Kiin Kuorat", "Il Tomen". The subject of research is the change in vowels in the borrowed vocabulary of the Yakut-speaking newspaper. The purpose of the work is to identify changes in vowel sounds in borrowed vocabulary on the pages of Yakut newspapers. The theoretical value of the research is that the article's materials can contribute to the development of the theory of language contacts, the theory of borrowing.

Т.В. Butenko, М.А. Kuzina
ALLUSIONS AND CULTURE-BOUND WORDS IN THE
NOVELS BY JEFFREY ARCHER AND ARTHUR HAILEY
Keywords: industrial novel, political novel, allusion, culture-bound word, exoticisms.

The article focuses on the role of allusion and culture-bound words in the creation of the chronotope and the characters of the novels by Jeffrey Archer («The Fourth Estate») and by Arthur Hailey («The Evening News»). The analysis of the usage of stylistic devices in each of the novels along with the literary, historical and cultural allusions, culture-bound and exotic words has prompted the following conclusion: a peculiar range of stylistic and lexical devices is typical of every chronotopic frame and every character in the analyzed novels.

Р.С. Бытотова, У.А. Даржа

К СООТНОШЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКИХ И ТУВИНСКИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ЧАСТЬ 1. РУССКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: русский язык, тувинский язык, функционально-семантический разряд, определительные местоимения, определительно-выделительные местоимения

В первой части работы обозначаются теоретико-методологические предпосылки изучения соотношения русских и тувинских определительных местоимений, описываются языковые значения русских определительно-выделительных местоимений и определяются их возможные соответствия в тувинском языке.

А.Х. Вафина, А.Р. Каюмова, Г.В. Садыкова

ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ОНЛАЙН-РЕСУРСОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ: ВЗГЛЯД ПЕДАГОГОВ

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, цифровые книги, Живые сказки, русский язык, мультимодальность, дети раннего возраста.

Данная статья посвящена изучению дизайна цифрового обучающего объекта «Живые сказки», направленного на обучение детей раннего возраста русскому языку и культуре. Предметом исследования являются мультимодальные характеристики онлайн-школы, востребованные педагогами дошкольных учреждений. Данные отчетов об интеграции «Живых сказок» в языковую программу 6 би- и мультилингвальных детских садов и результаты, полученные в ходе онлайн-анкетирования 18 педагогов и воспитателей, показывают, что элементы игры и мультимодальная подача материала повышают познавательную активность дошкольников и способствуют диалогу «компьютер – ученик – педагог».

А.Н. Гарипова, С.Г. Каримова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ключевые слова: язык, код, культурный код, лингвокультурный код, код культуры, метафоризация.

Исследование посвящено проблеме взаимодействия языка и культуры, вопросу определения информативности лингвокультурных кодов, а также выявления механизмов их актуализации в языке современных средств массовой информации.

А.Р. Гатиатуллин, Д.Ш. Сулейманов

О РАЗРАБОТКЕ ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА TATVERBBANK

Ключевые слова: ситуационный фрейм, татарский язык, электронный ресурс.

В статье описывается создание нового электронного ресурса TatVerbBank, который представляет собой базу данных ситуационных фреймов. Ситуационные фреймы содержат информацию не только о семантических ролях, используемых в семантической ситуации, а также ряд ограничений, накладываемых на эти роли. К таким ограничениям относятся морфологические и семантические ограничения, реализация которых также представлена в статье.

Создаваемый ресурс не является автономным ресурсом, а взаимосвязан с целым рядом ресурсов, в частности, с русско-татарским тезаурусом TatTez.

Ф.Ф. Гилемшин

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «КАЛИЛА И ДИМНА», «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ», «ТУТЫНАМЕ» И «РАССКАЗ О СОРОКА ВИЗИРЯХ»)

Ключевые слова: пророк, мечеть, Коран, аят, намаз, руза, закят, хадж, рай, ад, шейх, хаджи.

Данная статья посвящена анализу религиозных терминов, имеющих место в произведениях «Калила и Димна», «Тысяча и

R.S. Butotova, U.A. Darzha

TO THE RELATION OF THE LANGUAGE MEANINGS OF THE RUSSIAN AND TUVIN DEFINITIVE PRONOUNS PART 1. RUSSIAN RELATIVE AND SELECTIVE PROSPECTS AND THEIR POSSIBLE CONFORMITY IN THE TUVIAN LANGUAGE

Keywords: Russian language, Tuvian language, functional and semantic rank, definitive pronouns, determinative-expositive pronouns

The first part of the work contains theoretical and methodological prerequisites for studying the relationship between Russian and Tuvian definitive pronouns, describes the linguistic meanings of Russian definitive-expressive pronouns, and their possible correspondences in Tuvan language.

A.H. Vafina, A.R. Kayumova, G.V. Sadykova

THE AFFORDANCES OF MULTIMODAL ONLINE RESOURCES FOR VERY YOUNG LEARNERS OF RUSSIAN: EDUCATORS' VIEWS

Keywords: ICT, digital storybooks, Live Fairytales, Russian language, multimodality, young learners.

Russian language online school Live Fairytales™ is in the focus of this study which aims at examining multimodal features of the online resource which preschool teachers find educationally advantageous to very young language learners. The reports received from 6 teachers of bi- or multilingual kindergartens after the integration of Live Fairytales™ into existing language curricular and the results of a questionnaire completed by 18 educators show that the elements of game and the multimodal material representation enhance cognitive development of preschool children and contribute to the dialogue of students–computer–teacher.

A.N. Garipova, S.G. Karimova

LINGUISTIC AND CULTURAL CODES AND THEIR ACTUALIZATION IN THE LANGUAGE OF MEDIA

Keywords: language, code, cultural code, linguistic and cultural code, culture code, metaphorization.

The study is devoted to the problem of the interaction of language and culture and the issue of determining the linguistic and cultural code and their ability to transfer the information, as well as identifying the mechanisms for their actualization in the language of modern media.

A.R. Gatiatullin, D.Sh. Suleymanov

ABOUT THE DEVELOPMENT OF THE ELECTRONIC RESOURCE TATVERBBANK

Keywords: situational frame, Tatar language, electronic resource.

The article describes the creation of a new electronic resource TatVerbBank, which is a database of situational frames. Situational frames contain information not only about the semantic roles used in the semantic situation, but also a number of restrictions imposed on these roles. These restrictions include morphological and semantic restrictions, the implementation of which is also presented in the article.

The created resource is not an autonomous resource, but is interconnected with a number of resources, in particular with the TatTez Russian-Tatar thesaurus.

F.F. Gilemshin

RELIGIOUS VOCABULARY IN TRANSFER PRODUCTS OF THE END OF THE XIX - BEG. XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS "KALILA AND DIMNA", "THOUSAND AND ONE NIGHT", "TUTYNAM" AND "STORY ABOUT FORTY VISIES")

Keywords: prophet, mosque, Quran, ayat, namaz, ruza, zakat, heaven, hell, sheikh, haji, prophet.

This article is devoted to the analysis of religious terms that occur in the works "Kalila and Dimna", "A Thousand and One

одна ночь», «Тутынаме» и «Рассказ о сорока визирях». Они представлены в широком спектре: среди них и названия основных предписаний, обязательных для мусульман, таких как намаз, ураза, закят, хадж, а также множество различных религиозных терминов, которые пришли в татарский язык после принятия татарами ислама. Подавляющее большинство из них имеют арабо-персидские корни.

Ф.Ф. Гилемшин

ЛЕКСИКА ДИКОЙ ПРИРОДЫ В ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «КАЛИЛА И ДИМНА», «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ», «ТУТЫНАМЕ» И «РАССКАЗ О СОРОКА ВИЗИРЯХ»)

Ключевые слова: дерево, яблоня, цветы, Солнце, Луна, звезды, лиса, лев, ястреб, филин, попугай, соловей.

В данной статье анализируется лексика, связанная с живой дикой природой, а также с небесными светилами, имеющая место в произведениях «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Тутынаме» и в «Рассказе о сорока визирях». Эта лексика представлена в широком спектре: среди них описания природных явлений, названия растений, диких животных, птиц и т.д. Подавляющее большинство анализируемых лексем имеет тюркские корни, но в то же время часть из них представлены арабо-персидскими заимствованиями.

А.А. Гимадеева, М.Р. Гараева

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТАРАТЕЛЬНОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ)

Ключевые слова: английский язык, татарский, язык, фразеологическая единица, концепт, зооним.

Данная статья посвящена выявлению лексико-семантических особенностей концепта «старательность, трудолюбие» в английском и татарском языках. Названия животных в составе анализируемых фразеологических единиц используются в переносном значении. Через те или иные образы животных передаются некоторые черты и признаки людей, явлений. В английских и татарских фразеологических единицах задействовано около 11 названий животных.

Н.Е. Горская, В.Е. Глызина, А.В. Федорюк
РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ-ТЕРМИНОВ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ "TIME" В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: терминология, девербатив-термин, временная семантика.

В статье представлены результаты исследования девербативов-терминов, в значении которых присутствует семантический признак «время». Доказано, что данный признак как лингвистическая категория позволяет увидеть некое отражение реального времени в языке, определяя точность терминологической семантики при техническом переводе и в производственной коммуникации. Был выявлен целый слой девербативов-терминов, которые имеют темпоральную сему, поскольку генетически связаны с глаголом, обозначающим некое событие, протекающее во времени.

Д.Л. Гуревич

АБСОЛЮТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ БРАЗИЛИИ

Ключевые слова: бразильский вариант португальского языка, языковое варьирование, синтаксис, эргативность.

В бразильском варианте португальского языка встречаются предложения с предикатами активного типа (vender «продавать»; consertar «исправлять, чинить»; construir «строить») в эргативном значении без указания на действующее лицо и при этом не являющиеся пассивными конструкциями. Грамматический и нормативный статус таких конструкций неоднозначен.

Nights", "Tutynam" and "The Story of Forty Viziers". They are presented in a wide range: among them are the names of the basic prescriptions that are obligatory for Muslims, such as namaz, uraza, zakat, hajj, as well as many different religious terms that came to the Tatar language after the adoption of Islam by the Tatars. The vast majority of them have Arab-Persian roots.

F.F. Gilemshin

THE LEXIS OF THE WILD NATURE IN THE TRANSLATED WORKS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE FAIRY TALES "ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS", "KALILA AND DIMNA", "TUTI-NAMA" AND "THE STORY OF THE FORTY VIZIERS")

Keywords: tree, apple tree, flowers, sun, moon, stars, fox, lion, hawk, owl, parrot, nightingale.

This article analyzes the vocabulary associated with wildlife, as well as with the heavenly bodies, which takes place in the works of "Kalila and Dimna", "One thousand and one nights", "Tuti-nama" and "The Story of Forty Viziers." This vocabulary is presented in a wide range: among them are descriptions of natural phenomena, names of plants, wild animals, birds, etc. The overwhelming majority of lexemes have Turkic roots, but at the same time, some of them are represented by Arab-Persian loans.

A.A. Gimadeeva, M.R. Garaeva

LEXICAL – SEMANTIC ASPECT OF THE CONCEPT "DILIGENCE" (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND TATAR PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-ZOONIM)

Keywords: English, Tatar, concept, phraseological unit, zoonim.

The article is dedicated to lexical-semantic aspect of the concept "diligence" in English and Tatar. Names of animals are often used in figurative meaning in phraseological units. As a rule, specific image of animals conveys definite features and characteristics of people and phenomena. About 11 names of animals can be found in the Tatar and English languages.

N.E. Gorskaya, V.E. Glyzina, A.V. Fedoryuk
THE ROLE OF ENGLISH DEVERBATIVE TERMS WITH THE SEMANTIC COMPONENT "TIME" IN INDUSTRIAL COMMUNICATION

Keywords: terminology, deverbative- term, temporal semantics.

The paper aims at analyzing deverbative terms containing the component "time" in their semantics. The semantic feature of "time" allows to reveal some reflection of real time in the language, determining the accuracy of terminological semantics in technical translation and in industrial communication. It is concluded that there is a whole layer of deverbative terms that have a temporal meaning due to a genetic connection with the verb denoting an event that takes place in time.

D.L. Gurevich

ABSOLUTE CONSTRUCTIONS IN BRAZILIAN PORTUGUESE

Keywords: Brazilian Portuguese, language variation, syntax, ergativity

In Brazilian Portuguese there are phrases with active predicates (vender «sell»; consertar «repair»; construir «build») that have an ergative meaning without the agent specified and that are not passive constructions. The grammatical and normative status of such constructions is unclear.

Э.В. Гусева

ПОВТОР В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТОВ)*Ключевые слова: заговорный текст, повтор, марийский язык.*

Статья посвящена исследованию повтора в марийских заговорных текстах. Повтор является одним из важнейших принципов, обеспечивающих структурно-смысловое единство, целостность текстового пространства заговоров. Для поэтического стиля заговорных текстов характерно употребление повторов, которые дают возможность для максимальной детализации и конкретизации сказанного.

Ю.А. Дубовский, Т.Б. Заграевская

ПРОСОДИЯ НА ВОЗРАСТНОМ ПУТИ: ОБРАЩЕНИЕ РЕБЕНКА
К ВЗРОСЛОМУ*Ключевые слова: возраст, интонация, обращение, просодия, ребенок.*

В статье на основе анализа экспериментальных данных сделан ряд выводов о специфике слуховых образов просодии обращения ребенка к взрослому в разных лингвистических и экстралингвистических контекстах.

Л.И. Жолудева

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ
СТРУКТУРИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО КУРСА*Ключевые слова: история итальянского языка, вариативность, историческая грамматика, диахрония, диатопия, диастратия, диафазия, диамезия.*

В статье обосновывается принцип структурирования учебного курса «История итальянского языка», отличающийся от строго хронологического. Он позволяет учитывать не только изменчивость языка, но и оппозицию внутренней и внешней истории языка, но и другие параметры вариативности языка (диатопия, диафазия, диастратия, диамезия).

Инь Сюй

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКА КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВВ.*Ключевые слова: история славянской грамматической традиции, грамматический словарь, история русского литературного языка, церковнославянский язык.*

Статья посвящена анализу двух известных в настоящее время грамматических словарей церковнославянского языка Буковница Герасима Ворбожомского 1592 г. и «Книга глѣмая буквы гра"мотичнаго бученіа», нацеленному на выявление их функционально-типологических характеристик. Установлено, эти сочинения демонстрируют становление в конце XVI – начале XVII в. научной модели описания языка.

М.С. Исаева

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОГО
ДИСКУРСА*Ключевые слова: лингвориторика, речевое воздействие, деловой дискурс, логос, этос, пафос.*

В статье анализируются способы достижения перлокутивного эффекта в текстах делового дискурса. Автором анализируются средства воздействия через обращение к логосу, пафосу и этосу реципиента. Выявленные аргументативные тактики проиллюстрированы примерами.

А.В. Канеева, Л.А. Бережнова

ОСНОВНЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ*Ключевые слова: переводческие трансформации, лингвокультурологическое отражение.*

В работе проанализированы лингвокультурологические процессы

E.V. Guseva

REPETITION IN STRUCTURE OF THE FOLKLORE TEXT
(ON THE MATERIAL OF MARI INCANTATIONS)*Keywords: incantations, repetition, Mari.*

This article is devoted to repetition in Mari incantations. Repetition is one of the major principles providing structural and semantic unity, integrity of text space.

It is typical for poetics of incantations to use repetitions, giving opportunity for working out in detail and specification of spoken words.

U.A. Dubovsky, T.B. Zagrayevskaya

PROSODY IN MAN'S LIFE PROGRESS: A CHILD
ADDRESSING AN ADULT*Keywords: age, intonation, conversion, prosody, child.*

On the basis of experimental data analysis the authors formulate some important observations concerning the specificity of auditory patterns of addressing an adult by a child.

L.I. Zhuludeva

HISTORY OF ITALIAN: APPROACHES TO
STRUCTURING THE MATERIAL OF A UNIVERSITY
COURSE*Keywords: history of Italian, language variation, historical grammar, diachronic variation, diatopic variation, diastatic variation, diaphasic variation, diamesic variation*

The present paper discusses a pattern of structuring the university course "History of Italian" that abandons chronology as the only organizing principle and that takes into account various parameters of language variation (diatopic, diastatic, diaphasic, diamesic variation). The program in question is being applied by the author who teaches history of Italian at the faculty of philology, Lomonosov Moscow State University.

Yin Xu

GRAMMATICAL DICTIONARIES OF CHURCH
SLAVONIC OF THE LATE XVI – EARLY XVII
CENTURIES*Keywords: history of the Slavic grammatical tradition, grammatical dictionary, history of the Russian literary language, Church Slavonic.*

This article is devoted to analysis of the two currently known grammatical dictionaries of Church Slavonic – Bukovnica of Gerasim Vorbozomskij (1592) and "Kniga gl(agol)emaja bukvy grammotichnago uchenija", aimed at identifying their functional-typological characteristics. These works demonstrate the formation of the scientific model of language description in the late XVI – early XVII centuries.

M.S. Isayeva

LINGUO-RHETORIC CHARACTERISTICS OF BUSINESS
DISCOURSE*Keywords: linguo-rhetorics, speech interaction, business discourse, logosm ethos, pathos.*

The article deals with the ways of achieving a perlocutionary effect in business discourse. The author analyses the use of persuasive techniques through the appeal to logos, pathos and ethos. All the persuasive techniques have been exemplified.

A.V. Kaneeva, L.A. Beezhnova

MAIN TRANSLATIONAL TRANSFORMATIONS FOR
LINGUCULTURAL REINTERPRETATION FOR FILMS
TITLES TRANSLATION*Keywords: translational transformations, linguacultural reflection.*

In the article, the main linguacultural processes of films titles

переосмысления при переводе названия фильмов. Выделены основные переводческие трансформации, которые используются при лингвокультурологическом переосмыслении при переводе названий фильмов.

Е.О. Кондратьева, П.П. Дашинимаева

МЕТОД ЛОГОГРАММ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФОРМАЛЬНО-ЛИНЕЙНОГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: организация мышления, логические категории, семиозис, перевод, модель перевода, переводческое преломление, рефракция, пунктуация.

В настоящей статье представлено обоснование термина «логограмма», применяемого автором при описании алгоритма работы с пунктограммой текста на определенных этапах переводческого процесса в рамках принятой психолингвистической модели перевода. Необходимость введения указанного термина объясняется с позиций логики и организации мышления и логических категорий, особенностей индивидуального семиозиса переводчика и теории индивидуального переводческого преломления.

Е.Г. Котова, Е.А. Линева, О.Н. Поддубская
ПРИЁМЫ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
МЕТАФОРЫ

Ключевые слова: метафора, метафорический образ, переводческие стратегии.

Статья посвящена рассмотрению приёмов перевода лингвокультурологической метафоры. Особое внимание уделено переводческим стратегиям передачи культурной составляющей текста-оригинала. Адекватно подобранные приёмы и способы перевода позволяют воссоздать и сохранить стилистический эффект исходного текста.

Е.К. Кузьмина

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ АДМИРАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: язык, культура, знания, адмиративность, межкультурная коммуникация.

Выделение адмиративности как самостоятельной категории произошло сравнительно недавно – в конце 20 века. До сих пор некоторые исследователи не признают независимый характер адмиратива. Однако, в последнее время все более заметна тенденция признания отдельной роли адмиративности и указания на то, что выражение удивления, вызванного неожиданной информацией, не может быть объединено со схожими значениями. Вместе с тем, способы и степень выражения адмиративности в различных языковых системах значительно разнятся.

Е.В. Максименко, Е.В. Сивакова, И.П. Назарова
ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА НА ЕГО
ВОСПРИЯТИЕ

Ключевые слова: рекламный текст; прагматистический аспект; структура рекламного текста; уровни восприятия рекламного текста.

В статье даются определения понятию «текст», раскрывающие его суть с различных ракурсов. Авторы акцентируют внимание на рекламном сообщении, как одном из видов текста, выступающего в роли элемента коммуникации, описывая его структуру, а также раскрывая его прагматистический аспект. Рекламный текст рассматривается на пяти уровнях восприятия: фонетическом, морфологическом, лексико-фразеологическом, синтаксическом и графическом. В статье также освещается психоэмоциональное уровневое восприятие рекламного текста реципиентом: осмысленность, соотношение речи с действительностью, субъективность восприятия.

С.В. Маслечкина

НОВЫЙ ДИАЛЕКТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА - KIEZDEUTSCH

Ключевые слова: язык, сленг, жаргон, повседневная речь, разговорная лексика.

Современную немецкую молодежь зачастую сложно понять не

reinterpretation are analyzed. The main translational transformations used for films titles translation are emphasized.

E.O. Kondrateva, P.P. Dashinimaeva

AVOIDING FORMAL-LINEAR REFRACTION USING LOGOGRAMS IN TRANSLATION PROCESS

Keywords: organization of thinking, logical categories, semiosis, translation, translation model, refraction in translation, punctuation marks.

The article is to justify the use of the term logogram in terms of the algorithm that we introduced as a way to deal with punctuation arrangement of a text within the translation process as it is outlined in the psycholinguistic translation model we accepted. Here, we explain why we introduce the term from the perspective of the organization of thinking and logical categories, individual semiosis of a translator, and the theory of refraction in terms of translation process.

E.G. Kotova, E.A. Lineva, O.N. Poddubskaya
LINGO-CULTURAL METAPHOR TRANSLATION
STRATEGIES

Keywords: metaphor, translation strategies, metaphorical image.

The article is devoted to the consideration of methods for translating linguocultural metaphors. Particular attention is paid to the translation strategies for the transfer of the cultural component of the original text. Adequately selected techniques and methods of translation allow a translator to recreate and preserve the stylistic effect of the originality of the mother-tongue text.

E.K. Kuzmina

THE MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF ADMIRATION IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Keywords: language, culture, knowledge, admirativity, intercultural communication.

Allocation of Admiralty as an independent category occurred relatively recently-in the late 20th century. Some researchers don't recognize the independent nature of the Admiral. Recently, however, there has been an increasing tendency to recognize the separate role of admirality and to indicate that the expression of surprise caused by unexpected information cannot be combined with similar meanings. However, the ways and degree of expression of admirativity in different language systems vary significantly.

E.V. Maksimenk, E.V. Sivakova, I.P. Nazarova
THE INFLUENCE OF CHARACTERISTICS OF THE
ADVERTISING TEXT ON ITS PERCEPTION

Keywords: advertising text; pragmatist aspect; advertising text structure; levels of advertising text perception.

The article provides definitions of the notion "text", revealing its essence from different angles. The authors emphasize the advertising message as one of the types of the text that acts as an element of communication, describing its structure, as well as revealing its pragmatist aspect. The advertising text is considered at five levels of perception: phonetic, morphological, lexical and phraseological, syntactic and graphic. The article also covers the psycho-emotional level of the advertising text perception by a recipient: meaningfulness, correlation of speech with reality, subjectivity of perception.

S.V. Maslechkina

NEW DIALECT OF GERMAN LANGUAGE - KIEZDEUTSCH

Keywords: language, slang, jargon, every day speech, colloquial words.

только из-за специфики обсуждаемых тем, но и из-за особенностей языка, который все больше отделяется от литературной нормы. Kiezdeutsch отличается от стандартного немецкого языка и рассматривается как «ломанный немецкий», как агрессивный язык молодых людей, не желающих интегрироваться в новую для них среду обитания.

It is often difficult to understand modern German youth not only because of the specificity of the topics discussed, but also because of the peculiarities of a language that is increasingly moving away from the literary norm. Kiezdeutsch differs from the standard German language and is considered as "broken German", as an aggressive language of young people who do not want to integrate into their new habitat.

А.В. Матвеев

**ИСТОЧНИКИ И ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ ДЕПУТАТОВ-
НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ В.М.
ПУРИШКЕВИЧА И Н.Е. МАРКОВА)**

Ключевые слова: публичная риторика, Государственная дума, прецедентность, национализм, В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков.
Статья посвящена изучению источников прецедентных заимствований и их функциональности в публичной риторике депутатов-националистов начала XX века. Исследуется тезаурус прецедентных текстов националистов. Рассматриваются основные функции включения цитат. Делаются выводы о значении прецедентности для публичной речи Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича.

A.V. Matveev

**SOURCES AND FUNCTIONS OF PRECEDENT IN THE
RHETORIC OF DEPUTIES-NATIONALISTS OF THE
EARLY XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF
PURISHKEVICH AND MARKOV)**

Keywords: public rhetoric, state Duma, precedent, nationalism, Purishkevich, Markov.

The article studies the sources of precedents of their function in the public rhetoric of nationalist deputies of the early XX century. Examines the thesaurus of precedent texts nationalists. The functions of quotations are considered. Conclusions are made about the importance of precedent for public speech Markov and Purishkevich.

**Р.Ф. Мингазетдинова, З.В. Тодосиенко, О.О. Сподарец
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ-ПОЛИСЕМАНТОВ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА
МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Ключевые слова: семантема, полисемантическая семема, семантическая связь, физический процесс.
В статье рассматриваются содержательные связи некоторых полисемантических наименований, выражающих понятие «физический процесс» в английском языке. Анализируется степень полисемантической и семантической аттракции семем, устанавливаемой путем выявления семантических связей внутри значений глагольных предикатов в английском языке.

**R.F. Mingazetdinova, O.O. Spodarets, Z.V. Todosienko
MEANING RELATIONS IN THE SEMANTIC STRUCTURE
OF POLYSEMANTIC SUBSTANTIVES DENOTING
«PHYSICAL PROCESS» IN THE ENGLISH LANGUAGE**

Keywords: semanteme, polysemantic sememe, semantic relations, physical process.

The article deals with meaning relations of polysemantic lexemes, denoting «physical process» in the English language. The degree of polysemanticism has been analyzed, as well as degree of semantic attraction of the semes, which is determined through revealing semantic relations within the meanings of verbal units denoting «physical process» in the English language.

**О.Н. Морозова, С.В. Андросова
МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: селемджинский говор эвенкийского языка, палатализация, смычные согласные, аффрикаты.
В работе представлены результаты теоретического обобщения и акустического анализа признака палатализации в эвенкийском языке по сравнению с другими языками. Показана значительная междикторская и внутридикторская вариантность в реализации мягких фонем на месте буквы «ч», а также «д» перед йотированными гласными буквами и «и». Описаны длительность, интенсивность и частотные составляющие фриктивной фазы согласных.

**O.N. Morozova, S.V. Androsova
SOFT CONSONANTS IN THE EVENKI LANGUAGE**

Keywords: Selemdzha local accent of Evenki, palatalization, stops, affricates.

This paper presents the results of theoretic overview and acoustic analysis of palatalization in Evenki compared to other languages. Significant inter- and within-speaker variance is demonstrated for realization patterns of the soft consonants spelled by "ч" and "д", the latter followed by an iotized vowel and "и". The parameters of duration, intensity, and frequency location of the friction are described.

**А.П. Мутасова
МЕДИАДИСКУРС КНР: СПЕЦИФИКА ОФИЦИАЛЬНОГО И
НЕОФИЦИАЛЬНОГО ФОРМАТОВ**

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, традиционные и новые медиа, масс-медиа КНР.
В данной статье рассматриваются особенности дискурса масс-медиа КНР в целом, освещается специфика официального и неофициального форматов на примере публикации новостей на интернет порталах КНР. В настоящее время, благодаря появлению интернета, гегемония китайского правительства на создание и распространение информации несколько утратила своё влияние, так как многомиллионная аудитория интернет-пользователей получила возможность более свободно обмениваться мыслями и мнениями. Именно поэтому изучение лингвистических и прагматических средств медиатекстов неофициального формата на предмет их потенциала выражать общественное мнение представляет особый интерес.

**A.P. Mutasova
CHINESE MEDIA DISCOURSE: FEATURES OF OFFICIAL
AND UNOFFICIAL FORMATS**

Keywords: media discourse, media text, traditional and new media, Chinese media.

This article concerns features of the Chinese media discourse research, it also covers peculiarities of the official and unofficial formats on the example of news publication in the Chinese internet. Nowadays the function of transferring the information is covered by the internet, due to which the Chinese government hegemony over news creation and spreading lost its influence to a certain extent. We assume that all informational sources, especially news covering political issues can be under influence of the official discourse, but we also suppose that there is a slight shift in the situation with media diversity in China. Some of the examples in the research prove that Chinese journalists are not limited in ways of expressing their opinion. Therefore, this article covers an observation and some conclusions on a potential of the Chinese media to express plural opinions of people in the Chinese society.

Джебреил Наджафи, Е.Ф. Киров
**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С
 ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМАМИ О ВАЖНОСТИ РАБОТЫ В
 РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ**

Ключевые слова: фразеологизмы, лингвокультурные аспекты, важность работы, русский и персидский языки.

Концепт труда реализуется в разных типах текстов на русском языке. В данной статье рассмотрены особенности мировоззрения русского и персидского народов, которые проявляются в идиоэтнических лингвокультурных системах, в которых зафиксирован исследуемый концепт «работа», выделены общие и отличительные черты обоих народов. В статье анализируются фразеологизмы как культурно - значимые феномены с точки зрения представления в них аксиологических значений концепта «работа».

С.Е. Писаренкова, А.А. Писаренков
**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В
 ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА**

Ключевые слова: текст, дискурс, исторический нарратив, картина мира, метафора.

Статья посвящена проблеме интерпретации исторического нарратива в контексте политического дискурса. Цель данной статьи продемонстрировать, какие языковые средства используются для создания идеологических текстов, интерпретирующих исторические и политические события. В статье указывается, что политические дискурсивные практики, принятые в данном обществе, призваны создавать «правильные» интерпретации исходного исторического нарратива для общественного адресата.

Е.В. Плисов, А.М. Хамидулин
**ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АРХАИЗАЦИИ НЕМЕЦКОЙ
 ЛЕКСИКИ**

Ключевые слова: устаревшая лексика, архаизм, тематическая классификация, лексикографическая комбинаторика.

Статья посвящена исследованию динамического аспекта в процессах архаизации немецкой лексики с привлечением лексикографических данных, проводится сравнительный лингвистический анализ лексики различных этапов развития современного немецкого языка, изучается их тематическая принадлежность, а также анализируются причины лексикографической комбинаторики и трансформаторики.

Л.С. Полякова, Е.В. Суворова
**ПРИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
 КОММУНИКАЦИИ**

Ключевые слова: политический дискурс, языковая игра, языковая манипуляция.

Статья посвящена анализу приема языковой игры как средства воплощения речевой стратегии манипуляции в политическом дискурсе. В статье описаны наиболее характерные черты, свойственные данной речевой тактике. Прием языковой игры в политической коммуникации может быть реализован несколькими способами: посредством использования медиа-образов, метафор, как основы создания комизма, недосказанности и иносказания, обыгрывания фамилии и имен собственных.

О.В. Праченко, Е.С. Хованская, Л.Н. Юзмухаметова
**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В
 РЕЧИ ИНОСТРАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕСЕРИАЛА НА
 АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеологические единицы, трансформированные фразеологические единицы.

В статье описаны модели контекстуальных трансформаций фразеологических единиц английского языка, в частности – в американском телевизионном сериале, с целью достижения речевого своеобразия персонажа, для которого английский язык не является родным. Замена и опущение компонентов, буквальная интерпретация фразеологических единиц, а также контаминация рассматриваются как выразительные средства создания юмористического эффекта в сериале.

Jebreil Najafi, E.F. Kirov
**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE
 LINGUOCULTUREMES ABOUT THE IMPORTANCE OF
 WORK IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES**

Keywords: idioms, linguocultural aspects, importance of work, Russian and Persian.

The concept of labor is realized in different types of texts in Russian. This article discusses the peculiarities of the worldview of Russian and Persian peoples, which are manifested in their linguistic and cultural studies, in which the concept under study is fixed, highlighted, as a result, the common and distinctive features of both peoples. In the article idioms are analyzed as culturally-significant phenomena from the point of view of representing in them the axiological meanings of "The Importance of Labor".

S.E. Pisarenkova, A.A. Pisarenkov
**POWER AND SOCIETY: DISCURSIVE PRACTICES IN
 THE INTERPRETATION OF HISTORICAL NARRATIVE**

Keywords: text, discours, history narration, picture of the world, metaphor.

The article is devoted to the interpretation of historical narrative in the context of political discourse. The purpose of the article is to demonstrate what language means are used to create ideological texts interpreting historical and political events. The article states that political discourse practices, adopted in any given society, are designed to give the "right" interpretation of the original historical narrative for public use.

E.V. Plisov, A.M. Khamidulin
**DYNAMIC ASPECT OF ARCHAIZATION IN GERMAN
 VOCABULARY**

Keywords: outdated vocabulary, archaism, thematic classification, lexicographic combinatorics.

This paper presents the results of the study of the dynamic aspect in the processes of archaization of German vocabulary involving lexicographic data, a comparative linguistic analysis of the vocabulary of various stages of development of the modern German language, its thematic specificity, as well as the causes of lexicographic combination and transformation.

L.S. Polyakova, E.V. Suvorova
**THE TACTICS OF LANGUAGE GAME IN POLITICAL
 COMMUNICATION**

Keywords: political discourse, language game, linguistic manipulation

The article is devoted to the analyses of tactics language game as a means of manifestation of speech strategy of manipulation in political discourse. The article describes the most typical features characteristic to this speech tactic. The tactic of language game in political communication can be implemented in several ways: through the use of media images, metaphors, as the basics of creating comedy, understatement and allegories, playing on the last names and proper names.

O.V. Pratchenko, E.S. Khovanskaya, L.N. Uzmuhametova
**PHRASEOLOGICAL UNITS IN FOREIGNER'S SHEECH
 (IN TV SERIES "NCIS")**

Keywords: idiom, phraseological units, twisted phraseological units

The paper presents the study of the patterns of contextually transformed (twisted) phraseological units, in general, and in TV series, in particular, in order to achieve the speech identity of the character for whom English is not native. Replacement and omission of components, the literal interpretation of phraseological units, as well as contamination are considered as expressive means of creating a humorous effect in the series.

А.В. Проскурина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ ЛЕКСЕМ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: словообразование, гнездо однокоренных слов, фразеологизмы, семантика, языковая картина мира, сознание, культура.

В работе ставится цель выявить роль гнезда однокоренных слов с вершинным компонентом «язык» в формировании национальной картины мира русского народа. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы, выражающие отношение русского народа к языку посредством функционирования в них членов гнезда. Семантическое своеобразие фразеологизмов обуславливает их роль в создании системы мировидения русского народа и высвечивает особенности функционирования в них членов гнезда однокоренных слов с вершинным компонентом «язык» в русском языке.

П.Е. Топорков

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: предикатив, состояние, действие, глагол, синтаксическая деривация.

Данная статья посвящена анализу отглагольных предикативов - единиц, словообразовательно и семантически связанных с глаголами и в разной мере выражающих глагольную семантику. Выделены первичные и вторичные отглагольные предикативы, рассмотрена проблема синонимичности и взаимозаменяемости глагола и предикатива, а также особенности функционирования таких единиц в нелитературных формах русского языка.

П.Е. Топорков

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ В НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ПОДЪЯЗЫКАХ

Ключевые слова: семантика, коннотация, денотат, сигнификат, арго, жаргон.

В статье рассмотрены некоторые особенности реализации коннотативного компонента значения в нелитературных подъязыках. В частности, отмечены модификации на уровне понятийного содержания лексемы, модификации на уровне денотативных зон, а также модификации идеологического компонента значений.

А.В. Уразметова

ФИТОТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА США

Ключевые слова: топоним, фитотопоним, топонимика, США. Статья посвящена исследованию фитотопонимической лексики США. Разрабатывается классификация фитотопонимов в соответствии с природной зоной распространения растительности и ее типом. Проводится количественный анализ исследуемых единиц, в результате которого выявляется продуктивность семантических типов фитотопонимов, а также частотность ботанических номенов как компонентов топонимических единиц.

Б.Э. Хакимов

ОПЫТ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТАТАРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: тезаурус, терминология, информационные технологии, татарский язык, русский язык синонимия, языковая вариативность.

В статье представлены принципы моделирования двуязычного русско-татарского тезауруса ИТ-лексики, который представляет собой новый электронный информационный ресурс научного характера. Проанализированы особенности перевода ИТ-терминов на татарский язык, структурные особенности татарских терминов данной предметной области. Исследовано

A.V. Proskurina

FUNCTIONING OF THE STEM WORDS IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE THROUGH THE PRISM OF THE LINGUISTIC WORLD IMAGE OF HIS NATIVE SPEAKERS

Keywords: wordformation, family of stem words, phraseological units, semantics, linguistic world image, perception, culture.

The goal of this article is to identify the role of the family of stem words with the top component «language» in creating the national linguistic world image of the Russian people. The material the article is based upon are the phraseological units that express the Russian people attitude to the language through the functioning the family members in these units. Semantic individuality of phraseological units determines their role in creation the system of the Russian people world image and highlights the peculiarities of functioning in them the stem words with the top component "language" in the Russian language.

P.E. Toporkov

VERB-DERIVED PREDICATIVES IN MODERN RUSSIAN

Keywords: predicative, state, action, verb, syntactic derivation. This article contains the analysis of verb-derived predicatives - units derived from and semantically related to verbs. These units express verbal semantics in varying degrees. The author discusses primary and secondary verb-derived predicatives, the problem of synonymity and interchangeability of the verb and predicative, as well as the functioning of such units in non-literary varieties of Russian.

P.E. Toporkov

CONNOTATION IN NON-LITERARY LANGUAGE VARIETIES

Keywords: semantics, connotation, denotation, concept, argot, jargon.

The article discusses some features of the connotative component of the meaning in non-literary language varieties. In particular, the author discusses the semantic modifications at the level of conceptual content of the lexeme, modifications at the level of denotative zones distribution, as well as modifications of the ideological component of meanings.

A.V. Urazmetova

PHYTONYMS AS ELEMENTS OF THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE USA

Keywords: toponym, phytotoponym, toponymy, the USA. The article is devoted to the study of phytotoponymic vocabulary of the United States. A classification of phytotoponyms is being developed in accordance with the natural distribution zone of vegetation and its types. A quantitative analysis of the units under study is carried out, as a result of which the productivity of semantic types of phytoelements is revealed, as well as the frequency of botanical nomens as components of toponymic units.

B.E. Khakimov

EXPERIENCE OF THESAURUS MODELING OF TATAR IT TERMINOLOGY

Keywords: thesaurus, term, information technology, Tatar language, Russian language synonymy, language variability. The article presents the principles of modeling bilingual Russian-Tatar thesaurus of IT-vocabulary, which is a new electronic scientific information resource. The features of the translation of IT-terms into the Tatar language, the structural features of the Tatar terms of the subject area are analyzed. The phenomenon of variability as a characteristic feature of developing terminology is investigated, the features of

явление вариативности, как характерный признак развивающейся терминологии, выявлены особенности вербализации понятий ИТ-области средствами татарского языка. Выводы подкреплены статистическими данными из электронного корпуса татарского языка.

verbalization of it-area concepts by means of the Tatar language are revealed. The conclusions are supported by statistical data from the electronic corpus of the Tatar language.

Н.И. Хомутская, В.А. Будкина
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ
РАССКАЗОВ В. КАМИНЕРА

Ключевые слова: лингвострановедение, межкультурная коммуникация, короткий рассказ, эпоха, колорит.

В данной статье рассматриваются лингвострановедческие вкрапления в текстах рассказов писателя-иммигранта В. Каминера. Основу данных вкраплений составляют различные идеографические группы слов-реалий, характеризующих определённую эпоху жизни в Советском Союзе. Писатель предпринимает попытку противопоставления сфер жизни в Германии и СССР.

N.I. Khomutskaya., W.A. Budkina
LINGUISTIC CULTURAL INCLUSIONS IN THE TEXTS
OF THE STORIES OF VLADIMIR KAMINER

Keywords: linguistic and cultural studies, intercultural communication, short story, epoch, coloring.

This article discusses linguistic-cultural inclisions in the texts of the stories of the writer immigrant V. Kaminer. The basis of these inclusions is made up of various ideographic groups of reality words that characterise a certain epoch of life in the Soviet Union. The writer attempts to contrast the spheres of life in Germany and the USSR.

Н.К. Шангаева, Д.В. Эрдынеева, Д.Д. Эрдынеева
ПЕРЕДАЧА ФОРМУЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ БУРЯТСКИХ
НАРОДНЫХ СКАЗОК НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: бурятская сказка, французская сказка, традиционные формулы, способы перевода.

В статье представлен авторский перевод традиционных формул бурятских народных сказок на французский язык и проанализированы способы адекватной передачи языковых и культурных различий. Отсутствие опубликованных переводов бурятских сказок на французский язык подчеркивает актуальность исследования, результаты которого могут быть использованы в практической деятельности переводчиков бурятского фольклора.

N.K. Shangaeva, D.V. Erdyneeva, D.D. Erdyneeva
TRANSLATION OF FORMULAR CONSTRUCTIONS OF
BURYAT FOLK FAIRTALES INTO FRENCH LANGUAGE

Keywords: Buryat fairytale, French fairytale, traditional formulae, ways of translation.

The article presents the author's translation of traditional formulae of Buryat folk fairytales into French language. The ways of the adequate translation of linguistic and cultural differences are analyzed. The absence of the published translations of Buryat fairytales into French language causes the relevance of the study. The results of the latter can be used in the of translators' practice of Buryat folklore.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№11 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 03.12.2018

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

15,6 усл.печ.л. 17,9 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2390.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»